

Неделчо Ганчовский

ГЕОРГИЙ ДИМИТРОВ,

каким
я его видел
и запомнил

Неделчо Ганчовский

Георгий Димитров,

каким
я его видел
и запомнил

Неделчо Ганчовский

ГЕОРГИЙ ДИМИТРОВ,

каким
я его видел
и запомнил

Неделчо Ганчовский

ГЕОРГИЙ ДИМИТРОВ,

каким я его видел и запомнил

1

КНИГА

Москва
Издательство
политической
литературы
1979

66.61 (4Бл)
Г19

Сокращенный перевод
В. И. ГРЕБЕННИКОВА и *Н. Ф. ГУСЕВА*

Под общей редакцией
Г. А. ЧЕРНЕЙКО

Ганчовский Н.

Г19 Георгий Димитров, каким я его видел и запомнил. Кн. 1: Сокр. пер. с болг.— М.: Политиздат, 1979.— 383 с., ил.

Документальное повествование о последних годах жизни и деятельности выдающегося деятеля болгарского и международного коммунистического движения Георгия Димитрова издается в двух книгах. Книга 1 охватывает период с декабря 1945 г. по август 1947 г.

Автор — известный болгарский публицист, бывший секретарь Г. Димитрова — на основе своих дневников, стенографических записей, документов рассказывает о напряженной партийной и государственной работе руководителя Болгарской Коммунистической партии, о его встречах и беседах с соратниками и друзьями, с деятелями КПСС, международного коммунистического и рабочего движения, с работниками науки и искусства.

Книга Н. Ганчовского представляет интерес для широких кругов читателей.

Г $\frac{10302-142}{079(02)-79}$ БЗ—13—12—79 0901010000 **66.61(4Бл)**
ЗКИ1(092)

Введение

На работу в секретариат Георгия Димитрова я поступил в декабре 1945 г., спустя немногим более месяца после того, как он вернулся на родину, проведя 22 года в политической эмиграции: в 1923 г. Сентябрьское восстание потерпело поражение, и Г. Димитров вынужден был покинуть Болгарию. Сразу же после возвращения он развил бурную деятельность по осуществлению социальных преобразований в стране. Чтобы достичь больших результатов, предстояло проделать огромную работу, преодолеть неимоверные трудности.

Один товарищ подсказал мне прекрасную идею — записывать свои впечатления о жизни и кипучей деятельности Георгия Димитрова, и я стал накапливать фактический материал. С тех пор в течение последних трех с половиной лет жизни Георгия Димитрова я, насколько это было возможно, вел дневник. Сразу же должен оговориться, что записи делались нерегулярно, временами я записывал все до мельчайших подробностей и чуть ли не каждый день, а случалось, что и целую неделю не было времени открыть дневник. К тому же навык вести записи я приобретал постепенно, поэтому к концу дневника они получились более сжатыми, шире по охвату и глубже по содержанию; кое-где материал изложен в общих чертах, в других местах он больше насыщен непосредственными, живыми впечатлениями. У меня сохранилось много служебных записных книжек, в которых я фиксировал текущие дела, поручения, мне дававшиеся, детали, связанные с организацией встреч с различными людьми, т. е. все то, что касалось работы секретаря большого общественного деятеля и государственного руководителя. Сохранилось несколько застенографированных мною выступлений и речей Димитрова. У нас с Цвятко Банчевым, который поступил на работу в секретариат Димитрова несколько позже, выработалась привычка стенографировать выступления и речи Димитрова. Однако некоторые из стенограмм, представляющие источник известной информации, не расшифровывались, так как в тот момент в этом не было необходимости. Ряд расшифрованных мною

стенограмм, писем и докладных записок хранится в архиве Георгия Димитрова, что позволило мне использовать их при работе над этой книгой. Многие события я очень хорошо помню. О некоторых событиях и фактах, особенно совершенно секретных, я лишь упоминал в своих записках, чтобы потом, когда придет время, восстановить их либо по памяти, либо по документам. А для того, чтобы точнее отобразить те исключительно сложные и противоречивые события, свидетелями которых были немногие, я в годы работы над книгой вел продолжительные беседы (и по старой привычке застенографировал их) с болгарскими и иностранными деятелями.

На основе всего этого и написана данная книга, которая издается в двух томах.

Я старался как можно полнее показать жизнь и деятельность Димитрова в тот период великих преобразований в Болгарии, когда закладывались основы ее всестороннего социалистического развития; в период сложной международной обстановки, имевшей важное значение для судеб нашей страны, мира социализма и сохранения мира во всем мире; в период, когда имели место некоторые тяжелые по своим последствиям явления в международном коммунистическом движении. Так как прошлое в жизни Г. Димитрова важно для понимания более поздних событий, я посвятил ему много страниц. Я стремился показать Димитрова не изолированным от жизни, что было ему несвойственно, а в гуще событий, среди различных людей — от рядовых тружеников города и деревни до известных деятелей нашей страны и всего мира.

День жизни великого человека крайне насыщен: его заполняли встречи, беседы, собрания, заседания, телефонные разговоры, речи, высказывания. По записям нельзя полностью восстановить даже и один такой день. И я, естественно, не претендую на исчерпывающее отображение многогранной и исполненной динамизма деятельности Димитрова. Я рассказываю лишь о том, что видел и о чем нашел достоверные свидетельства.

Записи в дневнике начинаются с тех дат, которые проставлены при их составлении. По ходу повествования встречаются квадратные скобки. В них даются пояснения описываемых событий с учетом более поздних данных. Тексты друг от друга отделяются интервалом и курсивом начальных слов.

Часть первая

Первая встреча с Георгием Димитровым; Лейпцигский процесс и современность; в гостях у Николая Хрелкова; за укрепление единства Отечественного фронта; дружественный совет и недружественные дела; Васил Коларов; Трайчо Костов; маршал Толбухин; законодательная деятельность; учиться управлять; Тодор Живков; подготовка к широкому политическому наступлению

Это было 17 декабря 1945 г., в понедельник, начало недели и моей жизни на новом поприще.

Ко мне в кабинет в здании ЦК РМС[1] на улице Ракра, 14, неожиданно вошел Живко (Живко Живков — один из руководящих работников, заведующий отделом кадров ЦК РМС). В ЦК РМС я возглавлял сектор марксистско-ленинского просвещения. Ездил в служебные командировки, участвовал в совещаниях, готовил документы и время от времени выступал со статьями в газете «Младежка искра». Немногим более месяца назад мне исполнилось 25 лет. К тому времени я год был студентом высшего учебного заведения, а затем три года «проходил университетский курс» в тюрьмах для политзаключенных в фашистской Болгарии. Я считал, что завершил полный курс высшего образования, но профессора этого не признавали. Живко сообщил мне, что нужно немедленно пойти к секретарю ЦК партии по оргвопросам Чанкову. Мы оба хорошо знали его, так как вместе с ним сидели в тюрьмах, и в разговоре между собой не было необходимости называть его товарищ Чанков. «Зачем?» — спросил я с недоумением. «Затем,— серьезно сказал Живко,— что ты идешь работать вторым секретарем товарища Димитрова». Для меня это было, конечно, большой неожиданностью, прозвучало как гром средь ясного неба, хотя я еще не мог понять всего значения этого. Я сразу отправился на улицу Врабча, 10, где находилось здание Центрального Комитета Болгарской рабочей партии (коммунистов). Секретарь ЦК стал объяснять, что меня на-

[1] РМС — Рабочий молодежный союз.

правляют секретарем к товарищу Димитрову, что там придется много работать, что я очень робок и нужно быть посмелее, что там я многому научусь. В свою очередь я заявил, что эта работа очень ответственная, что у меня нет никакого опыта и мне будет нелегко справиться. «Научишься в процессе работы»,— сказал он. Затем разъяснил, как связаться по телефону с секретарем товарища Димитрова Асеном Григоровым.

Я тотчас же позвонил Григорову (вместе с ним мне тоже пришлось сидеть в фашистских застенках). Он сказал, чтобы я немедленно отправился к Димитрову на дачу, и объяснил, как туда добраться: нужно было трамваем № 5 ехать до остановки Горнобанская, затем пройти метров двести. «На правой стороне улицы,— продолжал Григоров,— увидишь милиционера и там войдешь во двор дачи».

У меня не было времени обдумать все это, я сразу отправился в с. Княжево. Но попасть в трамвай № 5 в те годы было непросто. На трамвайной остановке на площади Святого воскресенья уже образовалась длинная-предлинная очередь. Трамваи ходили редко. Нужно было долго ждать.

В центре Софии мне бросилась в глаза ужасная картина. Как известно, в такие часы и дни человек запоминает каждый свой шаг. Вероятно, поэтому у меня было такое обостренное внимание. Это было зрелище, напоминающее Дантов ад. Вокруг площади все было разрушено, словно тут прошел тайфун, все опустошивший на своем пути. Это были развалины после бомбардировок Софии в 1943—1944 гг., последствия которых теперь предстояло ликвидировать антифашистскому правительству.

В трамвае я размышлял о том, что значил Димитров в моей жизни. В моем воображении он был великим, но ясно представить себе я его не мог.

О жизни и деятельности Георгия Димитрова я знал очень давно. Можно сказать, что мое формирование как личности еще с отроческих лет проходило под его влиянием. Мы читали таинственную для нас «Коричневую книгу»[1] и передававшийся из рук в руки текст речи Димитрова на Лейпцигском процессе. Нас восхищал его легендарный героизм, и поэтому мы приравнивали его к мифическим героям античности. Затем стало известно о «новом курсе», «димитровском курсе» в партии и в РМС, о том, что товарищ Димитров — вождь нашей партии. Мы жадно читали его доклад на VII конгрессе Коммунистического Интернацио-

[1] Речь идет о «Коричневой книге о поджоге рейхстага и гитлеровском терроре», вышедшей в свет 1 августа 1933 г. Книга была подготовлена к печати Международным комитетом помощи жертвам германского фашизма при содействии немецких антифашистов.— *Прим. перев.*

нала, нелегально доставленный в Болгарию. На конспиративных встречах обсуждали его указания о Народном фронте и Едином фронте против фашизма и войны. И, по правде говоря, гордились тем, что наш, болгарский товарищ стоит во главе всемирного союза коммунистов. В годы войны до нас, томившихся в тюрьмах, доходили его советы развертывать борьбу шире и более умело. Спустя немногим более месяца после того, как Димитров возвратился из эмиграции в Болгарию, я, находясь тогда в г. Исперихе, куда был направлен уполномоченным ЦК РМС для участия в организации предвыборной кампании, слушал его речь, передававшуюся по Софийскому радио. Но кафе, в котором я слушал его речь, было так переполнено людьми, сидевшими в табачном дыму, а речь так оживленно комментировалась присутствовавшими, что я не мог полностью расслышать ее.

И вот сейчас я ехал к нему. Это мне казалось чем-то невероятным.

Когда трамвай подъезжал к остановке Горнобанская, я оглядел свою одежду, чтобы увидеть, в каком виде явлюсь к Димитрову. Я сразу же подумал, что осрамлюсь: на мне были старый, поношенный костюм, не знавший утюга, вероятно, с тех пор, как вышел из рук портного, помятая рубашка без галстука, давно не чищенные ботинки и поношенное пальто. Но если бы даже захотел надеть что-нибудь лучшее, я все равно не смог бы этого сделать — другого костюма у меня не было, в моей холостяцкой квартире едва ли нашлась бы чистая рубашка. Мне стало смешно, так как на мой неприглядный внешний вид не обратили внимания ни секретарь ЦК, ни Живко Живков. У нас, подумал я про себя, одинаковые взгляды — взгляды людей нашего поколения, нашего времени. Мы считали, что внешний вид и форма не имеют значения, а важно содержание, что настоящему человеку не к лицу суета, связанная со сменой фасонов одежды и причесок.

Я сошел с трамвая и без особого труда нашел железную ограду, около которой стоял милиционер. Постовой был предупрежден и открыл мне железную калитку. Дальше двор с садом-парком, двухэтажная дача; у входа меня встретил молодой человек и проводил в здание. Я снял пальто и, миновав холл, оказался в кабинете. Там меня встретил приветливой улыбкой Асен Григоров, который поздоровался со мной как старый знакомый и хороший друг.

— Здравствуй, Неделчо, садись, пожалуйста! Подожди немного! — любезно сказал Григоров.

Я присел на табурет и начал просматривать бюллетень, предложенный мне Григоровым. Но был в таком напряженном

состоянии, что не мог ни сидеть, ни слушать, ни читать. Осмотрел все вокруг — ведь потом нужно будет обо всем рассказать друзьям. На стене висели портреты основоположников марксизма-ленинизма, а под ними — портрет поменьше — Деда (Благоева) [1]; посередине небольшой комнаты стояло большое бюро.

Через несколько минут в противоположном конце холла открылась дверь, и к нам направился Георгий Димитров. Он шел по ковру, а я внимательно разглядывал его. Ему было 63 года. Это был представительный и внушающий уважение человек, подтянутый, с плотной фигурой, с уверенной и энергичной походкой. Увидев меня, он слегка улыбнулся и в знак приветствия махнул правой рукой. Я встал.

— Вы уже прибыли? — спросил он и подал мне руку. Я не помню, что ответил, да и ответил ли вообще.

Он продолжал спрашивать, сохраняя сердечный, приветливый тон:

— Будем вместе работать, да?

— Да, товарищ Димитров,— произнес я, лишь бы что-то сказать.

Затем он сказал нам:

— Сразу распределите обязанности. Вы,— обратился он ко мне,— будете выполнять поручения по линии Народного собрания, а Григоров — по линии ЦК. Вы объясните ему,— сказал он Григорову,— в чем заключается эта работа.

«Он обращается к нему на «вы»,— удивился я про себя.— К тому же в тоне его голоса нет никакой повелительности».

Димитров сел за бюро, и я присел на табурет. Я начал что-то делать, но все мое внимание было приковано к нему. У Димитрова были поседевшие, редкие, артистически зачесанные назад волосы, огромный лоб, пышные черные усы, кожа лица была особенной — розовато-белой, большие глаза, которые излучали доброту, светились огнем. Уже с первого взгляда Георгий Димитров производит неотразимое впечатление красивого, мужественного человека.

19 декабря 1945 г., среда

Вчера вечером я был свидетелем небольшого эпизода, который дал мне возможность увидеть близко Димитрова и узнать некоторые новые данные его биографии.

Недавно Димитрову прислали анкету из I районного комитета БРП(к) Софии. Каждый коммунист должен был заполнить

[1] Димитр Благоев (Дед) — основатель и руководитель марксистской партии рабочего класса Болгарии.— *Прим. перев.*

ее для оформления своего членства в партии. И вот вчера вечером товарищ Димитров заполнил анкету — он диктовал ответы машинистке. Потом проверил написанное в анкете, поставил дату и подпись. Вот эта анкета и его ответы:

Фамилия. Имя. Имя по отцу — Михайлов Георгий Димитров.
Образование — Два класса прогимназии.
Профессия — Наборщик.
С какого года являетесь членом БРП(к)? — Член партии без перерыва с 1902 г. [!]
Какие занимал выборно-партийные посты, когда, где? — С 1909 г.— по настоящее время — член ЦК. С 1913 по 1923 г.— депутат, общинный и окружной советник; сейчас — депутат Народного собрания 26-го созыва.
Являетесь ли членом профсоюза? — Да.
Социальное положение — рабочий, крестьянин, служащий, интеллигент — Рабочий.
Каким владеешь имуществом? — Никаким.
Социальное происхождение — Из рабочей семьи.
Участвовал ли в Сентябрьском восстании в 1923 г. и в качестве кого — бойца, командира? — Один из руководителей.
Участвовал ли в повстанческом движении в 1941—1944 гг. и в качестве кого — бойца, командира, политического работника? — [Здесь было поставлено тире; он не нашел, как определить степень своего участия, ибо она действительно как-то не укладывалась в эту графу.]
Был ли осужден за революционную деятельность, когда, где и на сколько лет; сколько лет сидел в тюрьме? — В 1912 г.— один месяц; в 1917 г. [1] — на три года строгого тюремного заключения; в Германии с 9 марта 1933 г. по 27 февраля 1934 г. [Он не упомянул о 2 смертных приговорах в 1923—1925 гг. и некоторых других суровых приговорах, вынесенных ему заочно в этот период, а указал лишь время, когда сидел в тюрьмах.]
Как вы вели себя в полиции, на суде, в тюрьме, в концлагере? — [Снова прочерк. Прочитав вопрос, он задумался, затем махнул рукой — пусть так и останется. Думаю, что я понял его — на вопросы в этой графе отвечают стереотипно — плохо, хорошо или добавляют какое-либо примечание. Ему же не хотелось давать характеристику своему поведению.]
Кем работал накануне 9.IX 1944 г.? — Работник ЦК БРП и депутат Верховного Совета СССР [И только!]
Трудовая деятельность — До 1905 г.— наборщик в разных типографиях. С 1905 по 1907 г.— делопроизводитель синдикального

---

[1] Так в тексте.— *Прим. перев.*

союза. С 1907 по 1927 г.[1] — секретарь синдикального союза; с октября 1923 г. по январь 1924 г.— редактор газеты «Работнически вестник», издававшейся в Вене; с 1924 г. по март 1933 г.— член Исполкома Коминтерна; с 1935 по 1943 г.— Генеральный секретарь Коминтерна.

Дата: 18.XII 1945 г. Подпись: *Г. Димитров.*

В эти минуты я наблюдал за товарищем Димитровым и с интересом и волнением слушал его ответы. В его действиях не было суеты. Он был необычайно скромен. Не важничал. Человек, показавший образец героизма, достигший вершин на общественном поприще и стяжавший всемирную славу, он в своих ответах стремился не выделять выдающиеся страницы своего прошлого и не подчеркивать свое высокое положение в настоящем.

Он сидел на стуле за бюро, облокотившись, слегка расслабившись, и, несмотря на повышенную температуру, был в хорошем настроении. Когда надо было подумать над некоторыми ответами, брал сигарету (курил и трубку), которая лежала на пепельнице, что-то чертил красным толстым карандашом на чистом листе бумаги (привычка делать это, когда что-либо обдумывал). Когда о чем-то размышляет, то сжимает губы и шевелит ими, напрягает мускулы лица. У него красивые, большие, белые руки. Темно-карие, влажные, я бы сказал, всевидящие глаза. Его облик олицетворял мужество, благородство и доброту. Известно, что при встрече с человеком, ставшим легендой, легко может наступить разочарование. Мне было приятно, что он именно такой, каким я его себе представлял.

Товарищ Димитров прекрасно говорит по-болгарски; чувствуется лишь слабый акцент — точнее, иногда он употребляет русские слова. Этот факт удивил меня, т. к. большинство вернувшихся из СССР эмигрантов говорили по-болгарски плохо, а некоторые (те, что жили среди русских) почти забыли его. Хорошо говорил по-болгарски и товарищ Васил Коларов.

[Аналогичную анкету Георгий Димитров заполнял ровно через год. В ней уточнялись и дополнялись сведения, содержавшиеся в прежней анкете. На этот раз личный листок по учету кадров был составлен отделом кадров ЦК партии. Георгий Димитров заполнил его сам и передал нам для отправки в отдел кадров. Вот некоторые вопросы и ответы:

1. *Фамилия, имя, имя по отцу* — Михайлов Георгий Димитров. [Его фамилия — Михайлов, а имя по отцу — Димитров. Но с давних пор он известен как Димитров, а не Михайлов. Во

[1] Так в тексте.— *Прим. перев.*

время его пребывания в эмиграции в СССР советские товарищи, у которых принято обращаться по имени и отчеству, начали употреблять при обращении к нему не совсем точное, но удобное «Георгий Михайлович». Так его фамилия превратилась в отчество, а затем многие из-за неосведомленности стали путать и путают, принимая его фамилию «Михайлов» за его имя по отцу.]

2. *Дата рождения* — 18 июня 1882 г. в с. Ковачевцы Радомирской околии. [Село Ковачевцы является лишь местом рождения. Его родители были беженцами из Пиринской Македонии — части Болгарии, все еще находившейся в то время под турецким игом. Они временно поселились в с. Ковачевцы — на освобожденной от турок территории Болгарии, откуда переехали в гор. Радомир, а затем в Софию.]...
5. *Национальность* — Болгарин.
6. *Социальное происхождение* — Из рабочих.
7. *Основная профессия (занятие) и стаж* — Наборщик с 1895 по 1905 г.
8. *Социальное положение* — Общественный деятель.
9. *Партийность* — Коммунист.
10. *Где и в какой организации принят в члены БРП(к)?* — В Софийской.
11. *Партийный стаж* — С 1903 г. [В анкетах указываются разные даты. В действительности он был принят в члены партии в 1902 г.]
20. *Образование* — Незаконченное среднее. [Разница в сравнении с ответом в первой анкете условна, так как здесь употреблено русское выражение о среднем образовании.]
23. *Каким иностранным языком владеете и как?* — Хорошо... русским и немецким.
24. *На вопрос об эмиграции ответил для краткости так:* — С октября 1923 г. по ноябрь 1945 г. — в Советском Союзе. (Хотя немало времени жил в Австрии, Германии и других странах.)...
26. *Участвовал ли в Сентябрьском восстании 1923 г., где и в качестве кого?* — Участвовал в качестве руководителя штаба восстания.
27. *Участвовал ли в партизанском движении и в подпольной работе в 1941—1944 гг., в качестве кого и где?* — Помогал из Москвы. [Он написал так, но фактически издалека руководил борьбой народа!]
28. *Подвергался ли преследованиям, арестам?* — В Болгарии арестовывался много раз, трижды подвергался тюремному заключению. В Германии — в 1933—1934 гг. Лейпцигский процесс...

31. *Как вел себя перед лицом врага?* [И здесь вместо ответа — прочерк. Можно было подумать, что он хочет сказать: это известно; но ведь были широко известны и многие другие данные его биографии, которые он здесь приводил. Это еще раз говорило о том, что он был скромен, не любил выделяться и не был тщеславен.]

32. *На какой партийной и общественной работе и службе был накануне 9.IX 1944 г. и где?* — В Москве, член Загранбюро партии [только это!].

Один экземпляр анкеты мы отправили в I районный комитет партии, а второй — в ЦК партии. На основании этой анкеты райком партии выдал ему партийный билет, а в отделе кадров ЦК заведено личное дело под номером один.]

В тот же день, в понедельник, к вечеру товарищ Димитров почувствовал недомогание, у него поднялась температура,— видимо, он простудился. Врачи рекомендовали ему не выходить на улицу. Вчера и сегодня он никуда не выходил. Сегодня долго работал в кабинете — вносил последние поправки в проект своей речи в Народном собрании. Часов в одиннадцать к нему в кабинет вошла Роза Юльевна — так по русскому обычаю называли его супругу. Это довольно полная, румяная, энергичная женщина лет сорока шести. Она пытается говорить по-болгарски.

— Георгий, нали (ведь) врачи запретили!

Он посмотрел на нее и улыбнулся.

— Запретили выходить на улицу, а я,— он развел руками,— я нахожусь дома.

Роза Юльевна — ее девичья фамилия Флайшман — вторая жена Димитрова. Она родилась и выросла в Чехословакии, где участвовала в коммунистическом движении.

Его первая жена — Люба (Любица) Ивошевич-Димитрова — была поэтесса, профсоюзный деятель, революционерка. Она умерла в эмиграции. В семье Димитрова жили приемные дети — сын и 14—15-летняя девочка — китаянка Фаня, дочь видного деятеля Коммунистической партии Китая. (От первого брака у Димитрова не было детей, а единственный ребенок от второго брака Митё (названный так в честь дедушки Димитра) в 1943 г. в семилетнем возрасте умер от дифтерита... Родители очень переживали: для них это был тяжелый удар...)

До обеда я работал в резиденции Димитрова в Княжеве. Но у него была резиденция и в Софии. Товарищ Димитров поручил мне поехать после обеда в Народное собрание и затем проинформировать его о заседаниях. Там я присутствовал впервые. Это было второе заседание недавно избранного Народного собрания. Первое заседание состоялось 15 декабря, почти через

месяц после выборов. Оно было официально открыто чтением так называемой тронной речи[1] (Болгария формально была все еще монархией и имела регентов); было избрано Бюро Народного собрания в составе: Председатель — Васил Коларов и заместители Председателя — Георгий Трайков (БЗНС) и Петр Попзлатев («Звено»).

Я сидел в ложе партера слева от главного входа, и с любопытством наблюдал и слушал. Парламентские группы разместились в зале весьма своеобразно — депутаты от БРП(к) сидели не слева (как обычно), а их многочисленная группа занимала места в центре; справа находились депутаты от «Звена»; между ними и нашей парламентской группой — депутаты от БЗНС, а с левой стороны сидели радикалы и социал-демократы. Вот так расположились представители всех пяти партий управляющего страной Отечественного фронта. Депутатам-коммунистам было бы лучше сидеть слева, но, так как никто не хотел занимать места справа, парламентарии пошли на компромисс — размещение групп в зале считать условным, не придерживаться классической парламентской практики. Оппозиция не была представлена — она решила бойкотировать выборы.

Началось чтение проекта регламента повестки дня обыкновенного Народного собрания 26-го созыва и прения по нему. От парламентской группы БРП(к) выступил д-р Иван Пашов.

— Впервые в нашей политической истории,— заявил он,— проводятся свободные выборы.

Сегодня продолжались прения по проекту регламента. Все выступившие депутаты признали, что выборы проходили в условиях небывалой прежде свободы. [Спустя несколько дней Петко Стоянов, один из видных деятелей «Звена», министр иностранных дел, был очень категоричен в своих высказываниях:

— Немногие страны в Европе могли бы похвастаться такой свободой печати, как в Болгарии.

А Георгий Димитров сразу же бросил ироническую реплику:

— Таких терпеливых, как мы, нет.]

К вечеру я возвратился в Княжево и сообщил товарищу Димитрову о том, как проходили заседания. Потом продолжался мой рабочий день. Впрочем, рабочим днем его можно было назвать довольно условно. Как и во всех учреждениях, мы начинали работать в 8 часов утра (товарищ Димитров приходил в кабинет в 9 или 10 часов), а заканчивали ночью. Для этого, несомненно, требовалась большая выдержка.

---

[1] Тронная речь была произнесена от имени регентского совета.— *Прим. перев.*

Возвращаясь с работы поздним вечером, мы, естественно, говорили о товарище Димитрове. Асен Григоров поделился со мной своими впечатлениями:

— Ты видел его глаза? Меня больше всего поражают его глаза. Они притягивают к себе, берут в плен. Большие глаза, которые прямо смотрят на тебя и завораживают.

Григорову уже 42 года, он опытный работник, отлично стенографирует и печатает на машинке, один из известных наших эсперантистов. До недавнего времени он работал секретарем секретаря ЦК партии Трайчо Костова. Когда зашла речь о назначении на должность секретаря Георгия Димитрова опытного работника (до этого здесь недолго работал молодой товарищ, но скоро стало ясно, что он не подходит), товарищи вспомнили о Григорове. Он не из тех, кто любит шуметь; это тихий, деликатный и пунктуальный человек, обладающий большой работоспособностью и внутренней дисциплиной. Еще весной 1941 г. он был посажен в тюрьму: ему вынесли приговор как сотруднику технического аппарата ЦК партии вместе с легендарным народным героем Владо Георгиевым. В тюрьме он прошел большую политическую школу. Я обязан ему неожиданным зачислением на должность секретаря Димитрова. Дел прибавлялось, нужен был еще секретарь, начали подбирать кандидатуру. Тогда Григоров предложил:

— Давайте возьмем Неделчо.

— Какого Неделчо?

— Ганчовского, работает в ЦК РМС, стенограф, бывший политзаключенный.— И, как полагается в таких случаях, сказал несколько похвальных слов в мой адрес. Ведь нужно было обосновать это предложение. И оно было принято.

20 декабря 1945 г., четверг

Я тружусь здесь уже четвертый день, эта работа меня все больше увлекает. Мы отвечаем на непрерывные телефонные звонки, организуем встречи и заседания, стенографируем, отправляем обширную корреспонденцию. Конечно, все это делает главным образом Григоров, а я пытаюсь помогать и внимательно наблюдаю за всем, что вокруг меня происходит.

Петков (Моряк) [1] рассказал мне о первых днях пребывания товарища Димитрова на родине:

— Он просто жаждал общения с людьми. Как только кто-либо из его старых знакомых даст знать о себе, он сразу хочет увидеться с ним и при встрече заключает его в объятия.

[1] Никола Петков (Моряк) — начальник охраны Г. Димитрова.— *Прим. перев.*

Товарищ Димитров постоянно стремится к контактам с людьми. А поскольку он не только выдающийся общественный деятель, но и человек, поддерживающий широкие личные связи с людьми по всей стране, ему по сей день продолжают поступать поздравления по случаю его возвращения на родину — либо по телефону, либо в письмах и телеграммах. Я с большим волнением просмотрел папки с поступившими письмами и телеграммами. Уже получено свыше 3500 приветственных писем и телеграмм. Откуда они только не поступили! Их прислали из разных районов Болгарии, представители самых различных слоев общества: от организаций БРП(к), земледельческих дружб[1], комитетов Отечественного фронта, местных организаций союза «Звено», известных общественных деятелей и деятелей культуры, старых друзей, от неизвестных ему людей, от участников митингов и собраний... В письмах и телеграммах выражена такая неподдельная сердечная народная любовь, что их нельзя спокойно читать; некоторые являются настоящими жемчужинами народного творчества, особенно трогательны приветственные слова ветеранов борьбы, его старых боевых друзей и товарищей.

«Крепко обнимаю тебя, старый товарищ,— любовно обращается к нему старый коммунист Иван Колинкоев,— горячо целую и со слезами радости поздравляю с возвращением на любимую твою и нашу болгарскую родину».

«Общее собрание жителей села Кромидово Петричской околии, прошедшее под руководством коммунистов и земледельцев, горячо поздравляет Вас с возвращением на родину. Сейчас дело болгарского народа, призванного построить демократическую, сильную и процветающую Болгарию, становится еще более прочным. Стоян Костадинов, секретарь парторганизации БРП(к), Тодор Янакиев, секретарь сельской дружбы БЗНС».

Священник из бургасского села пишет: «Я испытываю большую радость, приветствуя Вас с прибытием на нашу дорогую родину».

«Старый обувщик, борец за свободу Вылчо Нешев из Кулы поздравляет Вас как самого великого болгарина».

«Дорогой товарищ Георгий, мы с трепетом ждали твоего прибытия на родину. Первую твою речь я слушал в провинции, а последнюю — в театре. Я и многие старые члены партии хотели пожать тебе руку, но было неудобно. Нанё Петровский».

Товарищ Димитров относился с большим вниманием к каждому приветствию. Когда я приносил ему только что полученные телеграммы и письма, он просматривал их всегда с карандашом

---

[1] Дружба — первичная организация Болгарского земледельческого народного союза.— *Прим. перев.*

в руке; остановит взгляд, прочтет какое-нибудь имя, подчеркнет его, задумается, улыбнется или же скажет:

— Петровский! Колинкоев! Да! Живы и здоровы! Старые товарищи...— и снова начнет читать телеграммы и письма.

Возвращение Георгия Димитрова на родину вылилось в демонстрацию любви к нему со стороны народных масс, вызвало ярость противников. Напуганные ростом его авторитета и популярности, оппозиционные газеты злобно набросились на него и попытались опорочить, скомпрометировать, ослабить его влияние на массы. Еще 11 ноября газета «Знаме» (черное) [1] хотела опубликовать клеветническую статью против Димитрова. Но печатники отказались ее набирать, заявив, что не потерпят клеветы в адрес Георгия Димитрова. Позавчера сообщалось, что редакция этой газеты сумела найти типографию и печатников и возобновила выпуск своей газеты. Очернить Димитрова намеревалась и газета «Зелено знаме», пытавшаяся в статье, подготовленной в связи с приездом Георгия Димитрова на родину, сохранить такую фразу: «С каким заданием он прибыл, народ не знает». Рабочие-печатники отказались набрать этот текст.

В защиту Димитрова выступили люди, олицетворявшие совесть страны. Поэт Младен Исаев написал эссе «Исторический вечер», в котором рассказал о впечатлениях от первой речи Димитрова на родине — в Народном театре. С яркой речью по радио выступил министр информации и искусств Димо Казасов [2], который сказал: «Болгарский народ не позволит запятнать имя, авторитет и славу своего Георгия Димитрова».

30 ноября Димитров через печать выразил благодарность всем, кто поздравил его в связи с возвращением на родину. Он заверил народ, что, несмотря на неприязнь врагов, будет продолжать работать ради торжества дела Отечественного фронта и прогресса Болгарии. Своим противникам он ответил так: «Надеюсь, что у врагов нашего народа будет немало случаев еще больше разочароваться, чем это было в момент моего возвращения на родную болгарскую землю».

---

[1] Ряд оппозиционных газет назывался народом по-своему, в зависимости от цвета краски, которым печатались их названия. Газету «Знаме» — печатный орган Демократической партии во главе с Мушановым и Гиргиновым, защищавшую интересы крупного капитала и царского двора,— прозвали «Черно знаме». Это была также оценка ее политического облика. А газета «Народно земеделско знаме» — орган оппозиционного Земледельческого союза во главе с Николой Петковым,— название которой печаталось зеленой краской, стала известна как «Зелено знаме».

[2] Он не принадлежал ни к одной политической партии.— *Прим. перев.*

С возвращением Георгия Димитрова на родину политическая жизнь в стране значительно активизировалась. Нужно было четко определить свое отношение к главным вопросам, стоявшим перед страной, занять более ясные позиции. К этому времени укрепился Отечественный фронт, резко ослабли центробежные тенденции в партиях Отечественного фронта, упрочились позиции здоровых сил в отдельных партиях, входивших в Отечественный фронт, и — это главный результат возвращения Димитрова — возрос авторитет Рабочей партии (коммунистов), яснее определилась ее роль как ведущей силы Отечественного фронта и народной власти.

Центральный Комитет партии возлагал на возвращение Димитрова большие надежды. Это особенно ясно выражено в письмах Трайчо Костова, посланных Георгию Димитрову в Москву.

9.X 1945 г. Трайчо Костов пишет Димитрову: «Мы с нетерпением ждем твоего приезда, так как обстановка в стране действительно очень осложнилась и крайне нужна твоя непосредственная помощь. Какое впечатление произведет твой приезд? Никто не подозревает, что ты вернешься накануне выборов, и никто еще не принимает этого во внимание».

В письме от 22.X1945 г. говорилось: «Вот почему я считаю, что твой скорейший приезд сейчас еще более необходим. Он полностью и окончательно прояснит положение, покончит со всяческими колебаниями и сомнениями и до небывалой высоты поднимет боевой дух и уверенность масс; в этот решающий момент нам будет нужна твоя непосредственная помощь».

В письме от 30.X1945 г. сказано: «Мы с огромной радостью будем ждать твоего скорого приезда. Какой подъем он вызовет во всей нашей партии и у всего нашего народа, с какой уверенностью все возьмутся за работу! И какое смятение и замешательство он вызовет в лагере врага!»

Мы рассказываем о времени, предшествовавшем периоду, который освещается в нашей книге, так как вместе с терпеливым читателем (лишь бы он был доброжелательным) нам предстоит пройти довольно долгий путь, требуется до конца выяснить обстоятельства, при которых будут происходить события и действия людей, о которых говорится в этой книге. А то пройдут годы, и наше время, и наши дни, опаленные пламенем борьбы, отойдут в прошлое, забудутся многие факты, имена, даты...

Я тоже хочу начать рассказ с 9 сентября 1944 г., ибо мы, все, что бы ни делали, свой отсчет ведем от этой даты.

Если Жан Жак Руссо, утверждавший, что в конце концов все связано с политикой, прав, то его правота стократ подтверждает-

ся и нашим 9 сентября. Вот уже год и четыре месяца у нас все обусловлено этим днем — днем рождения нашей свободы, началом нашей социалистической революции! Днем нашей победы, которая стала возможной в результате освободительной миссии Советской Армии. Приходилось ли вам слышать первый крик новорожденного, возвещающий о рождении новой жизни? Так победно-радостно воскликнул наш народ 9 сентября. В торжествующий возглас победы слились и накопившаяся в душе народа затаенная боль, и горечь, вызванная невзгодами и ненавистью к врагам. Двадцать один год назад, 9 июня 1923 г., были грубо попраны демократические права и свободы нашего народа, был осуществлен военный реакционный переворот, в результате которого было свергнуто правительство БЗНС и зверски убит Александр Стамболийский. Наступили годы реакции. Это были годы смертельной схватки народных масс с буржуазно-реакционными и фашистскими властями, годы восстаний и переворотов, побед и поражений, свирепого террора. В эти годы бесчисленное количество антифашистов было убито по приговору и без суда; производились массовые аресты, пытки с применением садистских методов, борцам за свободу отрубали головы и насаживали их на колья, матери оплакивали своих сыновей. Героизм и готовность к жертвам в борьбе, самоотверженность и беспримерная стойкость! Преданность идеалу! Неугасимая вера, что настанет светлый день и будет установлен разумный и справедливый общественный строй. И так в течение двадцати одного года! 9 сентября 1944 г. не просто пришло, а засияло как утренняя заря после беззвездной и безлунной ночи.

И сразу начались трудности... Бедная, разрушенная, ограбленная страна! Как трудно при таком положении претворять мечты в действительность!

Уже 9 сентября 1944 г. было сформировано правительство новой, народной власти, правительство Отечественного фронта, в которое вошли четыре партии: Болгарская рабочая партия (коммунистов), Болгарский земледельческий народный союз (БЗНС), Народный союз «Звено» и Болгарская рабочая социал-демократическая партия (БРСДП) (позднее и Радикальная партия, которая сохраняла старые традиции и имела небольшое влияние в стране). Но здесь нельзя недооценивать тот факт, что, хотя Отечественный фронт вначале состоял из четырех, а затем из пяти партий, он всегда представлял собою *нечто большее,* чем партийную коалицию, всегда был народным движением, фронтом народных масс! Его движущая сила — коммунистическая партия придает ему целеустремленность, обеспечивает проведение принципиальной политической линии, цементирует его.

Об Отечественном фронте и его партиях речь пойдет и дальше. Сейчас же хочется отметить одну особенность: в широких слоях общества восстановление буржуазных партий было встречено с недоверием — они настолько скомпрометировали себя, что появление их снова и даже вхождение в Отечественный фронт вызывали боязнь новой грызни, разброда, развала и разложения.

Программа Отечественного фронта была исторической — в ней выдвигалась задача спасти страну от катастрофы; вместе с тем была поставлена великая цель — гарантировать экономическое процветание и культурный расцвет, обеспечить независимость и свободу страны; приступить к осуществлению подлинного социального прогресса в условиях народной демократии. Одним словом, ее основная цель состояла в том, чтобы построить новую жизнь — жизнь, о какой мечтали наши поэты и какую предсказывали наши предки. Народ верил в эту другую, лучшую жизнь. В стране жила надежда на лучшее будущее! Были, разумеется, скептики и те, кто не верил; были и такие, кто ненавидел нас, но их было немного, они остались в одиночестве. Страна жила надеждой на лучшее будущее.

Однако отношение к Отечественному фронту было неодинаковым. В то время как народ глубоко проникся идеей единства, являвшегося средством избавления от всего того, что мешало осуществлению программы Отечественного фронта, в то время как его единство чаще всего было крепким, прочным снизу, наверху оно было шатким, там продолжали проявляться старые партийно-групповые привычки и возникать новые эгоистические тенденции. Многие лидеры политических партий за десятки лет, с тех пор, как их партии были распущены, ничему новому не научились. Внизу, среди народа, безраздельно господствовала власть радикального антифашизма, основу которой составляли коммунисты; наверху же внедрялась коалиционность со многими ее недостатками, расчетами занять министерские кресла, скрытыми надеждами на бóльший пай. Причем эта коалиционность разрасталась и все больше проникала вниз. Осенью 1945 г. она приняла угрожающие размеры и могла привести к отрыву некоторых партий от Отечественного фронта и его расколу, а наверху намечалась совсем противоположная тенденция — заниматься политиканством, соперничать, искать трещины... Многие не понимают противоречивости данного периода и рассматривают его однобоко.

Наша партия, которой принадлежит главная заслуга в достижении победы 9 сентября, которая на своих плечах вынесла вооруженную борьбу против фашизма, понесла тяжелые жертвы и была основной организованной силой народа, имела безусловно

самое широкое влияние в городе и деревне. В первом правительстве Отечественного фронта ее представители возглавляли лишь одно ключевое министерство — внутренних дел (разумеется, в первые месяцы после победы первостепенную роль играло и Министерство юстиции!). В правительстве оказались четыре постоянных представителя не левого крыла БЗНС, а, по существу, правые — Н. Петков и А. Дыржанский, реакционеры Петко Стоянов и Станчо Чолаков и такие деятели, как Дамян Велчев, которые не имели опоры в обществе, не пользовались его доверием. В регентском совете оказался противник общественного прогресса В. Ганев.

До 9 сентября 1944 г. Болгария официально была союзницей гитлеровской Германии (следует подчеркнуть, что Болгария не разрывала дипломатических отношений с СССР). В соответствии с Соглашением о перемирии, заключенным между представителями СССР, Великобритании и США, с одной стороны, и делегацией правительства Отечественного фронта — с другой, в стране находилась Союзная контрольная комиссия (СКК). В Софии обосновались военные миссии США и Англии. Присутствие частей Советской Армии в Болгарии, к которым мы относились с любовью, как к своим освободителям, первым союзникам и братьям (любовь болгарского народа к России традиционна!), стало фактором первостепенного политического значения.

Месяцы, последовавшие за победой, были насыщены активной деятельностью Отечественного фронта, народного правительства, партии, стремившихся прежде всего успешно завершить войну (это был залог обеспечения нашему народу достойного места среди других народов), в Болгарии состоялся небывалый по размаху и решительности судебный процесс над фашистскими правителями, прилагались энергичные усилия, направленные на восстановление разрушенного народного хозяйства, на проведение внешней политики — политики братства с СССР и новой Югославией, политики мира и сотрудничества со всеми странами. В то же время в стране действовали силы, стремившиеся подорвать единство, внести раскол, повернуть события вспять. Одни прилагали всесторонние усилия для обеспечения единства и сплоченности, ставили высокие цели и большие задачи, а другие противопоставляли этому нигилизм, консерватизм и реакционность.

Морально-политический авторитет Отечественного фронта был незыблемым и непререкаемым. Вне ОФ невозможно было рассчитывать на приобретение политического капитала. Реакция, правые силы, фашизм настолько скомпрометировали себя, что открыто не решались выступить. Они искали путь для подрыва Отечественного фронта изнутри.

Далее события развивались так.

Еще осенью 1944 г. были предприняты попытки захватить руководство БЗНС — второй массовой партии в Болгарии, противопоставить ее БРП(к), изолировать БРП(к), отвести ей роль обычного партнера; в результате этого ОФ и форма власти приобрели бы иной характер. Из Лондона возвратился лидер одного из течений БЗНС д-р Г. М. Димитров (Гемето), заочно осужденный в 1941 г. за шпионаж в пользу Англии. Сразу по прибытии в страну этот политикан попытался сколотить такое руководство БЗНС и навязать ему такой политический курс, которые способствовали бы превращению БЗНС в массовую опору реакции и проводника английского и американского влияния в Болгарии. В противовес лозунгу ОФ — принять участие в антигитлеровской войне, внести в нее свой вклад и защитить политический престиж Болгарии, д-р Г. М. Димитров начал тайно распространять демагогическое требование мира и настраивать недовольных солдат нарушать дисциплину. Он на словах выступал за ОФ, а на деле тайно формировал антикоммунистический фронт. Д-р Г. М. Димитров, получивший печальную известность под именем Гемето, скоро потерпел полное поражение. Его изгнали из рядов БЗНС и отдали под суд. Однако он сумел укрыться в здании американской военной миссии в Софии и потом бежал из страны. Геметовщина стала синонимом раскола, иностранной агентуры, предательства.

Но в политическую жизнь Болгарии стали уже вмешиваться военные миссии США и Англии и их политические советники. Их намерение заключалось в том, чтобы вызвать в стране раскол, собрать силы, способные свернуть Болгарию с пути 9 сентября и болгаро-советской дружбы, превратить ее в марионетку Запада. Образовался союз между силами внутренней и вмешивавшейся в наши дела внешней реакции, но не в форме открытой контрреволюции, а под флагом оппозиции Отечественному фронту, с помощью отколовшихся от БЗНС и БРСДП групп, постепенно превратившихся в оппозиционные партии.

Назначенные на 26 августа 1945 г. первые парламентские выборы не состоялись. Они были отложены из-за того, что две оппозиционные группировки потребовали иностранного вмешательства, обратились с пресловутой «петицией» к своим империалистическим покровителям. Англичане и американцы оказали на Болгарию сильный нажим. В нашей стране сложилась чрезвычайно сложная политическая обстановка. Поэтому правительство решило перенести выборы на 18 ноября.

Известную неустойчивость проявили и союзники коммунистов в Отечественном фронте.

Именно в те дни, когда шла подготовка к выборам, на родину вернулся Георгий Димитров. Он сразу же включился в предвыборную кампанию.

Боясь полного провала, оппозиционеры заявили, что будут бойкотировать выборы. Но, несмотря на их сопротивление, выборы состоялись. Результаты голосования свидетельствовали о сокрушительном поражении оппозиции — наш народ массовым участием в выборах, решительной поддержкой списков Отечественного фронта оказал ему полное доверие, его политике и программе. Он не пошел за реакционной оппозицией, наглядный урок получили колеблющиеся элементы внутри партий Отечественного фронта.

Было сформировано второе правительство Отечественного фронта, Председателем Совета Министров которого снова стал Кимон Георгиев.

Но сразу же начались новые осложнения, опять возникшие главным образом из-за вмешательства извне. О них пойдет речь дальше.

24 декабря 1945 г., понедельник

Прошло 12 лет с тех пор, как Г. Димитров произнес заключительную речь на Лейпцигском процессе в 1933 г. Арестованный по ложному обвинению в поджоге рейхстага, он из обвиняемого превратился в грозного обвинителя, приковавшего фашизм к скамье подсудимых; его речь имела большой резонанс во всем мире. Она и теперь весьма актуальна. В печати появились статьи, посвященные этой речи, а также отрывки из нее. В статьях говорилось о связи между Лейпцигским судилищем в 1933 г. и Нюрнбергским процессом 1945 г., на котором были осуждены нацистские военные преступники. Пожар в рейхстаге, спровоцированный Герингом и компанией, был сигналом к невероятным античеловеческим действиям. Димитров, над головой которого был занесен топор палача, предупреждал человечество об угрозе фашизма и гневно разоблачал гитлеризм. Теперь Геринг сидел на скамье подсудимых.

Со всех концов страны в адрес Димитрова поступило множество телеграмм, писем и резолюций с приветственными словами в связи с годовщиной Лейпцигского процесса. Особую активность проявили молодежные организации.

Мы складываем телеграммы и письма в папки и оставляем на бюро. Димитров при первой же возможности просматривает их, отдельные места подчеркивает карандашом, нередко ставит свои инициалы — это значит, что он прочитал их и они произвели на него впечатление.

20 декабря мы получили письмо от Борислава Дончева. Автор писал, что он член БРП(к), живет в Софии на улице Дунав, 32. Он сообщал, что 16.XII в 22 часа по болгарскому времени он слушал радиопередачу из Восточного Берлина, и «совсем неожиданно диктор сказал, что в студии Берлинской радиостанции группа немецких антифашистов нашла пластинки с записью Лейпцигского процесса и что по радио будет передана знаменитая заключительная речь товарища Димитрова по случаю 12-й годовщины со дня ее произнесения на Лейпцигском процессе. В своем вступительном слове группа антифашистов связала Лейпцигский процесс с нынешним, Нюрнбергским».

«Потом,— продолжал Б. Дончев,— была передана запись речи, и я мог послушать ее в оригинале, что меня глубоко взволновало; в свое время я следил за ходом процесса по газетам, а сейчас Вашу речь мог лично слышать в оригинале. Ввиду большого значения Лейпцигского процесса предлагаю, чтобы ЦК БРП(к) позаботился о немедленном приобретении этих пластинок или копий с них и передаче их в распоряжение партии и радио Софии. Их можно было бы передать и по радио Софии».

Письмо было адресовано ЦК БРП(к), а его копия — товарищу Димитрову.

Действительно, это была большая новость! Никто из нас до сих пор и не подозревал, что существует документальная запись процесса в Лейпциге. Если пластинки или ленты в самом деле сохранились, значит, мы располагаем бесценными историческими документами, являющимися незаменимыми свидетелями драмы и подвига! Мы с Григоровым прочли письмо и бесконечно обрадовались. О письме доложил Григоров.

— Товарищ Димитров,— сказал он,— нам кажется, что в письме есть сюрприз...

Услышав это, Г. Димитров оживился, взял письмо и начал внимательно читать. Рядом с текстом сделал карандашом две-три пометки. Письмо глубоко взволновало его. Закончив чтение, он немного задумался и затем написал в ЦК:

«1. Этот факт не лишне отметить в нашей печати.

2. Можно также попросить пленки (ленты.— *Н. Г.*) с записанной речью.

20.12.45.

Г. Д.».

Он поручил немедленно ответить автору письма и выразить ему благодарность. Уже на следующий день Асен Григоров написал Б. Дончеву ответ от имени товарища Димитрова: «Он Вас очень благодарит за Ваше ценное сообщение».

[Чтобы потом не возвращаться к этой теме, скажу, как дальше развивались события. Во второй половине октября 1948 г. в кабинет Г. Димитрова поступил пакет с сопроводительным письмом; посылка пришла из Берлина, лично от председателя ЦК СЕПГ, старого боевого товарища Г. Димитрова Вильгельма Пика. Письмо было на немецком языке, напечатанное на машинке:

«Берлин, 7 октября 1948 г.

Дорогой товарищ Димитров!

Сразу же по возвращении в Германию в 1945 г. я упаковал найденные на радиостудии пластинки о Лейпцигском процессе и послал их тебе в Москву через SMA[1]. Но я узнал, что пластинки ты не получил[2]. Поэтому я попросил записать второй экземпляр с пластинок на магнитофонную ленту и послать его тебе. Весь процесс от начала и до конца не записан, но самые важные части налицо; особенно полно записана твоя речь.

Предполагаю, что у вас есть магнитофон, чтобы прослушать запись на ленте.

Желаю крепкого здоровья тебе и Розе, а также другим болгарским друзьям, сердечно поздравляю тебя.

Твой *В. Пик*».

В декабре радио Софии объявило, что передаст часть этих записей. Это было большое событие. Все мы ждали его с интересом. Тогда и я услышал их.

Но по-настоящему большое волнение от знакомства с этим историческим документом я испытал через несколько лет, когда мне впервые удалось попасть в здание суда в Лейпциге, в зал заседаний. Теперь здесь музей Георгия Димитрова. После того как мы осмотрели музей, экскурсовод включил запись поединка Димитрова с Герингом. Голоса обоих противников звучали всего 7 минут, но эффект, особенно здесь, где разыгрывались события, был потрясающим. Твердый, мужественный голос подсудимого Димитрова как лавина подавлял писклявый тенор «всемогущего» властелина Геринга, который все больше становился беспомощным и в конце перешел на истерический крик. Высокая идейность и мораль Димитрова одержали верх над грубой фашистской силой. Начав записывать ход процесса, нацисты руководствовались собственными намерениями и не догадались выключить магнитофон, когда процесс обернулся против них. А техники с присущей немцам методичностью довели это дело до конца. Так история сыграла над нацистами злую шутку.]

[1] Сокращение не расшифровано.

[2] Отправка пластинок, по-видимому, совпала с отъездом Г. Димитрова из Москвы, и поэтому он не получил их.

Сейчас можно подробнее рассказать о вилле, где жил и работал Димитров. Она находилась на участке площадью 0,3—0,4 *га*. Вход на ее территорию, обнесенную железной оградой, был со стороны бульвара. Вдоль ограды росла буйная зелень, скрывавшая большую часть виллы. В передней части двора был расположен небольшой парк, где росли ели, сирень и много роз, а в задней — посажены фруктовые деревья и другие растения. Планировка виллы выполнена в типично болгарском стиле: просторный первый этаж и антресоли с тремя спальнями; окна выходили на юг; из виллы была видна гора Витоша. Во дворе — напротив входа — узкая комнатушка дежурного начальника охраны. При входе в виллу — несколько ступенек. В коридорчике справа находилась вешалка для одежды. Из него вход в холл. Слева — небольшой кабинет товарища Димитрова, отделенный от холла шторой. Справа — подвижная стена-дверь в гостиную, где стояли длинный стол посредине и стулья для 10—15 человек; здесь товарищ Димитров принимал посетителей. Из гостиной дверь вела в зимний сад — небольшую теплицу с растениями в горшочках — и в столовую — узкую продолговатую комнату, выходящую на северную сторону. Вдоль почти всего первого этажа тянулась большая терраса, обвитая зеленью.

В кабинете и в других помещениях висели портреты; в холле — родителей Г. Димитрова — бабушки Парашкевы и дедушки Димитра.

Вокруг виллы располагались плотным кольцом одноэтажные домики софийской окраины; по соседству справа находилась маленькая церквушка.

Как видно, площадь виллы немалая, а надлежащих условий для работы в ней не было. Кроме небольшого кабинета для помощников, места больше не было. Поэтому решили кабинет и канцелярию товарища Димитрова перенести в центр города. Но по соображениям безопасности их разместили не в здании ЦК на улице Врабча, 10, а в специально приспособленном для этой цели доме, находившемся на тихой улице Велико-Тырново, 5. Дом был двухэтажный. На первом этаже находился просторный темноватый холл, а на втором — помещение было разделено на две половины. В одной раньше было три спальни, а теперь их переделали в кабинет и приемную. В другой расположены три темные, узкие комнатки, приспособленные под рабочие помещения для помощников и машинистки. Домик находился среди более высоких жилых зданий, с верхних этажей которых было видно все, что делается в его дворе. Это беспокоило охрану, которая старалась принять различные меры предосторожности. Может быть, именно поэтому Георгий Димитров больше работал в Княжеве, хотя там

для этого и отсутствовали необходимые условия. В бедной и разрушенной Софии трудно было найти более или менее удобное и приличное помещение, где мог бы работать вождь народа; этот вопрос оставался открытым больше года.

27 декабря 1945 г., четверг

Прошедшие дни были напряженными. Рабочий день товарища Димитрова начинался утром и кончался поздней ночью. Он был заполнен множеством различных мероприятий: заседания Политбюро и Секретариата ЦК; затем — встреча с руководством Социал-демократической партии — одной из партий Отечественного фронта; далее — ужин с руководителями Народного союза «Звено», лидером которого был Председатель Совета Министров Кимон Георгиев; потом следовали прием делегаций, встречи и беседы с отдельными деятелями и дипломатами, с простыми людьми. К этому нужно добавить ежедневное участие в работе парламента — как в пленарных заседаниях, так и в его комиссиях. Товарищ Димитров был избран председателем парламентской комиссии по иностранным делам.

Два дня назад были опубликованы материалы состоявшегося 14 декабря IX пленума ЦК БРП(к) — первого пленума с участием Георгия Димитрова, проведенного после 9 сентября 1944 г. Он произнес заключительную речь и потом работал над ее стенограммой. Пленум рассмотрел политическое положение в стране, обсудил и наметил меры по дальнейшему укреплению народной власти и сплочению Отечественного фронта, изоляции оппозиции; указал на необходимость проведения экономической и финансовой политики и строительства в интересах широких народных масс; были одобрены резолюция об организации в партии марксистско-ленинского просвещения, а также инструкция о приеме в партию новых членов.

Вчера вечером товарищ Димитров закончил работу над текстом речи на пленуме и передал ее нам для публикации в печати. Текст краткий — несколько машинописных страниц. В нем исключительно ясно определены главные задачи и тактика партии и Отечественного фронта; он также обращает внимание на основные недостатки. На первом месте, естественно, стоит вопрос о нашем отношении к Отечественному фронту, создании прочного единства в его рядах.

«...Отечественный фронт, его Национальный комитет и местные комитеты, как народное движение, являются опорой и движущей силой и парламента, и правительства, и всего нашего демократического развития. Нельзя допускать какого бы то ни

было ослабления работы комитетов Отечественного фронта под тем предлогом, что теперь есть Народное собрание, ибо при существующем положении это было бы серьезным шагом назад»[1].

Далее Димитров говорит о необходимости оживить деятельность Национального и местных комитетов Отечественного фронта, главная задача которых — «сохранить, упрочить это единство народа против реакции, за обеспечение свободы и демократии в нашей стране»[2], чтобы комитеты фронта в селах и городах «укреплялись как народные органы — инициативные, мобилизующие, контролирующие и работающие»[3].

Затем освещается вопрос о наших взаимоотношениях с партиями-союзниками: «Мы управляем вместе с другими партиями, с которыми находимся в союзе через Отечественный фронт. Мы не можем без них, так же как и они не могут без нас... Мы должны их принимать такими, каковы они есть, а не такими, какими мы их желали бы видеть»[4].

Далее следует заповедь: «Мы должны научиться управлять государством»[5]. Развивая этот тезис, товарищ Димитров отмечает и показывает, какими должны быть наши кадры, наша партия, каким должно быть наше государство:

«Особенно важно для нас — как можно лучше подготовить свои кадры: специалистов, людей, разбирающихся в вопросах экономики, в военных вопросах, в вопросах просвещения, кадры, которые находятся на своем месте, которые учатся и растут... Кадры.., которые прислушиваются к дружеской, товарищеской критике и работают над собой с утра до вечера, постоянно учатся и идут вперед. Нельзя терпеть на руководящих постах в партии болтунов и фразеров.

...Мы должны развивать, укреплять высокопартийную мораль, партийную дисциплину, хранить чистоту партии как зеницу ока. Для члена партии нет большего преступления, чем очернить себя и партию. Необходима железная дисциплина, строгое выполнение партийных решений, подчинение личных интересов общим интересам партии»[6].

14 декабря эта речь напечатана. Она занимает половину второй страницы в газете «Работническо дело». Из разговоров с некоторыми близкими товарищами я узнал, что речь встречена с большим интересом и восхищением.

---

[1] *Димитров Г.* Избранные статьи и речи. М., 1972, с. 264.
[2] Там же, с. 265.
[3] Там же.
[4] Там же, с. 266.
[5] Там же, с. 267.
[6] Там же, с. 267—268.

Два дня назад товарищ Димитров произнес свою первую речь в парламенте, находящуюся в центре внимания всей нашей общественности. В ней развиваются некоторые из вопросов, поднятых на пленуме партии, в том числе и в произнесенной на нем заключительной речи товарища Димитрова, и выдвигаются новые задачи. Он выступил первым от БРП(к) при обсуждении ответа на тронную речь. Может быть, именно поэтому товарищ Димитров так тщательно работал над текстом — советовался со своими старыми соратниками, уточнял позицию за позицией, переделывал отдельные части, вносил новые поправки. Мне было бесконечно интересно следить за тем, как формировалась политика, потому что фактически назначение речи состояло именно в этом. Некоторые отрывки я читал прямо в рукописи (у него понятный, ровный почерк), другие — при сверках, так что хорошо знал речь заранее. Она проникнута динамизмом, горячим желанием и стремлением ускорить развитие событий, в ней также высказана неудовлетворенность достигнутым.

Уже вначале Димитров разъясняет сущность современного положения нашей страны:

«9 сентября открыло новую эру в нашей истории — эру подлинной демократии... По существу же 9 сентября произошла не только смена правительства, но и глубокое изменение режима... Из орудия угнетения народных масс и ограбления плодов их труда новая государственная власть превратилась в народную власть, которая призвана служить народу и только народу» [1].

Одновременно оратор отмечает, что «нужно еще очистить много авгиевых конюшен для того, чтобы наше государство стало вполне демократическим» [2], что внутри страны и за ее пределами имеются группы, заинтересованные в возврате прошлого, в возрождении фашизма, «они всячески пытаются использовать хозяйственные, продовольственные, жилищно-бытовые и другие затруднения, которые наш народ в настоящее время вынужден преодолевать.

...Реакция действует исподтишка, проводя хозяйственный саботаж, организуя террористические банды, подготовляя террористические акты и диверсии и согласовывая свои действия с врагами Болгарии за рубежом. Безудержно злобствующая оппозиционная печать служит ей легальной трибуной и рассадником смуты и зловония. Следовательно, нам нельзя самоуспокаиваться; необходимы бдительность, постоянная зоркая бдительность и решительный отпор!» [3]. Так была охарактеризована обстановка в

---

[1] *Димитров Г.* Избранные произведения, т. 2 (1941—1949 годы). М., 1957, с. 116—117.
[2] Там же, с. 118.
[3] Там же, с. 122.

стране. А затем перечислены те неотложные значительные меры, которые следовало осуществить, чтобы гарантировать быстрый прогресс, и в первую очередь выработать новую конституцию, упразднить монархию и обновить армию; намечена наша экономическая политика — внести максимально возможную плановость в развитие отдельных отраслей хозяйства, в разработку и использование всех наземных и подземных национальных богатств, расширить хозяйственную функцию государства, развивать на добровольных началах трудовые производственные кооперативы на селе, провести аграрную реформу, принять экстренные меры по улучшению снабжения населения продовольствием, топливом, одеждой, ввести строжайший режим экономии; вместе с тем подчеркивается, что нужно поощрять «здоровую частную инициативу в области промышленности, ремесел, торговли и сельского хозяйства» [1].

— Вообще нам предстоит много дел,— сказал нам товарищ Димитров во время работы над своей речью.— Мы должны достаточно решительно и энергично суметь организовать государство по-новому и с участием широких народных масс. Ничто не оправдает нашей медлительности и неумения.

Его работа над текстом отличалась высокой культурой, требовательностью и аккуратностью. Димитров не терпит помарок, грамматических ошибок, небрежных исправлений на машинке или от руки. Раздражается, замечая ошибки в написании слов или неровно напечатанные строки. У него опытный глаз культурного читателя, сразу замечает малейшие ошибки и энергично зачеркивает слова или правит текст красным или синим карандашом. Отдельные части текста переписывались по нескольку раз, но он все продолжал внимательно читать, править, дополнять, изменять, добиваясь точности и многообразия языка.

Однако эта речь по своему стилю отличается от его импровизированного выступления на пленуме ЦК; там его речь была более яркой, язык более живым, выразительным, емким.

Вначале проект речи был обсужден и одобрен на заседании Секретариата ЦК. Сегодня, как обычно, в 9 часов товарищ Димитров появился в кабинете и, просмотрев прессу, снова приступил к работе над речью.

Интерес к сегодняшнему заседанию Народного собрания исключительно велик. Все галереи парламента буквально переполнены, заняты все места в ложе прессы. Я едва пробился в угол ложи. Радио Софии в полдень объявило, что будет трансляция передачи из зала заседаний Народного собрания.

---

[1] *Димитров Г.* Избранные произведения, т. 2 (1941—1949 годы), с. 123.

Товарищ Димитров вошел в зал заседаний ровно в 16 часов. Все встали и приветствовали его аплодисментами. Началось обсуждение вопросов повестки дня — депутаты должны были заслушать проект ответа на тронную речь. Один из депутатов от Земледельческого союза зачитал следующее заявление:

«Господа регенты, депутаты от всего сердца окажут полное содействие осуществлению инициатив правительства, перечисленных в тронной речи, и поддержат любое предложение, направленное на обеспечение благополучия народа. В то же время они будут защищать свободу и права болгарского народа от любого посягательства и любой провокации».

Затем Васил Коларов объявил:

— Приступаем к прениям. Слово предоставляется депутату от Софии Георгию Димитрову.

Товарищ Димитров поднялся со своего места в первом ряду в центре зала и направился к трибуне. Вспыхнули бурные аплодисменты. Все, начиная от министров и кончая гостями на галереях, встали. Это его первое появление на трибуне перед депутатами данного Народного собрания, его первая речь в парламенте после 9 сентября 1944 г. Раньше в этом здании, с этой трибуны его голос звучал много раз (последнюю речь он произнес здесь более 24 лет назад). Видимо, и он учитывал это, был заметно взволнован, что ощущалось по его первым фразам. Он говорил около часа и свою речь не столько зачитал, сколько произнес с ораторским мастерством — выразительно, внушительно, страстно, сильно; время от времени он делал правой рукой энергичные жесты, чтобы подчеркнуть свою мысль. Речь производила сильное впечатление на депутатов и гостей, часто вспыхивали аплодисменты, раздавались возгласы: «Ура!», все вставали. Ее внимательно слушали многие граждане на улицах и площадях около репродукторов и в жилых домах.

Особенно бурные аплодисменты вызвали слова Димитрова о необходимости созыва Великого народного собрания (ВНС) и выработки новой конституции. Он сказал, что нужно отменить те положения действующей конституции, которые дают возможность меньшинству, состоящему из хищнических элементов и крупных капиталистов, держать в подчинении, угнетать и грабить большинство народа... Наряду с этим необходимо, разумеется, ликвидировать институт монархии.

Все встали. Гром возгласов долго мешал оратору продолжать свою речь.

— И будущее Великое народное собрание достойно выполнит свою историческую роль, провозгласив Болгарию... народной республикой. (В зале снова раздался гул одобрения: «Да здравствует народная республика!»)

Перейдя к вопросу о внешней политике, оратор подчеркнул, что «это политика вечной дружбы с великим русским народом, с Советским Союзом, политика нерушимого братского сотрудничества с народами новой Югославии и другими славянскими народами»[1]. «Кто может отрицать, что всякий раз, когда Болгария отходила от великой России, она терпела только поражения и бедствия?»[2] — воскликнул оратор.

Голос Димитрова был неровный, иногда его тон снижался; присущая ему в обычном разговоре хрипота заметно усилилась. В наиболее напряженные моменты ему не хватало воздуха, он вынужден был делать передышки и снова продолжать. От лечащих врачей нам стало известно, что это проявление сердечного недуга, которым он страдал в последнее время.

Затем слово было предоставлено депутату от БЗНС, который полностью поддержал политику правительства.

От имени парламентской группы союза «Звено» выступил Иван Харизанов. Тот, кто следил за политической жизнью в стране в течение последних 20 лет и хотел найти объяснение ее перипетиям, не мог не слушать с большим вниманием эту речь. Ведь путь руководящего ядра союза «Звено» был извилистый — от участия в организации двух военно-реакционных переворотов (9 июня 1923 г. и 19 мая 1934 г.) до конфликта с монархом и союза с Рабочей (коммунистической) партией.

Харизанов известен как идеолог своей партии. Его речь представляла собою своеобразный обзор драматичного пути «Звена», подведение итога и самокритику.

— После того как мы осуществили известные политические акции,— обобщил Харизанов,— мы сами (т. е. руководящее ядро «Звена».— *Н. Г.*) на деле поняли, что с методами бланкизма в политике далеко не уйдешь, что курс опоры на элиту приводит к неустойчивому положению. Причины были ясны — мы оторвались от масс, и, когда начали искать контакты с ними, нам в этом помогли самые активные представители коммунистов и земледельцев.

Далее оратор заявил, что «перемена, происшедшая 9 сентября, столь глубока, что рождает... новую эпоху, подлинную политическую эру», предупредил об опасности сколачивания антикоммунистической коалиции и резко осудил попытки активизации и объединения антикоммунистических и антисоветских сил.

— Раскольники встают именно на этот путь. В наших условиях это будет... страшным, опустошительным ударом для национального дела. Но, к сожалению, события развиваются так, что

[1] *Димитров Г.* Избранные произведения, т. 2 (1941—1949 годы), с. 132.
[2] Там же, с. 130.

создается впечатление, будто на наших глазах начинается политическая комбинация реакционеров во всех ее разновидностях, которые по наущению извне стараются поляризовать нашу политическую жизнь в ущерб дружбе с русским народом и влиянию коммунистической партии.

И Харизанов сказал категорически:

— Мы открыто заявляем: без активного участия коммунистов никакое управление у нас не будет возможно.

Это были политически смелые слова!

Пытаясь объяснить линию коммунистов на сплочение прогрессивных сил, Харизанов внезапно обратился к Г. Димитрову и спросил его:

— Мне кажется, что я правильно истолковываю ваши слова, товарищ (!) Димитров?

Димитров шутливо ответил:

— Почти.

Ответ Димитрова вызвал оживление.

Заседание Народного собрания закончилось уже после 8 часов вечера. Все это время товарищ Димитров был в зале. Во время перерывов вокруг него собиралось много людей, с которыми он оживленно беседовал.

В эти дни Народное собрание приняло закон о единовременной помощи рабочим и служащим вследствие ухудшения их материального положения, вызванного военной разрухой. Рабочим и служащим выплачивается «тринадцатая зарплата» при соблюдении известной градации — для более низко оплачиваемых категорий единовременная помощь достигала 150% зарплаты.

В парламентских прениях участвовал также председатель Общего рабочего профессионального союза (ОРПС) Райко Дамянов. Он заявил:

— Наступила зима. Положение государственных служащих очень тяжелое. Цены на нормированные товары в сравнении с 1939 г. выросли в 5—6 раз, а на ненормированные — почти в 10 раз. В то же время зарплата государственным служащим повышена только в 1,5—2 раза. Большая категория государственных служащих получает зарплату от 3000 до 5500 левов, а основная их масса — от 5500 до 7140 левов. Необходимый прожиточный минимум семьи из трех человек составляет 145 тыс. левов в год.

Эти сведения хорошо иллюстрируют материальное положение народных масс в последние месяцы.

Состояние обеспечения продовольствием в стране также тяжелое — по карточкам отпускаются мизерные пайки. Прошедшим летом у нас в стране была сильная засуха, которая продолжалась до поздней осени — в некоторых местах крестьяне

не могли на своих тощих коровах вспахать окаменевшую землю. Потом наступили холода, выпал обильный снег. На этих днях он быстро растаял, из-за сильного увлажнения почвы пахота еще невозможна. А сейчас это не только атмосферный, но и первостепенный политический фактор. Каждый следит за ним и задает себе вопросы: будет ли хороший год, уродится ли хлеб, улучшится ли обстановка с продовольствием. Мы никогда так внимательно не следили за изменениями погоды, никогда так не ждали сообщений метеорологов.

Некоторых из наших товарищей — членов руководства БРП(к) (Политбюро) я знал очень хорошо со времени пребывания в тюрьме; других узнал в последний год, видел их на митингах, съездах, собраниях; третьих встречал впервые.

Мне было исключительно интересно находиться рядом и долгое время наблюдать за Василом Коларовым. Он прибыл в Болгарию три-четыре месяца назад. Я его видел раза два издалека, но близко видел первый раз, когда он приезжал в Княжево, а затем в Народном собрании.

Однажды я оказался свидетелем редкого для меня случая — боевые друзья и соратники Димитров и Коларов вместе вспоминали о своей бурной деятельности. Времени для воспоминаний тогда, конечно, не было, но все же иногда прошлое всплывало в их беседах. Я жадно ловил эти мгновения и своими вопросами побуждал их продолжать разговор на эту тему.

Речь зашла о подготовке восстания в сентябре 1923 г.— о том времени, когда они, возглавив руководство восстанием, готовились выехать из столицы в район Врацы — главный очаг восстания. Они незаметно для себя увлеклись и стали подробно рассказывать о вошедших в нашу историю событиях. Когда один останавливался, другой с удовольствием продолжал рассказ.

— Шемше, он организовал наш переезд из Софии, подвижный, очень энергичный, преданный и честный товарищ...

— Извините, но кто этот товарищ с таким странным прозвищем?

Они весело засмеялись. Так смеются люди, когда им вспоминается что-то давнее, дорогое.

— Его зовут Йордан Панов,— пояснил Коларов.— Его и сейчас можно встретить на улицах Софии, он постоянно спешит и все время занят.

— Наверное, уже не спешит, как тогда,— шутливо заметил Димитров.

Они продолжали свой рассказ.

— Нашли автомашину, ночью ее нужно было перекрасить.

Следующим утром мы вместе с Гаврилом Геновым и шофером — его звали Павел Ненов — встретились, как было предусмотрено по плану. Потом к нам присоединился майор запаса Агынский — сторонник Единого фронта. Он был назначен военным руководителем восстания. Мы переоделись, загримировались, сбрили бороды, в руках у нас были топографические инструменты — настоящая группа топографов в пути.

— И было два парня для охраны...

— Да, верно!

— Так мы благополучно выбрались из Софии и поехали к Петроханскому перевалу. Но там усиленные посты получили специальный приказ ждать нас! Полиции удалось узнать, что мы поедем в район Врацы в легковой автомашине. Полиция знала и цвет автомашины...

— Мы приблизились к перевалу и встретили там большую группу полицейских. Увидев автомашину, они повскакали с мест. Мы с невозмутимым видом держали в руках топографические инструменты. И на быстрой скорости проехали мимо них. Они лишь посмотрели на нас и ничего не предприняли...

— Но как же так? — спросил я.— Почему они все же не остановили автомашину?

— Им сообщили, что Димитров и Коларов едут в автомашине одного цвета, а она была вечером перекрашена.

Возник маленький спор: какого цвета была автомашина?

— Она была не черная, а...— говорил Димитров.

— Нет, как раз наоборот,— спорил Коларов.— Она была перекрашена в черный цвет...

— Напротив, ты забыл, что...— И все в том же духе.

К единому мнению они прийти не смогли. Так и не удалось установить цвет автомобиля.

— А что произошло потом? — настойчиво спрашивал я.— Как вы доехали?

Увлеченные воспоминаниями, руководители Сентябрьского восстания рассказали о своих злоключениях в с. Выршец, о том, как они скрывались в подвале на даче учительницы Донки Станчевой и как наконец благополучно прибыли в восставший город Фердинанд (ныне Михайловград), чтобы возглавить повстанческую борьбу.

Коларов — один из деятелей-коммунистов, под чьим влиянием шел духовный рост нашего поколения. Он был второй фигурой не только в нашей партии, но и на политической арене послевоенной Болгарии; он был известен и как видный революционный деятель мирового масштаба.

Ему было 69 лет. Он держался с большим достоинством,

умные глаза и волевое лицо — все в нем говорило о его интеллектуальности, мужественности и высокой культуре. Он был блестящим оратором, его речь отличалась совершенством — исключительно красивой дикцией, каждый звук у него словно лился отдельно. Его языку и стилю присущи высокая культура, разнообразие и богатство, его мысли — глубина и широта охвата. Слушать его было подлинное удовольствие. Вообще природа не поскупилась — наградила его большим талантом, а он проявил и развил его.

Судьба связала Димитрова и Коларова — между ними существовала крепкая, многолетняя дружба, которая выдержала все испытания. Уже 20 с лишним лет они вели корабль революционных битв в Болгарии и играли такую роль в международном коммунистическом движении! До 1934 г. высокие посты в партии и Коминтерне занимал Коларов, а затем Димитров, но всегда они были вместе и неразлучны. Люди высоких идеалов, твердых принципов, активнейшие участники великой борьбы!

Димитров относился к Коларову с большим уважением, считался с ним и следил за тем, чтобы не умалялась его роль, всегда дорожил его мнением. В свою очередь Коларов никогда не упускал случая, чтобы подчеркнуть, что вождем партии и народа является Георгий Димитров. Друг к другу они обращались по имени.

— Васил,— обращался Димитров.

— Георгий,— называл его Коларов на мягком шуменском наречии.

28 декабря 1945 г., пятница

Сегодня я решил записать то, что мне стало известно в связи с Московским совещанием трех министров иностранных дел.

Поздним вечером 23 декабря 1945 г. из Москвы позвонили по «ВЧ» и попросили пригласить к аппарату Димитрова для разговора со Сталиным.

Сталин сообщил Димитрову следующее: во время его встречи с государственным секретарем США Бирнсом последний поставил вопрос о реорганизации болгарского правительства, включении в него представителей оппозиции. Это было условием признания болгарского правительства Соединенными Штатами. Сталин отклонил это предложение, так как, сказал он, болгарское правительство уже не временное, а сформировано в соответствии с конституцией и узаконено недавно избранным парламентом. И все же Сталин считает, что целесообразно подумать, нельзя ли было бы включить в правительство одного-двух ми-

нистров из оппозиционных группировок, «отделив их от оппозиции». «Посоветуйтесь,— сказал он,— и сообщите ваше мнение. Завтра жду вашего ответа».

В Княжево сразу приехали Васил Коларов, Трайчо Костов и Вылко Червенков. Они долго совещались, а затем Димитров попросил соединить его по телефону с Кимоном Георгиевым. Димитров спросил, сможет ли он приехать по исключительно важному и срочному делу. Через полчаса Кимон Георгиев прибыл, и совещание продолжалось при его участии.

На следующий день, 24 декабря, Димитров сообщил Сталину по «ВЧ», что решено предпринять такой шаг. Я понял, что на встрече у Димитрова были уточнены кандидатуры двух сравнительно лояльных представителей партий, находившихся в оппозиции к Отечественному фронту. Начался зондаж и с руководством других партий Отечественного фронта, устанавливались контакты с лидерами оппозиции для практического решения этого вопроса.

А в Москве события развивались так. 16 декабря открылось совещание трех министров иностранных дел. Делегацию Советского Союза возглавлял В. М. Молотов, Соединенных Штатов — г-н Д. Бирнс и Великобритании — г-н Э. Бевин (еще на совещании «большой тройки» в Ялте было решено периодически, каждые три-четыре месяца, созывать совещания трех министров иностранных дел).

19 декабря генералиссимус Сталин принял по отдельности Бирнса и Бевина, после чего состоялся его разговор по телефону с Димитровым, о котором говорилось выше. 25 декабря было объявлено, что правительства СССР, Англии и США достигли в Москве соглашения о процедуре подготовки мирных договоров. Пункт первый соглашения предусматривает выработку мирных договоров с Италией, Румынией, Болгарией, Венгрией и Финляндией. Пункт второй гласит: когда подготовка всех этих проектов будет закончена, Совет министров иностранных дел созовет Конференцию для обсуждения мирных договоров...

Мирный договор предстояло подписать и с Болгарией. По злой иронии судьбы Болгария, принесшая столько жертв в течение своей двадцатилетней борьбы против фашизма, страна, которая наиболее радикально расправилась с фашистской кликой, оказалась в положении подсудимой в связи с тем, что антинародное правительство официально находилось в союзе с Гитлером и Муссолини, хотя дипломатические отношения с СССР и не были порваны. Народ сверг это правительство, но теперь должен был расплачиваться за последствия его безрассудной политики.

Сегодня в центральных газетах опубликовано коммюнике совещания трех министров иностранных дел под заглавием: «Правительства СССР, США и Великобритании продолжают послевоенное сотрудничество». «...Советское Правительство,— говорится в нем,— берет на себя миссию дать дружественный совет Болгарскому Правительству в отношении желательности включения в формируемое теперь Болгарское Правительство Отечественного фронта дополнительно двух представителей других демократических групп, которые: а) действительно представляют группы партий, не участвующих в правительстве, и б) *действительно подходящи и будут лояльно работать вместе с правительством»* (курсив мой.— *Н. Г.*)[1]. В коммюнике говорится также, что, как только будут выполнены эти условия, правительства США и Великобритании признают болгарское правительство, т. е. восстановят с Болгарией дипломатические отношения, и ее международное положение нормализуется. Газета «Правда» оценивает совещание как крупный шаг вперед в деле послевоенного устройства[2].

На совещании были приняты и другие решения — о создании Союзного совета для Японии, о восстановлении государственной независимости Кореи, о необходимости объединения и демократизации Китая, об учреждении Комиссии Организации Объединенных Наций по контролю над атомной энергией.

Официальное отношение нашей страны к решениям совещания выразил Председатель Совета Министров Кимон Георгиев. Он заявил, что правительство принимает дружественный совет и рекомендации министров иностранных дел.

[Вскоре после этого станет известно о закулисных маневрах правящих кругов некоторых стран, заявлявших одно, а делавших другое, и о том, что действия известных реакционных сил в Болгарии тайно направлялись западной дипломатией.]

Слово для ответа на тронную речь было предоставлено Трайчо Костову — второму оратору от БРП(к).

Он поднялся с кресла в первом ряду в центре зала, где сидел возле Георгия Димитрова, и, прихрамывая, направился к трибуне. В зале вспыхнули бурные овации.

Я хорошо знал Трайчо Костова — вместе с ним мы почти год сидели в Софийской центральной тюрьме. Однако как подпольного активиста коммунистического движения и как непосредственного руководителя ЦК в условиях, когда была завоевана свобода, я его знал плохо. Мне было крайне интересно видеть знакомого человека в новой обстановке.

---

[1] Правда, 1945, 28 декабря.
[2] См. там же.

Широким народным массам его имя стало известно сразу после 9 сентября. Но революционному активу имя Трайчо Костова было знакомо еще в годы глубокого подполья. Костов не только стал деятелем партии в нелегальный период рабочего движения, он был, я бы сказал, детищем этого времени, руководителем, больше других способным возглавлять ЦК именно в условиях непрестанного полицейского преследования. Страницы его биографии отражают революционную борьбу партии за 21 год ее подпольной деятельности. Его жизнь, так же как и жизнь партии в этот период, была исполнена героизма и страдания.

В декабре 1945 г. ему было 48 лет.

Димитров и Коларов являлись, безусловно, главными фигурами в нашей партии. Трайчо Костов тоже был выдающимся деятелем. И нужно сказать, что он выделялся среди деятелей нашего рабочего движения, находившихся в стране до 9 сентября 1944 г.

Трайчо Костов — человек большой воли, редкой выдержки и удивительной работоспособности. Он немногословен, каждое слово у него взвешено. Из-за очков смотрят умные, наблюдательные глаза.

После освобождения страны он завоевывал все большие симпатии и популярность; партийным кадрам и трудящимся массам особенно импонировало то, что он вел скромный, спартанский образ жизни и самозабвенно отдавался делу ради его успеха. Ничто так верно и полно не может раскрыть образ Трайчо Костова, как его письма Георгию Димитрову. Взять, к примеру, их чисто техническую сторону. Они все написаны от руки, но ни в одном письме нет зачеркнутой или добавленной буквы, словно все было заранее обдумано, написано на черновике и затем начисто переписано. Но дело обстояло совсем не так. Он сам не раз отмечает в своих письмах, что из-за недостатка времени (отправляется курьер!) пишет в последний момент. Люди в своих письмах обычно то и дело возвращаются к ранее написанному, вычеркивают, исправляют слова и фразы, а в письмах Костова, даже там, где речь идет о щекотливых проблемах внутренней и международной жизни, о кадровых вопросах, освещение которых требует предельной точности, мысли автора изложены ясно и глубоко от начала и до конца. Это говорит о том, что он обладает богатым запасом знаний и умеет точно их излагать.

В письмах содержится глубокий анализ положения в стране в бурное и великое время после 9 сентября 1944 г. Он открыто и честно отмечает увлечения и недостатки у некоторых наших руководящих товарищей и деятелей других партий Отечественного фронта. Это он делает не для того, чтобы отстранить их, а для того, чтобы при поддержке Димитрова воздействовать на них с

целью исправления (и через известное время не преминет добавить, что такой-то и такой-то товарищ уже лучше ведет себя и работает). Ряд приведенных им примеров свидетельствует о его прозорливости и политическом реализме.

Анализируя в своих письмах Г. Димитрову положение в стране, Трайчо Костов не допускал сентиментальности, а в последнем его письме она проявляется — он взволнован предстоящим приездом Димитрова и делает лирическое отступление: «Надеюсь, что жилье тебе понравится. Как красива Витоша особенно сейчас в своем пестром осеннем наряде». «А в нашей Болгарии и красиво и интересно...» К Димитрову Трайчо Костов чаще всего обращается — «Дорогой Георгий» или просто «Георгий» и в разговоре с ним тоже называет его «Георгий», так же как Коларова называет «Васил», хотя он намного моложе каждого из них (может быть, он предпочитает употреблять имена по привычке, которая выработалась у него в подполье). Димитров называет его «Трайчо». А мы, более молодые, зовем «бай[1] Трайчо».

Однако Трайчо Костов уже на трибуне Народного собрания. Его речь не отличается ораторским искусством, он почти не жестикулирует, читает спокойно и медленно, мало используя различные интонации. Но исключительная логичность его речи, содержащей острые, язвительные слова в адрес противников, особая теплота его голоса заставляют внимательно слушать Костова и любить как оратора.

Костов дал глубокую характеристику так называемой оппозиции Отечественному фронту.

— Это прежде всего буржуазные и мелкобуржуазные политиканы, честолюбцы и карьеристы, политические слепцы, неустойчивые и непоследовательные элементы, которые ради своих личных и групповых расчетов и амбиций готовы пожертвовать интересами народа и пойти на услужение самому черту. За ними стоят прожженные реакционеры-фашисты, связанные с международной реакцией, которые используют партии Петкова и Лулчева как организационный центр сплочения реакционных сил и как политическое представительство остатков фашизма.

И, прихрамывая, Костов под аплодисменты вернулся на свое место.

Мы встретили Новый, 1946 год.

Политическим событием величайшей важности в нашей стране в канун Нового года был съезд БЗНС. Георгий Димитров уделил ему определенное время и внимание. Прежде всего к

[1] Уважительное обращение к старшему по возрасту мужчине.— *Прим. перев.*

нему прибыли посоветоваться руководители БЗНС: министры Александр Оббов — главный секретарь БЗНС, д-р Михаил Геновский, Георгий Драгнев и Стефан Тончев.

Оббова я видел и раньше. Ему было лет шестьдесят пять, он среднего роста, почти лысый, с седыми бровями и усами, с живыми глазами. До 1923 г. был министром в правительстве Стамболийского, а затем долгие годы политический эмигрант в королевской Югославии.

Во время довольно продолжительной беседы еще больше выявилось, что между руководителями БЗНС существуют грызня и разногласия по принципиальным и непринципиальным вопросам. Более того, они, как потом сказал Димитров, являются «очень слабыми» руководителями, не обладающими необходимыми политическими и деловыми качествами для выполнения столь ответственной миссии. А это, разумеется, несчастье, так как для успешной борьбы против реакции, прикрывающейся ширмой БЗНС и среди главарей которой имеются прожженные демагоги, нужно, чтобы БЗНС, входящий в Отечественный фронт, возглавляло компетентное и авторитетное руководство. На съезде было произнесено большое количество речей, громких фраз, за которыми нетрудно было видеть идейные шатания. Хорошее впечатление произвел депутат из Варны Георгий Трайков, выступивший с докладом на тему: «Попытки раскола в прошлом и сегодня», в котором выдвигались важные проблемы. Доклад был проникнут ясными идеями, заложенными в программе Отечественного фронта. Трайков избран председателем Совета-правления БЗНС. Эта должность была тогда в БЗНС скорее представительной, чем действительно руководящей. Главным секретарем БЗНС снова избран Александр Оббов.

По старой традиции каждый съезд БЗНС сопровождался манифестацией крестьян — членов союза по улицам Софии. И на этот раз в столицу съехались крестьяне из многих районов (по данным газеты «Земеделско знаме», лишь в качестве делегатов XXVI юбилейного съезда прибыло 10 000 человек! А самый большой зал в Софии мог вместить не более 1200 человек!). Они прошли по бульвару Царя Освободителя[1]. Верхняя одежда на мужчинах была из домотканого сукна. В руках у них были деревянные баклажки. Они кричали «ура». На трибуне среди руководителей БЗНС был и Георгий Димитров. И случилось так, что именно он, гость, оказался в центре внимания восторженно встретивших его демонстрантов. После завершения работы съезда был организован банкет, на котором Г. Димитров провоз-

[1] Ныне Русский бульвар.— *Прим. перев.*

гласил тост, призвав деятелей БЗНС проявлять высокую принципиальность и идейность в духе принципов Отечественного фронта; затем он беседовал со многими гостями и делегатами — и снова был в центре внимания.

Если бы меня спросили, чем больше всего занимался Г. Димитров в первые месяцы по возвращении на родину, я бы ответил без колебания — прежде всего укреплением Отечественного фронта и его единства. Личные встречи, совместные заседания, приемы гостей и поездки с визитами, дружеские вечера и встречи по случаю дней рождения или других семейных торжеств, официальные приемы, поздравительные телеграммы — он ничего не упускал, что могло бы сплачивать дух единства и укреплять ряды Отечественного фронта. Его огромный личный авторитет, тот факт, что именно он является основателем Отечественного фронта, его личное обаяние, авторитет партии, которую он представлял и возглавлял,— все это придавало ему неотразимую силу влияния.

Единство, которое ковал Димитров, находясь во главе партии, было не обычной, механической и временной коалицией партий, создаваемой для управления страной, это было единство на новой основе — на основе идейной и моральной спайки, рассчитанной на длительное сотрудничество для достижения больших целей, единство, перед которым открывались перспективы дальнейшего упрочения. В руководящих органах других партий продолжались грызня и распри, а в самих партиях были течения и фракции; некоторые из них не освободились от групповщины, которая в свое время так душила политическую жизнь в Болгарии. Сейчас большой политик помогал им преодолеть непринципиальные разногласия и занять принципиальные позиции, обуздать страсти отдельных деятелей, стремившихся стать вождями и рвавшихся к власти, упрочить единство в руководящих органах партий. Своим авторитетом он сдерживал процесс дифференциации. Он поддерживал контакты не только с руководителями, но и с широким кругом членов этих партий.

Димитров встречался с людьми или в своей резиденции на улице Велико-Тырново, или в Княжеве; чаще всего совместные встречи с руководством других партий проводились в его кабинете на улице Велико-Тырново. Так, в первые дни февраля состоялось совместное заседание руководителей нашей партии с руководством союза «Звено». Дня через три у него долго находились министры — члены БЗНС Тончев и Драгнев. Затем последовала его встреча со всем руководством БЗНС во главе с

Александром Оббовым. Потом он встречался с руководством БРСДП. Г. Димитров был на приеме у министра иностранных дел и на обеде у Кимона Георгиева.

По случаю Нового года Георгий Димитров направил через печать и радио приветствие болгарскому народу, в котором, в частности, говорилось: «Сделаем новый, 1946 год действительно благодатным и счастливым годом для нашего народа и нашей родины!»

Он послал также много личных поздравлений.

На встрече Нового года у меня была возможность еще лучше узнать его: он, 63-летний человек, был на ногах едва ли не всю ночь.

Прежде всего он принял приглашение командования советских войск в Болгарии и поехал на их новогоднее торжество в Дом Советской Армии. Его встретили восторженно, громовым «ура». Там Новый год встречали по московскому времени, т. е. когда в Софии было 23 часа. Затем он был на официальном новогоднем приеме правительства в Военном клубе. Здесь встреча Нового года состоялась, естественно, в 24 часа.

Оттуда он уехал в ресторан «Болгария», где Национальный комитет Отечественного фронта устроил большое народное торжество; потом заехал к слушателям партийной школы — и так продолжалось до самого утра. Он везде был сердечным, приветливым, веселым и жизнерадостным, встречался со многими людьми, оживленно беседовал с ними, что-то увлекательно рассказывал, шутил, создавал непринужденную атмосферу. Он был неутомим физически и неисчерпаем духовно! Люди окружали его, в глазах большинства из них можно было прочесть и простое любопытство, и восхищение, и сердечную любовь.

Его засыпали новогодними поздравлениями — телеграммами, открытками и письмами с заводов и фабрик, из сел, школ и организаций, от видных деятелей нашей страны и из-за рубежа. Из Тулузы (Франция) пришла телеграмма от вождя испанских коммунистов, легендарной Долорес Ибаррури — Пасионарии, в которой было сказано: «Поздравляю с Новым годом тебя и Розу. Долорес». Поздравления были получены также от прославленного маршала Ф. И. Толбухина, видного советского ученого и общественного деятеля академика Н. С. Державина. Любопытным было поздравление от секретаря оппозиционной околийской организации Земледельческого союза в Видине Л. Попова. Он писал, что желает здоровья и того, «чтобы настоящий болгарин смог выполнить завет безвременно погибшего болгарина Стамболийского — установить подлинное и сердечное взаимопонима-

ние между рабочими и крестьянами, чтобы наступило желанное благополучие в рабоче-крестьянской Болгарии». Странный оппозиционер! С Новым годом поздравляли ветеран рабочего движения, депутат из г. Трояна Власи Власковский; Люба и Драгой Коджейковы (Коджейков принадлежит к старой гвардии рабочего движения)... В одной из поздравительных телеграмм говорилось: «Да здравствует демократическая Болгария Отечественного фронта. Будь здоров! Твой Стефан Македонский». Я предположил, что ее прислал оперный артист, и Димитров подтвердил: «Да, да! Старый знакомый!» Потом я узнал, что в доме этого замечательного болгарского певца Стефана Македонского в 1923 г., во время подготовки восстания, проводились тайные заседания и скрывались руководители восстания.

Меня сильно озадачило одно поздравление, подписанное не совсем обычно: «Надя — жена Вашего брата Тошо». Я уже знал, что Тодор, младший брат Димитрова, был убит в Дирекции полиции в 1925 г. С тех пор минуло 20 лет. Как жила эта незнакомая Надя? Кем она является и где находится сейчас? Спустя некоторое время я встретился и познакомился с ней, узнал ее необычную судьбу, о чем расскажу несколько позже.

Восторженную телеграмму прислал видный пролетарский поэт Николай Хрелков: «Борцу за свободу — слава! Сыну народа — честь! Первому знаменосцу трудящихся — новых побед!»

А уже 3 января Димитров передал нам для отправки поэту письмо следующего содержания:

> «Товарищ Хрелков!
>
> Благодарю за новогодние поздравления... От всего сердца желаю Вам поправить здоровье и восстановить трудоспособность, чтобы развернуть свои творческие силы на благо нашего народа, нашей славной партии и нашей любимой родины.
>
> Крепко жму Вашу руку».

Я любил Хрелкова как поэта, до войны встречался с ним. Я знал, что он тяжело болен туберкулезом легких и живет недалеко от Княжева — в Горна-Бане. Николай Хрелков, чья поэзия отличалась большой глубиной и эпичностью и была проникнута романтикой и героикой, завоевал любовь молодого поколения и стал едва ли не самым любимым поэтом в 30-е и 40-е годы. Проявление внимания к нему со стороны Димитрова, да и его отношение к Димитрову для меня были, разумеется, небезразличны. Оказалось, что связь между Хрелковым и Димитровым установилась раньше и имеет свою волнующую историю. 26 апреля 1945 г. Хрелков пишет в Москву следующее замечательное письмо, содержание которого я передам вкратце.

«Дорогой товарищ Димитров»,— обращается он и сообщает, что в Москву выезжает «наша маленькая Здравка, ударница из Горна-Бани». Она «думает, что обязательно увидит Вас», и просит у Хрелкова «содействия», «не догадываясь, что честь быть ремсистом[1] является рекомендацией для всех нас». Хрелков пользуется случаем и просит ее купить ему в Москве книги («художественную и другую литературу»). «Я страдаю тяжелой болезнью и лечусь в Горна-Бане, надеясь, что лечение подходит к концу».

Письмо заканчивается так:

«Передаю Вам все уважение рабочих и глубокую признательность народа.

Николай Хрелков, пролетарский поэт».

Мечта «нашей маленькой Здравки» увидеть Георгия Димитрова в необъятной Москве сбылась. Делегация, в состав которой она входила, была принята Димитровым, и там, очевидно, она вручила ему письмо Хрелкова... Может быть, именно с тех пор и начинается тесная связь между Хрелковым и Димитровым (хотя они виделись и раньше), которая потом стала особенно теплой.

Уже в первые дни декабря, вскоре после своего возвращения на родину, Димитров поехал в Горна-Баню, побывал там в партийном клубе, находившемся на первом этаже дачи, в которой недавно поселился Хрелков, беседовал с коммунистами Горна-Бани, а затем навестил больного поэта, снимавшего там комнату. К сожалению, эта встреча осталась не освещенной в прессе (никто другой на ней не присутствовал). Но отдельные сведения дошли до нас.

Хрелков лежал на кровати, вытянувшись во весь свой огромный рост. Димитров интересовался ходом лечения. «Уже становлюсь крепче, товарищ Димитров, и надеюсь победить эту болезнь»,— ответил ему Хрелков. Димитров спрашивал и об условиях жизни поэта, его нуждах, сказал, что готов всячески помочь ему как можно скорее поправиться.

Они говорили о поэзии и творческих намерениях Хрелкова. «Вы нужны, нужна особенно сейчас Ваша поэзия. Быстрее выздоравливайте»,— ободрял его Димитров. Потом речь зашла о политике и крестьянах, среди которых жил поэт. Хрелков высказал такую идею: «Я много думаю, товарищ Димитров,— сказал он,— как перейдут мои односельчане к социализму. Вы знаете, что они отсталые и консервативные, им трудно будет сразу перейти к трудовой кооперации, к ТКЗХ. Поэтому я думаю, не луч-

[1] Ремсист — член Рабочего молодежного союза.

ше ли начать с чего-либо такого, что послужило бы переходной формой, понемногу приучить их, чтобы они привыкали к этому. Я вынашиваю идею создания кооператива по уходу за скотом, а потом можно будет создать потребительский, а на более позднем этапе — производственный кооператив, т. е. ТКЗХ. Как Вы считаете, я на правильном пути? Некоторые крестьяне готовы поддержать эту идею, и это меня ободряет». Димитров ответил, что сейчас такой переход здесь будет вполне правильным. «Мы столкнемся со многими трудностями, товарищ Димитров, особенно при наделении крестьян землей, и я попрошу Вас в этом отношении оказать нам содействие»,— сказал Хрелков. «Согласен»,— ответил Димитров и сделал запись в своем блокноте.

Как видно, поэт не был замкнут в своем романтическом мире, не был оторван от жизни. Живя среди народа, желая быть полезным, он был романтиком в лучшем смысле слова и смело строил широкие планы перестройки всей жизни этого села, которое, хотя и находилось возле столицы, было крайне отсталым. В этот момент они оба — и Димитров, и Хрелков — были романтиками. Это был романтизм коммунистов!

Димитров простился с Хрелковым, горячо пожелав ему скорейшего выздоровления...

После Нового года Димитров попросил Григорова навестить Хрелкова.

— Прошу вас сейчас вызвать машину,— сказал он,— и съездить к Хрелкову. Он живет здесь, поблизости, в Горна-Бане. Передайте ему подарки и сердечно поздравьте с Новым годом. Хрелков — большой поэт.

И повторил:

— Большой поэт! — И подтвердил свои слова взмахом правой руки.

В объемистом свертке были апельсины, лимоны, шоколадные конфеты, т. е. деликатесы, которые невозможно было увидеть в магазинах. Погода оказалась очень плохой — выпал обильный снег, вдобавок в этот день вьюжила метель, на улицах намело сугробы. Машина в пути поломалась и, несмотря на все усилия шофера, они так и не смогли доехать до назначенного места. Но подарки все же попали к Хрелкову, хотя я так и не выяснил, кто и как их ему передал.

События, связанные с выполнением рекомендации Московского совещания, вкратце развивались так.

Уже 2 января Г. Димитров встретился с Председателем Совета Министров Кимоном Георгиевым, чтобы согласовать действия правительства и Отечественного фронта. 4 января Совет

Министров рассмотрел *дружественный совет* Советского правительства и поручил специальной комиссии установить контакт с представителями обеих «демократических групп» оппозиции (после Московского совещания так стали называть отколовшиеся от Отечественного фронта партии Николы Петкова и Пастухова — Лулчева, в отличие от так называемой Демократической партии, которая не была признана демократической).

Николе Петкову и Косте Лулчеву были направлены письма с просьбой выделить своих делегатов для участия в предстоящих встречах. Уже на следующий день состоялись встречи с представителями каждой партии в отдельности. 6 января лидеры оппозиции передали правительственной комиссии изложенные в письменном виде свои абсурдные условия: в них содержались не только требования реорганизации правительства, но и роспуска Народного собрания, проведения новых выборов, непризнания внешней и внутренней политики, определенной в тронной речи регентского совета и в ответном слове, и так далее, т. е. это были максималистские требования, не имевшие ничего общего с рекомендациями Московского совещания. Более того. В газете «Свободен народ» был опубликован «Ответ оппозиционной социал-демократической партии», подписанный Костой Лулчевым, Крыстю Пастуховым и П. Тырпановым, в котором выдвигалось требование отстранить представителей БРП(к) от руководства Министерствами внутренних дел и юстиции... В случае выполнения этих и других их требований они могли бы определить своего представителя в состав правительства... Положение все больше осложнялось. Наше руководство во главе с Г. Димитровым обсудило создавшуюся ситуацию и решило, что мы можем сделать уступки, с тем чтобы найти базу для соглашения и сформировать приемлемое для великих держав правительство. Уполномоченная правительственная комиссия передала лидерам оппозиции, что она согласна с роспуском Народного собрания и назначением новых выборов (но это будет возможно только после того, как парламент, поработав до марта, утвердит главные законы, принятие которых не терпит отлагательства и которые крайне необходимы для урегулирования жизни в стране). Эта сама по себе существенная уступка, не предусмотренная *дружественным советом,* также не удовлетворила оппозицию. «Политическая близорукость и групповое нахальство» — так было кратко охарактеризовано поведение реакционной оппозиции в статье газеты «Работническо дело». Ее верстка поступила к нам накануне. Димитров прочитал ее и внес ряд поправок и дополнений.

Правительство обнародовало специальное коммюнике, в котором заявило, что претензии оппозиции находятся в явном про

тиворечии с решениями Московского совещания. Таким образом, переговоры зашли в тупик.

Между тем поступило сообщение, что заместитель народного комиссара иностранных дел А. Я. Вышинский прибыл в Бухарест и оттуда приедет в Софию с одной и той же миссией — официально передать *дружественный совет* Советского правительства, как это предусмотрено решением совещания трех министров иностранных дел.

В ходе консультаций в Бухаресте было достигнуто соглашение между правительством и соответствующими «демократическими оппозиционными группами» о пополнении правительства двумя представителями оппозиции (политическое положение в Румынии было близким к политическому положению в Болгарии). Следовательно, *дружественный совет* был учтен. Вскоре западные страны признали новое румынское правительство, и между ними и Румынией состоялся обмен дипломатическими миссиями.

В среду, 9 января, Вышинский прибыл в Софию.

Сразу же по прибытии он встретился с Димитровым в квартире генерал-полковника Бирюзова. Затем начались встречи с регентами, представителями правительства и партий Отечественного фронта. Беседы продолжались до часу ночи. Потом состоялись его встречи с представителями оппозиции. Беседа Вышинского с Костой Лулчевым длилась с 2 часов 30 минут до 4 часов 30 минут утра. В первой половине следующего дня состоялась почти трехчасовая встреча А. Я. Вышинского с Николой Петковым.

Все мы с нетерпением и горячим желанием ждали положительного исхода переговоров. По всему было видно, что Вышинский прилагал энергичные усилия для обеспечения выполнения Московского соглашения. Но Петков и Лулчев упорно придерживались своих прежних позиций. Настойчивые усилия склонить их к компромиссу оказались безрезультатными.

После двухдневного пребывания в Софии Вышинский 11 января отбыл в Москву.

Через три дня ТАСС сделал следующее официальное сообщение: «...Представители этих групп г. Н. Петков и г. Лулчев отклонили эти предложения, выставив в связи с этим такие условия... которые в корне противоречат решению Московского совещания трех министров».

Позднее Григоров рассказал мне об одном шаге, предпринятом Димитровым. Точную дату он забыл, но хорошо помнит, что это было во время переговоров и второго обращения лидеров оппозиции. В нашей канцелярии соблюдалась секретность, и мы

не всегда знали о работе друг друга, поэтому и об этом письме Димитрова Николе Петкову я тогда не знал. «Поезжайте,— сказал Димитров Григорову,— к Петкову и лично вручите ему письмо». В письме, в частности, были и такие слова: «Сейчас решается вопрос о том, как Вы войдете в историю». «Я поехал,— рассказывает Григоров,— на автомашине, ты ведь знаешь, что его дом был где-то на улице Царя Шишмана; позвонил ему и сказал, что я секретарь Георгия Димитрова и жду ответа. Он прочитал письмо и заявил: «Ответа не будет». Я доложил Димитрову, и на этом все кончилось» [1].

Итак, миссия Вышинского в Болгарии оказалась безуспешной. Лидеры оппозиции проявили непонятную твердолобость и помешали своевременному урегулированию международного положения Болгарии. США признали нашу страну лишь летом 1947 г. Оппозиция скомпрометировала Болгарию перед внешним миром, нанесла вред нашим национальным интересам. Поскольку предстоял созыв мирной конференции в Париже для обсуждения проектов мирных договоров, в том числе и с Болгарией, а реакционные силы Греции предъявили нашей стране несправедливые территориальные претензии и непомерно тяжелые репарационные требования, для защиты своих национальных интересов мы должны были как государство, как народ, как нация выступить в Париже едиными и сплоченными. Все остальное нужно было отодвинуть на задний план! Требовать накануне этой мирной конференции роспуска парламента, выработки нового избирательного закона, проведения новых выборов, да к тому же под иностранным контролем, означало подорвать свои собственные национальные позиции. Политическое пристрастие сделало оппозиционеров слепыми и глухими в отношении нашей национальной судьбы.

Димитров был всегда внимателен и заботлив к *сотрудникам* своего аппарата независимо от их должностей и возраста. К каждому, даже самому молодому из нас, обращался на «вы», относился с уважением. Был великодушным, деликатным, что не исключало его высокую требовательность. Редко делал замечания и испытывал при этом неловкость, делал это деликатно,

[1] Позднее мне стало известно, что 7 мая 1945 г. Георгий Димитров послал Н. Петкову письмо, в котором была предпринята попытка удержать его от дальнейшего сползания в болото реакции; он призывал его отойти от геметовцев, принять активное участие в подготавливавшейся тогда национальной конференции БЗНС, чтобы возглавить Болгарский земледельческий народный союз. В противном случае, говорилось в письме, Рабочая партия (коммунистов) и лично Г. Димитров будут вынуждены публично выступить против его неправильного поведения.

тактично, чтобы не обидеть, не огорчить человека. Он больше полагался на сознательность людей, их готовность лучше работать, расти и совершенствоваться. Его сотрудники должны были сами постараться понять, что им нужно делать, так что не было необходимости их подталкивать.

В свою очередь сотрудники уважали его, были привязаны к нему.

Я и раньше знал, что Димитров как человек и политический деятель резок и беспощаден по отношению к врагам рабочего движения и фашистам. Но сейчас я вижу другого Димитрова: при общении со своими сотрудниками, товарищами и людьми из народа он мягок, внимателен, отзывчив, никогда не повысит голоса, на редкость выдержан и терпелив. Это свойство характера Димитрова я ощущаю и на себе: я недостаточно опытен в канцелярских делах и все еще трудно ориентируюсь в сложном секретарском лабиринте, но это не вызывает у него раздражения,— напротив, он относится ко мне доброжелательно, старается ободрить. Но однажды я несознательно нарушил незыблемые законы охраны. Одна из работниц текстильной фабрики «Болгария», расположенной метрах в двухстах от дачи Димитрова, прислала ему два заявления. Он поручил мне проверить факты и послал меня на фабрику посмотреть, как там обстоят дела. Секретарь парткома фабрики спросил, куда им направить объяснительную записку в связи с данными письмами. И я, недолго думая, сказал, чтобы ее принесли нам...

На следующий день работник фабрики принес ее в проходную дачи.

Рассерженная его приходом, охрана отказалась принять записку. Его спросили, с какой стати он пришел сюда, а он, оказавшись в неловком положении, ответил, что ему посоветовал секретарь товарища Димитрова. Начальник охраны, разгневанный нарушением их порядков, в моем присутствии доложил об этом Димитрову, выразив протест по поводу таких действий... Я сильно сконфузился...

Димитров спокойно выслушал его и сказал:

— Сюда не нужно никого приглашать. Пусть всё посылают в ЦК...— И больше ничего не добавил. Но я глубоко осознал свою ошибку.

Однажды я опоздал на работу. Димитров был уже в кабинете и просматривал документы. Мне стало неловко. Я быстро поздоровался с ним и сел на стул с другой стороны стола. Он поднял голову, отложил в сторону документы и сказал:

— Нужно стараться вовремя приходить на работу.— В его взгляде не было обычной приветливости и дружелюбия, к чему я так привык.

Я получил от него чуть ли не первое замечание и очень хорошо понял, чем оно было вызвано,— почти полчаса в кабинете никого не было; если в это время были телефонные звонки, а они определенно были, на них никто не отвечал... Это уже бюрократизм, к нему Димитров был непримирим. Я привык к его доброжелательному отношению, был уверен, что он все простит, и поэтому мне стало еще неприятнее. Я попытался коротко объяснить и извиниться, сказал, что собирался постричься и побриться, но была длинная очередь, а потом нужно было доехать сюда...

— Хорошо, хорошо! — с досадой сказал он.— Но это нужно делать так, чтобы в кабинете утром всегда был человек.

Что я мог сказать в свое оправдание, если он был совершенно прав, а я допустил нарушение трудовой дисциплины? Сказать, что накануне я работал до 2 часов ночи, не сумел встать раньше и живу на другом конце города? Ведь он работает напряженнее нас до 2 часов ночи, но успел вовремя встать, побриться и явиться в кабинет бодрым и энергичным. К тому же мне 25 лет, а ему 63 года. Чем мне объяснить свой проступок?

Действительно, как я уже сказал, его рабочее время весьма непривычно... Димитров встает очень рано — в 7 часов; еще в спальне он просматривает газеты, бюллетени и другие информационные материалы и в 9—10 часов приходит в кабинет. В 3 часа обедает и потом до 5 часов отдыхает. Затем продолжает работать. В 23 часа ужинает и снова работает до 2 часов ночи и сразу ложится спать. Режим труда, к которому он так привык в Москве, Димитров строго соблюдал и в Софии. Но в болгарской столице сложился свой трудовой ритм, здесь рабочий день продолжается с 8 до 12 часов и с 14 до 18—19 часов. Если проводятся собрания или какие-либо культурные мероприятия, многие задерживаются на работе до 22 или 23 часов. Поэтому Димитров вынужден очень часто приспосабливаться к такому ритму, что означает: он рано приступает к работе и не вовремя обедает. И, невзирая на это, трудится в ночные часы. Так у него появилась новая нагрузка. Но он не жалуется, терпит, сохраняя удивительную работоспособность.

Товарищ Димитров был давним курильщиком. Как заявляют биологи, курильщики обычно питают пристрастие к какой-либо одной марке сигарет и курят только их. Димитров в этом отношении представлял исключение — он курил разные сигареты, трубку и сигары. Трубку он начал курить в последние годы по совету врачей, считавших, что ее курение причиняет меньший вред организму, чем сигареты. Видно, что трубка ему очень

нравится, и он курит ее с удовольствием, часто разжигает, чистит каким-нибудь острым предметом и все дымит и дымит. Когда ему приходится много думать и сосредоточиваться, он обязательно курит трубку. Иногда, забыв трубку, он открывает коробку с сигарами. Не бросает курить и сигареты, хотя врачи ему давно запретили это.

22 января 1946 г., вторник

О всех происшедших в эти дни событиях рассказать невозможно. Георгий Димитров являлся их активнейшим участником. Он произносил речи, писал, заседал, принимал посетителей, давал советы.

В субботу, 19 января, он присутствовал на вечере в честь участников культурно-трудовых бригад, состоявшемся в здании Судебной палаты. Вечер был организован областным комитетом действия «В помощь деревне», который руководил движением культурно-трудовых бригад. Это движение было новым явлением нашей жизни, возникшим несколько месяцев назад и принимавшим все более широкий размах. По воскресеньям рабочие, служащие и работники искусства из городов выезжали в села, где бесплатно ремонтировали крестьянам инвентарь, шили одежду, помогали в проведении общесельских трудовых начинаний, затем устраивались собрания и концерты.

В просторных фойе Судебной палаты, нашего самого внушительного здания, построенного в классическом стиле, собрались тысячи мужчин и женщин — участников городских бригад, крестьян и крестьянок из близлежащих сел. Трудно описать картину встречи Димитрова. При его появлении всех охватил неописуемый восторг; огромная масса ликующих людей с сияющими от радости глазами пришла в движение; все устремили взоры в проход, где охранники с трудом прокладывали Димитрову путь. Товарищ Димитров держался просто, был радостен, сердечен, приветлив; не сдерживал своих чувств, тепло отвечал на приветствия знакомых людей неугасающей улыбкой, взмахами правой руки.

В 20 часов 30 минут Димитров занял место на импровизированной трибуне. Его появление вызвало бурные овации. Он произнес короткую, но важную речь, в которой сказал:

— Участники и участницы бригад! Одно из самых замечательных явлений общественной жизни новой Болгарии — это, несомненно, движение культурно-трудовых бригад.

Далее он подчеркнул, что «история нашей страны не знает такого чудесного выражения единства и братства между демо-

кратическим городом и демократической деревней», что оно «превратилось в подлинно народное движение» [1].

— Большая роль культурно-трудовых бригад,— продолжал он,— заключается в том, что они способствуют сближению города и деревни в возможно кратчайший срок, сплочению в неразрывный братский союз рабочих, крестьян и народной интеллигенции, являющийся основой единства нашего народа под знаменем Отечественного фронта, против раскольников и всех его врагов.

Перейдя к освещению актуальных проблем политической жизни, Димитров сказал исключительно важные слова:

— Я бы хотел воспользоваться случаем, чтобы самым категорическим образом заявить, что близорукие и зарвавшиеся лидеры оппозиционных групп, отказавшись выделить подходящих и лояльных министров в правительство Отечественного фронта, окончательно проиграли свою антинародную игру. Они опоздали на поезд...

Потом Димитров присутствовал на литературно-музыкальном вечере, после чего долго находился среди окруживших его людей, обменивался рукопожатиями, разговаривал и смеялся вместе с ними.

Это был удивительный вечер! И как он был характерен для своего времени! Времени большого духовного, политического и трудового подъема народа, завоевавшего счастье, жившего в нужде, в обстановке угроз и происков реакции внутри и извне.

Это было время больших надежд!

Бурные аплодисменты, которыми постоянно прерывалась речь, стали особенностью нашей жизни после 9 сентября — у нас хором произносят лозунги, имена и скандируют. Такая атмосфера сохраняется и сегодня — когда проходят собрания общественности.

В воскресенье, 20 января, в Народном театре Димитров присутствовал на собрании, посвященном 22-й годовщине со дня смерти В. И. Ленина. С докладом выступил один из трех регентов — Тодор Павлов.

До этого собрания Димитров был на пленарном заседании ЦК ОРПС, где произнес речь, имеющую важное значение. Пленум начал работу позавчера в Доме железнодорожников. Участники пленума приняли решение пригласить Георгия Димитрова для участия в его работе. Была избрана специальная делегация, которая передала товарищу Димитрову горячую просьбу представителей нашего рабочего класса принять участие в работе

[1] *Димитров Г.* Съчинения, т. 12, с. 12.

пленума. Рабочий класс имеет особое право пригласить Г. Димитрова на свой пленум — ведь он в прошлом сам был рабочим и много лет являлся профсоюзным деятелем. В свою очередь и Димитров имел непосредственное отношение к деятельности рабочих профсоюзов.

Он охотно принял приглашение и 20 января вечером в самом конце заседания появился в зале, где проходил пленум. Его встретили бурными аплодисментами, и председательствующий долго не мог объявить, что Димитрову предоставляется слово.

— Очень ценная речь,— сказал мне один из руководителей ОРПС.— В ней впервые ясно и открыто поставлены важнейшие вопросы. Слова о социализме произвели самое сильное впечатление и были встречены с горячим одобрением. До этого мы все обходили этот вопрос, но сейчас Димитров ясно указал, что строительство социализма — это наша ближайшая задача!

Я читал расшифрованный текст.

В этой исторической речи рассматриваются три главные проблемы: об отношении к новому государству; о задачах профсоюзов в новых условиях и, наконец, о перспективах нашего общественного развития. Неотразимое впечатление произвели на нас слова о необходимости искоренения бюрократизма. В частности, он сказал: «Возьмите, например, государственные учреждения. Сколько еще осталось в них старой ржавчины! Сколько авгиевых конюшен нужно еще очистить! Их невозможно очистить за один-два месяца. Для этого необходима железная метла, которая действовала бы планомерно, систематически, в течение длительного периода, и эта железная метла должна находиться прежде всего в руках организаций рабочего класса — в руках профессиональных союзов. *Могут ли наши профессиональные союзы терпеть в государственных учреждениях тот гнилой, преступный бюрократизм, какой существует теперь во многих учреждениях? Могут ли они терпеть такую коррупцию, взяточничество, расточительство, которые существуют во многих государственных учреждениях? Могут ли профессиональные союзы терпеть отсутствие трудовой дисциплины, какое мы наблюдаем почти во всех государственных учреждениях, где многие чиновники и служащие не уплотняют свой рабочий день, а работают спустя рукава, бродят из комнаты в комнату, мешают правильному функционированию государственного аппарата, необходимому для быстрого восстановления народного хозяйства? Разумеется, не могут!»* [1].

Речь, произнесенная на пленуме ЦК ОРПС, готовилась к публикации. Работая над текстом расшифрованной стенограммы,

[1] *Димитров Г.* Избранные произведения, т. 2 (1941—1949 годы), с. 141.

товарищ Димитров особенно отшлифовывал те места, которые явились для нас новым словом.

«Чтобы государство стало народным, мы должны относиться к нему по-новому, освободиться от остатков старого, враждебного отношения к государству»[1]. Далее излагаются многогранные задачи профсоюзов в новой обстановке. *«Теперь мы — строители, творцы новой, демократической Болгарии, мы хотим двигать ее вперед.., туда, где все народы в один прекрасный день найдут свое освобождение и счастье,— к социализму»*[2].

«...Болгарский народ тем скорее сможет прийти к социализму, чем тверже сами народные массы в городе и деревне убедятся в спасительности и в исторической необходимости социализма»[3].

За два дня Г. Димитров произнес две важные речи — и обе без предварительно подготовленного текста. Когда он к ним готовился, я не могу сказать; я не видел, чтобы он отводил для этого специальное время. Я начинаю понимать, что он заранее все уточняет про себя, но не пишет на бумаге. Потом, обладая прекрасной памятью и умением ярко и быстро импровизировать, он создает речь в процессе ее произнесения.

За последние дни произошел ряд знаменательных международных событий. Прежде всего в Лондоне была открыта первая сессия Генеральной ассамблеи недавно учрежденной Организации Объединенных Наций (ООН), на которую исстрадавшийся мир возлагал столько надежд.

Из Лондона телеграф принес и другое многозначительное сообщение — агентство Рейтер передало, что, по сведениям английских специалистов, советские ученые создали намного более мощную атомную бомбу, чем американская. Нам очень хочется, чтобы эта информация оказалась верной. С советской стороны все еще не поступило ни подтверждения, ни опровержения. Американцы шантажируют мир в продолжение семи-восьми месяцев своей монополией на новое страшное оружие, уже испытали его над Японией; в Хиросиме за один миг было убито и ранено более 140 тыс. человек; началась эра так называемой атомной дипломатии.

Учредительное собрание Албании провозгласило страну народной республикой. Просмотрев прессу, товарищ Димитров подчеркнул синим карандашом слова: «Вторая народная республика на Балканах». Вслед за Югославией, которая некоторое время тому назад объявила себя Федеративной Народной Рес-

---

[1] *Димитров Г.* Избранные произведения, т. 2 (1941—1949 годы), с. 142.
[2] Там же, с. 144—145.
[3] Там же, с. 145.

публикой и осуществляла глубокие революционные преобразования, Албания официально отвергла монархию. Позиции народной демократии на Балканах укрепляются.

В Нюрнберге продолжается процесс против гитлеровских военных преступников. Был допрошен Геринг — организатор поджога рейхстага и последовавшего вслед за ним процесса в Лейпциге. Он сказал, что приписываемое ему заявление о том, что коммунисты подожгли рейхстаг в 1933 г., является необоснованным.

Прокурор: «Как вы могли сказать вашему секретарю по печати через час после начала пожара в рейхстаге и без проведения расследования, что это дело коммунистов?»

Геринг: «Так хотел фюрер». И добавил: «Гитлер уже был в рейхстаге, когда я туда прибыл; канцлер уже считал, что пожар — это дело коммунистов...»

Искусственно разжигаемая антиболгарская истерия в Греции все больше усиливается. Среди реакционных кругов все чаще раздаются истерические возгласы: «Вперед, на Софию!» Притязания на болгарскую территорию доходят чуть ли не до Стара-Планины, а требования о репарациях приобретают фантастические размеры. Эта кампания преследует главным образом внутриполитические цели — создать в стране настроения против новой Болгарии и таким путем дискредитировать антифашистский фронт в самой Греции.

Сегодня в мире все взаимосвязано. За благовидными разговорами о послевоенном сотрудничестве все больше ощущается холод в отношениях между бывшими великими союзниками. Реакционная печать в западных странах развертывает все более разнузданную антисоветскую и антикоммунистическую кампанию. Это отражается на действиях греческих реакционных кругов и нашей оппозиции.

Среди оппозиционеров, и в частности среди сторонников Николы Петкова, наблюдается значительная активизация. По всему видно, что они готовят какую-то новую политическую акцию. Из многих мест поступает все больше сигналов об их сумасбродных наглых действиях. Видимо, Московское совещание трех министров иностранных дел положило начало каким-то новым взаимоотношениям между Отечественным фронтом и так называемой оппозицией Отечественного фронта.

15 января закончились парламентские каникулы и начались ежедневные вечерние заседания Народного собрания. Димитров принимает в них участие. За эти дни не произошло ничего особенного. Но это затишье временное. Готовится парламентское наступление. В министерствах, в Совете Министров и в Полит-

бюро ЦК БРП(к) подготовлены и рассмотрены важные законопроекты, принятие которых позволит решать главные проблемы нашей жизни и нашего развития. Вчера вечером в здании Народного собрания состоялось расширенное заседание Национального комитета Отечественного фронта с участием центральных руководящих органов всех партий Отечественного фронта и бюро их парламентских групп. На нем присутствовал и товарищ Димитров. В ходе заседания сделаны выводы, связанные с итогами Московского совещания. Решено развернуть широкую кампанию среди народа по разъяснению действий оппозиции.

26 января 1946 г., суббота

Вспыхнула острейшая борьба между сторонниками курса развития страны, который начали осуществлять Отечественный фронт и народное правительство, и оппозиционными силами, стремившимися навязать свой курс.

Вчера министр юстиции внес в Народное собрание первый важный законопроект — о конфискации имущества, приобретенного путем спекуляции и иными незаконными средствами. Его одобрение имеет огромное политическое, моральное и социально-экономическое значение и нанесет сильный удар той части буржуазии, которая во время войны присвоила баснословные богатства за счет ограбления народа. Проект рассматривался в Политбюро, над ним работал лично товарищ Димитров. Подготовлен для внесения и другой важный законопроект — об аграрной реформе, предусматривающий наделение землей безземельных и малоземельных крестьян. Народные массы с нетерпением ждут одобрения этих актов народной власти, представляющих собой новые рубежи нашей общественной жизни.

Естественна и реакция сторонников Николы Петкова, выразившаяся в ряде враждебных действий.

За последние дни все очевиднее перемена в поведении всех оппозиционных групп. Так, сторонники Николы Петкова, чтобы осложнить обстановку в стране и предотвратить возможное признание нашего правительства двумя западными державами, повсеместно перешли к провокационным действиям, которые становились все более наглыми.

Газета «Земеделско знаме» в статье «Атака реакции» не случайно писала: «Нужно отметить, что терпение власти кое-кто принял за слабость, открыто выступил против требований закона и перешел к саботажу в области экономики и общественной жизни». Национальный комитет Отечественного фронта обратился к болгарскому народу с призывом к бдительности в отно-

шении черных замыслов реакции. Вскоре опасения коммунистов подтвердились. Генерал-полковник Бирюзов сообщил Георгию Димитрову, что в Союзную контрольную комиссию (СКК) поступило новое письмо оппозиции, содержащее просьбу об иностранном вмешательстве во внутренние дела нашей страны.

— Еще одна кляуза! — с гневом и горечью сказал Димитров.

Как ни странно, Лондонское радио сразу же передало текст этой «петиции», назвав ее «меморандумом оппозиционных сил», а в Болгарии ее авторы хранят полное молчание. Газета «Народно земеделско знаме» также не обмолвилась ни словом. Болгарский народ узнал о ней из сообщений прессы Отечественного фронта, которая назвала «петицию» «подлым ударом в спину народа». [Лишь 31 января ее сочинители решились оповестить своих сторонников, что они послали в СКК «заявление», но о его содержании умолчали.]

В этой «петиции», которую состряпали Никола Петков, Коста Лулчев и Петко Стоянов (профессор, назвавший себя независимым депутатом), утверждается — ни больше, ни меньше,— что выборы 18 ноября минувшего года прошли «при неслыханном терроре и насилии», что оппозиционные партии подвергались преследованиям, что болгарский народ лишен свобод... Авторы настаивают на вмешательстве Союзной контрольной комиссии во внутренние дела страны, сформировании нового правительства, роспуске Народного собрания, проведении выборов под иностранным контролем.

Ознакомившись с содержанием «меморандума», товарищ Бирюзов отказался принять его. Он пригласил авторов письма и заявил, что подобный документ, в котором содержится требование об иностранном вмешательстве во внутренние дела суверенной страны, не заслуживает внимания, не может быть предметом какого бы то ни было обсуждения и поэтому возвращается его составителям.

Разногласия возникли и в некоторых кругах Отечественного фронта, и прежде всего в союзе «Звено». В эти дни открыто выступили правые элементы «Звена», сгруппировавшиеся вокруг директора газеты «Изгрев», председателя парламентской группы Васила Юрукова. На заседании Исполнительного комитета союза «Звено» и его парламентской группы В. Юруков произнес речь, в которой выражал симпатии к враждебным Отечественному фронту лидерам оппозиции и прибегал к антикоммунистическим выпадам.

Уже на следующий день газета «Работническо дело» подвергла острой критике это двуличное поведение. Известные дея-

тели Отечественного фронта, говорится в статье, кокетничают со злостной оппозицией, открыто подстрекают ее. «Мы должны прямо сказать, что сидеть между двух стульев никогда не было полезно, а сейчас причиняет только вред». «Вопли о «коммунистической опасности» служат для прикрытия темных замыслов реакции». В конце статьи выражается надежда, что дружеская критика поможет «Звену» навести порядок в своем доме.

Вчера вечером, после заседания Народного собрания, состоялось совещание парламентской группы БРП(к) под председательством товарища Димитрова. Новая «петиция» оппозиции была квалифицирована как «позорный акт глубочайшего политического падения, как попытка скомпрометировать нашу страну перед другими государствами». Сразу после совещания Димитров пригласил журналистов и заявил:

— Сегодня вечером мы провели короткое заседание, на котором приняли решение использовать свободные от заседаний дни для разъяснительной работы в провинции. Наши депутаты завтра разъедутся по своим избирательным округам, где проведут публичные собрания и расскажут народным массам правду о новом письме оппозиции. Они также изучат на местах нужды и настроения народных масс.

31 января 1946 г., четверг

Под вечер в столице состоялся митинг, созванный с целью осуждения действий кляузников и поддержки законопроекта о конфискации имущества, приобретенного незаконным путем. Вначале его организаторы, видимо, не собирались устраивать большого митинга, о чем говорит также и тот факт, что местом его проведения была избрана небольшая площадь Народного собрания. Но неожиданно митинг превратился во внушительную демонстрацию народных масс — они заполнили не только эту площадь, но и бульвар Царя Освободителя от здания ректората университета до царского дворца, а также прилегающие к нему улицы и скверы.

В это время в Народном собрании продолжались заседания, и товарищ Димитров был в зале заседаний. Время от времени я выходил на площадку у главного входа, где находилась трибуна, и узнавал, как проходит митинг. Его открыл краткой речью председатель областного комитета Отечественного фронта Милко Тарабанов. Потом выступили представители БЗНС — Йордан Абаджиев, «Звена» — Ангел Шишков и БРП(к) — Тодор Живков.

Тодору Живкову тогда едва исполнилось 35 лет. Он был секретарем Софийского областного комитета партии и, по общему убеждению, являлся его ведущим работником. Это энергичный, инициативный и решительный человек, которого отличают широкий размах в работе и умение поддерживать тесные связи с народными массами. Ранее он был одним из руководителей партизанского движения. Когда Тодор Живков начал выступать, из здания Народного собрания вышли товарищ Димитров, а также другие руководители правительства и Отечественного фронта и большая группа депутатов. Появление Георгия Димитрова присутствующие на площади встретили бурными овациями. Тодор Живков вначале немного смутился, но быстро овладел собой и продолжал говорить так же четко и громко, как и до этого.

— Кроме позорной «петиции»,— сказал товарищ Живков,— оппозиция в последнее время прибегала к шантажу, организовала немало взрывов, убийств и актов саботажа. В канун мирной конференции она хочет предпринять все возможное, чтобы сорвать заключение мирного договора с Болгарией...

[Пока товарищ Живков выступал, Георгий Димитров стоял рядом с ним и внимательно слушал. Именно в этот момент и запечатлел их фоторепортер: Тодор Живков, несмотря на мороз, стоит на трибуне перед микрофоном без головного убора и произносит речь, не заглядывая в листки, на которых напечатан ее текст. А возле него — Георгий Димитров. Это лучшая фотография товарища Димитрова с Тодором Живковым. Снимок появился в газете «Работническо дело». Его клише затерялось, фото выцвело, и восстановить его уже нельзя. Это может сделать только художник. Тогда же Г. Димитров и Т. Живков были запечатлены и на другом снимке, но не совсем удачно.

Фотограф, видимо, и не подозревал, что в этот момент он запечатлел двух деятелей, которым отведена выдающаяся роль в нашей истории. Центральный Комитет партии во главе с Тодором Живковым продолжает дело социалистического строительства в Болгарии.]

После того как закончились речи, товарищ Димитров без охраны спустился по ступеням и оказался среди толпы, которая подалась к лестнице перед входом в парламент. Здесь собралось много инвалидов войны. Одни были в колясках, а другие на костылях. К ним и направился Г. Димитров. Он сердечно приветствовал их, со многими здоровался за руку и беседовал. Мне не пришлось быть возле него, и поэтому я не мог слышать слов, которыми обменивались он и его собеседники. Но я видел, как время от времени он наклонялся к некоторым инвалидам, сидя-

щим в колясках, каждому из них клал руку на плечо и, улыбаясь, сжав пальцы в кулак, говорил, наверное, следующее: не унывайте, крепитесь, вы нужны родине, мы не забудем вас. Митинг закончился, но люди не расходились. Они скандировали, выкрикивали приветствия, аплодировали.

Со всех концов страны поступают известия о массовых собраниях и митингах, на которых народ осуждал действия оппозиционеров. На митинге, состоявшемся в Пловдиве, большую речь произнес Васил Коларов.

У меня имеются весьма благоприятные возможности — после каждого доклада я задерживаюсь на несколько минут в кабинете товарища Димитрова, и мы беседуем. Я задаю ему разные вопросы, на которые он терпеливо отвечает; иногда высказываю кое-какие соображения или информирую его. Он всегда внимательно слушает. Для меня такие беседы представляют исключительный интерес и большую ценность. Иногда я осуждаю себя за то, что отнимаю у него время, но вижу, что не досаждаю ему, и это меня ободряет.

Однажды днем после доклада я спросил товарища Димитрова о заявлении оппозиции. Он оживился. В его глазах промелькнули гнев и усмешка.

— Да-а! Бирюзов преподал им хороший урок. Болгарских политических деятелей патриотизму учит иностранец! — И возмущенно добавил: — Постыдные дела!

Вы должны знать,— продолжал он,— что они только называются болгарскими политическими деятелями. На самом же деле они пляшут под чужую дудку.

Так я начал постепенно понимать, что несговорчивость и неуступчивость оппозиционеров инспирируются извне.

Все больше обнажается роль Барнса — политического советника американской военной миссии в Софии. Этот наглый разведчик в форме дипломата мечется по Софии, сорит деньгами, делает оппозиционерам подарки, снабжает их продуктами. Генерал Бирюзов позднее рассказал, как Барнс, пользуясь своими служебными привилегиями, запрашивал и получал у болгарского государства в 10 раз больше продуктов питания, чем ему полагалось, и раздавал их своим подопечным... Иными словами, брал их у нашего государства, чтобы использовать против нашего же государства. Барнс давал наставления оппозиционерам и подстрекал их к враждебным действиям. Он обнадеживал их заявлениями о скором вмешательстве западных стран в дела Болгарии, вводил в заблуждение, похваляясь всесилием США, и особенно спекулировал на монопольном владении атомной

бомбой, утверждал, что предстоит война, что в Болгарии скоро власть перейдет к оппозиции.

Вот как обстояли дела!

В Москве Барнс предлагает и подписывает решение о включении в состав правительства двух представителей оппозиции, а в Софии Барнс подстрекает оппозиционеров к отказу от участия в правительстве.

На днях я встретился с известным публицистом и литератором, секретарем регентского совета Тодором Геновым, который давно поддерживает связи с различными общественными кругами. Разговорившись, мы завели речь о политических событиях. Он сообщил о своих некоторых наблюдениях за Барнсом и Николой Петковым, проливающих свет на многие их действия.

— Барнс,— сказал Генов,— приглашает их в маленький бар в Юнион клуб. Там в обеденное время встречаются Никола Петков, Никола Бронзов, дамочки и торгаши и устраивают кутежи. Для них не существует ни талонов, ни пайков — все улаживает Барнс.

Я знал, что Никола Петков является сыном бывшего Председателя Совета Министров Димитра Петкова, убитого на улице политическими противниками, и братом Петко Д. Петкова, единомышленника Ал. Стамболийского, одного из самых пламенных приверженцев Единого фронта, сторонника единства действий с компартией, убитого фашистами в 1924 г. Н. Петков некоторое время был министром без портфеля в правительстве Отечественного фронта, но скоро вышел из его состава. Я еще не был знаком с этим оппозиционером, поэтому и спросил о нем Тодора Генова, который знал его давно.

— Он всегда был рантье. Владеет большим домом на улице Шишмана, недалеко от площади Народного собрания, лесом, поместьями, другим имуществом и акциями. В прошлом был издателем газет, ездил за границу. Вообще же никогда и ничем серьезно не занимался, но мечтал стать журналистом. По своим политическим взглядам он сторонник англо-французской ориентации. И воспитывался в таком же духе. Отлично владеет французским языком. Раньше не стремился дискредитировать Советский Союз, а относился к нему с известным пониманием. Когда было необходимо, защищал даже нас, коммунистов. Но всегда придерживался англо-французской ориентации. Это человек, стремящийся шефствовать, верховодить, никогда не сотрудничать в чужих газетах, а издавать свою газету. Любит, чтобы его окружали художники и писатели. Он сноб, немало читает и знает, но глубоких знаний у него нет. Из-за своего снобизма подвержен колебаниям, особенно когда затраги-

вается его честолюбие, являющееся одной из главных черт его характера. Не уважает своих единомышленников — членов Земледельческого союза. Он был и остается одиночкой с болезненным самолюбием.

13 февраля 1946 г., среда

В стране произошло много событий.

Последние дней десять товарищ Димитров был занят организацией кампании по изысканию продовольствия для населения и кормов для скота. Именно этой зимой наиболее остро ощущаются последствия военной разрухи и прошлогодней засухи. В некоторых местах из-за отсутствия фуража начался падеж скота. Недостаточны и нормы отпуска продуктов населению.

Проведение этой кампании началось в конце января после заседаний Политбюро ЦК БРП(к) и парламентской группы партии, проходивших под председательством Димитрова. Состоялись также заседания Национального комитета Отечественного фронта и бюро других парламентских групп, на которых были рассмотрены меры по облегчению тяжелого продовольственного положения в некоторых областях страны, вызванного нехваткой продуктов питания и фуража. В ходе проверок были установлены имеющиеся резервы соломы (особенно в Добрудже), которую нужно было срочно вывозить в районы, подвергшиеся засухе. Были выявлены также запасы продуктов питания у некоторых зажиточных крестьян, не сдавших продукты государству по разнарядке. Поэтому было принято решение развернуть всенародное движение с целью изыскания и мобилизации ресурсов продовольствия и фуража. Вместе с тем было обнародовано заявление, в котором говорилось, что в ближайшие месяцы ожидаются затруднения со снабжением хлебом городского и значительной части сельского населения.

Руководство проведением этой кампании Совет Министров возложил на председателя недавно созданного Верховного хозяйственного совета.

Товарищ Димитров повседневно и внимательно следил за ходом этой кампании.

На днях было опубликовано сообщение об оказании Советским Союзом безвозмездной помощи нашей стране. СССР поставлял нам кукурузу, ячмень, пшеницу и сено. Это зерно и фураж уже разгружаются в Бургасском порту. Трудно удержаться от восхищения этим благородным поступком, когда знаешь, что страна, протягивающая руку помощи братскому народу, сама располагает ограниченными запасами продовольствия и фуража

вследствие огромного материального ущерба, нанесенного войной.

В среду, 6 февраля, Народное собрание одобрило в первом чтении законопроект об аграрной реформе. Все депутаты и гости встали и встретили этот исторический акт продолжительными аплодисментами.

Этот законопроект, а также законопроект о конфискации имущества, приобретенного незаконными действиями, широко комментируются и обсуждаются по всей стране. В Национальный комитет Отечественного фронта, в Народное собрание, в Министерство земледелия и государственного имущества непрерывно поступают предложения и рекомендации; называются имена торговцев и спекулянтов, которые в годы войны накопили деньги и имущество нечестным путем; специальные комиссии Национального комитета Отечественного фронта рассматривают и анализируют эти рекомендации. В городах и селах проходят митинги и собрания, участники которых настойчиво требуют одобрения законопроектов. Трибунами этого плебисцита являются также газеты «Работническо дело», «Отечествен фронт», «Земеделско знаме», «Народ» и другие.

Но это одна сторона.

Другая сторона — отношение к этому реакционных и консервативных кругов. Например, оппозиционные газеты продолжительное время ничего не писали об этих актах народной власти, особенно о законопроекте о конфискации имущества, приобретенного незаконным путем. Однако 4 февраля вдруг прозвучал слабый, но злобный голос газеты «Знаме» (черной). Она называла законопроект «чудовищно жестоким, антисоциальным и бесчеловечным». Газета «Зелено знаме» тоже собралась с духом и буквально на следующий день охарактеризовала этот законопроект как «изъятие имущества у городского населения посредством узаконенной конфискации» (хотя в законопроекте речь идет об осуществлении одного из программных требований Стамболийского, последователями которого считают себя эти издатели!).

Яснее не скажешь!

Классовые интересы оказали решающее влияние и на их политику. Четко обозначились два социально-классовых и политических полюса нашего общества.

Народное собрание продолжало свою деятельность. Началось обсуждение законопроекта о бюджете государства на 1946 г. Первым выступил член парламентской группы БРП(к) Васил Коларов, который, по общему мнению, произнес блестящую речь.

10 февраля 1946 г. товарищ Димитров побывал на вечере бывших партизан в Военном клубе и произнес там короткую речь. Он подчеркнул огромную роль партизан в освобождении нашей страны от фашизма и призвал их высоко держать звание народного партизана.

Затем состоялся литературно-музыкальный концерт.

Георгий Димитров вместе с Трайчо Костовым, Добри Терпешевым [1] и другими руководящими товарищами сидел в первом ряду. На сцену, сменяя друг друга, выходили артисты и участники художественной самодеятельности. Они с воодушевлением пели революционные песни и декламировали стихи. Когда концерт подходил к концу, ведущий объявил:

— Сейчас прочтет стихотворение Нушка Григорова.

На сцену поднялась златокудрая девочка лет семи-восьми и поклонилась. Свободно и без смущения, ясным и звонким голосом прочитала стихотворение с подъемом и выразительно. К тому же это была очаровательная красивая девочка. Публика вызывала ее на бис.

Тогда Нушка, продолжая вести себя все так же непринужденно, протянула вперед ручонку и, указывая пальцем в сторону, где сидел Георгий Димитров, громко объявила: «Стихотворение Асена Босева «Дядя Георгий Димитров»».

И начала читать, указывая пальцем в том же направлении.

В зале вспыхнули бурные аплодисменты.

Георгий Димитров был растроган.

Бай Добри (Терпешев), ветеран революционного движения, эмоциональный человек, быстро встал, взял на руки маленькую чародейку и посадил ее Димитрову на колени. А он нежно обнял девочку, встал и, держа ее на руках, спросил, где сидят ее родители. На его вопрос живо отозвалась сиявшая от радости мать девочки.

— У вас прекрасная дочь,— сказал Димитров взволнованной матери.— У нее артистический талант, не препятствуйте его росту. Вы должны быть современной матерью!

Мать и отец Нушки были действительно современными людьми: он — старый член партии и активист бывшей нелегальной партийной организации в Софии, а мать — в прошлом ремсистка.

С этого дня Нушка, одаренная ярким артистическим талантом, стала участницей всех наиболее значительных общественных мероприятий, связанных с Димитровым.

---

[1] Добри Терпешев в то время был членом Политбюро ЦК БРП(к), Председателем Верховного хозяйственного совета.— *Прим. перев.*

Через несколько месяцев сентябрята художественного коллектива «Бодра смяна» пришли поздравить Димитрова с новым годом. Среди них была и Нушка, принятая в этот коллектив. Она снова прочитала стихотворение. Димитров обнял и поцеловал ее. Находившийся рядом фотограф запечатлел этот момент. Чудесный снимок, навеки вошедший в нашу историю, известен всему болгарскому народу. Он стал символом нашего времени, любви Димитрова к детям, которая была ему так присуща.

Поза схвачена удачно: вождь с мужественной осанкой, с высоким лбом и седыми волосами и маленькая девочка с золотисто-русыми волосами, заплетенными в две косички, обнявшись, улыбаясь, смотрят влюбленно друг на друга: он — с отцовским покровительством, девочка — с восхищением.

В воскресенье, 17 февраля, отмечался юбилей Народного военного училища им. Васила Левского. Впрочем, до недавнего времени оно называлось Военное училище Его Величества Царя и было прибежищем монархистов, реакционеров и антикоммунистов. Сейчас оно названо Народным училищем им. Васила Левского, но мы не уверены, насколько оно стало народным.

Я присутствовал лишь на параде во дворе училища, а на обеде после этого не был, так что все эти события мне придется восстанавливать не только на основе личных впечатлений.

Георгий Димитров был там уже в 10 часов. Как полагается по уставу, при встрече ему был отдан рапорт. Его встречали начальник училища генерал Христо Стойков (раньше он состоял в союзе «Звено» и участвовал в государственном перевороте 19 мая 1934 г., за что указом царя был уволен из армии, сейчас он член БРП(к)) и заместитель начальника училища по политической части Боян Былгаранов (член БРП(к), один из руководителей повстанческого движения). Затем Димитров присоединился к группе официальных лиц, среди которых находились Председатель Совета Министров Кимон Георгиев и военный министр генерал-полковник Дамян Велчев. Состоялся парад юнкеров (по инерции и мы употребляли это слово, хотя оно нам было ненавистно, так как во времена господства фашизма стало синонимом кастовости).

До обеда оставалось свободное время, и товарищ Димитров осмотрел военное училище; он обошел почти все: и спальни, и учебные комнаты, останавливался у стенгазет и прочитал некоторые заметки; рассматривая остроумно нарисованную карикатуру, он от всего сердца рассмеялся; беседовал с молодыми офицерами и юнкерами, спрашивал, как они живут и питаются.

Во время обеда три высоких гостя произнесли речи, которые были полностью опубликованы в печати вместе с фотографиями ораторов. Первым выступил Дамян Велчев. Орган партии коммунистов газета «Работническо дело» поместила эту речь на первой и третьей страницах и его портрет. С фото смотрит такое знакомое лицо со зловеще сжатыми губами, лицо, не вызывающее доверия. Между прочим, он сказал и о таких вещах, которые обращают на себя внимание и заслуживают того, чтобы о них знали.

Велчев заявил:

«Я знаю, что предпринимаются попытки настроить офицеров особенно против БРП(к), являющейся главной силой Отечественного фронта». Потом сказал, что не позволит, чтобы подобные попытки увенчались успехом в армии: «Я потребую строгой ответственности от всех тех, кто предпримет подобные попытки». Затем последовали похвальные слова в адрес нашей партии и Георгия Димитрова: «Из рядов РП(к) вышли смелые люди, защитившие нашу национальную честь в мрачные годы фашистского рабства. Велики их заслуги перед Болгарией». Далее он призвал к объединению в рядах армии офицеров старой армии и новых офицерских кадров, прошедших боевую школу в партизанских отрядах...

Нужно отметить, что десять дней назад Дамян Велчев сделал заявление, опубликованное прессой Отечественного фронта, относительно перемен, происшедших в последнее время в армии. Он сказал: *«Сокращения уже завершены, закончилось и обновление личного состава»* (курсив мой.— *Н. Г.*). Если раскрыть смысл этих слов, станет ясно, что чистка среди царско-фашистских офицеров, являвшихся главной опорой старого режима (многие из них обагрили свои руки кровью антифашистов в период жестокого террора), уже прекращена, что оставленные в армии старые офицеры (а их большинство!) будут продолжать службу...

Но возвратимся к обеду в Военном училище.

После Велчева выступил Кимон Георгиев, который заявил:

«Я особенно тронут речью моего товарища — военного министра господина генерал-полковника Дамяна Велчева, ибо счастлив слышать из его уст, что мы действительно живем в новую эру, когда уважаются подлинные интересы народа и когда государство возложило на себя обязанность перевоспитания всей нашей общественности и прежде всего армии». «Народная армия,— продолжал он,— должна перевоспитываться в духе идей Отечественного фронта».

Затем выступил Георгий Димитров. Он остановился на вопросе о перестройке нашей старой армии, «которой командовали фашисты и иностранные агенты, в армию народную, воспитанную на новых идеях, новых идеалах»[1]; в отличие от заявления военного министра, он подчеркнул, *что этот процесс еще не завершен.* Он пояснил далее, «в чем заключаются сейчас наши национальные идеалы, идеалы нашего народа»[2], ибо «армия без национальных идеалов не может быть боеспособной»[3], к тому же многие офицеры жалуются, что сейчас в этом вопросе нет ясности.

Потом он говорил о состоянии нашей армии и подчеркнул три момента: 1) в армии не должны создаваться никакие партийные организации, в том числе и организации БРП(к); если некоторые коммунисты создадут партийные организации в армии, они получат строгие партийные взыскания; 2) мы поддерживали и будем поддерживать военного министра в этом направлении; 3) «Армия должна быть сплоченной как действительно народная армия на основе программы Отечественного фронта. Но в армии нельзя терпеть конспиративные группы, выступающие против Отечественного фронта. Есть *фантазеры, которые думают, что им удастся совершить какой-то переворот. Это несостоятельные кандидаты в наполеоны»* (курсив мой.— *Н. Г.*)[4]. Затем он провозгласил тост за руководство нашей армии во главе с генерал-полковником Дамяном Велчевым и за нашу народную армию.

Таково краткое содержание этих речей.

Некоторые мои товарищи в разговоре со мной выразили недоумение. Один из них, с которым я сидел в тюрьме, встретив меня на улице, спросил:

— Что происходит? Вы очень афишируете Дамяна Велчева.

— Почему? — удивился я.

— А потому, что вчера товарищ Димитров выступал с речью вместе с Дамяном Велчевым; позавчера в газетах опубликованы снимки Димитрова и Дамяна Велчева, некоторое время тому назад состоялся митинг с участием Димитрова, на котором в качестве второго оратора снова выступал Дамян Велчев. Или он так быстро продвигается влево, или мы идем вправо?

Я попытался объяснить...

Воскресное торжество в Военном училище продемонстрировало не только единство, но и вскрыло глубоко противоречивое отношение к проблеме, кто должен составлять командные кадры армии. Этот вопрос вскоре приобретет первостепенное значение,

[1] *Димитров Г.* Съчинения, т. 12, с. 40.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Там же, с. 44—45.

будут разоблачены попытки осуществить переворот, всего через три-четыре месяца мы столкнемся с необходимостью радикальной чистки в армии, ее прежнее руководство лишится нашего доверия.

В субботу, 23 февраля, в Софию впервые официально прибыл маршал Советского Союза Федор Иванович Толбухин; его визит превратился в подлинно народное торжество.

Толбухина, одного из выдающихся современных полководцев, любят в нашей стране, его имя исключительно популярно у нас, пользуется уважением и окружено славой. Оно стало символом освободительного похода Красной Армии на Балканах; под его командованием обновленная болгарская армия приняла участие в боях на последнем этапе Великой Отечественной войны и внесла свой скромный вклад в справедливое дело освобождения Балкан и Европы от гитлеровских захватчиков.

До этой встречи я видел Толбухина впервые 14 февраля в Княжеве. В тот день Георгий Димитров занимался в кабинете текущими делами. Когда офицер охраны предупредил его о прибытии высокого гостя, товарищ Димитров сразу встал и отправился в холл.

Через минуту вошел маршал Толбухин (его портрет часто помещался в газетах, и поэтому было нетрудно узнать). Хозяин и гость крепко обнялись и обменялись горячими приветствиями. Видно, что они встречались не впервые, знали друг друга и были друзьями.

Став невольно свидетелем этой неожиданной сцены, я шагнул за штору, но не мог оторвать глаз от этих знаменитых людей, являвшихся сейчас олицетворением дружелюбия.

У Толбухина высокий лоб, гладко зачесанные русые волосы, типично русское, полное лицо; от него веет добротой, здоровьем и волей; его несколько грузная фигура человека, перешагнувшего уже 50-летний рубеж, выражает какое-то особое самообладание и невозмутимость.

Димитров пошел вместе с ним в гостиную.

Потом я узнал, что они познакомились в 1944 г.

Когда в Москве шли переговоры о заключении перемирия с Болгарией, Толбухин побывал у Димитрова в кабинете в здании ЦК ВКП(б). Там они впервые увиделись и долго беседовали о положении в Болгарии, обменялись информацией. В Москве между ними состоялись и другие встречи. Они обсуждали вопросы, касающиеся Болгарии и Балкан, все больше узнавали друг друга и сблизились. Влияние этих бесед на ход событий в Болгарии и на Балканах нельзя недооценивать.

Прошлый раз маршал Толбухин приезжал в Софию неофициально, по служебным делам. Тогда и была достигнута договоренность о его нынешнем официальном визите, поскольку в качестве гостя он к нам еще не приезжал.

В пятницу, 22 февраля, газеты сообщили, что в Софию прибудет маршал Советского Союза Ф. И. Толбухин, и поместили его портрет. Граждане приглашались на Центральный вокзал для встречи высокого гостя.

В 5 часов специальная мотриса доставила маршала Толбухина на столичный вокзал. Там уже находились государственные и общественные деятели, туда прибыл и Георгий Димитров. Улицы от вокзала до площади Народного собрания, несмотря на февральскую стужу, были буквально запружены народом. Кортеж автомашин по пути следования маршала (с ним прибыли генералы М. И. Неделин, М. И. Павелкин, В. А. Судец и другие советские военачальники) сопровождался нескончаемыми сердечными и восторженными овациями.

Несколько дней Болгария — ее официальные лица и народ — горячо выражала признательность и чувства любви к славному сыну советского народа. Вечером 23 февраля Ф. И. Толбухин присутствовал на торжественном собрании, посвященном 28-й годовщине Советской Армии. В честь этой даты маршал Толбухин устроил большой прием. На следующий день в газетах был напечатан снимок, на котором запечатлены Ф. И. Толбухин, Г. Димитров, Дамян Велчев (так случилось, что он оказался в середине), Васил Коларов и генерал-полковник С. С. Бирюзов. Потом Председатель Совета Министров К. Георгиев в честь гостя дал прием, на котором кмет[1] Софии Славчо Стоилов (один из лидеров Радикальной партии) объявил Ф. И. Толбухина почетным гражданином столицы и сообщил, что бульвар Фердинанда переименован в бульвар Толбухина.

В эти дни я видел маршала Толбухина несколько раз и могу более подробно рассказать о нем. К тому же я многое узнал и о его жизни. Это сильный, красивый человек с открытым, добрым и волевым лицом: его внушительность идет не от парадности и блеска маршальского мундира с огромными золотыми звездами на погонах, а от чего-то другого — от его спокойной величавости, широты (до безбрежности!), от его благородной доброты и, разумеется, от его биографии. В ней есть нечто необыкновенное, необъятное, овеянное революционной романтикой 1917 г. и что-то от великих побед на пути от Сталинграда до Берлина. Когда армии 3-го Украинского фронта в сентябре 1944 г. подошли к границе Болгарии, генерал армии (впоследствии маршал Совет-

[1] Кмет — председатель городского или сельского народного совета.— *Прим. перев.*

ского Союза) Толбухин обратился к болгарскому народу со знаменательными словами: «Болгары! Красная Армия не имеет намерения воевать с болгарским народом и его армией, так как она считает болгарский народ братским народом».

Говоря о Ф. И. Толбухине, я сразу же должен сказать и о С. С. Бирюзове. Заместитель Толбухина по Союзной контрольной комиссии в Болгарии, командующий советскими войсками в Болгарии генерал-полковник С. С. Бирюзов — тоже знаменитый человек, который вскоре стал одним из видных советских военачальников.

С. С. Бирюзов — человек с глубоким и тонким умом. Он наш друг и товарищ. Мы любим его, а он любит нас. Он обладает всеми качествами опытного дипломата — владеет сложным искусством правильно решать самые запутанные вопросы с самыми различными людьми, умеет довести дело до благополучного конца.

У него стройная фигура, симпатичное, улыбающееся лицо. Глубина мысли, деликатность сочетались у С. С. Бирюзова с сердечностью и товарищеской отзывчивостью и способностью сотрудничать со многими людьми и решать одновременно множество вопросов. Это заставляет своенравных военных представителей союзников в Контрольной комиссии относиться к нему с уважением. С коммунистами Бирюзов по-товарищески открыт и добр, с руководителями Отечественного фронта — вежлив и почтителен, с оппозиционерами — строг, но не груб. Он уважает противную сторону, не позволяет себе ничего такого, что унижало бы ее достоинство.

Ф. И. Толбухин и С. С. Бирюзов относились к Г. Димитрову с глубоким уважением и, я бы сказал, с благоговением. Они видели в нем не только руководителя БРП(к) и Отечественного фронта. Он остался для них — они так и относились к нему — выдающимся деятелем международного коммунистического движения, руководителем крупного масштаба. Федор Иванович, пишет генерал-лейтенант Кузнецов, биограф Толбухина, как и миллионы людей на земле, преклонялся перед неустрашимостью пламенного революционера и борца за дело коммунизма. «Мои личные отношения с Георгием Михайловичем,— скажет позднее сам С. С. Бирюзов,— отличались исключительной теплотой»[1].

Ф. И. Толбухин и С. С. Бирюзов!

Это настоящие русские люди, настоящие советские люди! Когда представляешь их, испытываешь гордость за русский народ, за революцию, воспитавшую таких деятелей.

---

[1] *Бирюзов С. С.* Суровые годы. М., 1966, с. 526.

В четверг, 28 февраля, ночью специальной мотрисой маршал Ф. И. Толбухин отбыл из Софии в Кюстенджу (Румыния), где находится штаб 3-го Украинского фронта (он был председателем СКК и в Румынии). Его сердечно проводил и Георгий Димитров.

27 февраля 1946 г., среда

Последние три-четыре дня я был занят прежде всего расширенной Софийской областной конференцией БРП(к). Она открылась в воскресенье, 24 февраля. Еще в субботу товарищ Димитров поручил мне присутствовать на заседаниях конференции и информировать его о ходе ее работы.

Я сидел в зале, делал записи, затем разыскивал Димитрова — либо дома, либо на торжественном собрании или на деловой встрече, чтобы проинформировать о ходе конференции. Мои сообщения он слушал с интересом и вниманием, задавал вопросы. Я понял, что он собирается выступить в прениях.

Конференция проходила в кинотеатре им. Д. Благоева.

Перед открытием конференции хор им. Георгия Киркова исполнил «Интернационал», «Дружна песен»[1] и краткую литературно-музыкальную программу. С приветствиями выступили секретарь ЦК БРП(к) и представители других партий Отечественного фронта, после чего приступили к обсуждению вопросов повестки дня. Председательствующий Никола Дончев предоставил слово докладчикам — Димитру Ганеву и Тодору Живкову. Тихий и молчаливый Димитр Ганев — первый секретарь областного комитета (один из видных деятелей Добруджанского революционного движения, некоторое время был секретарем ЦК Румынской компартии) — сделал доклад о международном и внутреннем положении; второму секретарю Николе Дончеву, старому деятелю рабочего движения, в связи с тем, что ему трудно произносить речи, поручили только председательствовать; основная же и самая трудная задача — отчетный доклад о работе комитета — была возложена на Тодора Живкова, самого молодого из секретарей комитета.

Живков отметил, что областная партийная организация, насчитывающая 70 тыс. членов партии, выросла в мощную политическую силу.

В понедельник и в первой половине дня во вторник проходили прения при высокой активности делегатов. Выступил с речью и секретарь ЦК БРП(к).

---

[1] Болгарская революционная песня.— *Прим. перев.*

Однако в своем заключительном слове Тодор Живков высказал неудовлетворенность тем, что критика в адрес областного комитета была недостаточной.

Все утро я поддерживал связь с резиденцией Димитрова в Княжеве. «Готовится»,— сообщил мне многозначительно начальник охраны.

На конференции тоже стало известно, что должен быть высокий гость, и поэтому ждали его с минуты на минуту. В 12 часов, когда Тодор Живков заканчивал заключительное слово, Никола Дончев сообщил, что прибыл товарищ Димитров. Георгий Димитров вошел в зал и занял место в президиуме. Вспыхнули бурные овации. Мне, сидевшему среди делегатов, передался их энтузиазм и целеустремленность, которые были столь характерны для всех кадров нашей партии и нашего времени. В ответ на приветствия Димитров махал рукой. На этот раз он был более сдержан, сосредоточен и углублен в собственные мысли — был настроен по-деловому.

Димитров выступал почти час. Эта речь представляет собой вершину его ораторского мастерства. В ней не было ни одного лишнего слова. Она была произнесена пламенно. Эту исключительно важную речь отличают высокий теоретический уровень и политическая страсть. Делегаты слушали ее, затаив дыхание.

Димитров убедительно и неоспоримо показал наиболее жизненные проблемы нашей партии, ее сущность, характерные черты, условия, необходимые для того, чтобы она могла выполнить свои задачи. Сильнее, чем когда бы то ни было, вождь партии и народа осветил главные стороны жизни, смело определил цели, призвал партийные кадры и трудящиеся массы к активной работе.

— Наша партия... является, можно сказать, *исторической партией,*— подчеркнул Димитров.— Она родилась в борьбе, строилась, развивалась и продолжает постоянно расти в борьбе... И должна существовать и обязательно будет существовать до тех пор, пока вообще не отпадет необходимость в существовании политических партий.

Далее оратор отметил, что «в партии должна существовать железная дисциплина, сознательная и добровольная, но *железная дисциплина,* которая должна основываться и основывается на нашем единомыслии, на единстве задач и целей партии, на нашей марксистской науке, ведущей нас к победам» [1].

---

[1] *Димитров Г.* Избранные произведения, т. 2 (1941—1949 годы), с. 149—150.

Затем Димитров охарактеризовал четыре основные категории кадров в нашей партии в данный период: состоявшие в рядах партии до 9 сентября без перерывов, активно работавшие, испытанные в борьбе партийные кадры, составляющие костяк партии; кадры, которые не являлись активными работниками партии, стояли в стороне, но помогали партии в ее работе в городе, деревне; кадры, принимавшие участие в борьбе в отдельные периоды и особенно в Сентябрьском восстании 1923 г., но затем стоявшие в стороне; кадры, вступившие в партию после победы 9 сентября 1944 г.[1]

«Партия заинтересована в том, чтобы рационально использовать все эти кадры... В переживаемый нами период нашей задачей является ускорить сплочение кадров всех этих категорий в одно целое, в единый партийный коллектив. От этого в значительной степени будут зависеть сплоченность, дисциплина и боеспособность нашей партии»[2].

А затем он снова коснулся вопроса, затронутого на пленуме ОРПС.

— Наши кадры, все мы,— сказал он,— начиная с меня и кончая рядовыми членами партии, *должны учиться управлять.* Раньше мы не были правящей партией, а существовали на положении оппозиционной партии; тогда мы критиковали, боролись, но не управляли, если не говорить о некоторых общинах, которыми до 1923 года мы временно управляли. Теперь, после 9 сентября, мы приобретаем опыт и как правящая партия. Этот опыт нам крайне необходим. Наши партийные кадры должны учиться, где бы они ни находились. Все мы должны учиться управлять, учиться строить; должны научиться строить вместе с нашими союзниками по Отечественному фронту, научиться работать с ними дружно; наладить такое соревнование между нами и нашими союзниками, чтобы мы могли давать лучших специалистов, чтобы наши кадры были на первом месте и всегда оправдывали доверие, которое им оказывается. А для этого необходимо трудиться, нужны знания, умение, нужно не лениться, не предаваться самоуспокоенности и сектантскому самодовольству, не почивать на лаврах, а учиться и учиться, неустанно работать над собой.

Далее он перешел к вопросу о политике партии, опроверг прежде всего тех, кто заявлял, будто наша партия превратилась в обычную демократическую партию, что она молчаливо отказалась от социализма.

---

[1] См. *Димитров Г.* Избранные произведения, т. 2 (1941—1949 годы), с. 152.
[2] Там же, с. 153.

— В чем, собственно говоря, заключается наша политика на данном этапе общественного развития, то есть в эру Отечественного фронта? ...С точки зрения нашей партии, как партии рабочего класса, как партии трудового народа сейчас и в будущем, осуществление программы Отечественного фронта на деле и до конца означает создание необходимых условий, которые могли бы дать нашему народу возможность перейти к социализму.

А условия для перехода к социализму сейчас совсем иные, и именно в связи с этим Димитров сказал знаменательные слова:

— Таким образом, существование великого социалистического государства, каким является Советский Союз, и исторические демократические преобразования, происходящие после войны, ставят, между прочим, перед многими странами вопрос о строительстве социализма *как вопрос о сотрудничестве рабочего класса с крестьянством, ремесленниками, интеллигенцией и другими прогрессивными слоями народа* (курсив мой.— *Н. Г.*). В свое время, когда и у нас, в Болгарии, перед нашим народом встанет вопрос о переходе от нынешнего общественного строя к новому, социалистическому строю, *коммунисты, опираясь на народ и выполняя общенародную историческую задачу, будут строить новое, социалистическое общество вместе с крестьянством, ремесленниками и интеллигенцией* (курсив мой.— *Н. Г.*).

Делегаты жадно ловили каждое его слово. До недавних пор у нас не было принято делать заявления по этим вопросам — социализм не был предметом актуальной политики, а был более далекой задачей. Сейчас о нем говорилось конкретно! Товарищ Димитров продолжал разъяснять свою новую мысль:

— ...Каждый народ будет идти к социализму не по одному и тому же... пути, не точно по советскому пути, а по своему — в зависимости от своих исторических, национальных, культурных и других условий.

Товарищ Димитров закончил речь и занял свое место. Делегаты устроили бурную овацию.

Речь Г. Димитрова на Софийской областной партийной конференции заняла особое место в идейно-политической жизни партии и страны. Уже на следующий день в сообщении о конференции «Работническо дело» охарактеризовало ее как «великую историческую речь» и что «день 26 февраля, когда она была произнесена, будет памятным». Речь была опубликована 2 марта, в субботу, и сразу оказалась в центре внимания. Более того, прошло немного времени, и она стала предметом обсуждения в других странах. Но об этом я буду говорить позднее.

Значение речи можно определить так.

Во-первых, вместе с речами Г. Димитрова на IX пленуме ЦК партии и на пленуме профсоюзов она представляет собой самостоятельное выступление нашей партии, входящей в Отечественный фронт, но одновременно имеющей и свою великую цель, свою программу и свои особые принципы.

Во-вторых, в ней впервые выдвигается и развивается положение о новом пути строительства социализма, как пути использования примера советских братьев, своего рода повторения пути Октября, но с учетом некоторых болгарских особенностей.

В-третьих, если мы проследим бурное развитие внутриполитических событий в предстоящие месяцы, то увидим, что здесь положено начало крупному политическому наступлению партии с целью укрепления ее позиций в Отечественном фронте и самого Отечественного фронта, превращения правительства в более однородный и целенаправленный орган власти.

А в этом ощущалась острая нужда. Некоторое время спустя Г. Димитров разъяснит, что положение, сложившееся в органах управления, не отвечает реальному соотношению сил и не может дольше продолжаться. Расстановка сил наверху не соответствует соотношению сил внизу. Наверху наблюдаются элементы коалиции и стремление сохранить это положение (некоторые деятели других партий все чаще высказываются за паритетные начала сверху донизу). Внизу настрой решительный, а мы наверху все торгуемся и рвем друг другу волосы. Хотя в армии есть наши люди, она не надежна. Правительство недостаточно деловое, чтобы отвечать требованиям, диктуемым жизнью страны. Связанные международными обязательствами и учитывая необходимость подписать мирный договор, мы задерживаем решение некоторых наболевших социальных проблем, что вызывает неудовлетворенность части народных масс. Этим ловко пользуется оппозиция. Все это ложится тяжелым бременем на плечи нашей партии, которая несет основную ответственность за управление страной и ее судьбу, но не имеет достаточной власти и возможностей для проведения нужных коренных мероприятий.

28 февраля 1946 г., четверг

Товарищ Димитров принял участие в двухдневном совещании областных и околийских начальников народной милиции и других ответственных работников Министерства внутренних дел. С большой речью выступил министр внутренних дел, который призвал укреплять законность, чтобы народ мог спокойно заниматься мирным, творческим трудом.

В Военном клубе по этому случаю состоялся вечер, на котором присутствовали видные деятели Отечественного фронта; прибыл и товарищ Димитров. В соответствии с духом нашего времени официальные гости провозглашали тосты и держали речи. Я не могу не привести двух отрывков из поздравления Димитрова.

— Народ,— сказал он,— любит свою милицию. Чем сильнее ее ненавидят враги, тем больше ее любит народ. Эта любовь представляет собою огромный морально-политический капитал Отечественного фронта и родины.

И далее высказал такую мысль:

— Все мы должны знать, что дело, историческое дело Отечественного фронта, еще далеко не завершено. Мы, как народ и как страна, поднимаемся в гору, к высокой вершине, может быть, более высокой, чем наша Мусала [1]. Мы, то есть наш народ, армия, народная милиция, идем шаг за шагом с большим трудом, прилагая большие усилия, по крутым тропинкам, ведущим к этой вершине, но находимся от нее еще далеко... До этой цели остается еще половина, самая трудная половина пути, преодолев которую мы превратим свою родину в действительно благоденствующую, счастливую, новую страну.

Сообщается о двух судебных процессах, которые говорят об эффективности работы народной милиции. В Стара-Загоре вынесен приговор по процессу над легионерами. Одиннадцать легионеров из Нова-Загоры, большинство из которых сыновья осужденных народным судом противников народной власти, около года тому назад создали подпольную группу и хотели уйти в горы, чтобы вести вооруженную борьбу против нового строя. Суд учел, что они не совершили преступлений, проявил к ним снисходительность и вынес мягкие приговоры. Совсем другое дело с бандой, назвавшей себя «Доктор Г. М. Димитров». С августа по октябрь 1945 г. приверженцы «оппозиции Отечественному фронту», а фактически все бывшие жандармы, агенты, полицейские и другие, подобные им типы, совершали грабежи и убийства, повергнув в ужас весь Кюстендилский край. В августе 1945 г. они напали на лагерь ремсистов и убили пять человек; в селе Громада они взорвали две бомбы во время собрания членов БЗНС, при этом были ранены несколько человек. Банда была раскрыта и поймана. Два дня назад бандитам вынесен обвинительный акт.

Сейчас мне хочется вернуться к заседанию Народного собрания, на котором обсуждался проект государственного бюджета на 1946 г., и коротко рассказать о нем. На трибуну поднялся

---

[1] Мусала — самая высокая вершина Рильских гор.— *Прим. перев.*

депутат от партии социал-демократов. В своей речи он подверг критике Верховный хозяйственный совет за то, что еще не составлен план экономического подъема страны. Между оратором и Добри Терпешевым разгорелась полемика...

Товарищ Димитров, который терпеливо слушал реплики обеих сторон, спокойно и твердо сказал:

— Терпи, бай Добри, терпи!

Но Терпешев продолжал возмущаться, заявляя, что оратор говорит неправду.

— Тут люди задыхаются на работе,— говорил Д. Терпешев,— а он публично обвиняет! Безобразие!

Тогда товарищ Димитров, обращаясь к нему и другим депутатам, бросил реплику, ставшую у нас широко популярной:

— Министр должен терпеливо выслушивать критику даже тогда, когда она несправедлива.

Часть вторая

Политическое наступление; два урока; Черчилль объявляет «холодную войну»; Кимон Георгиев; дедушка Крыстё Попов; Елин Пелин; Елена и Люба; глубокая скорбь; Димитров изобличает Ласки; перенесение останков бабушки Парашкевы; Любчо Барымов; необычная неделя; подготовка к составлению двухлетнего хозяйственного плана; за справедливый мирный договор

11 марта 1946 г., понедельник

Что же мне записать и что опустить?

События следуют одно за другим, накапливаются наблюдения и впечатления.

На политическом горизонте Болгарии снова неспокойно. Активность оппозиции привела к тому, что во внутренние дела нашей страны открыто вмешались США. А это немедленно вызвало резкий дипломатический диалог между великими державами.

22 февраля государственный департамент США вручил болгарскому представителю в Вашингтоне генералу Владимиру Стойчеву памятную записку, где изложены условия выполнения решения Московского совещания; в то же время направлена нота Советскому правительству. В свою очередь представитель США в Софии вручил болгарскому правительству аналогичную памятную записку, о чем сообщила газета «Зелено знаме» от 3 марта, напечатавшая текст записки прежде, чем ее обнародовало болгарское правительство. В памятной записке США дается новое толкование решению Московского совещания; по сути дела, оно подвергается пересмотру и формулируется по-новому, в том смысле, что правительству и оппозиции надлежит найти «взаимно приемлемый базис (!) для участия в настоящем Болгарском правительстве двух членов, действительно представляющих оппозиционные партии» [1]. (В решении Московского совещания предусмотрено только два условия: а) чтобы включенные в состав правительства представители оппозиции действительно представляли группы партий, не участвующих в правительстве, и б) что-

[1] Внешняя политика Советского Союза. 1946 год. М., 1952, с. 105.

бы они действительно были подходящими и лояльно работали вместе с правительством [1].)

7 марта Советское правительство в своей ноте правительству США уведомило его, что оно твердо придерживается решения Московского совещания и настаивает на том, чтобы приступить к его выполнению в том виде, в каком оно было принято. Правительство Соединенных Штатов, говорится в ноте, не только не приняло мер к тому, чтобы содействовать выполнению решения Московского совещания трех министров иностранных дел, но, напротив, толкает оппозицию на срыв решения; отмечается, что политический представитель США в Болгарии Барнс «систематически подстрекает болгарских оппозиционеров к тому, чтобы они действовали не на основании решения трех министров, а выдвигали бы новые условия...» [2]

Таким образом, вопрос урегулирования международного положения Болгарии ставится снова с еще большей остротой. На него нужно искать ответ.

Товарищ Димитров в эти дни, несмотря на то что был болен гриппом и врачи не разрешали ему выходить из дому, много работает. Он сказал, что будет предпринята новая попытка сформировать правительство с участием представителей оппозиции, чтобы найти путь к урегулированию международного положения нашей страны.

В последние дни мне пришлось заниматься организацией некоторых мероприятий, в которых участвовал Г. Димитров. 1 марта, например, к товарищу Димитрову прибыли сентябрята с мартеницами [3] и подснежниками в руках. Поздравив товарища Димитрова с наступлением весны, они прикололи мартеницы к лацкану его пиджака. Это была трогательная сцена. Я редко видел товарища Димитрова в таком прекрасном настроении. Он был щедрым, сердечным и простым.

Как только ушли сентябрята, Г. Димитров попросил меня передать руководителям Софийского обкома РМС, что он сможет принять их сегодня в 4 часа дня.

За несколько дней до этого мне позвонил секретарь областного комитета РМС Станко Тодоров и сказал, что они хотят встретиться с товарищем Димитровым, как это уже сделали руководители ЦК РМС, что у них много к нему вопросов.

Я позвонил Станко, чтобы сообщить ответ, но оказалось, что

[1] См. Внешняя политика Советского Союза. 1946 год, с. 106.

[2] Там же, с. 107.

[3] Мартеница — шнурок из белых и красных шелковых ниток, символизирующих борьбу тепла с холодом. Этот сувенир, по болгарскому народному обычаю, дарят знакомым и близким по случаю праздника весны — 1 марта.— *Прим. перев.*

6 Заказ 3715

он уехал в провинцию и не вернется до вечера. Тогда о решении товарища Димитрова я сказал секретарю обкома РМС по оргвопросам Стою Станоеву. Мы посоветовались с ним и в конце концов решили, что делегация прибудет на встречу без Станко Тодорова.

К 4 часам дня в Княжево прибыли члены областного комитета РМС, а также другие юноши и девушки — славные ребята и девчата, бывшие партизаны, политзаключенные, подпольщики, имевшие ранения и подвергавшиеся побоям в полицейских застенках. Их возраст от 20 до 25—26 лет. Это энергичные, умные, самоотверженные люди, отдающие все свои силы работе в РМС. Но сейчас они волновались, думая о предстоящей встрече. Они сели за длинный стол в гостиной и стали договариваться, о чем будут говорить и спрашивать. Они были изрядно смущены — сообщение о встрече застало их врасплох, им некогда было ни переодеться, ни собраться с мыслями.

Но их «сценарию» не суждено было осуществиться. Войдя и поздоровавшись с ними, товарищ Димитров спросил полушутя-полусерьезно:

— А где же ваши мартеницы? — и показал пальцем на лацкан своего пиджака, где красовалась приколотая сентябрятами мартеница.— Сегодня 1 марта. День весны, прежде всего праздник молодежи. А ведь вы молодежные руководители!

Это сразу разрядило обстановку, сделало ее непринужденной. Затем он спросил у каждого, как его зовут, какое имеет образование, сколько лет и какую должность занимает в комитете. Он внимательно слушал, устремив на них добрый взгляд. А потом завязался непринужденный, простой разговор. От неловкости и официальности не осталось и следа. Были высказаны глубокие мысли о политическом положении нашей страны, путях ее перехода к социализму, о характере и задачах РМС. Разговор шел и просто о жизни, молодости и любви.

В основном говорил Димитров, а юноши и девушки слушали и время от времени кое-что добавляли, задавали вопросы, рассказывали о своих организационных неурядицах; они так осмелели, что даже поделились с ним тем, как комитет оказался в затруднительном положении со средствами и они едва нашли денег, чтобы купить себе трамвайные билеты.

Когда зашла речь о методах работы, товарищ Димитров сказал:

— Недостаток заключается в том, что теряется много времени из-за неорганизованности. Заседания назначаются на 8 часов, а начинаются в 10 часов. На что это похоже? Фактор времени не ценится. Происходит преступная растрата сил и энергии.

И в том же духе продолжал:

— А время нам очень дорого. Его нужно ценить дороже многих других ценностей. Нам 24 часа не хватает, сутки слишком коротки. Если бы природа смогла удлинить их с 24 до 48 часов, то и тогда нам не хватало бы времени. А ведь в эти 24 часа нужно и работать, и спать, и отдыхать. Единственным выходом и для руководителей, и для рядовых работников является разумное и рациональное использование своего времени.

Он сидел облокотившись на стол. Его лицо было добрым, благородным, вдохновенным. Иногда Димитров улыбался. Говорил о том, как молодой человек должен расти и развиваться, затем произнес слова, которые для меня и других товарищей прозвучали как откровение.

— Молодой человек, который ложится спать, не подумав о том, какие знания он приобрел за день,— сказал он,— не идет вперед. Несмотря на то что вы загружены текущей работой, вы должны организовать ее так, чтобы иметь время подумать, каков результат вашей работы за день: положительный или отрицательный. Если положительный — хорошо, если отрицательный — принимайте меры. У нас существует сектантское самодовольство: человек считает, что он знает все необходимое для него, а если чего и не знает, то не сегодня-завтра изучит. А такое сектантское самодовольство и самомнение для вас, молодежи, является самой опасной болезнью, которой надо бояться как огня. Русская пословица гласит: «Век живи — век учись». Для нас, коммунистов, для всех ремсистов это должно стать законом. Меньше слов, больше дела! Говорить только то, что необходимо, и работать больше, чем говорить! Но учиться надо непрерывно и упорно! — И добавил: — Всезнайки — люди несерьезные, они не могут расти. Кто воображает, что много знает, тот стоит на месте, в то время как жизнь идет вперед, а это значит, что он отстает.

Товарищ Димитров сделал паузу, взял трубку, набил табаком и разжег ее. Затем он заговорил о любви.

— Она,— сказал Г. Димитров,— играет важную роль в жизни человека. Она его окрыляет. Но нам необходима здоровая мораль, а не лицемерная мораль протестантских проповедников, действительно коммунистическая мораль. Очень важно, чтобы между юношами и девушками — членами РМС существовали здоровые взаимоотношения, отношения взаимного доверия и плодотворного сотрудничества на пользу нашему общему великому делу.

Беседу он закончил словами:

— РМС должен быть школой социализма для передовой молодежи.

Наступило 3 марта — день освобождения Болгарии от турецкого ига братскими русскими войсками, национальный праздник страны. Мне кажется, что такого волнующего зрелища я не видел давно.

Рано утром начался торжественный молебен в храме-памятнике Александра Невского; к постаменту памятника Царю-освободителю были возложены венки; в 11 часов открылось торжественное собрание в Народном театре. В первом ряду партера находились шестеро оставшихся в живых шипкинских ополченцев. Г. Димитров, находившийся в правительственной ложе, указал рукой на них сидевшим рядом с ним другим руководящим деятелям и, устремив взор в том направлении, где сидели ополченцы, начал аплодировать. Поднялись со своих мест другие официальные лица и остальные участники собрания и устроили ополченцам бурную овацию.

А в это время на улице проходил митинг жителей Софии. На нем уже выступили представители Земледельческого союза Янко Марков, д-р Михаил Геновский и начал произносить речь наш товарищ Димитр Ганев. В этот момент Георгий Димитров вышел из театра и занял место на трибуне. Его появление было встречено овациями находящихся на площади граждан. Потом образовалась стихийная манифестация участников митинга по улицам города. Ее возглавил Георгий Димитров. Людской поток остановился на площади перед советским посольством. На балконе посольского здания появился посланник СССР в Болгарии С. П. Кирсанов, встреченный бурными аплодисментами восторженных масс. Манифестанты начали скандировать: «Пусть выступит Димитров, пусть выступит Димитров!» Товарищ Димитров поднялся на балкон и произнес краткую пламенную речь. Затем манифестация во главе с Г. Димитровым продолжила движение по улице Московской. Случайно оказавшихся здесь советских и болгарских солдат манифестанты подняли и понесли на руках. На тротуарах собралось много людей, смотревших на товарища Димитрова во главе колонны манифестантов. Людской поток вскоре остановился перед зданием болгарского народного банка, где размещался аппарат СКК. Появился генерал-полковник С. С. Бирюзов, также встреченный дружными аплодисментами.

Вечером в Военном клубе торжественно чествовали живых героев Шипки — ополченцев. Во всей стране их осталось всего 20 человек. Они создали общество под названием «Шипка», председателем которого является дедушка Крыстё Попов. Ему уже исполнилось 90 лет, глубокие морщины избороздили его щеки и лоб, он ходит медленно, но еще крепкий [он дожил до 102 лет] и

даже занимается, по мере возможности, общественной деятельностью. Время от времени сопровождает труппу художественной самодеятельности общества «Шипка» на концерты перед бойцами или молодежью, делится с ними воспоминаниями, и то, что он участник легендарной эпопеи, воодушевляет молодежь. Иногда его можно видеть в форме ополченца — темно-зеленой куртке и бриджах, в черной меховой шапке с крестом золотистого цвета, на груди у него много болгарских и русских орденов и медалей, на плечах — погоны с тремя нашивками. Дедушка Крыстё нередко заходит в резиденцию товарища Димитрова в Княжеве — иногда для того, чтобы решить кое-какие вопросы с нами — секретарями, а иногда — увидеться с Г. Димитровым, так как между ним и Г. Димитровым сложились особые отношения — они большие друзья. К нему, как и ко всем оставшимся в живых ополченцам, Г. Димитров относится исключительно дружелюбно, внимательно и заботливо. Он во что бы то ни стало стремится оказать ему необходимую помощь, содействовать решению тех или иных поставленных им вопросов. Такое же поручение он дал и нам, и мы с радостью его выполняем.

Не могу обойти молчанием и то, что произошло также 3 марта без участия Димитрова, но тесно связано с его именем. Тринадцать ударников государственной фабрики «Первое мая» в Варне стали обслуживать по шесть станков, а другие сто рабочих — по три-четыре станка. Маруся Тодорова, которая недавно работала на пяти станках, сейчас первая перешла на обслуживание шести станков. Ее примеру последовали Савва Михайлова и Марийка Стефанова. И — что самое важное — они вызывают на соревнование всех рабочих и работниц страны.

Это неизвестное и невиданное ранее у нас явление!

Так было положено начало движению многостаночников.

Димитров принимал участие в демонстрации трудящихся Софии, как он это делал и 25—30 лет тому назад, но уже в понедельник почувствовал недомогание. Его осмотрел лечащий врач Ташо Ташев и определил, что у него грипп, и назначил ему постельный режим. Доктор Ташев среднего возраста, высокий и стройный, ценный специалист. Он сообщил мне, что Г. Димитров в 1943 г. перенес тяжелое заболевание, но сейчас чувствует себя сравнительно хорошо. Он страдает сахарным диабетом, поэтому ему регулярно делают инъекции инсулина и рекомендовано соблюдать строгую диету; обнаружились также некоторые нарушения сердечной деятельности, что в данном возрасте вполне естественно, но необходимо соблюдать строгий режим, иначе возможны осложнения.

В марте отмечались два юбилея — 50-летие творческой деятельности писателя Елина Пелина и артиста Крыстё Сарафова.

Елину Пелину исполнилось 69 лет. Это плотный человек; черты лица выдают его крестьянское происхождение, своим неподражаемым юмором и изяществом слова он очаровывает всех нас на протяжении вот уже 50 лет. На торжественном собрании Пелин был назван «признанным классиком болгарской литературы», вспоминались слова Максима Горького о том, что Елин Пелин «был бы гордостью для любой великой страны». Он пользуется нашим уважением, руководство партии стремится вовлечь его в строительство новой жизни. В творческом отношении Елин Пелин, разумеется, уже не проявляет активности, но с готовностью участвует в работе редколлегии газеты «Септемврийче», иногда пишет и публикует рассказы для детей в духе нового времени, встречается с сентябрятами. Товарищ Димитров высоко ценит его, испытывает благоговение перед этим удивительным мастером рассказа. Приветственную телеграмму Елину Пелину он написал сам. На листе из блокнота записал фамилию и домашний адрес писателя, а затем набросал несколько строк, в которых выразил свое восхищение его литературными произведениями, «так обогатившими нашу народную культуру», и высказал добрые пожелания. Не прошло и двух-трех дней, как в адрес товарища Димитрова поступила телеграмма писателя со словами благодарности. Прочитав ее, Димитров обвел красным карандашом некоторые слова; это говорит о том, что он обратил на них особое внимание.

В приветствии товарища Димитрова Крыстю Сарафову говорится, что его юбилей является радостным днем для национальной болгарской культуры. Чествование состоялось в Народном театре постановкой пьесы Грибоедова «Горе от ума», в которой юбиляр, как и ранее, блестяще исполнил роль Фамусова. Сарафову было присвоено звание народного артиста, и он был награжден Золотой медалью за достижения в области науки и искусства.

В конце февраля на имя Г. Димитрова поступила следующая телеграмма:

«Союз глухонемых просит Вас принять в ближайшее время делегацию, которая изложит Вам вопросы, требующие неотложного решения. Просим срочно ответить. Адрес: София, Лавеле, 23. Председатель Союза Мирчо Радулов».

Ознакомившись с телеграммой, товарищ Димитров написал на ней:

«В субботу. Время определить дополнительно».

По телефону я уточнил, сколько человек будет входить в делегацию, кто ее будет возглавлять, куда ей нужно прибыть. И хотя было неудобно, я не мог не спросить:

— А как... будет вестись беседа?

К моему удивлению, собеседник ответил:

— Не беспокойтесь. Все они умеют говорить.

В назначенный день и час к нам прибыла делегация из семи-восьми человек. Я встретил их, разместил, как обычно, за длинным столом в гостиной. Пришел товарищ Димитров, сердечно поздоровался. Гости встали, окружили его, крепко пожали руку. Он пригласил их за стол.

И действительно, начался... разговор.

Оказалось, что гости понимают, что им говорят, и говорят сами. Они внимательно наблюдают за движениями губ собеседника. Говорят они странно — их голос непривычно высок и неровен, вымученный, но понятно.

Я не видел более радостных и благодарных собеседников Г. Димитрова. Они спешили сказать все. Часто перебивали друг друга.

А товарищ Димитров внимательно, терпеливо слушал.

О чем они только не говорили, какими только мыслями не делились!

Они рассказали о своей жизни, о принимаемых ими мерах по трудоустройству, о тсм, что нуждаются в открытии специальных мастерских.

Товарищ Димитров сказал, что постарается помочь им.

— Нужны специальные меры для определения всех глухонемых на такую работу, чтобы они приносили максимальную пользу. А вы можете быть полезны обществу, новой Болгарии в строительстве новой жизни. Вы должны быть счастливы от сознания того, что вносите свой вклад в это великое народное дело. Работая в этом направлении, ваш союз, правление вашего общества сделают благородное дело. Учите своих людей, помогайте им, создавайте с нашей помощью то, что вам нужно, мы будем вам оказывать содействие, создавайте условия для того, чтобы особенно молодые среди вас могли учиться, развивать способности, повышать самосознание и укреплять веру в самих себя. Никакого уныния!

Его голос охрип,— хрипота у него появляется всегда, когда он взволнован. Эта необычная беседа продолжалась два часа. Она была трудной, но исключительно теплой.

13 марта 1946 г., среда

Я долго разговаривал с Еленой — младшей сестрой Димитрова. Она приехала в Княжево, чтобы увидеться с ним. Но товарищ Димитров задержался, и она ждала его в кабинете. Сев на табурет у окна, Елена постепенно освоилась в новой обстановке и стала беседовать со мной. На основе собственных наблюдений могу сказать, что Г. Димитров питает к ней особое чувство — любовь старшего брата к младшей сестре. Когда она была девушкой и активной комсомолкой, вслед за ним эмигрировала и из всех членов их большой семьи была самым близким ему человеком весь тот бурный период его жизни. В Москве получила образование, вышла замуж. Там у нее родились Владимир и Ирина.

Елене теперь около 40 лет. Она производит впечатление сильного, серьезного и стойкого человека, обладающего большой силой воли и решительностью. У нее крупные черты лица, большие, наблюдательные, выразительные глаза, так похожие на глаза ее старшего брата.

Насколько я знаю семью Димитровых, мне кажется, что лишь Елена похожа на Георгия не только внешне, но и характером, силой воли. А Георгий вобрал в себя все самое яркое и жизненное, что присуще Димитровым.

Елена в суждениях иногда резка и остра. Но вообще это мягкая, приветливая женщина; в ее взгляде светится материнская ласка. Говорит мало, вообще несловоохотлива, но каждое ее слово весомо. В своих оценках строга и справедлива. На первый взгляд может показаться, что Елена слишком сдержанна и не способна обнажить свои чувства. Но уже во время нашего разговора она рассеяла такое впечатление — тон ее голоса менялся в двух или трех случаях. Особенно увлекалась, когда речь заходила о Любе — первой жене «бая», как она называла брата.

О Любе она говорила с глубоким чувством, с восхищением и преклонением.

— Я уважаю человека не за его ранг, не за его общественное положение, а за то, насколько он человечен, за наличие у него качеств настоящего человека.

И, если я замечаю у него такую черту, я уважаю его. Люба была действительно прекрасным человеком. Будучи высококультурной, эрудированной, интеллигентной, в отношениях с людьми она была непосредственной и сердечной.

Затем Елена рассказала, что Люба была круглой сиротой, ей приходилось ютиться у чужих людей. Она прибыла в Болгарию измученная, истерзанная. Ее встретили с известным недовери-

ем — девушка из Сербии никому не была известна... Потребовалось долгое время, чтобы побороть эти предубеждения.

Елене особенно нравилась строгая простота во вкусе и одежде Любы, то, что она была не просто женщиной и супругой, а соратницей и товарищем Георгия.

— Люба,— продолжала Елена,— проявляла исключительно большую заботу о моем старшем брате. Я, как сейчас, представляю их в 1910 г., когда они жили в домике на улице Ополченской; вы знаете, какие там были удобства! Он болеет золотухой, а она ухаживает за ним! Боялась за его жизнь. Их связывала большая любовь. Люба писала и публиковала много стихов. Если бы у нее была возможность развиваться, она стала бы большой поэтессой. Люба, несмотря на то что обладала большой эрудицией и культурой, не заняла того места, какое могла бы занять в нашем общественном движении, ибо всю себя отдавала заботе о Димитрове. Когда Люба жила в эмиграции, она печатала свои стихи в газете «Сызнание», издающейся в Америке, являющейся органом болгарской эмиграции.

[Позднее мне представилась возможность снова разговаривать с Еленой о Любе. Однажды она коснулась другой стороны ее жизни.

— А как ее угнетали,— сказала она,— мещанская атмосфера всей нашей общественной жизни и мещанский быт некоторых наших людей. Вы думаете, она заболела случайно? Сколько ей стоила борьба против окружавшего мещанства, которое ее страшно мучило!]

Елена рассказала, как Любица тяжело заболела и проболела до 1933 г. Она так и не узнала, что фашисты арестовали Димитрова, хотя Елена и попыталась сообщить ей об этом. 27 мая 1933 г. она умерла...

Но для Елены она была живой, осязаемой.

Говорили мы и о других членах большой семьи Димитровых.

Беседа с Еленой пробудила у меня большой интерес к Любе Ивошевич-Димитровой, или, как ее ласково называли,— Любице. Я читал ее статьи, которые она написала, когда была редактором газеты швейников, многократно перечитывал ее стихи на сербском и болгарском языках, рассматривал в Доме-музее фотографии, на которых она запечатлена, ее вещи, слушал рассказы и воспоминания о ней, внимательно просматривал ее переписку с Георгием Димитровым. И передо мною все полнее раскрывался образ духовно богатого человека, пламенного борца, верной, любящей жены.

Со снимков смотрит одухотворенное, по-своему красивое лицо. Но главное, что производит неотразимое впечатление, это лоб и умные, немного грустные глаза; их взгляд излучает преданность, исполнен честности и сознания долга. По ее статьям видно, что их написал одаренный человек, наделенный живым умом; они не только написаны хорошим слогом и со знанием дела, но и проникнуты вдохновением, что роднит их со стилем Димитрова. Из ее стихотворений я лучше других запомнил «Да, я плебейка», написанное в 1914 г.:

Да, я плебейка, и я этим, признаться, горда!
В грязных трущобах жила, в бедности выросла, да!
В детские годы меня не пощадила нужда,
Знала я голод и зло, тяжкую горечь труда.

В грязных трущобах жила, в битвах я выросла, да!

С ранних лет жизни у Георгия и Любы было много общего — они рано стали трудиться, чтобы заработать себе на кусок хлеба; были лишены возможности получить школьное образование, путем самообразования достигли вершин знания и культуры, были одаренными людьми. Они благотворно влияли на развитие друг друга, помогали в учебе, совершенствовании знаний и преодолении трудностей. В этом смысле можно сказать: без Любы Георгий не был бы таким, каким стал, и в свою очередь Люба не прошла бы такой богатой жизненной и политической школы без Георгия. Их взаимная любовь была такой же, какую питал к своей любимой Х. Ботев, сказавший: «После родины я больше всего любил тебя».

В 1934 г. в связи с годовщиной со дня смерти Любы группа болгарских товарищей во главе с Василом Коларовым писала в «Правде»: «Почти тридцатилетняя, неповторимая по своей красоте дружба — это был тот ключом бьющий источник сил, который вливал всегда новую струю смелости, выдержки и упорства в самых трудных минутах борьбы»[1].

Самым большим свидетельством этой любви являются их письма друг другу. Интересна судьба их личной корреспонденции. Нередко, когда Георгия разыскивала полиция, он вынужден был скрываться дома. Полицейские стучали в дверь, а Люба в это время беззаботно пела, делая вид, будто не слышит их стука. Георгий быстро залезал через специальное отверстие на чердак. Оказавшись там, засыпал трещины в крышке отверстия известью вместе с пылью. Когда полицейские поднимали крышку, известь сыпалась им на головы, и они полагали, что крышку давно никто не открывал, и на чердак не забирались. Именно на

[1] Правда, 1934, 29 мая.

этом чердаке в 1951 г. был найден пакет почти с 300 письмами Георгия и Любы друг другу.

Позднее я ознакомился с некоторыми из этих писем и узнал подробности, в каких условиях они были написаны. Я восхищаюсь силой их любви. Это письма безмерно влюбленных — не проходило дня, чтобы они не писали друг другу. Это письма революционеров — каждое слово в них связано с борьбой.

Возьмем, к примеру, 1920 год. Скрываясь от полиции, которая преследовала его по ложному, клеветническому обвинению, Димитров почти ежедневно писал письма (иногда несколько строк) своей верной спутнице жизни — 7, 8, 15, 17, 19, 21, 24, 25 и 29 ноября, 1 декабря и затем почти каждый день в продолжение всего этого месяца. Или в апреле 1923 г.— 6 и 8 апреля из Русе, 8 апреля новое письмо из Варны. Она тоже писала ему всегда, когда представлялась малейшая возможность.

О Любе все говорят как о хорошей, прилежной хозяйке, которая любила чистоту, умела скромно, но со вкусом одеться, была заботливой женой.

Так постепенно передо мной раскрывались все новые и новые черты Любы Ивошевич-Димитровой. Но я все же не мог полностью представить ее. Оставалось что-то неуловимое, не поддающееся описанию. Я поделился этими мыслями со знавшими ее товарищами.

«Потому что ты ее не знал»,— говорили они.

«Нет,— возражал я,— не поэтому. Ведь не знал же я других людей, но по воспоминаниям и фотоснимкам у меня складывалось верное представление о них. Почему же от меня ускользает образ Любы?»

Однажды я пришел в Дом-музей Г. Димитрова на улице Ополченской и увидел новый для меня портрет Любы. Мне все вдруг стало ясно. Ее образ как бы излучал свет, в нем заключалось нечто такое, что не поддавалось описанию обычными словами и не укладывалось в обычные представления.

14 марта 1946 г., четверг

6—7 марта в печати появились первые сообщения о том, что в американском городе Фултоне Уинстон Черчилль, бывший премьер-министр Великобритании, произнес речь, которая носила зловещий характер. Если наша прогрессивная печать коротко сообщила о ней, то оппозиционные газеты широко разрекламировали ее, чтобы не осталось никакого сомнения в их позиции. На собрании, где произнесена была эта злобная речь, присутствовал президент США Трумэн и лично представил оратора. Между тем

становится ясно, что эту речь предварительно одобрили Эттли и Бевин, которые полностью согласились с ней. Так что Черчилль явился рупором политики современного империализма. И это не случайно. Ныне не всякий бы возложил на себя неблагородную миссию призывать к новой войне (разумеется, под благовидным предлогом). У людей настолько сильно желание и стремление к единству и миру, что открытые попытки игнорировать их неизбежно ведут к изоляции таких деятелей от народных масс.

Черчилль — один из представителей «большой тройки» союзных государств во время второй мировой войны. После смерти Рузвельта он, бесспорно, был самой крупной фигурой современного буржуазного мира.

Терминология, содержавшаяся в речи Черчилля, стала насущным хлебом всей буржуазной прессы. Радиостанции стали употреблять выражения Черчилля «железный занавес», «холодная война».

Советская печать быстро и аргументированно отреагировала на речь, произнесенную в Фултоне. В интервью, опубликованном в «Правде», И. В. Сталин сурово осудил Черчилля. Он расценил его речь как «опасный акт, рассчитанный на то, чтобы посеять семена раздора между союзными государствами и затруднить их сотрудничество». «...Черчилль,— заявил Сталин,— стоит теперь на позиции поджигателей войны», что это «установка на войну, призыв к войне с СССР» [1].

Печать Отечественного фронта также осудила воинственную речь в Фултоне в глубоко аргументированных публикациях. [Наиболее сильно прозвучала статья Г. Димитрова «Борьба за прочный мир и народную демократию», которую он опубликовал в конце апреля. По моему мнению, она является образцом спокойствия и хладнокровия в политике и уверенности в наших силах и в победе. Концепции Черчилля — заменить политику сотрудничества политикой «с позиции силы», угрозы войны и гонки вооружений Димитров противопоставил линию трезвого, разумного и мирного сотрудничества: «Какие бы усилия ни прилагали поджигатели новой войны с целью сорвать международное сотрудничество, народы выступают и будут выступать за это сотрудничество, ибо только в нем гарантия установления крепкого и прочного мира...» [2]

«Борьба за прочный мир и народную демократию продолжается и будет с еще большими усилиями продолжаться до полной победы. Реакция может в том или ином месте земного шара

[1] Правда, 1946, 14 марта.
[2] *Димитров Г.* Съчинения, т. 12, с. 146.

добиться временных успехов. Но в общем и целом история не работает в пользу реакции. Развитие истории в нынешний период — на стороне мира и демократии. Силы, стремящиеся повернуть колесо истории вспять, к положению, существовавшему до последней мировой войны, будут отброшены, ибо это могучее колесо движется миллионами рук и направляется умом демократических народов мира, в авангарде которого находится Советский Союз» [1].]

Таким образом, обозначились две линии нынешнего международного положения и две концепции мирового развития: первая — возрождение германского вермахта, подавление социального и национально-освободительного движения, курс на войну против СССР и стран народной демократии.

Вторая — полная ликвидация фашизма, движение народов по пути народной демократии и национальной независимости, сотрудничество между великими государствами, установление мира во всем мире.

Содержание мировой политики определяется поединком двух тенденций и линий.

Мы должны учитывать, что действия реакции в Болгарии, и в частности оппозиции, находятся в прямой зависимости от новой стратегии империализма, тем более что эта зависимость уже бесспорно проявила себя.

16 марта 1946 г., суббота

В эти дни Народное собрание окончательно одобрило два важных законодательных акта — законопроект об аграрной реформе и законопроект о конфискации имущества, приобретенного путем спекуляции и иными незаконными средствами. Аграрная реформа предусматривает, что в Добрудже можно иметь не более 30 *га* земли, а в остальных районах страны — не свыше 20 *га*. Земли, превышающие эти нормы, национализируются. Принятие этих законов было встречено с большой радостью.

В то же время было принято решение совершенно иного характера, которое не вызвало восторга, но все понимали, что в нынешних условиях оно неизбежно. По решению Совета Министров сокращаются (до нового урожая) хлебные пайки непроизводительному населению до 370 *г*, а рабочим, занятым физическим трудом,— до 555 *г*. Плохо организовано снабжение и другими продуктами питания, которых не хватает для полного отоваривания карточек, и люди долго стоят в очередях.

---

[1] *Димитров Г.* Съчинения, т. 12, с. 151—152.

Неважно обстоит дело и со снабжением страны углем. Показателен в этом отношении поступивший в Центральный Комитет (его копия направлена Г. Димитрову) доклад столичного комиссара по снабжению д-ра Ячо Кабаиванского (писатель, выступающий под псевдонимом Марко Поло), который сигнализирует о «незавидном» положении в деле снабжения страны углем. Причина кроется прежде всего в плохом состоянии шахт — все более исчерпываются запасы в государственных шахтах в Пернике — основных поставщиков угля, а также в уходе рабочих из-за низкой оплаты труда и плохого снабжения их продуктами питания. «В большинстве частных шахт положение еще хуже». «Если не принять меры, есть опасность наступления этой зимой серьезного кризиса».

Вообще нам сейчас только не хватало топливного кризиса...

Эта проблема все больше занимает внимание Димитрова. Он снова требует, чтобы государственный аппарат принял энергичные меры, обеспечившие перелом в снабжении топливом.

Он читал доклад Кабаиванского, и на его лице отражались досада и гнев; я чувствовал, что ему хочется стучать кулаком по столу. Когда я ему докладывал, он пристально смотрел на меня — в его черных глазах горела едва сдерживаемая ярость. Я всматривался в эти красивые добрые глаза сильного, мужественного человека и думал: хорошо, что не часто приходится испытывать на себе их гневный взгляд.

Вчера на заседании Верховного Совета СССР председатель Госплана СССР Н. А. Вознесенский выступил с докладом о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946—1950 гг. Основная хозяйственно-политическая задача пятилетки — восстановить пострадавшие в войну районы, восстановить довоенный уровень промышленного и сельскохозяйственного производства, а затем превзойти его более чем на 150%; будут отменена карточная система, снижены цены, повысится благосостояние советского народа. Вообще о четвертой пятилетке можно сказать так: это огромные масштабы, огромное строительство, большой размах.

Что еще добавить?

В семье Димитровых радость. Получено сообщение, что Указом Президиума Верховного Совета СССР Роза Юльевна Димитрова награждена орденом Красной Звезды за деятельность во время Великой Отечественной войны против гитлеровской Германии. Она очень гордится этим. Мы поздравили ее.

Асен Григоров собирается перейти на другую работу. Ему трудно выдержать такой высокий темп, и он попросил товарища Димитрова подыскать на его место другого человека.

Вчера к работе приступил новый секретарь товарища Димитрова Цвятко Банчев (он заменит Асена Григорова). Ему около 30 лет. Это стройный, приветливый человек. До этого он был начальником отдела печати Дирекции народной милиции. В канун 9 сентября находился в концлагере. Он хорошо знает стенографию и отлично печатает на пишущей машинке.

23 марта 1946 г., суббота

Корреспондент газеты «Красная звезда» на процессе главарей германского фашизма в Нюрнберге Ю. М. Корольков сделал очень многое для того, чтобы восстановить действительную картину поджога рейхстага и разоблачить тех, кто покушался на жизнь Димитрова. Из корреспонденций Королькова мы впервые узнали, каков был на самом деле механизм этих двух сатанинских замыслов. Геринг, пишет Корольков, пытается в своих показаниях Международному трибуналу оправдать кровавую политику гитлеровцев; он умалчивает также о провокации с поджогом рейхстага.

Мы, сообщает Ю. М. Корольков, теперь располагаем новыми документами... Среди убитых по делу так называемого рёмовского бунта в 1934 г. был некий Карл Эрнст. Предчувствуя свою гибель, он написал заявление, которое сейчас находится в руках советского правосудия:

«Я делаю это по совету моих друзей, так как я получил известие о том, что Геринг и Геббельс составили против меня заговор. Если я буду арестован, нужно немедленно информировать их о существовании этого документа.

Я заявляю, что я поджег рейхстаг 27 февраля 1933 года.

...Геринг дал мне план здания, расстановки часовых и расписание их контрольных обходов... Было договорено, что во время пожара Геринг будет находиться не дома, а в министерстве внутренних дел.

Мы решили, что Ван дер Люббе влезет в окошко из ресторана рейхстага, так как это самое подходящее место. Ван дер Люббе до последней минуты был уверен, что он работает один».

31 марта 1946 г., воскресенье

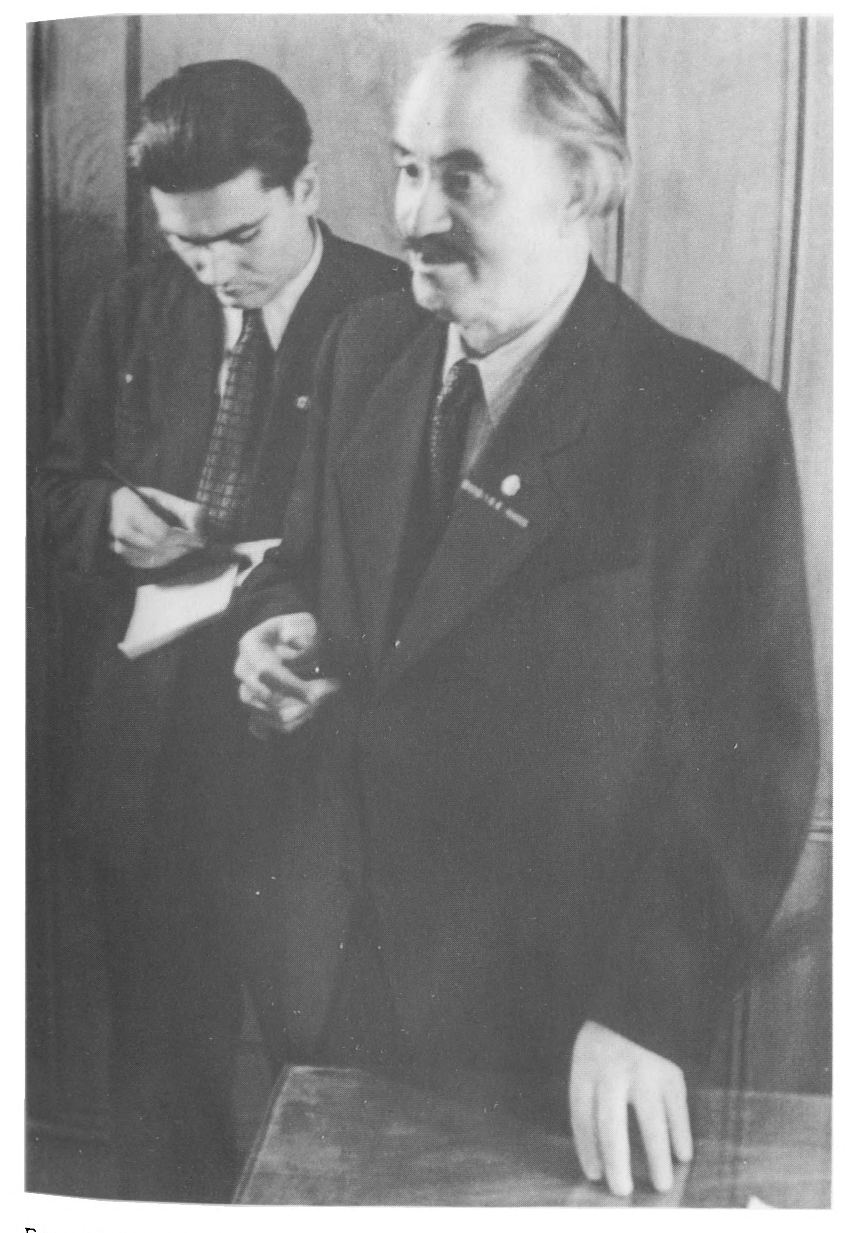
Снова возникла проблема реорганизации правительства. К 15—16 марта Политбюро ЦК уже определило свою позицию в отношении характера этой реорганизации и приступило к ее осуществлению. Важнейшую роль в этом, естественно, играл Г. Димитров.

Позиция нашей партии, выработанная Политбюро, заключается в следующем: учредить две должности заместителей Председателя Совета Министров, одну из которых передать представителю нашей партии, а другую — БЗНС; ввести должности заместителей министров в некоторых наиболее важных министерствах, чтобы партия могла установить с ними более тесный контакт и успешнее направлять дела в этих министерствах; при распределении министерских портфелей изменить соотношение в пользу нашей партии и Земледельческого союза; правительство подаст в отставку, и одновременно с этим начнутся новые переговоры с оппозицией.

После 16 марта Димитров и все руководство нашей партии были заняты напряженной политической деятельностью. Состоялась первая встреча товарища Димитрова с Председателем Совета Министров Кимоном Георгиевым, на которой последний был ознакомлен с предложениями нашей партии; Кимон Георгиев в основном принял нашу программу и в ходе обсуждения данного вопроса высказал опасения, что отдельные деятели Отечественного фронта могут высказать несогласие, что надо иметь в виду. Было решено, что правительство подаст в отставку 20 марта — после того, как Народное собрание примет закон о государственном бюджете. Состоялась также беседа с Александром Оббовым и Георгием Драгневым. Другие руководители нашей партии встречались с представителями остальных партий Отечественного фронта.

20 марта вечером состоялось заседание правительства, а затем после встречи Бюро Народного собрания с председателями парламентских групп и политическими секретарями партий Отечественного фронта Председатель Совета Министров сообщил, что правительство решило подать в отставку, чтобы в соответствии с положениями конституции решить вопрос о будущем управлении страной.

На следующий день на заседании Народного собрания, проходившем под председательством Васила Коларова, Кимон Георгиев зачитал заявление Совета Министров, в котором отмечается важная и полезная для народа деятельность правительства в короткий промежуток времени от 15 декабря прошлого года по настоящее время. Затем он объявил, что вчера вечером Совет Министров принял решение о своей отставке, и подчеркнул, что одна из ее причин заключается в том, что существует необходимость создания такого правительства, состав которого отвечал бы воле Народного собрания и возможно лучше учитывал интересы страны. В краткой, блестящей речи Васил Коларов выразил благодарность Народного собрания правительству и лично

Георгий Димитров
и его секретарь
Неделчо Ганчовский.

Георгий Димитров произносит
заключительную речь перед судом
16 декабря 1933 г.

Георгий Димитров во время свидания с матерью и сестрой в тюрьме гестапо после вынесения оправдательного приговора.
Берлин, февраль 1934 г.

Васил Танев, Георгий Димитров
и Благой Попов
на аэродроме Кенигсберга
перед отлетом в Советский Союз.
27 февраля 1934 г.

Москва с радостью встречает вырванного из фашистского застенка героя.
27 февраля 1934 г.

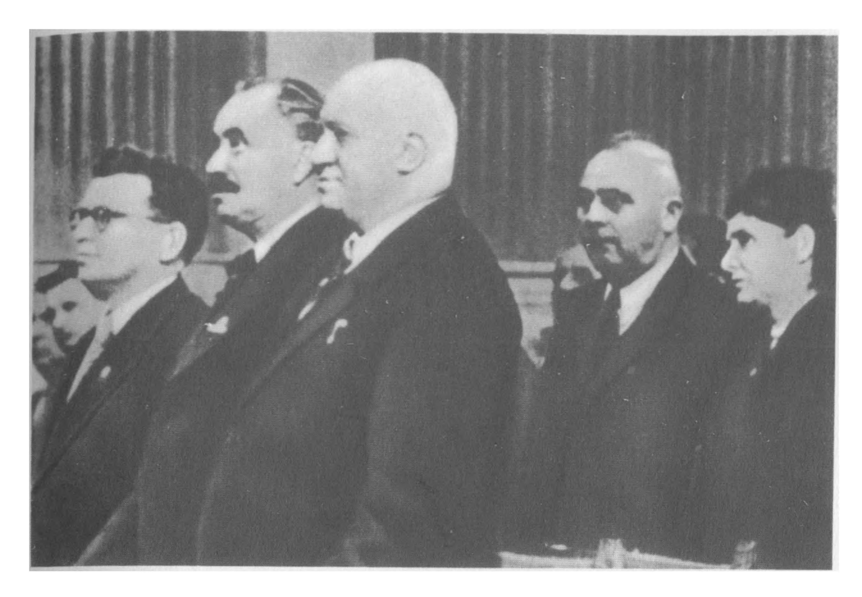

Рабочее собрание по случаю освобождения Георгия Димитрова и его товарищей.
Москва, март 1934 г.

М. И. Калинин вручает орден Ленина Георгию Димитрову.
Москва, 27 июня 1945 г.

Жители болгарской столицы встречают Георгия Димитрова, возвратившегося на родину.
София, 6 ноября 1945 г.

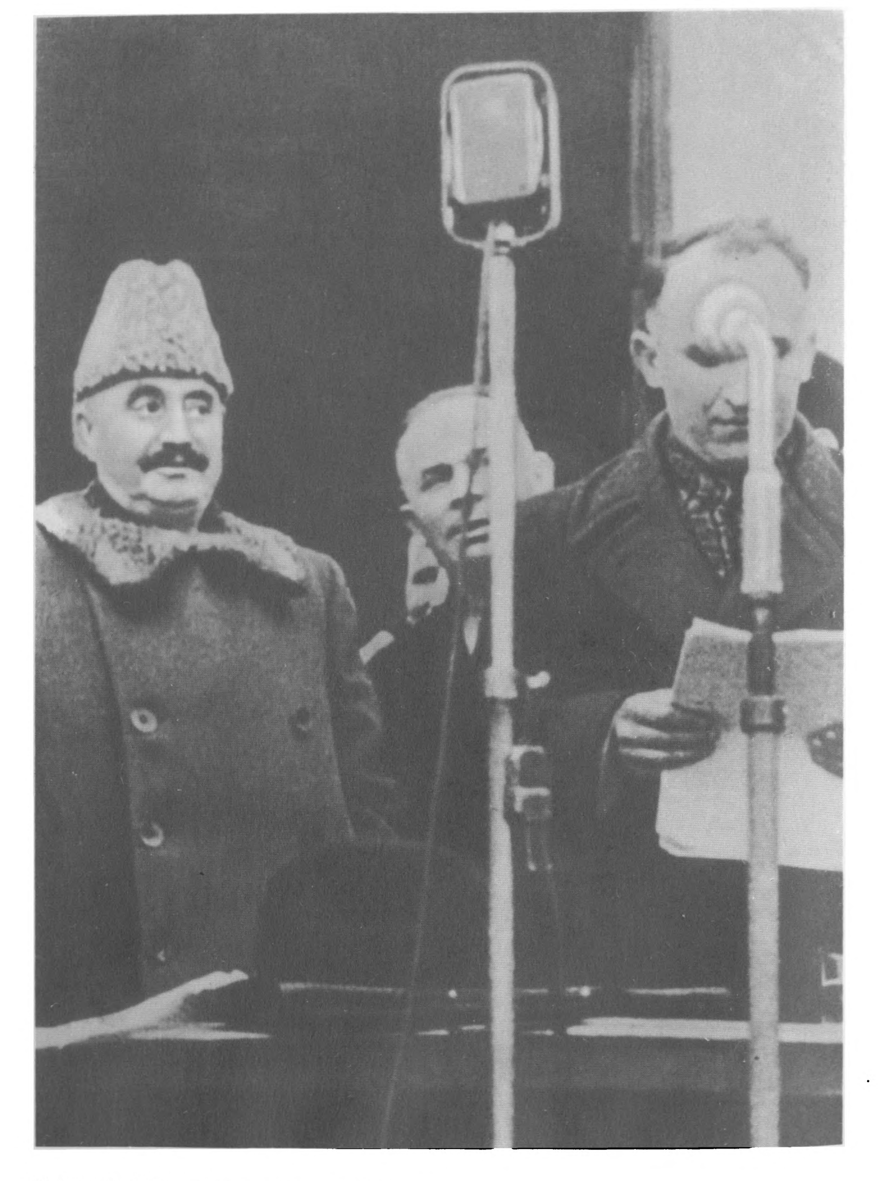
Георгий Димитров среди депутатов
в день открытия Народного собрания.
София, 15 декабря 1945 г.

Георгий Димитров, маршал Толбухин
и генерал-полковник Бирюзов
на Софийском вокзале.
22 февраля 1946 г.

Георгий Димитров, Димитр Ганев
и Тодор Живков на отчетно-выборной
конференции коммунистов
Софийской области

Георгий Димитров и Тодор Живков на митинге, состоявшемся в Софии по случаю принятия закона о конфискации имущества у лиц, разбогатевших нечестным путем во время войны.
31 января 1946 г.

Георгий Димитров среди трудящихся
в день референдума по вопросу
о ликвидации монархии
и провозглашении народной
республики.
София, 8 сентября 1946 г.

После ликвидации монархии
и провозглашения
Болгарии народной республикой
правительство Отечественного фронта
развернуло предвыборную кампанию.
Георгий Димитров выступает
на предвыборном митинге в Варне.
22 октября 1946 г.

Георгий Димитров беседует
с ударницами Марусей Тодоровой
и Ольгой Найденовой.
София, 1 декабря 1946 г.

Георгий Димитров выступает
на митинге в Софии
после возвращения болгарской
правительственной делегации
из Югославии.
3 августа 1947 г.

Делегация правления Союза артистов вручает адрес Георгию Димитрову. *София, июль 1947 г.*

Георгий Димитров
и участник боев на Шипке —
болгарский ополченец
Крыстё Попов.
София, 3 марта 1947 г.

Председателю Совета Министров господину Кимону Георгиеву «за их умелое руководство делами государства в один из самых ответственных периодов нашей истории». Затем он заявил, что «Отечественный фронт представляет собою единственную общественно-политическую силу и организацию нашей страны, способную обеспечить ныне твердую народную власть и сформировать ответственное, представительное, подлинно демократическое правительство»; «вместе с тем Народное собрание выражает доверие господину Кимону Георгиеву как председателю будущего правительства Отечественного фронта». Так были предопределены основные направления формирования будущего правительства. Народное собрание отложило свои заседания до сформирования нового кабинета.

Состоялись заседания руководящих органов других партий Отечественного фронта, их парламентских групп, начались консультации регентов; Георгий Димитров и Трайчо Костов посетили регентов, которые поручили Кимону Георгиеву сформировать новое правительство.

Между тем оппозиционная печать завопила, будто страна переживает политический кризис («Зелено знаме»). А «Черно знаме» писало: «Утверждения агитаторов Отечественного фронта о том, что народ поддерживает Отечественный фронт, разбиты в пух и прах».

22 марта в 16.30 состоялось заседание парламентской группы нашей партии под руководством товарища Димитрова. В краткой речи он изложил причины отставки правительства. Отставка кабинета, сказал он, не является результатом правительственного или политического кризиса в стране, не вызвана конфликтом между правительством и Народным собранием, не является результатом давления с чьей бы то ни было стороны; это не конфликт между партиями Отечественного фронта. Она (т. е. отставка) может быть только условием укрепления народной власти в нашей стране. Он объяснил ее двоякую цель: с одной стороны, что имеет первостепенное значение, она принята для того, чтобы повысить значение Совета Министров — улучшить его организацию и структуру, обеспечить условия для повышения его работоспособности и оперативности, чтобы он был однородным, или, как он выразился, чтобы это был, «по возможности, кабинет, который проявлял бы максимальное единодушие в вопросах внутренней и внешней политики, твердый и последовательный кабинет» [1]. «Основной линией Отечественного фронта во внутренней политике, как вы знаете, является создание и укрепление

[1] *Димитров Г.* Избранные произведения, т. 2 (1941—1949 годы), с. 180.

подлинно народной демократии, направленной против фашизма и реакции в Болгарии. Основной линией Отечественного фронта во внешней политике является вечная, неизменная, искренняя дружба с Советским Союзом...»[1] Вместе с тем, сказал Димитров, в новом кабинете «нельзя терпеть людей, которые пытаются сидеть между двух стульев...»[2].

Такова первая цель.

Другая цель — предпринять новую попытку выполнить решение Московского совещания. «Если взаимопонимание окажется возможным, хорошо, если оно окажется невозможным, мы скажем: «До свидания». Караван Отечественного фронта пойдет своим путем, а моськи пусть лают...»[3]

Вообще его речь прояснила все. Воплям оппозиции о кризисе в стране и в Отечественном фронте был дан категорический отпор. Всем стало ясно, что курс взят на решительное движение вперед, на преодоление колебаний и укрепление позиций коммунистов в управлении страной.

Кимон Георгиев немедленно приступил к консультациям. Он встретился и с лидерами двух оппозиционных партий Отечественного фронта — Николой Петковым и Костой Лулчевым и предложил им выделить двух представителей в правительство; со стороны нашей партии была высказана готовность пойти на уступки, лишь бы содействовать урегулированию международного положения страны. Через два дня, 26 марта, состоялась вторая встреча, на которой, как было объявлено, «из-за существующих расхождений им предложено обсудить некоторые положения и сообщить ответ не позднее завтрашнего дня». Оппозиция не шла ни на какие уступки, оппозиционеры выдвинули вздорные требования — распустить Народное собрание, изменить избирательный закон, предоставить портфель министра правосудия сторонникам Николы Петкова, назначить из представителей оппозиции двух заместителей министра внутренних дел, и вообще они хотят невозможного. Ни больше ни меньше, чтобы власть была передана им; они и сами понимают, что их требования абсурдны, однако их цель — не допустить взаимопонимания, сорвать выполнение решения Московского совещания. Странно, на первой встрече Н. Петков был сравнительно сговорчивее (К. Лулчев с самого начала был непримирим), а на второй встрече и Петков занял непримиримые позиции. Здесь дело было явно в другом, что стало ясно уже на следующий день.

Тем временем Г. Димитров непосредственно занимался воп-

---

[1] *Димитров Г.* Избранные произведения, т. 2 (1941—1949 годы), с. 179.
[2] Там же, с. 180.
[3] Там же, с. 181.

росами формирования нового правительства; состоялись беседы с Драгневым и Тончевым — министрами от БЗНС в прежнем правительстве Отечественного фронта; состоялись еще две встречи с Кимоном Георгиевым; уточнялся состав будущего Совета Министров; обсуждались кандидатуры будущих министров. В резиденции Г. Димитрова на улице Велико-Тырново состоялось совместное заседание с руководством Земледельческого союза. В просторном темноватом холле на первом этаже собрались Трайчо Костов, Ал. Оббов — главный секретарь БЗНС и другие деятели Земледельческого союза.

Товарищ Димитров встретил их приветливо и дружелюбно в своем кабинете наверху. На беседе никто из нас — помощников Г. Димитрова — не присутствовал.

Позднее, докладывая ему об очередной полученной корреспонденции и сообщив, что имеются телеграммы и резолюции в связи с формированием правительства, я позволил себе заметить:

— Товарищ Димитров, люди хотят, чтобы предпринимались действия!

Он ответил:

— Да-а! Вы понимаете, что получилось,— народные массы, прошедшие сквозь огонь революции, выросли политически, мыслят по-государственному, а политики, считающие себя представителями народа, остановились там, где были пятнадцать лет назад, ничему новому не научились! Личные интересы, групповые соображения, стремление занять министерское кресло и ныне нередко определяют их отношение к проблемам жизни. Эти люди не подготовлены, не компетентны для того, чтобы руководить тем или иным ведомством, но у них большие претензии.

Некоторые из них будут отстранены,— сказал товарищ Димитров.— Но беда в том, что до конца этот вопрос не может быть разрешен, поскольку такой деятель, занимая руководящее положение в партии, считает, что его нужно назначать министром! А дела он не знает. Нам нужны министры нового типа, которые не только ставили бы подписи под документами — таких у нас было достаточно,— но они должны быть деловыми людьми.

Я понял, что трудности при формировании кабинета возникают из-за борьбы за количество министерских портфелей и за то, кто будет министром... Если в нашей партии этот вопрос стоит иначе, так как мы исходим из высоких принципиальных требований, то в руководящих органах некоторых партий Отечественного фронта это превратилось в повод для грызни и соперничества. Некоторые лидеры не хотят уступить более важное место для БРП(к), хотя она вынесла на своих плечах всю тяжесть борьбы, имеет самую широкую опору среди народа и является

костяком власти Отечественного фронта; они упорно настаивают на пресловутом паритете, т. е. равном участии в органах власти сверху донизу, сохраняя чисто буржуазное отношение к проблемам власти. Сдерживающую роль играют и соображения не отталкивать от Отечественного фронта тех или иных деятелей, не усиливать центробежные тенденции в отдельных партиях Отечественного фронта, что особенно важно для «Звена», и Кимон Георгиев в этом вопросе особенно настойчив. Все это требовало новых и новых встреч руководителей нашей партии и лично товарища Димитрова с отдельными деятелями других партий Отечественного фронта, уговаривать и убеждать их.

Не менее важное значение имело и поведение первого регента профессора В. Ганева, известного своими реакционно-буржуазными взглядами, который временно присоединился к Отечественному фронту, а в последнее время все больше сползал на позиции сторонников Николы Петкова. Положение первого регента дает ему возможность задерживать решение вопросов, медлить и препятствовать, а замена его в нынешних условиях — процесс исключительно сложный.

27 марта лидеры оппозиции должны были дать окончательный ответ. В этот же день Барнс вручил нашему правительству меморандум, в котором поддерживаются претензии оппозиции. А на следующий день Петков и Лулчев заявили о своем отказе участвовать в правительстве. Тогда же у Кимона Георгиева в Совете Министров побывал Барнс.

[Об этой встрече мне позднее рассказал Георгий Кулишев, который тогда был начальником канцелярии Председателя Совета Министров.

Барнс спросил Председателя Совета Министров:

— Что, переговоры с оппозицией не дали результатов?

— Кабинет готов. Но они требуют невозможного. Претендуют на Военное министерство и Министерство внутренних дел! — сказал с возмущением Кимон Георгиев.

Барнс ответил:

— На Николу Петкова не обращайте внимания. Давайте договоримся с вами («Значит,— говорит Кулишев,— Петков сделает то, что ему скажет Барнс»). Sale métier,— сказал по-французски Барнс.— Скверные дела.— И ушел.

— Это характеризует Николу Петкова как амбициозного человека, полностью подпавшего под влияние американского представителя,— продолжал Г. Кулишев.— А Барнс был слишком, слишком наглый.]

Таким образом, переговоры с оппозицией и на этот раз ни к чему не привели и были прерваны. Было принято решение снова

сформировать однородное правительство Отечественного фронта. Между тем вся страна бурлила, повсюду проходили бурные многолюдные собрания и митинги, участники которых требовали незамедлительного сформирования правительства только из представителей Отечественного фронта. Кое-где проявляли активность и оппозиционные организации.

Поздно вечером 30 марта был уточнен состав нового правительства, и проект указа о его утверждении был направлен в регентский совет. Только после того, как его подписали все три регента, товарищ Димитров возвратился домой. Это было в 3 часа 30 минут утра.

Решение этой задачи, очевидно, было нелегким.

Были созданы два новых министерства — промышленности и ремесел, электрификации и природных богатств — с целью усиления хозяйственно-организаторской деятельности государства. В составе правительства произошли некоторые существенные изменения: заместителями Председателя Совета Министров утверждены Трайчо Костов (он же министр электрификации и природных богатств) и Александр Оббов, который одновременно является министром земледелия и государственного имущества; министром финансов стал член БКП с 1919 г. Иван Стефанов; министром иностранных дел вместо проявившего колебания Петко Стайнова назначен Георгий Кулишев. Таким образом, коммунисты возглавили еще одно ключевое министерство — Министерство финансов. Военным министром остался генерал-полковник Д. Велчев, министром промышленности и ремесел назначен представитель «Звена» генерал Хр. Лилков, неизвестная в политических кругах личность (все с той же целью соблюдения паритета). Соотношение между представителями партий Отечественного фронта в составе Совета Министров, к сожалению, не особенно изменилось, а сохранилось почти прежним, что, бесспорно, еще раз доказывает, что переговоры вовсе не были легкими. Когда после доклада т. Димитрову я коснулся вопроса о составе и характере правительства, он махнул рукой и нервно сказал:

— На данном этапе и этим надо довольствоваться.— В его голосе чувствовалась неудовлетворенность.

Национальный комитет Отечественного фронта сегодня опубликовал декларацию, подписанную всеми его членами (в том числе и Георгием Димитровым), в которой одобряется сформирование нового правительства Отечественного фронта. Вместе с тем НК ОФ «с глубоким возмущением отмечает тот факт, что и на этот раз лидеры оппозиции, руководимые личными и групповыми интересами и соображениями, не имеющими ничего общего с интересами нашего народа и вредными для свободы и незави-

симости нашей страны, сорвали осуществление московского решения».

Сегодня же, 31 марта, в яркой публицистической статье, опубликованной в газете «Отечествен фронт», Владимир Топенчаров показал, что в течение переговоров оппозиция все время угрожала, заявляя, что, если не будут приняты ее требования, это вызовет иностранное вмешательство в дела страны, что с Болгарией не будет заключен мирный договор и т. д. «Грозить иностранным вмешательством — равносильно государственной измене!» «Этот прием оппозиции... является одним из ее первородных грехов»,— заключает Топенчаров.

Участившиеся встречи Георгия Димитрова и Кимона Георгиева давали мне возможность лучше узнать нашего Председателя Совета Министров и вникать в их взаимоотношения, которые, как мне кажется, важны для правильного понимания текущего момента. Я видел их вместе в Княжеве, в Народном собрании, в Совете Министров и на приемах.

К Кимону Георгиеву товарищ Димитров относился с большим вниманием, стремился укреплять и развивать с ним хорошие личные отношения, помочь идейной и политической эволюции Председателя Совета Министров. Когда Георгиев приезжал к нему, Димитров сразу вставал и шел навстречу гостю, приветствуя его жестом руки и дружелюбными словами. Со своей стороны, Кимон Георгиев подчеркивал большое уважение и личное признание Димитрову. Вначале они обращались друг к другу: «господин Георгиев» и «господин Димитров», но чем больше сближались идейно, тем больше эта форма обращения становилась неудобной, и тогда они перешли к полушутливому обращению «бай», хотя и были ровесниками,— «бай Кимон» и «бай Георгий». Лишь позднее появилась и новая форма обращения. Г. Димитров и К. Георгиев уважали друг друга, потом стали дружить, бывать друг у друга в гостях по разным поводам.

Кимону Георгиеву было 64 года. Это физически крепкий и очень работоспособный человек, высокого роста, с выправкой кадрового офицера; у него слегка поседевшие и поредевшие волосы, волевое лицо интеллигента; он носит очки; голос у него тихий, мягкий и ровный, а речь без эффектов и эмоций, но ее тон уверенный и властный. Когда я близко видел его глаза, то меня поражал стальной блеск правого и потухший взгляд левого глаза. Мне нередко приходилось бывать рядом с ним, и на меня производила впечатление его большая внутренняя сила, которая ощущалась постоянно и, я бы сказал, незаметно покоряла. Он был молчалив, но за его молчанием скрывалась активная, силь-

ная натура. Участвуя в общественной жизни, он не всегда предпринимал правильные действия, но они были решительными, радикальными, внезапными. Он обладал способностью группировать вокруг себя не широкие массы, а небольшую тесную группу интеллигентов.

Кимон Георгиев был крупнейшей фигурой Отечественного фронта после руководителей партии коммунистов. В его лице Георгий Димитров и руководство нашей партии видели серьезного политического деятеля, который был ценным союзником коммунистов и наиболее твердо, по сравнению с лидерами других партий, кроме БРП(к), стоял на позициях Отечественного фронта. Но он был не просто попутчиком, а придерживался своих принципов и убеждений и благодаря им оказался в одном лагере с коммунистами. Это была сильная личность, с ним не всегда можно было легко прийти к единому мнению. Поэтому товарищу Димитрову приходилось вести с ним продолжительные беседы и наедине, и в более широком составе — с участием руководства БРП(к) для взаимного выяснения позиций. И в конце концов по главным вопросам Кимон Георгиев становился на позиции нашей партии. А это имело важное значение для всего Отечественного фронта.

Это был безукоризненно честный человек и семьянин.

Его прошлое так же драматично и противоречиво, как и политическая биография. Он был активным участником войн, о чем позднее рассказал мне сам:

«Я имею четыре ранения. Первый раз меня ранили у Вардара в бою против сербских войск, затем получил три ранения в излучине Черны. Там рядом со мной разорвалась граната, образовалась воронка, поднялся вихрь, а я оказался в центре этой стихии, и меня на 6—7 метров подбросило в воздух. Дней через десять противник атаковал соседний полк в излучине Черны... В этом сражении я получил самое серьезное ранение — осколок снаряда попал мне в левый глаз. Осталась только радужная оболочка, поэтому и создается впечатление, что у меня глаз цел, на самом же деле это лишь радужная оболочка. А другой осколок того же снаряда попал мне в левое плечо и с тех пор находится там».

После национальной катастрофы кадровый офицер К. Георгиев пережил глубокий моральный кризис. Земледельческое правительство направило его на работу подальше от столицы, он был оскорблен этим и покинул армию. Вместе со своим политическим соратником полковником Дамяном Велчевым и еще одним-двумя полковниками, составившими руководящее ядро созданной ранее Военной лиги, он участвует в военном переворо-

те — свержении правительства Стамболийского; их намерение якобы состояло в том, чтобы установить «конституционное правление». Однако 9 июня 1923 г. произошел реакционный переворот, открывший простор для наступления крупного капитала и белого террора. «Чувствовалось,— заявил Кимон Георгиев,— что в стране действует и пакостит чья-то тайная рука, уносящая жизни людей...»

19 мая 1934 г. совершен новый военный переворот, организованный при участии Кимона Георгиева и Дамяна Велчева, который, как им казалось, избавит страну от охватившего ее разложения. Однако судьба зло посмеялась над ними. Переворот 19 мая полон противоречий. Царь Борис и на этот раз уцелел и, используя разногласия и карьеризм некоторых организаторов переворота 19 мая, отстранил Кимона Георгиева от поста Председателя Совета Министров и через некоторое время установил открытую монархо-фашистскую власть. Тогда и начинается поворот в идейных и политических взглядах Кимона Георгиева и его сторонников, получивших известность как «звенари»[1].

Об этих драматических моментах своей жизни он избегал публично распространяться, но о них говорил его рупор, Иван Харизанов; во многих отношениях именно в речах и письменных трудах Харизанова отражались взгляды лидера союза «Звено».

Полевение взглядов К. Георгиева приводит его к сближению с Рабочей партией. Он становится сторонником болгаро-советской дружбы. В 1943 г. вступает в Отечественный фронт и является его пламенным защитником. Не случайно в 1944 г. ЦК партии выдвинул его кандидатуру на пост Председателя Совета Министров будущего правительства Отечественного фронта.

Как-то во время разговора со мной он произнес фразу, которая, как мне кажется, содержит ответ на многие вопросы, касающиеся его жизни:

«Участие в Военной лиге никогда не мешало мне придерживаться прогрессивных идей, однако, поскольку окружавшие меня люди не были подготовлены воспринять и усвоить эти идеи так, как они были восприняты и усвоены мною и моими близкими товарищами, я вынужден был вести себя двойственно — иногда воздерживался говорить то, что думал, но в узком кругу близких людей свободно высказывал свои убеждения и мысли».

Союз Кимона Георгиева с Дамяном Велчевым не был расторгнут и в наше время. Это была личная и политическая дружба, которая имела немаловажное значение в недавнем прошлом. Как объясняет это сам Кимон Георгиев? Насколько все же су-

---

[1] Члены союза «Звено».— *Прим. перев.*

ществовало между ними единодушие и единомыслие? Вот что я услышал во время одной из встреч, на которой присутствовал его близкий политический единомышленник и соратник Георгий Кулишев.

Кимон Георгиев. Дамян Велчев находился под влиянием враждебной среды, прислушивался к мнению крайне недобросовестного человека (из дальнейшей беседы стало ясно, что это был директор Софийской области Г. Стоименов.— *Н. Г.*)...

Георгий Кулишев. ...врага коммунизма, который не мог терпеть ничего коммунистического.

Кимон Георгиев. ...но пока был здесь, он не проявлял никакой активности в пользу тех, кто оказывал это отрицательное влияние.

Георгий Кулишев. ...но и не противодействовал.

Кимон Георгиев. ...не противодействовал.

Георгий Кулишев. ...Многие наши друзья в Пловдиве и в других местах выступали против Отечественного фронта. Однажды мы вызвали их и попросили содействия Велчева в проведении среди них разъяснительной работы. И он сказал им очень хорошие слова, что без Советского Союза и Отечественного фронта мы потеряем все.

Кимон Георгиев. Да! Это был основной вопрос — об ориентации во внешних и внутренних делах.

Георгий Кулишев. Однажды Велчев приехал во Врацу. Там офицеры подняли его и понесли на руках — им, видимо, хотелось сделать из него вождя. Когда он вернулся сюда, ты (обращаясь к К. Георгиеву) спросил: «Дамян, что там происходит?» — «Что тебе сказать,— ответил он,— все офицеры выступают против Отечественного фронта».— «Дамян, сколько раз я просил тебя объяснить им наши позиции, когда бываешь в гарнизонах». А он молчит. Значит, это некомпетентный человек, не имеющий политического компаса.

Это, разумеется, не полная оценка личности Д. Велчева; позднее история вынесла ему свой приговор.

В настоящее время у Кимона Георгиева по главным вопросам были трезвые, реалистические взгляды. Он глубоко анализировал политические явления и умел подходить к ним по-государственному, хотя старое неизбежно давало о себе знать. Дружба и союз с Советским Союзом во внешней политике и единство народных сил во внутренней политике были руководящим началом того периода, о котором идет речь.

2 апреля 1946 г., вторник

В эти дни внимание всего мира привлекают политические события в Греции. Товарищ Димитров постоянно следит за ними и комментирует их.

Трагедия Греции! Она действительно неизмерима! Борцы против гитлеровской оккупации переживали в Греции трудный период; героическая вооруженная борьба греческого народа привела к освобождению довольно большой территории Греции, где была установлена народная власть и в декабре 1944 г. сформировано правительство в горах. Но последовало вмешательство Великобритании во внутренние дела Греции. Английские войска при поддержке США нанесли удар по национально-освободительным силам Греции, оккупировали страну и стали тормозом в ее социально-политическом развитии. Была установлена власть реакции, страну охватили дикий шовинизм и жестокий террор.

Компартия Греции в начале марта объявила, что партии, входящие в левое крыло ЭАМ, будут бойкотировать предстоящие парламентские выборы. Делегация левых оппозиционных партий в беседе с премьер-министром подчеркнула, что положение в стране хуже, чем когда бы то ни было после декабрьских событий; тысячи граждан брошены в тюрьмы; тысячи людей подвергаются преследованиям, большое число их не включено в избирательные списки; монархисты установили в стране жестокий террор.

Два дня назад в Греции состоялись выборы.

[Еще 3 апреля стали поступать сведения об итогах выборов в Греции. Согласно первоначальным сведениям, 45% избирателей не участвовали в голосовании. 5 апреля были опубликованы окончательные результаты выборов. Более половины избирателей бойкотировали выборы, а 6 апреля сообщалось, что в некоторых районах 75% населения воздержалось от участия в выборах. Ширится движение с требованием аннулировать их результаты. «Греция,— заявил один ответственный греческий товарищ,— снова оккупирована. В ней хозяйничают монархо-фашисты». Он настаивал на выводе из страны английских войск, чтобы греческий народ мог свободно выразить свою волю.]

4 апреля 1946 г., четверг

Вчера, 3 апреля, новое правительство Отечественного фронта было представлено Народному собранию. В краткой речи Председатель Совета Министров Кимон Георгиев, в частности, сообщил, что «очень серьезно и искренне предпринимается попытка привлечь к управлению оппозиционные группы. Эти шаги

предпринимались в продолжение четырех дней. Но, к сожалению, они не имели успеха из-за крайней непримиримости этих двух оппозиционных групп». Он зачитал заявление правительства, в котором говорится:

«Основу нашей программы составляют начала и идеи Отечественного фронта. Ее вдохновляют прежде всего исторические события 9 сентября...»

Затем дается характеристика внешней и внутренней политики нашей страны и намечаются новые энергичные меры для заключения мирного договора, восстановления хозяйства и полной демократизации управления. Предусматривается созыв Великого народного собрания для пересмотра конституции, внесения в нее необходимых изменений и упразднения института монархии. Это сообщение вызвало бурное одобрение.

Потом начались прения. Председатель парламентской группы БЗНС М. Геновский в своей речи осудил оппозицию, заявив: «Оппозиция попыталась использовать это (т. е. переговоры об участии ее представителей в правительстве.— *Прим. перев.*) для недостойной политической пропаганды... Во время переговоров о сформировании нового правительства оппозиция показала свое подлинное антинародное лицо».

Все парламентские группы одобрили правительственное заявление.

Но руководители нашей партии и лично товарищ Димитров не удовлетворены положением дел. Существенное продвижение вперед невозможно из-за сложного стечения внешних и внутренних обстоятельств. Задача ускорения и более радикального осуществления социального и политического процесса остается весьма актуальной. Эти проблемы занимают товарища Димитрова, он обсуждает их со своими соратниками, намечаются дальнейшие планы деятельности нашей партии.

Вчера дома у Димитровых было тягостно. Три года назад в этот день от дифтерита скончался их единственный сын Мите̌, которому через три-четыре дня должно было исполниться 7 лет. Его похоронили словно вчера. Роза Юльевна была печальна, много плакала. А товарищ Димитров внешне сдержан, очень рано приступил к работе, но, если внимательно вглядеться в его лицо, можно заметить особую бледность на щеках и глубокую печаль в глазах. Он испытывал жестокие страдания. Эту утрату они оба глубоко переживали.

Когда мальчик умер, Димитрову было 61 год. Потерять в этом возрасте единственного, безмерно любимого сына, конечно, невыносимо тяжело, тем более когда знаешь, что Мите̌ был необыкновенным ребенком. Беседы и игры с ним составляли часть жизни Димитрова.

15 апреля 1946 г., понедельник

Вчера в Княжево прибыл депутат лейбористской (правящей) партии Великобритании Джон Мак, который охотно объявил, что дружески настроен в отношении новой Болгарии. Он сказал, что в нашу страну приехал по собственной инициативе, неофициально. Он находится здесь уже пять-шесть дней. Прибыв в Болгарию, заявил, что будет бороться за признание правительства Отечественного фронта. Уже на следующий день встретился с Председателем Совета Министров, с министром иностранных дел, с Председателем Народного собрания и другими официальными лицами. Через два дня после этого был организован митинг, на котором он сказал, что «Отечественный фронт является подлинным представителем всего болгарского народа» и что по возвращении в Англию он «будет бесстрашно выступать в парламенте» в защиту нашей страны.

Вообще он везде дружественно отзывается о нашей стране. Даже в интервью газетам «Народ» и «Свободен народ», являющимся политическими близнецами и занимающим позиции заядлых врагов народной власти, он заявил: «В Болгарии есть свобода», а в интервью газете «Свободен народ» (которая всеми силами пыталась доказать, что в Болгарии нет свободы) совершенно справедливо сказал: «Если существует сильная оппозиция в вопросах внешней политики, Болгария будет сильно ослаблена... Отсутствие единства в решении вопросов внешней политики ослабляет позиции страны». Англичанин учит болгарских политиков исходить из национальных интересов. Парадокс, но факт, хотя и печальный!

Затем он встретился с представителями оппозиции, в том числе с Николой Мушановым, Николой Петковым и Костой Лулчевым. Как сообщают оппозиционные газеты, они старались доказать ему, что в Болгарии нет свободы и что правительство Отечественного фронта недемократично.

Товарищ Димитров встретился с Джоном Маком 12 апреля днем в Народном собрании, где вместе с В. Коларовым они беседовали с ним, и вечером, когда в честь гостя Национальным комитетом Отечественного фронта был дан ужин, на котором присутствовали Кимон Георгиев и другие наши видные деятели. Товарищ Димитров провозгласил тост в честь гостя и произнес теплую, задушевную речь о справедливом деле Болгарии. «...Наш народ,— сказал он,— маленький, но с ярко выраженным чувством национальной гордости.

Никогда этот народ не просил милостыни и не обращался, и теперь не обращается ни к кому за милостыней. Он боролся

в течение двух десятилетий против фашистской, зверской, варварской диктатуры. Он дал тысячи самых дорогих жертв в этой борьбе. Он не преклонил голову. Он не пал на колени. С гордостью и в бесчисленных страданиях он нес тяжелый крест борьбы за национальную свободу»[1]. Затем Димитров подчеркнул, что «в отношении Болгарии, в отношении болгарского народа совершается вопиющая несправедливость, когда не хотят признать его (болгарского.— *Прим. перев.*) правительства, правительства Отечественного фронта... Мы, болгары, не хотим милостыни, мы хотим только справедливости... справедливости от всех великих сил»[2].

В своем ответном слове Джон Мак, к моему удивлению, высказал в адрес Г. Димитрова слова уважения и восхваления. «Несколько лет назад,— сказал он,— когда я слышал имя товарища (!) Георгия Димитрова, я не думал, что придет время и он поднимет тост в мою честь. Георгий Димитров — самый храбрый человек в мире, это гражданин мира. Его героический пример вдохновил миллионы рабочих в их борьбе против фашистского режима Гитлера. Болгария известна именно через личность ее самого великого сына». В конце он заявил, что будет работать для успеха нашей страны.

На следующий день английский гость побывал в доме товарища Димитрова. Там я мог разглядеть его поближе. Человек лет сорока, высокого роста, у него продолговатое лицо, приветлив. С Димитровым они встретились сердечно, как старые знакомые и друзья. Их беседа проходила в кабинете и продолжалась значительное время. По просьбе Г. Димитрова (он уже имел горький опыт) мой коллега Банчев ее стенографировал. Их разговор содержал некоторые довольно интересные вещи. Димитров, например, высказал важные мысли о характере нашей оппозиции и изобличил ее, приведя данные о ее связях с США и Англией, кому она фактически служит, от кого получает деньги.

А Джон Мак сообщил о настроениях в английской миссии в Софии. Встречаясь с руководителем английской военной миссии в Софии генералом Окслеем и с политическим представителем миссии Босуэлом, он отметил одну особенность политической жизни Англии. «Я могу сказать,— признал Джон Мак,— что мы, англичане, можем понимать друг друга, хотя и у нас противоположные точки зрения. Между прочим, они (Босуэл и Окслей) сказали, что уважают меня как человека, но ненавидят как политика. Но, добавили они, что бы ни случилось, мы с гордостью

[1] *Димитров Г.* Избранные произведения в двух томах, т. 2 (1939—1949 гг.). София, 1968, с. 225—226.
[2] Там же, с. 226.

будем называть тебя своим другом. Я тоже люблю некоторых консерваторов как людей, но как политиков консерваторов я не могу любить. Это может быть в Англии».

Вот выдержки из стенограммы:

Джон Мак. ...Я обедал с Босуэлом и Окслеем. Я сказал им, что мы рабочее правительство и по своим взглядам являемся социалистами; мы с первых шагов должны действовать как социалисты, а в Болгарии мы действуем не как социалисты... Я посоветую нашему премьер-министру признать это правительство, являющееся народным... Даже они (Босуэл и Окслей) должны согласиться, что я, между прочим, сделал больше для престижа Англии, чем они до сих пор.

Г. Димитров. Они делали все для подрыва этого престижа.

Джон Мак. Я спросил — против чего они протестуют? Они ответили, что первое, что их беспокоит,— это 200 тысяч русских солдат...

Г. Димитров. Пусть английское правительство признает Болгарию, и на следующий же день советские войска уйдут отсюда.

Джон Мак. Генерал Бирюзов дал мне честное слово солдата, и я верю, что он говорит правду, что у русских нет никакого желания доминировать в этой стране и Болгария свободна сама управлять собой и иметь собственное правительство, каким бы оно ни было, лишь бы не фашистским.

Г. Димитров. Вы должны ценить болгар, ибо в противном случае много потеряете. Разрешите сказать несколько откровенных слов. Всегда, когда я действовал откровенно, с открытыми картами, было хорошо. Когда проводится принципиальная политика, откровенность приводит к наилучшим результатам... Я лично, партия, которую я представляю, наш Отечественный фронт считаем, что препятствия для наших хороших, нормальных, лояльных, дружеских отношений с Англией чинит наша оппозиция. Эта оппозиция антинародная, деструктивная. Это не конструктивная оппозиция... она рассчитывает на обострение отношений между Англией, Америкой и Советским Союзом. Все свои надежды оппозиция возлагает на ухудшение этих отношений... Дружественные нормальные отношения между Болгарией и Англией могут существовать тогда, когда английское правительство и общественное мнение поймут, что Болгарию могут представлять лишь Отечественный фронт и его правительство.

[Таким был визит английского гостя в Болгарию. Он заявил о своем желании стать защитником нашей страны перед английской общественностью, а мы сделали все необходимое, чтобы поддержать его. Мы оказали ему щедрый прием,

Возвратившись на родину, Джон Мак поместил в газете «Дейли экспресс» положительную статью о своих впечатлениях о Болгарии. В своем докладе, представленном в Министерство иностранных дел, он настойчиво рекомендовал признать болгарское правительство. Этот доклад стал известен нам; в нем высказано несколько интересных мыслей; так, например, после того, как сообщается, что он беседовал с лидерами оппозиции и выслушал их аргументы, Дж. Мак пришел к убеждению, что «вся оппозиция вместе на парламентских выборах не получила бы больше голосов, чем какое-либо национальное меньшинство в стране».]

20 апреля 1946 г., суббота

Важнейшими событиями прошедших дней явились две речи товарища Димитрова на заседаниях парламентской группы БРП(к). В них изложена позиция нашей партии по главным вопросам политической жизни, определена ее линия и поставлены новые задачи. Их сущность — широкое политическое наступление. Первое заседание парламентской группы состоялось 5 апреля в первой половине дня. Г. Димитров сообщил о положении в стране после сформирования нового правительства ОФ. Текст его речи, записанной стенографами парламентской группы, был прислан товарищу Димитрову уже на следующий день, но он не мог сразу посмотреть ее, и поэтому она была отправлена для публикации лишь 10 апреля под заглавием «Два урока». Эта речь — важное общественно-политическое событие; она предназначена не только и не столько, я бы сказал, для наших депутатов, она имеет намного более широкие цели. Первый вывод, или первый урок, как говорит товарищ Димитров,— нужно разоблачать и изолировать реакционную, антисоветскую, антинародную оппозицию, «эту полностью политически обанкротившуюся оппозицию». Необходимо мобилизовать бдительность всего населения против враждебной деятельности реакции и иностранных агентов.

«Наш народ,— заявил товарищ Димитров,— *не может дольше терпеть, чтобы кто бы то ни было мешал укреплению демократических порядков в стране, восстановлению народного хозяйства, удовлетворению насущных потребностей населения, благоприятному урегулированию международного положения Болгарии и заключению справедливого и достойного мира»* [1].

Нужно и дальше укреплять Отечественный фронт; необходимо как можно быстрее ликвидировать нездоровые и вредные

---

[1] *Димитров Г.* Избранные произведения, т. 2 (1941—1949 годы), с. 184.

явления в рядах партий, входящих в Отечественный фронт; изживать двуличие — все еще встречающуюся практику сидеть между двух стульев, стоять одной ногой в Отечественном фронте, а другой — вне его; необходимо конкретно разоблачать и осуждать всякого, кто мешает последовательному проведению политики Отечественного фронта или ослабляет его единство и дискредитирует народное правительство. Это второй урок мартовских событий.

Но товарищ Димитров не ограничился этим. Через несколько дней (19 апреля) после публикации этой его речи и получения откликов на нее (оппозиционные газеты встретили ее яростным воем) состоялось новое заседание парламентской группы партии. В речи, которую он произнес там, товарищ Димитров снова пояснил эти вопросы, и особенно вопрос о нашем отношении к оппозиции. Думаю, что его установки имеют важное принципиальное и теоретическое значение. Эта речь не была опубликована, но на следующий день газета «Работническо дело» поместила большую редакционную статью с изложением речи товарища Димитрова. Мы, отметил Г. Димитров, не против всякой оппозиции. Но о какой оппозиции идет речь? — спросил он. «Речь идет об оппозиции лояльной, легальной, оппозиции, которая не занимается предательством, а использует предоставленные народу права и свободы для созидательной критики и высказывания своего мнения». И далее уточнил: «А... наша оппозиция разрушительная, предательская, антисоветская... такую оппозицию нужно выбросить на свалку истории».

Таким образом, стало ясно, что такая оппозиция не имеет и не может иметь места в таком обществе, как наше новое общество, и что, с другой стороны, мы допускаем, что в политической жизни в нынешних наших условиях оппозиция может иметь место, но, разумеется, если она будет практиковать добронамеренную, созидательную критику, что само по себе представляет, насколько я понимаю, новое слово в теории и практике социалистического строительства.

Оппозиционная пресса подвергла резким нападкам речь товарища Димитрова и его лично. «Как ползучие змеи, шипят царские демократы»,— писала газета «Работническо дело» по поводу одной злобной статьи газеты «Знаме» (черное) и сравнивала эту злобность со злобными выпадами Геринга против Димитрова в 1933—1934 гг.; в свое время мушановцы солидаризировались с Герингом, отказав Димитрову в болгарском подданстве, теперь они используют его лексикон для нападок на Димитрова, называют его «диктатором», человеком, «страдающим манией величия», приписывают ему «фашистские дейст-

вия», «склонность к насилию, произволу и террору». На тех же струнах начали играть и газеты «Зелено знаме» и «Свободен народ». Рабочие «Объединенной типографии» в связи с этим решили отказаться печатать газету «Зелено знаме». Впрочем, уже в начале апреля Совет Министров решил запретить на 10 дней издание газеты «Народно земеделско знаме» «за грубые и злобные публикации, т. е. за антисоветские публикации, наносящие вред жизненным интересам народа».

Оппозиционная пресса в Болгарии представляет собой поистине странную картину. Если «Свободен народ» — обыкновенная газетка, то «Народно земеделско знаме», или «Зелено знаме», все больше проявляет свое лицо. В ее редакцию входят журналисты, которые не вчера взялись за перо. Язык газеты злобный, дерзкий, желчный и язвительный; она с бесспорным умением, достойным лучшего применения, настойчиво внушает читателю свои мысли, превращает мелкий факт в большой скандал, осмеивает наших деятелей, стремится сделать их посмешищем, придумывает и распространяет о государственных деятелях оскорбительные анекдоты, играет на послевоенных трудностях страны, вызвавших определенное недовольство среди различных слоев, запугивает и вводит в заблуждение граждан, дает им разные обещания. Она ни за что не выступает и в то же время против всего. Полный нигилизм. Она все отрицает и сеет недовольство. Ее главный редактор — сам Никола Петков. Все сказанное о газете это и его личная характеристика. Едва ли найдутся в других странах государственные и общественные деятели, которых бы так ругали, оскверняли, над которыми бы так насмехались, как это делается на страницах «Зелено знаме» в отношении наших лучших деятелей, составляющих сегодня честь Болгарии, ее славу, ее знамя. Под вымышленными именами, которые с ехидством расшифровываются, они становятся объектом насмешек. Трифон Кунев каждый день сочиняет свои пасквили с удивительной продуктивностью, а по мерзости они не имеют себе равных. Добри Терпешева — этого мученика, столько лет томившегося в фашистских тюрьмах и лагерях,— хотят сейчас сделать героем анекдотов. Чтобы сделать его посмешищем, подорвать его авторитет, почти в каждом номере газета помещает непристойный анекдот о нем Трифона Кунева. Особенно яростно набрасываются сам Петков и Т. Кунев на Цолу Драгойчеву — эту доблестную героиню. Трифон Кунев пытается пустить в оборот анекдот о товарище Димитрове и оскорбительное прозвище.

Никакого уважения к государственному деятелю и личному достоинству человека.

И в то же время они неистово вопят, будто в Болгарии нет свободы печати!

Еще досаднее то, что это пасквильное издание является «земледельческим», детищем клики, присвоившей себе название БЗНС. Земледельческий союз после Стамболийского никогда не представлял собой единой и целостной организации. Он очень часто лил воду на мельницу и леваков и реакции, но, несмотря на это, пользовался популярностью у большей части болгарских крестьян. Нередко он действовал вместе с БКП. Теперь спекулировать на недовольстве крестьян слишком легко — каждый знает, что это проявилось после войны. Черные дела махровая реакция у нас проводит под именем идей земледельческого движения, хотя всякий трезво мыслящий человек понимает: если одержит верх реакция, то она не проявит большей жалости к своим лжеземледельческим пособникам, чем проявила к самому Стамболийскому. Наихудшим злом является то, что реакция использует земледельческую вывеску.

На долю нашей партии, как партии правящей, выпала тяжелая участь: в стране была разруха, нищета, разразилась засуха, мы были скованы в своих действиях из-за того, что не был подписан мирный договор. Нам нужно было ждать, никого не раздражать, не давать повода для нападок, а ведь были ослепленные ненавистью к нам. А мы должны терпеть, терпеть.

Мне довелось быть свидетелем интересной встречи Димитрова с руководством Организации помощи [1].

Она состоялась 6 апреля в кабинете Г. Димитрова на улице Велико-Тырново. В делегацию, возглавляемую председателем Организации помощи Димитром Халовым (он провел в фашистских застенках 15 лет), входило несколько человек — ветеранов революционного движения. Встреча состоялась по просьбе руководства Организации помощи. Цель ее визита к Г. Димитрову Д. Халов определил так:

— Нас, товарищ Димитров, очень волнует вопрос о дальнейшей участи Организации помощи. Должна ли она существовать, или же в новых условиях, когда борцы против фашизма у нас не преследуются и есть государственные органы социального обеспечения, ее нужно распустить? Некоторые ответственные товарищи считают, что она изжила себя и должна прекратить существование. И мы не знаем, что делать.

По нескольку слов сказали и другие товарищи.

---

[1] Организация помощи в прошлом была одним из отрядов революционного движения, призванным оказывать посильную помощь жертвам фашизма и их семьям.

Товарищ Димитров не спешил отвечать, а спокойно слушал, задал им ряд вопросов о работе организации, спросил некоторых товарищей, что они думают по этому поводу.

— Мы считаем, что ее еще нельзя распускать.

— Ясно,— сказал он,— что положение, при котором развивается ваша организация, изменилось. Но задачи, которые она призвана решать, еще не исчерпаны! Она все еще весьма необходима и очень полезна. Но она должна найти свое место в новых условиях...

Далее он определил новые задачи и новый облик Организации помощи. Прежде всего он подчеркнул, что «все эти задачи... касающиеся оказания помощи жертвам фашизма и инвалидам Отечественной войны, остаются в силе, как и прежде». Они решены не до конца, и поэтому Организация помощи должна и в будущем располагать общежитиями, пансионатами и лечебными заведениями... Но нужно прежде всего выявить фамилии и количество погибших, места их гибели, а также инвалидов, сирот и вдов, чтобы можно было помочь нуждающимся. Ваша организация должна помогать Военному министерству, Министерству социальной политики и влиять на решение этих вопросов как представитель общественности. И, предостерегая их от сектантской замкнутости, определил характер организации — она должна оставаться общественной, всенародной, демократической и патриотической организацией, организацией, воплощающей в себе высшую общественную справедливость, организацией национальной и в известном отношении международной солидарности.

Затем он коснулся новой, несвойственной им задачи — увековечения памяти павших в борьбе против фашизма и во время Отечественной войны. Он выдвинул следующую идею:

— Надо, чтобы в каждом селе, в котором погибли борцы против фашизма или бойцы в годы Отечественной войны, были какие-либо знаки или маленькие памятники, напоминавшие об исторических событиях в нашей стране, особенно в последние годы. Те, кто был за границей, особенно на Западе, знают, что на любом, можно сказать, перекрестке есть религиозные или другие памятники. А у нас должны быть национальные памятники. Это весьма поможет патриотическому воспитанию нашего молодого поколения. Туда должна отправляться на праздник молодежь, чтобы отдать дань уважения борцам, павшим за свободу нашего народа.

И далее он пояснил свою идею:

— Каждое такое место следует отметить — вначале либо мемориальной доской либо маленьким памятником. Нужно сде-

лать надпись: здесь погиб такой-то и такой-то герой, здесь сожжен дом, в котором жил такой-то, предоставлявший убежище борцам. Сейчас их можно отметить лишь таким образом, а потом нужно непременно воздвигнуть памятник. Эти места являются для нас национальной святыней. Какое великое значение имеют, например, такие памятники освободительной войны 1878 г., как Шипка и Плевен! Туда едет и стар и млад и испытывает чувство национальной гордости. А без такого сознания, без такого чувства национальной гордости никакой народ не может идти вперед.

И в заключение он сказал:

— Человеку недостаточно лишь партийного сознания, оно должно быть связано с общенациональным сознанием и гордостью. Болгарин должен чувствовать себя как достойный человек, а не как последняя спица в колеснице — приниженным, униженным.

Он говорил, сопровождая слова энергичным жестом правой руки, что еще больше трогало слушателей. Взволнован был и он сам. И это понятно, ибо эта тема была ему очень близка. Товарищам из Организации помощи пришлось по душе сказанное Димитровым.

— Мы понимаем, товарищ Димитров, это очень важно.

Они ушли окрыленные.

Увлеченный мыслями Димитрова, я записал не всю беседу, хотя и бóльшую ее часть. Димитр Халов потом попросил дать ему текст, и после того, как я расшифровал его и Димитров посмотрел и уточнил некоторые слова, я послал запись в ЦК Организации помощи.

Руководство Организации помощи действительно занялось осуществлением рекомендаций Димитрова по увековечению памяти борцов-антифашистов. После того как пришли к выводу, что Организация помощи сыграла свою роль и она заявила о самороспуске, эта идея не угасла, ее подхватили другие организации.

Так было положено начало прекрасному и благородному делу, которое приняло широкий размах в нашей стране и стало одной из ее характерных черт.

Однажды я показывал одному иностранцу улицы Софии.

— Что это такое? — спросил он, заметив мемориальную доску.

Я прочел и перевел:

«Здесь в 1925 г. героически погиб верный сын народа...»

Он остановился в удивлении.

В тридцати минутах ходьбы от этого места мы увидели еще две-три мемориальные доски.

«Здесь был убит из засады в 1932 году...»

«Здесь жил партизан... погиб в 1943 г.».

Мы часто останавливались и читали такие надписи.

— Большое дело! Вы вели героическую революционную борьбу, но умеете и чтить героев,— чистосердечно воскликнул гость из соседней братской страны.

Культ памятных мест, связанных с историей, причем не только большого национального значения, но и с подвигом простых людей,— благородная черта нашего народа.

Думаю, что заслуга в этом принадлежит и Георгию Димитрову.

29 апреля 1946 г., понедельник

Когда появилась мысль о перезахоронении останков бабушки Парашкевы[1], точно я не знаю. Возможно, это было еще зимой, когда товарищ Димитров первый раз посетил г. Самоков, а возможно позже, в апреле, когда он побывал на могиле матери на Самоковском кладбище.

Об этом мне рассказал Моряк.

— Зимой был глубокий снег. Мы добирались от Самокова до Чамкории (ныне Боровец.— *Прим. перев.*) на санях. В Боровце находился Трайчо Костов. С ним Г. Димитров провел за беседой все послеобеденное время в холле виллы «Песако». Мне кажется, что мы ездили в Боровец потому, что Димитров решил встретиться с Тр. Костовым. На следующий день мы отправились к Черной скале, по дороге остановились и разожгли костер. На обратном пути заехали в Самоков, где навестили Барымовых. Дома была только сестра Георгия Димитрова Магдалина Барымова. На улицах собралось много народу — люди узнали, что в городе находится Димитров. Вместе с ним был Трайчо Костов. Когда ехали, Димитров увидел родник, о чем-то задумался, попросил остановиться и напился из него воды.

— А в последний раз мы были в Самокове,— продолжал Моряк,— когда было уже тепло, на деревьях распускались листья. Я пошел заранее на кладбище, чтобы найти могилу. Там не было никакой особой приметы, мы нашли ее с помощью соседей. Димитров подошел к могиле бабушки Парашкевы, снял шляпу и долго стоял. А мы по-военному отдали честь. Не помню, сколько времени он стоял перед могилой. У меня даже заболела ру-

[1] Мать Г. Димитрова, Парашкева Димитрова (Михайлова), скончалась 20 июля 1944 г. и была похоронена на кладбище г. Самокова.— *Прим. перев.*

ка. Он же все стоял и стоял, глядя на могилу и держа шляпу перед собой. В глазах у него стояли слезы. Как будто она была жива и он разговаривал с ней. Я впервые видел его в таком необычном для него состоянии. Знал его как твердого человека, а там он очень расчувствовался.

Таким увидел Димитрова Моряк.

Может быть, именно в эти мгновения родилась идея перенести прах бабушки Парашкевы на Софийское кладбище.

26 апреля от имени семей Димитровых, Барымовых и Червенковых было опубликовано сообщение для сведения «знакомых и друзей покойной Парашкевы Димитровой, что в воскресенье, 28 апреля с. г., ее останки будут перенесены из Самокова в Софию».

У евангелического кладбища в Софии, где проходило перезахоронение праха бабушки Парашкевы (как известно, их семья была евангелической), собрались тысячи людей. Там находились те, кто знал ее лично и уважал, юноши и девушки, которые слышали и читали о ней, учащиеся и работницы, ветераны революционного движения, члены нашей партии и Отечественного фронта, министры и депутаты. Одним словом, на перезахоронение бабушки Парашкевы собралось так много людей, что оно превратилось в волнующее событие. Народ отдавал дань уважения великой матери. Как отметил выступивший на траурном митинге член Политбюро ЦК БРП(к), первый секретарь Софийского областного и городского комитета партии Д. Ганев, народ отдавал дань уважения матери-героине, воспитавшей сыновей-героев, трое из которых погибли в борьбе с реакцией.

— Бабушка Парашкева,— сказал он,— символ истинной матери — героини нашего народа. Сына Костадина она потеряла в Балканскую войну, другой ее сын — Никола — незадолго до Октябрьской революции умер в сибирской ссылке, а третьего сына — Тодора — убили палачи болгарского народа в 1925 году. Потом (в 1944 г.— *Прим. перев.*) фашисты схватили и расстреляли ее любимого внука — партизана Любчо Барымова. Бабушка Парашкева — олицетворение добродетели, какой обладала мать Васила Левского. Она — олицетворение и той добродетели рабочей матери, о которой так хорошо написал Максим Горький. Когда товарищ Димитров был арестован немецкими фашистами и отдан под суд по ложному обвинению, бабушка Парашкева, хотя была и неученая и не знала иностранных языков, отправилась в Париж, а оттуда в Лейпциг. Затем она поехала в Москву, чтобы увидеть Страну Советов.

Наш народ,— продолжал Д. Ганев,— сохранит ее светлый образ, который будет служить примером для всех болгарских

матерей в воспитании детей, примером того, с какой стойкостью нужно переносить все страдания ради блага своей Родины.

Затем старая коммунистка Д. Тренкова, хорошо знавшая бабушку Парашкеву, произнесла взволнованную и по-женски эмоциональную речь. Она коротко рассказала о ее жизненном пути. Совсем юной девушкой, сказала она, Парашкева вместе с родителями покинула свой родной городок Банско, и уехала в только что освобожденную от турок часть Болгарии. Встретила Димитра Михайлова, «скромного ремесленника, честного человека с твердым характером», с которым связала свою жизнь. Позднее в поисках средств к существованию они переехали в Софию. «Бабушка Парашкева вырастила восьмерых детей, ставших борцами против реакции. Не случайно,— подчеркнула она,— большой французский писатель Ромен Роллан восхищался величием и энергией этой женщины-матери». Тренкова сказала, что одной из причин смерти бабушки Парашкевы явилась гибель ее любимого внука — Любчо Барымова. «Бабушке Парашкеве было 83 года,— сказала она,— когда ее сердце поразило это скорбное известие. Она не могла перенести этого и умерла 20 июля 1944 г. До последней минуты в ней жила глубокая вера в победу справедливого дела». Она завещала: «Боритесь! Фашизм будет разбит!», «Преклоним колени перед светлой памятью бабушки Парашкевы Димитровой!»

На могилу положены маленькие и большие букеты, венки, образовавшие большой холм из живых цветов. Димитров, стоявший в окружении близких родственников бабушки Парашкевы, партийных и государственных деятелей, печально глядел на гроб и как бы ушел в себя. Тяжелее всего хоронить любимую мать и любимого ребенка. На его долю выпало и то и другое.

На перезахоронении присутствовала и одна из близких родственниц Парашкевы Димитровой, которая раньше не встречалась с Димитровым. Речь идет о Наде — жене Тодора, который был убит, как уже говорилось, в 1925 г. Позднее Надя сама рассказала мне:

— Я едва пробилась сквозь толпу, чтобы подойти к могиле. Я долго жила вместе с бабушкой Парашкевой. Она, бедная, так заботилась обо мне. Особенно она любила Тодора, и, может быть, поэтому после его смерти эту любовь перенесла на меня. Я жила после гибели Тодора вместе с ней семь-восемь лет. Относилась она ко мне, как к своей дочери. Помогла закончить педагогический институт.

— А когда вы сблизились с семьей Димитровых? — спросил я.

— И мы жили в Ючбунаре[1], через три-четыре улицы от Ополченской. В клубе имени Царя Симеона собиралась молодежь квартала, туда ходили и мой брат Христо Смирненский[2], Вылчо Иванов, Тодор, Елена — младшая сестра Г. Димитрова, туда стала ходить и я и подружилась с Еленой, ходила к ним в гости. Познакомилась с бабушкой Парашкевой и Любой (первой женой Димитрова.— *Прим. перев.*). Люба была приветливая, симпатичная, веселая. На ней всегда была белая блуза, в комнате у нее постоянно были живые цветы. Опрятно одетая, она любила чистоту и стремилась, чтобы в доме все было в порядке. Люба первая сообщила мне, что мой брат Христо принят в члены партии. «Поздравляю тебя,— сказала она, радостно улыбаясь,— вчера вечером мы приняли Христо в члены партии». Христо не раз бывал у Димитровых, читал Любе свои стихи, она ценила его. С Тодором мы подружились еще в 1921 году, а поженились в 1924 году.

— А с Георгием Димитровым вы тогда не виделись?

— Нет, впервые увиделись лишь в 1946 году, при перенесении останков бабушки Парашкевы. После похорон Магдалина пригласила нас к себе в дом на улицу Ополченскую. Там были Георгий, Роза, Лена и другие. Георгий представил меня Розе, и мы с ней много беседовали. Она показала мне медальон с портретом Митё. Долго говорила о своей скорби. После обеда Димитров отозвал меня в сторону и расспрашивал о моей жизни, о моей работе в школе, об условиях, в которых учатся дети. Я, учительница по профессии, тогда была директором школы им. Петра Берона. Я пожаловалась ему, что у нас нет помещения, так как в здании школы разместился военный госпиталь. Он посоветовал: «Напиши мне об этом, я приму меры». Через месяц помещение было действительно освобождено. В разговоре со мной он был любезен, сердечен, внимателен. Спросил, что сделано для увековечения памяти Смирненского. Поставлен ли ему памятник? И узнав от меня, что еще ничего не сделано, пригласил секретаря ЦК партии и поручил ему позаботиться об увековечении памяти Смирненского.

Потом Надя Измирлиева-Димитрова, а теперь — по фамилии своего второго мужа — Иванова, рассказала, что Тодор Димитров дружил с Трайчо Костовым. Они были неразлучными друзьями. Когда Трайчо Костова арестовали и стали подвергать жестоким пыткам, он выпрыгнул с третьего этажа здания Общественной безопасности, получил тяжелую контузию и был от-

[1] Ючбунар — район старой Софии.— *Прим. перев.*

[2] Христо Смирненский (1898—1923) — выдающийся болгарский поэт-коммунист.— *Прим. перев.*

правлен в больницу. Тодор, несмотря на большой риск, послал Надю навестить его. В те дни еще больше укрепилась дружба между Тодором Димитровым и Трайчо Костовым. Через четыре месяца после женитьбы Тодор был убит.

Я смотрел на эту худенькую, невысокого роста, с седеющими волосами женщину и думал, что она живое олицетворение связи, дружбы и боевого сотрудничества между этими тремя нашими революционными семьями.

Бабушку Парашкеву я знал лично.

В 1938 г. в Георгиев день Гошо (сын Любена — одного из братьев Г. Димитрова), с которым я дружил, пригласил нас на свои именины. Его приглашением мы — юноши и девушки — активисты РМС в Софии — воспользовались для встречи с бабушкой Парашкевой (в этот день она гостила у Любена) и одновременно справили именины Георгия Димитрова, чье имя было легендарным и наводило страх на врагов. Он был Генеральным секретарем Исполкома Коммунистического Интернационала и руководил нашей партией, поэтому полиция при одном упоминании его имени настораживалась. Бабушке Парашкеве исполнилось 77 лет. Она была очень худая. Сидела прислонившись к спинке стула, говорила мало, медленно и тихо. На голове у нее был черный платок, лицо изрезано морщинами, но глаза были живые. На ее маленьком лице они казались еще крупнее. Взгляд у нее был строгий и прямой, что я позднее заметил у Георгия Димитрова и Елены.

Для нас, молодежи, бабушка Парашкева была окружена ореолом славы. Ведь она выступала на митинге в Париже во время Лейпцигского процесса, находилась в зале суда в Лейпциге — слышала и видела, как ее первенец сражается с гитлеровцами. Она набралась смелости, чтобы встретиться с Герингом, а затем отправилась в Москву на майские торжества. Бабушка Парашкева присутствовала на Красной площади на первомайском параде, встретилась с Максимом Горьким.

Но все это как будто относилось не к ней, она оставалась для нас все той же бабушкой Парашкевой, которая жила на улице Ополченской в Ючбунаре среди трудового народа. Она приняла нас и разговаривала с нами просто, естественно, по-матерински. Попросила выпить нас «за Георгия». В маленьком домике на юго-западной окраине нашей маленькой бедной Софии мы поднимали бокалы за того, кто играет такую роль в истории человечества.

Мы настояли, чтобы она рассказала о Г. Димитрове, о Париже, Лейпциге и Москве. Все это было очень интересно и увлекательно.

— Что вам сказать? — тихо промолвила бабушка Парашкева.— В Париже собралось много народу. Мне говорят: «И ты должна выступить». А я думаю: «Что же говорить, сумею ли?..» Но делать было нечего. Я выступила и сказала: «Мой сын не поджигатель».

Ее большие глаза оживились, в них появился легкий металлический блеск. Она делает паузу, переводит дыхание и, видя нетерпение в наших глазах, продолжает рассказ:

— А в зале суда в Лейпциге находились все гитлеровцы, сердитые, кричат. Я не понимала, что им говорил Георгий. С нами был наш паренек и нам объяснял [1]. Что я могла понять из их речей? Я слушала, как Георгий их разделывал. Испугалась за него, думала, пропадет, они погубят его, но знала, что он невиновен и защищает правду, сказала про себя: «Так, так, сынок, растолкуй им».

Мы с огромным интересом слушали ее рассказ о Советском Союзе.

— Там очень хорошие люди,— сказала она.— А какие войска были на параде!

— Бабушка Парашкева,— не вытерпел кто-то из нас,— почему вы вернулись, а не остались у товарища Димитрова в Москве?

— А как я могла, сынок, там остаться? Георгий целый день на работе, когда его увидишь, а когда и нет, а здесь смотри какая у меня семья. Меня все тянуло сюда, домой. Старому человеку не хочется менять место, а хочется остаться там, где он жил.

Мы попрощались, восхищенные живым умом и стойкостью этой женщины.

С Гошо, или Георгием Димитровым-младшим, наши пути скрещивались позднее в фашистских тюрьмах, и он все мне рассказывал о своей любимой бабушке.

А Любчо Барымова, другого ее внука, который тоже был в заключении и потом героически погиб в 1944 г., я лично не знал, но читал и слышал о нем много.

[20 июля 1967 г. вместе с Христиной Димитровой мы побывали в г. Самокове. Христинка (как мы ее называли) — дочь Магдалины и Стефана Барымовых. Она работает смотрителем Дома-музея Г. Димитрова на улице Ополченской, 66. Ей около 45 лет. Она — единственный живой потомок Барымовых [2]. Христинка показала мне место, где они когда-то жили.

Дом Барымовых находился на улице Моисеева, 125 (позднее

---

[1] Этот «паренек» был Боян Дановский, впоследствии крупный режиссер, народный артист НРБ.

[2] Теперь уже и ее нет в живых.

она была переименована в улицу Любомира Барымова). Их дом был большой — состоял из 12 комнат; во дворе — в стороне — было расположено небольшое помещение, в котором размещалась маленькая типография (доходами от нее кормилась семья). За типографией была кладовая (в ней хранилась библиотека Георгия Димитрова, о чем речь пойдет дальше). В последние годы дом был снесен. По плану градоустройства на этом месте предусматривалось строительство детского дома. Сейчас он уже построен. Так что в настоящий момент мы могли осматривать лишь здание детского дома. Это было чудесное сооружение. В этой преемственности заключено что-то глубоко символическое — там, где когда-то жил Георгий Димитров, где жила и скончалась бабушка Парашкева, где родился и вырос Любчо Барымов, красуется современный, прекрасный и светлый детский дом — настоящий дворец. Его назвали детский дом им. бабушки Парашкевы. В коридорах на стенах развешаны плакаты с выдержками из произведений Г. Димитрова, в фойе у входа скульптурная композиция — бабушка Парашкева с двумя детьми на коленях. А на фасаде две мемориальных доски. На одной написано: «На этом месте стоял дом, в котором жила и умерла мать Георгия Димитрова бабушка Парашкева»; а на другой — «В доме, который стоял на этом месте, родился и жил Любомир Барымов, член ЦК РМС, был партизаном и погиб в 1944 г.». И больше нет ничего, что говорило бы о старом доме и подвиге его обитателей. Только могучий кипарис да две старые липы высоко-высоко устремили свои вершины, как будто постоянно говорят, что они все помнят и обо всем напоминают.

Мы ходили с Христинкой по городу, и она без устали рассказывала, что и как здесь было. Потом к нам присоединился старый житель г. Самокова Петр Гребенчарский — стройный и представительный мужчина лет шестидесяти, партийный активист города.

— С Любчо мы были в очень близких отношениях,— сказал он.— Вместе работали, дружили, вместе участвовали в классовой борьбе. Мы встречались с ним в тот день, когда он уходил в партизаны. Он простился со мной, и больше мы не виделись.

Бабушка Парашкева тогда была здесь. Сюда я помог ей перебраться из Софии после бомбардировок столицы. Это было в конце марта (1944 г.— *Прим. перев.*). Она была проворная, с вечно засученными рукавами и платком на голове. У нее были живые, умные глаза. Мы скрывали от нее, что Любчо погиб. Но одна из соседок допустила роковую ошибку — однажды пришла к ней и, не подозревая, что она не знает о смерти Любчо, стала причитать о нем... Услышав эти слова, бабушка вскрикнула, упа-

ла на пол. А через несколько дней умерла. Она так была привязана к своему внуку, так любила его, что не могла перенести его смерть.

Затем Петр Гребенчарский рассказал нам следующее:

— Один товарищ (Гребенчарский не назвал его имени.— *Н. Г.*) был у Георгия Димитрова в Тбилиси в то время, когда поступило известие о гибели Любчо Барымова. Он мне сообщил, что Георгий Димитров встретил эту весть как самое большое свое горе. «Последнего, кто у меня был, и того потерял»,— сказал он.

Я не знаю, так ли все это было и такие ли слова произнес Георгий Димитров. Больше я ни от кого не слышал, когда и как узнал Димитров о гибели своего любимого племянника. Но я допускаю, что, возможно, так и было и именно такие слова он сказал. Георгий Димитров был связан с Любчо Барымовым не только родственными узами, между ними существовали глубоко сердечные, непосредственные отношения. Известно, например, знаменитое письмо, которое Димитров послал 8.I. 1934 г. из Лейпцигской тюрьмы своему несовершеннолетнему племяннику в одну из болгарских тюрем:

> «Дорогой Любчо! — обращается он.— Мне было очень приятно узнать от твоей матери, что ты держался в тюрьме предварительного заключения и на суде так, как подобает нашей боевой семье, и что сейчас ты так же достойно переносишь участь заключенного.
>
> Это, конечно, похвально, но этого далеко не достаточно. Нужно *всячески* использовать свое время в тюрьме, чтобы еще больше закалить свою волю и вооружить себя необходимыми для жизни и борьбы солидными знаниями. *Нужно учиться, учиться, постоянно учиться!*
>
> Я по собственному опыту знаю, что значит жизнь в заключении. Легкого и приятного в ней, конечно, нет. Тюрьма — это *не монастырь* и *не санаторий*. Ее истинное назначение — *мучить*, тюрьма — это своего рода *«чистилище»*. ...Итак, рационально используй каждый час! Не оставайся без дела! Так быстрее пролетят дни заключения, и ты выйдешь из тюрьмы духовно и политически возмужавшим, вооруженным знаниями и окрыленный волей к действительно творческой работе и борьбе!
>
> Желаю тебе здоровья и бодрости!
>
> Твой дядя *Георгий*».

Гимназист Любчо Барымов сидел два года в тюрьме за нелегальную коммунистическую деятельность, а затем был направ-

лен ЦК РМС в Москву на учебу в трехгодичную партийную школу; там дядя и племянник — свободные люди в столице свободной страны — могли близко сойтись и полюбить друг друга. В лице Любчо Г. Димитров увидел лучшего и надежнейшего последователя, своего достойнейшего ученика. Поэтому понятно, что Димитров привязался к этому прекрасному молодому человеку и борцу и стал питать к нему отцовские чувства. А после тяжелой утраты Митё ушел из жизни и Любчо! И как естественно у Георгия Димитрова вырвались слова, полные скорби: «Последнего, кто у меня был, и того потерял».]

[14 мая 1968 г. Вчера, 13 мая, я присутствовал на памятном месте, где был вначале похоронен Любчо Барымов. Оно находится в 500 метрах западнее нашей границы, на югославской территории. Там были также мать героя Магдалина Барымова, его сестра Христина, собрались люди, прибывшие из Софии и окрестных югославских сел. Состоялся траурный митинг, на котором говорили о подвиге и гибели Л. Барымова, убитого 13 мая 1944 г. Он был партизаном и политкомиссаром третьего батальона партизанской бригады. На бригаду внезапно напали жандармы, завязалось сражение. Третьему батальону предстояло осуществить прорыв и обеспечить отход всей бригады.

Политкомиссар Любчо Барымов был тяжело ранен, отполз в кусты и смог укрыться там от противника. Потом стал понемногу передвигаться и оказался возле чьей-то кошары. Он думал, что она принадлежит знакомому ятаку[1] Славчо Трынскому, но ошибся. Эта кошара принадлежала двум братьям — один из них был честным человеком, а другой предателем. Они работали поочередно — через неделю. Раненый политкомиссар попал в кошару, когда там работал честный брат. Он целую неделю укрывал и кормил его. А когда подошла очередь дежурить другому брату, он предложил ему подежурить за него. Однако это вызвало у второго подозрение, он внезапно пришел на кошару и застал там Любчо, о чем сразу сообщил в жандармерию.

Жандармы окружили кошару, и начался бой; Любчо Барымов сражался до тех пор, пока не был тяжело ранен и у него не кончились патроны. Его захватили, когда он уже потерял сознание, и доставили на пограничную заставу (так как бой шел на самой болгаро-югославской границе), где находилась резиденция какого-то полковника-кровопийцы, которого Любчо Барымов знал еще по Самокову и ненавидел. Земляк-жандарм узнал его и начал допрос с применением пыток. Несмотря на жестокие издевательства, политкомиссар ничего не сказал, никого

[1] Ятак — сочувствующий партизанам, оказывающий им помощь.— *Прим. перев.*

не выдал. Тогда его вывели на поляну и добили. Там сейчас стоит скромный памятник и два тополя у самой дороги. Несколько дней труп лежал на поляне. Никому не известный до сих пор крестьянин тайно схоронил его ночью, положив на свежую могилу букет цветов. А затем другие посадили здесь два тополя, которые сейчас стали могучими деревьями. Деревьями свободы! Два тополя и среди них могила Любчо — символ бессмертия и самопожертвования, вечного стремления человеческого духа к свободе!

После победы народной власти останки Любчо были перенесены в Софию и погребены в братской могиле, где некоторое время спустя был воздвигнут большой памятник жертвам и героям антифашистской борьбы.

Ежегодно перед скромным памятником на месте гибели Любчо Барымова и около двух могучих тополей собираются люди с обеих сторон границы и отдают дань уважения его подвигу, который всегда напоминает, что живо стремление к братству и дружбе.

Любчо был голубоглазый, русый, высокий и стройный юноша. Он был очень общительный, внимательный и добрый, веселый и приветливый. Как политкомиссар Любчо оставил о себе добрую память своей заботой о людях, особенно о молодых партизанах.]

Этой зимой мне стало известно, что личную библиотеку Г. Димитрова, собранную им до 1923 г., после его вынужденной эмиграции из Болгарии спрятал и хранил Стефан Барымов в своем доме в Самокове. Весной ее перевезли на грузовике в Софию. Значительную часть книг мы разместили в кабинете Г. Димитрова на улице Велико-Тырново.

Сохранение библиотеки — это настоящий героизм!

Ее тайно хранили в течение более чем 20 лет, в годы реакции и мракобесия! Это само по себе равноценно подвигу. Это подвиг Стефана Барымова и его семьи.

Личная библиотека Любы и Георгия Димитровых до 1923 г. находилась в Софии в доме № 66 по улице Ополченской. Книги размещались на двух стеллажах, занимавших две стены от пола до потолка, и на этажерках. Это была большая, солидная библиотека с огромным количеством книг. Но когда наступили страшные времена, когда хранение такой литературы было связано с риском для жизни и с опасностью для самой библиотеки, ее хранение взял на себя Стефан Барымов.

Дедушка Стефан (тогда он еще не был дедушкой, хотя, может быть, и носил бороду) — муж Магдалины, старшей дочери

Парашкевы. Этот почтенный и достойный человек не был коммунистом — членом партии, но так много сделал для сохранения книг Г. Димитрова. Вначале прятал книги в одном месте, а затем в кладовой в своем доме. Но и здесь библиотека не была в полной безопасности. Полиция при обысках дважды обнаруживала библиотеку и дважды ее по частям или целиком отвозила в полицейский участок. Но, кажется, полицейские и в Самокове не были столь культурными и догадливыми, чтобы разобраться, что эта «страшная» библиотека принадлежит самому Генеральному секретарю Исполкома Коминтерна; возможно, что и дедушка Стефан своим авторитетом почтенного гражданина сумел повлиять на них.

Барымовы, конечно, понимали, что нельзя допустить порчи и пропажи книг, и зорко их охраняли. Но некоторые книги исчезали, переходили из рук в руки. С их помощью осваивалась теория революционной борьбы. К библиотеке, по-видимому, имел доступ Любчо Барымов, что служило ему источником знаний и вдохновения.

Несколько лет спустя, когда мы с Христинкой прослеживали путь библиотеки из Софии в Самоков, она мне рассказала, как все это было. Доступа к библиотеке у нее не было. По ее словам, и Любчо Барымов тоже не мог распоряжаться библиотекой и раздавать книги налево и направо, но она допускает, что, когда он просматривал их, некоторые из них мог давать на время почитать товарищам.

Потом мы встретились с Петром Гребенчарским.

— Что вы знаете о библиотеке, как ее удалось так долго скрывать? — спросил я.

— Вначале ее спрятали на сеновале у одного турка, а затем переместили в кладовую около типографии,— ответил Петр Гребенчарский. Когда это было, он не помнит.

Позже испытанный коммунист и друг Любчо Петр Гребенчарский рассказал:

— Иногда бай Стефан брал какую-нибудь книгу, рассматривал ее и говорил: «Я иногда удивляюсь, возможно ли, чтобы это Георгий все прочел?

Ведь многие из них на иностранном языке. Меня берет сомнение. Потом беру какую-нибудь книгу, как, например, эту. Открываю и смотрю — на страницах карандашные пометки. Он читал, все это читал. Какая умница!»

И вот библиотека благополучно вернулась к своему хозяину.

Димитров встретил ее с какой-то детской взволнованностью, брал то одну, то другую книгу, перелистывал их и любовался

ими. Его можно было понять. Это был трепет настоящего книголюба, который не только любит, но и ценит свои книги.

— Просмотрите, найдите ей место,—говорил он нам,— и берегите, хорошенько берегите их. Особенно берегите от друзей. Библиотеку удалось в течение 25 лет уберечь от врагов, но сейчас будет очень трудно уберечь от друзей.

Расставляя книги, мы подолгу просматривали их. Они уже постарели, пожелтели, но, несмотря ни на что, сохранились (быть может, за небольшими исключениями).

У Г. Димитрова был обычай, как у большинства книголюбов,— после покупки книги подписать ее; его подпись («Г. Дим.») сохранилась и встречается на первых страницах большей части книг. Книжный фонд библиотеки насчитывает около 3 тыс. наименований, что уже само по себе говорит о том, что это большая личная библиотека. Очевидно, справедливо утверждал старый деятель нашей партии и профсоюзного движения Никола Пенев:

«...Этот человек с двухклассным образованием[1], обыкновенный типографский рабочий, обладал большой для своего времени личной библиотекой и путем самообразования достиг удивительной высоты».

Мне из личного опыта известно: если хотите понять кого-нибудь, вникните в его библиотеку — в ней вы обнаружите его мысли и волнения, прошлое и настоящее, поймете, чем он живет и что его интересует, богат или скуден его духовный мир. Так и с библиотекой Димитрова. В ней, как в зеркале, отразилась его личность.

Разнообразие литературы свидетельствует о высокой культуре и разносторонности интересов семьи Димитровых. Они проявляли большую заботу о сохранении этого книжного богатства — большинство книг прекрасно переплетены; подшиты и переплетены также комплекты журнала «Ново време» и других журналов и газет.

Трудно сказать, какие книги куплены или выписаны из-за границы по инициативе Димитрова, какие Любицы. Они оба были общественными деятелями, публицистами, питали слабость к художественной литературе. Но все же по замечаниям и пометкам в книгах можно судить, что Люба больше интересовалась поэзией, прозой, т. е. художественной литературой вообще. Об этом свидетельствует и такой факт: вместе переплетены две книги по истории мировой литературы — классической и средневековой; они обе с посвящениями Димитрова. Если на второй

[1] Имеются в виду два класса прогимназии.— *Прим. перев.*

книге при переплете обрезана часть страницы и нельзя прочесть, кому посвящены слова: «...в знак глубокой признательности», то на первой сохранилось посвящение Димитрова Любе, проникнутое нежностью, любовью и уважением. Есть основание считать, что и ту и другую книгу подарил Любе Димитров, так как на них поставлена одна и та же дата посвящения — 4.VIII 1917 г.

Сам же Димитров пользовался преимущественно политической, марксистской литературой на болгарском, русском и немецком языках. Поэтому она и составляет основную часть библиотечного фонда. Здесь представлены по 7—8 томов сочинений Маркса и Энгельса. Имеется «Капитал» 1909 г. издания на болгарском языке и с предисловием Димитра Благоева (экземпляр, который вернулся к Димитрову в 1947 г. после продолжительного странствования) и на французском языке. С книгами Ф. Меринга «Карл Маркс. История его жизни», изданной в Петрограде в 1920 г., и Поля Лафарга (два названия) соседствуют работы В. И. Ленина «Две тактики социал-демократии в демократической революции» (на русском языке) и «Очередные задачи Советской власти», изданная в 1919 г. на немецком языке в Вене и на болгарском в 1920 г., а также книга Карла Либкнехта «Мой процесс по документам», выпущенная в Петрограде. Это заявления, письма, копия приговора судебного процесса над ним. Журнал «Коммунистический Интернационал». Здесь же находятся другие журналы, ежегодники, сборники законов и инструкции.

Среди произведений художественной литературы первое место занимают сочинения русских классиков на русском языке: Н. В. Гоголя — 9 томов, А. М. Горького — 26 томов, Ф. М. Достоевского — 26 томов, А. Н. Островского — 10 томов, Л. Н. Толстого — 12 томов, М. Ю. Лермонтова и Л. Андреева... Здесь же можно встретить сочинения В. Г. Белинского в 12 томах, изданные в 1872 г., Н. Г. Чернышевского в 11 томах; в томе десятом опубликован роман «Что делать?» (издание 1906 г.), но это не тот экземпляр, который читал молодой Димитров и который оказал на него такое сильное воздействие; очевидно, то была отдельная книга на болгарском языке.

Произведения болгарских авторов представлены собранием сочинений Константина Величкова, книгой Захария Стоянова «Записками о болгарских восстаниях», 10 томами «Сборника о народном творчестве», издававшимися с 1892 по 1914 г. Здесь же находятся два тома Жана Жака Руссо, «Книга песен» Г. Гейне (на немецком языке), четырехтомник Шопенгауэра, книги некоторых сербских авторов и др.

Но в книжном фонде можно встретить не только языковое разнообразие. Тут много пособий и по изучению иностранных

языков: краткий учебник английского языка, грамматика французского языка на болгарском языке, несколько немецко-болгарских учебных пособий, «образцы русской словесности», англо-болгарский словарь и пр.

Но этот перечень еще не дает полного представления о библиотеке Г. Димитрова. Стремление Димитрова к знаниям можно определить и по другим признакам. Я был потрясен, когда увидел сами страницы книг. Я никогда не встречал, чтобы книги читали с такой страстью! Димитров читал книги так же, как роют колодец,— все глубже и глубже. Карандаш был как бы живым: спутником, толкователем, комментатором. Он помогал сосредоточиться, отмечал важное, существенное, останавливал внимание, резко, категорично, недвусмысленно обнажал истину, спорил с ложью, делал заключение. Он не просто читал книгу. Думаю, будет точнее сказать, что он, как руду, разделял ее на части, отстраняя несущественное, маловажное, и сохранял только значимое.

Передо мной «Гражданская война во Франции» Карла Маркса. Вся она испещрена черточками, линиями, точками, восклицательными и вопросительными знаками. Синим карандашом поставлен огромный восклицательный знак почти во всю 11-ю страницу, а рядом с ним — толстая линия, затем еще две линии, потом несколько маленьких черточек. А вот тоже книги Маркса — «Революция и контрреволюция в Германии», «К критике политической экономии» (1905 г. издания), на страницах которых много пометок синим и красным карандашом. Экземпляр «Очередных задач Советской власти» В. И. Ленина свидетельствовал, что Димитров подверг эту работу подробному и старательному анализу. Можно сказать, что четыре выше упомянутые книги и «Капитал» Г. Димитров изучал основательно, уделив этому много времени и внимания.

Подчеркнутые карандашом страницы встречаются и в книгах по другим областям знаний, например в «Классической литературе» д-ра Александра Балабанова или в «Истории литературы» Божена Ангелова. Нам трудно установить, кто это делал — Димитров или же Любица. Возможно, и она переняла его навык читать с карандашом в руках и подчеркивать.

Забота Г. Димитрова о своей личной библиотеке сводилась не только к перевозке книг из Самокова. Любовь к книгам он проявлял всегда. Он постоянно прилагал усилия для пополнения своей библиотеки в Софии. С течением времени товарищ Димитров стал получать почти все книги, которые издавались в Болгарии; он просматривал их, некоторые откладывал, брал с собой в спальню, и, прочитав, возвращал нам. А затем мы расставляли

их на полках в строгом порядке. Он много раз рекомендовал нам, какие книги куда ставить. Очень заботился об их хранении и просил нас:

— Берегите книги. Не допускайте, чтобы их растаскивали. У нас других экземпляров нет, они ценны и нужны.

В данном случае речь шла о его работах, изданных в разные годы в СССР, которые находились в его кабинете в Княжеве. В Болгарии они были редкостью, почти в единственном экземпляре. Поэтому приходившие к нему его соратники подходили к книжным полкам, брали книги и жадно их раскрывали.

Димитров снова просил нас и в шутку и всерьез:

— Особенно от друзей их берегите. Друзья любят брать книги. Другую вещь из чужого дома каждый бы воздержался взять, ибо это считается воровством. А брать книги и фотоснимки не считается кражей, поэтому они их берут и не всегда отдают.

Это подтверждалось часто и в нашей практике и создавало нам, «хранителям» книг, трудности.

А библиотека Г. Димитрова на квартире и в рабочем кабинете в Москве была действительно колоссальная. О ней я слышал от товарищей, многие книги видел сам, когда их перевезли в Софию, но наиболее сильное впечатление на меня произвели слова приемного сына Г. Димитрова Бойко, который заявил: «Там было свыше 10 тыс. томов». На каждой книге стояла печать на русском языке «Библиотека Г. Димитрова».

30 апреля 1946 г., вторник

Давно настаивали на встрече с товарищем Димитровым его старые коллеги — печатники. Он попросил нас сообщить им, чтобы они прибыли 25 апреля, в 7 часов вечера, в его резиденцию на улице Велико-Тырново.

На встречу с товарищем Димитровым прибыло десять человек — руководство Союза полиграфистов-ремесленников и Софийского общества печатников-ремесленников. Среди них были и молодые. Но приехали и его старые друзья и коллеги, известные борцы против фашистской реакции. Товарищ Димитров обнялся и поцеловался со своими товарищами, сразу исчезло всякое неудобство и создалась атмосфера простоты и непринужденности. Это была трогательная встреча. Разговаривали о прошлом, вспоминали старых друзей, которых уже не было в живых. Потом товарищ Димитров расспрашивал об их сегодняшней жизни, о работе и о профессии...

Он хотел получить информацию о положении дел из первых рук...

— Наша полиграфия развита слабо,— отметил он.— Нужно создать солидную полиграфическую базу!

Потом зашла речь о политике, международных проблемах... Димитров охотно нарисовал им сложную картину современного мира.

Со своими старыми коллегами он беседовал почти полтора часа.

Они выходили из здания воодушевленные и счастливые.

Позднее один из присутствовавших печатников так изложил свои впечатления от этой встречи: «Мы вышли на улицу. Молчим. Мы восхищены. Но чем?

У товарища Димитрова все естественно. Ничего искусственного. Никакой гордости. Доступен. Говорит откровенно и ясно. На душе становится легче. Его можно спрашивать и разговаривать с ним, как с братом. Обсуждаемые проблемы излагает простым языком, как народ говорит».

Приближается Первое мая — Международный день солидарности трудящихся. Наш второй свободный Первомай. И первый мирный. В прошлом году в это время в Берлине и в Восточной Азии еще стреляли пушки.

К нему готовятся как ко всеобщему, всенародному празднику, в котором должны принять участие и стар и млад. Его ждали, к нему готовились. Украшаются весь город, каждая фабрика, каждый завод и каждая улица. Город словно расцвел от знамен, лозунгов, портретов, вручную написанных плакатов.

Ускоренно реконструируется новая площадь в центре города, названная 9 Сентября. Она охватит территорию, которую занимали бывшая площадь Александра I перед царским дворцом и обществом «Балкан» (впрочем, от него уже не осталось и следа, так как здание разрушено во время одной из бомбардировок), передний двор царского дворца и последняя часть бульвара Царя Освободителя. Группа рабочих-ударников ломает ограду царского дворца, одновременно спрямляя бульвар Царя Освободителя. Здесь толпится народ и внимательно наблюдает за тем, как разрушается ограда, что имеет символический смысл. Впервые первомайская демонстрация в этом году пройдет по новой площади 9 Сентября. Совет Министров принял решение, обязывающее руководителей и владельцев всех предприятий (государственных и частных) организовать Первого мая для рабочих бесплатные обеды и выплатить им заработную плату за этот день.

Страна охвачена трудовым и политическим подъемом. Поступают радостные вести о создании новых и укреплении созданных прошлой осенью трудовых кооперативных земледельческих хозяйств (ТКЗХ). Эти хозяйства представляют собой совершенно

новую и многообещающую форму сельскохозяйственной кооперации. Вот, например, сведения за последний месяц: еще прошлой осенью в с. Рыжево-Конаре создано ТКЗХ, в которое вошли 360 хозяйств, владеющих 900 *га* земли. Оно названо именем Георгия Димитрова. Из опубликованных данных видно, что кооператоры хозяйства успешно проводят весенний сев и уже засеяли 430 *га*. ТКЗХ «Гигант» в с. Голямо-Конаре объединяет 600 хозяйств и 2400 *га* земли, из которых около половины уже засеяны. В ТКЗХ в с. Брезово вступило 757 хозяйств с 3200 *га* земли. В селе Чоба в кооператив не вступило лишь 26 хозяйств, в с. Момино — 45 хозяйств. Месяц назад было создано ТКЗХ в с. Лыки Неврокопской околии, объединяющее 58 хозяйств и 150 *га* земли. Это первый земледельческий кооператив в Неврокопской околии и во всей Горноджумайской области. А в с. Малко-Чочовен членами ТКЗХ стали все крестьяне, кроме одного. Оно объединило 150 хозяйств и 560 *га* пашни, виноградников и лугов. Говорят, что в нем поле гладкое, как ладонь, распаханы все межи. Качество всех работ очень высокое. Кооператоры готовятся электрифицировать село, орошать поля насосами из р. Тунджи, построить пекарню и баню...

Радостные вести идут из деревни! Повсюду царит воодушевление, развертывается инициатива. Члены ТКЗХ добиваются первых трудовых успехов. В этом объединении крестьян нет ничего искусственного, кем-либо навязанного. Это народное движение вдохновляется великими идеалами, стремлением к лучшей жизни. Крестьяне отдают в ТКЗХ землю, инвентарь и рабочий скот, за что им выделяется соответствующая доля доходов и выплачивается рента.

Большое оживление наблюдается также на фабриках и заводах.

«Ломайте старые нормы»,— написал товарищ Димитров 13 ударницам завода «Первое мая» в Варне. Их имена уже знает вся страна. Их примеру последовали другие рабочие, что привело к росту числа многостаночников и новаторов производства в области промышленности.

В субботу, 27 апреля, товарищ Димитров был на первомайском бале, организованном в гостинице «Болгария» I райкомом БРП(к) Софии. Это был настоящий бал — но народный и, как писалось в приглашении, на нем можно было присутствовать в «обычной одежде»; он начался в 10 часов 30 минут вечера. Зал был переполнен. Состоялся концерт с участием лучших сил народного театра и оперы, разыгрывалась лотерея, танцы продолжались до утренней зари.

Димитров снова оказался в своей стихии — среди масс, тан-

цевал хоро́, беседовал, провозгласил тост, содержавший важные мысли и крылатые выражения. Подчеркнув исключительное значение Первого мая для нас и поздравив присутствующих с наступающим боевым праздником труда, рассказал о предстоящей мирной конференции, заключении мирного договора с Болгарией на этой конференции и внешней политике нашего правительства.

— На мирной конференции Болгария и болгарский народ предстанут не как обвиняемые,— подчеркнул он.

С особой силой прозвучали его слова о том, что наш народ «первым в Европе посадил на скамью подсудимых фашистских палачей и кровопийц без чьих-либо указаний извне, сурово, но справедливо осудил фашистских преступников». Он подчеркнул, что «болгарский народ не являлся сателлитом гитлеровской Германии. В сателлита было превращено наше государство Кобургской династией и фашистскими правителями».

— Мы не нищие,— заявил он,— и у нас нет причины просить милостыню у великих и малых стран. У нас есть все основания требовать справедливого к себе отношения.

И под общее одобрение закончил:

— Единство, борьба, труд — вот на что мы опираемся и благодаря чему пойдем вперед, несмотря на интриги внутренней и внешней реакции.

Впрочем, тема мирной конференции не случайно оказалась на переднем плане. Четыре дня назад в Париже началась прелюдия к мирной конференции — встреча четырех министров иностранных дел (в ней участвовал и министр иностранных дел Франции Бидо) для выработки условий мирных договоров с побежденными странами. Затем будет созвана мирная конференция. В последние дни товарищ Димитров затрачивал все больше энергии и употреблял свой авторитет для защиты национальных интересов Болгарии. Еще две недели назад — 16 апреля — состоялось важное заседание парламентской комиссии по иностранным делам под руководством Георгия Димитрова, в котором приняли участие председатель Совета Министров Кимон Георгиев, министр иностранных дел Георгий Кулишев и министр информации Димо Казасов. На заседании был одобрен меморандум болгарского правительства, текст которого был разослан правительствам великих держав и вручен участникам мирной конференции. В нем прежде всего затрагиваются вопросы о болгаро-греческой границе и отвергаются абсурдные притязания греческой стороны на болгарские территории, о действительном, а не иллюзорном выходе Болгарии к Эгейскому морю, признаются права на репарации лишь в порядке возмещения действительно причиненного ущерба.

Пять дней назад товарищ Димитров опубликовал большую статью под заглавием «Наше национальное дело правое и прочное», отражавшую настроения нашей общественности. Приведя главные аргументы, подтверждающие правоту наших позиций, он ставит вопрос прямо: «При всех этих бесспорных фактах разве может разумный общественный и политический деятель серьезно требовать наказания болгарского народа за преступления фашистских правителей, навязанных ему в прошлом, преступления, от которых больше всего пострадал он сам и против которых он так героически боролся? Нетрудно понять, что в первые годы войны Болгария играла роль сателлита фашистской Германии не по вине болгарского народа — это была его беда» [1].

Наша страна подготавливает и другие мероприятия в защиту своих национальных интересов. Со специальной миссией готовится к поездке в Париж Председатель Народного собрания Васил Коларов. Официальная болгарская делегация во главе с Председателем Совета Министров также изложит нашу позицию.

Разумеется, все будет решаться за «круглым столом» и великими державами. А что касается позиций великих сил, наша страна не испытывает уже той робости и не переживает той тревоги, как это было после первой мировой войны, когда Болгарию все покинули, словно сироту; ее вопли не услышали за пределами ее границ. И дело не в том, что мы вдруг поверили империалистическим государствам Запада, которые за период с 1918 по 1946 г. ничему новому не научились и не забыли своих старых приемов. Нет. На конференции присутствует представитель нового государства, представитель Советского Союза, который является не только нашим искренним другом, защитником и союзником, но и вносит в международные отношения совершенно новые принципы — принципы справедливости, уважения народов, защиты малых стран и национальной независимости.

На днях получена хорошая весть из Берлина. Там две рабочие антифашистские партии — коммунистическая и социал-демократическая — решили объединиться в Социалистическую единую партию Германии (СЕПГ). В состав ЦК СЕПГ вошло по 40 представителей от руководящих органов объединившихся партий. Состоялся съезд СЕПГ. Ее возглавили Вильгельм Пик от коммунистической партии и Отто Гротеволь от социал-демократической партии. Конечно, мы не должны заблуждаться: там все адски трудно после такого чудовищного развращения душ в годы правления Гитлера и учитывая то, что на большей части Германии находятся оккупационные войска западных

[1] *Димитров Г.* Съчинения, т. 12, с. 131.

стран. Но подобные вести мы рассматриваем как первые симптомы того, что там рано или поздно начнется процесс оздоровления.

2 мая 1946 г., четверг

Вчера отмечали Первое мая.

Это был поистине всенародный праздник. Перед зданием Народного собрания, где были сооружены трибуны, с 9 часов утра до 5 часов вечера беспрерывно текла людская река. Восемь часов подряд продолжалось это триумфальное шествие народа-победителя, совершившего и осуществлявшего революцию. Вначале я стоял на трибуне, а затем участвовал в манифестации, получив впечатление и как зритель, и как участник торжества. Демонстрация продолжалась намного дольше, чем было предусмотрено программой. Не умолкали песни. Как только переставала петь одна группа, слова песни подхватывала другая; чередовались хоро́ и рыченицы[1]; не прекращались игры и танцы. Перед трибунами люди замедляли ход, почти останавливались, и площадь оглашалась их восторженными приветствиями. В колонне, где шли представители сел Софийской области, я видел любопытную и остроумную сценку. Демонстранты несли плакат, на котором было написано: «Так было!» (а можно было бы написать: «Так есть!»), а за ними тощие коровенки тянули телеги и сохи, а на другом плакате были написаны слова: «Так будет!», под ними изображались тракторы, молотилки, жнейки. Поистине любопытная картина.

В демонстрации участвовало 200 тыс. человек.

Среди демонстрантов не было только стариков, старух и грудных детей, а также, конечно, тех, кто, притаившись за окнами, скрежетал зубами от ярости и надеялся на то, что каким-то чудом можно вернуть по домам эти разбуженные революцией массы.

Товарищ Димитров все время находился на трибуне, живо, с большим энтузиазмом реагировал на овации. Чтобы стоять на одном месте в продолжение восьми часов, требовалась большая сила воли. Кто-то из его охранников или врачей незаметно поставил возле него стул, сказав:

— Товарищ Димитров, пожалуйста, сядьте, Вы очень устали.

Георгий Димитров обернулся, сердито посмотрел на него и произнес:

— Имейте в виду, что только цари позволяют себе сидеть, когда перед ними проходит народ!

---

[1] Болгарские народные танцы.— *Прим. перев.*

И продолжал, как и до этого, стоять перед идущим мимо трибун народом.

Некоторые наши руководители участвовали в первомайских торжествах в провинции, выступили там с речами.

В адрес товарища Димитрова поступает множество сердечных и трогательных поздравительных телеграмм из Болгарии и из-за рубежа от людей разного возраста и представляющих разные общественные круги.

Да, подумал я, наблюдая за демонстрацией и читая эти поздравления, в Болгарии никогда не было большей свободы!

Народ чувствует себя уверенно, устремлен в будущее, видит возможность осуществления своих идеалов, верит в счастливое будущее, и все это служит серьезным основанием для создания атмосферы свободы. Когда личные стремления сольются с общественным движением и целями, когда личность находит в общественном прогрессе воплощение своих чаяний,— именно тогда чувство свободы является полным и тогда человек чувствует себя счастливым.

8 мая 1946 г., среда

В понедельник, 6 мая, день Георгия. Именины товарища Димитрова. По старому народному обычаю, к нему приходили гости. Он получил много поздравлений по телефону, в письмах и телеграммах. Меня особенно тронуло содержание одной из телеграмм, в которой говорится: «Желаем вождю славной Рабочей партии (коммунистов) здоровья и бодрости, чтобы вести нас к окончательной победе». Она подписана: «От семейной партийной группы Цонка, Костадин, Ганчо и Христо Ганевы». Цонка и Коста Ганевы — ветераны революционной борьбы, преданные партии люди. Она печатница, а он работник почты и телеграфа, два их сына Ганчо и Христо были активистами нелегального РМС, Христо был также партизаном в отряде «Чавдар».

В воскресенье, 5 мая, товарищ Димитров был в Чамкории и пригласил к себе на обед некоторых руководителей нашей партии и лидеров БЗНС. Поводом послужили его именины, а цель состояла в проведении важных политических бесед, в укреплении духа сотрудничества и продолжении сближения.

А в субботу, 4 мая, в адрес товарища Димитрова поступило письмо от нашего молодого талантливого композитора Светослава Обретенова, дирижера недавно созданного хора Софийского радио[1]. Он сообщает, что написал героическую увертюру «Геор-

[1] Позднее переименован в Государственную хоровую капеллу им. Св. Обретенова.

гий Димитров» и в День Победы, 9 Мая, она впервые будет исполнена Государственным симфоническим оркестром.

«Все мое творчество,— пишет Св. Обретенов,— всегда было направлено на воссоздание героических образов нашего прошлого и настоящего... Полагаясь на свой опыт, я решил сочинить героическую увертюру и выразить в ней свое отношение и отношение трудового народа Болгарии уже не к герою прошлого, а к герою нашей кипучей современности». Далее автор приглашает товарища Димитрова послушать исполнение своего произведения.

Об этом письме мы докладывали товарищу Димитрову в понедельник. Его содержание я изложил в нескольких словах. Товарищ Димитров взял письмо, прочитал, о чем-то задумался, но ничего не сказал. Не поручил нам сходить, послушать и доложить, как это делал в других случаях. Лишь в верхнем левом углу письма поставил свои инициалы «Г.Д.» и оставил его на бюро. Очевидно, вернется к его рассмотрению. Я понимаю товарища Димитрова, поскольку в письме речь идет о его личности, он не хотел подчеркивать свое отношение к этому.

4 мая, пополудни, из Болгарии на родину специальным самолетом отбыл наш друг, генерал-полковник Бирюзов. В аэропорту его провожали товарищ Димитров, регент Тодор Павлов, министры и множество граждан столицы. Мы проводили его, выразив чувства любви. И он простился с нами, испытывая те же чувства. Весть о том, что Бирюзов покидает Болгарию, для нас оказалась неожиданной. Решением Совета Министров СССР он назначен заместителем Главнокомандующего советскими сухопутными войсками (а командующим был один из прославленных советских военачальников маршал Г. К. Жуков). Это высокий пост! Мы радуемся за генерала Бирюзова. Вместо него в Софию назначен генерал-лейтенант А. И. Черепанов.

Бирюзов лично сообщил Г. Димитрову об этом еще 2 мая. В тот же вечер советский посланник устроил ужин. Там товарищи Димитров и Бирюзов обнялись и расцеловались... Георгий Димитров сказал в адрес генерала Бирюзова много теплых слов, содержавших высокую оценку его как человека и как военачальника-дипломата. В свою очередь товарищ Бирюзов и здесь, и на официальном ужине, устроенном в его честь 3 мая болгарским правительством, выразил глубокое сожаление, что, выполняя свой долг, должен покинуть нашу страну. За эти почти два года он установил с нами братские связи. Регенты подписали указ о награждении Бирюзова высоким орденом «Святого Александра». Столичная община объявила его своим почетным гражданином и назвала его именем одну из центральных улиц Софии.

8 мая у товарища Димитрова в Княжеве были Председатель Совета Министров Кимон Георгиев и министр иностранных дел Георгий Кулишев. Обсуждались актуальные внешнеполитические вопросы, и в первую очередь проблемы заключения мирного договора с Болгарией, уточнялся связанный с этим план действий, рекомендовано энергичнее защищать наше справедливое дело.

Вчера, 7 мая, в Париже Совет четырех министров иностранных дел приступил к обсуждению мирных договоров с Румынией, Болгарией, Венгрией и Финляндией.

Сегодня товарищ Димитров написал и дал нам напечатать изобличительное открытое письмо английскому профессору-политику Гарольду Ласки. И хотя оно было написано ровным, понятным почерком, чувствовалось раздражение, последние буквы слов были неясны.

На следующий день, 9 мая, письмо перевели на английский язык и передали по телеграфу в Лондон.

Что послужило поводом для такого правдивого и гневного письма?

В последние дни апреля нам стало известно, что в Англии злоупотребляли именем Георгия Димитрова и исказили его слова. Первый сигнал (по крайней мере, для меня) поступил от злобствующей газеты «Свободен народ», поместившей отрывок из брошюры Ласки «Тайный батальон» под заглавием: «Что представляют собою коммунисты?» В нем председатель лейбористской партии профессор Гарольд Ласки цитировал в извращенном виде речь Г. Димитрова на Софийской областной партийной конференции, а также приписал Г. Димитрову слова, нигде им не произнесенные, и использовал их как аргумент в своей полемике с Компартией Великобритании. С их помощью он попытался отвергнуть предложение компартии о включении ее в лейбористское (рабочее) движение.

Димитров был не только разгневан и возмущен, но и обеспокоен этим грязным приемом использования его имени и авторитета мирового трибуна рабочего движения для отрицания необходимости единства рабочих рядов. В связи с данным случаем он запросил дополнительные сведения и получил более полную и точную информацию.

> «Я был крайне удивлен,— писал Димитров в открытом письме,— узнав, что Вы воспользовались моею речью на Софийской областной конференции Болгарской рабочей партии в своей полемике с британскими коммунистами. Между прочим, Вы комментировали мою речь следующим образом: «Ди-

митров подтверждает без колебания, что целью коммунистов является напасть на социал-демократические партии в спину». Удивительно, каким образом Вы могли прийти к подобному неверному заключению, так как ничего подобного я не говорил и не писал» [1].

Затем Димитров перечисляет случаи, когда он подробно обосновывал «тезис о необходимости совместных действий коммунистической и социал-демократической партий и создания мощного международного фронта борьбы».

«По моему глубокому убеждению,— подчеркивается в письме,— объединение коммунистов и социал-демократов в настоящее время, после горьких уроков последней мировой войны, в одну единую партию рабочего класса — решающий фактор подлинной демократии, является исторической необходимостью» [2].

В конце Г. Димитров призывает Ласки исправить свою ошибку и лично уведомить его об этом.

10 мая открытое письмо было опубликовано в нашей печати. В тот же день из Лондона поступила следующая радиограмма:

«Письмо опубликовано в субботу в газете «Дейли уоркер» (орган Компартии Великобритании.— *Н. Г.*). Ласки послана копия. Рест».

Газета «Правда» тоже поместила полный текст открытого письма Г. Димитрова, что служит явным доказательством того, что придается большое значение разоблачению попыток использовать авторитет Г. Димитрова в антикоммунистических целях.

Одновременно мы получили из Лондона обширную корреспонденцию, из которой видно, как развивались события. Оказалось, что в самой Англии злонамеренная попытка профессора Ласки не оставлена без ответа. Еще 3 мая «Дейли уоркер» поместила большую статью одного из известных писателей-коммунистов, Айвора Монтегю, который остро разоблачает Ласки; он отмечает, что Ласки неоднократно цитирует речь Димитрова, «бесстыдно фальсифицируя каждое его высказывание». Например, в речи якобы содержались такие слова: «Коммунисты должны располагать лучшими силами, чтобы наши кадры были всегда на первом месте во всякой партии, в которую они будут допущены» (?!). Автор сопоставляет действительные слова речи со словами, цитируемыми Ласки, и делает суровое заключение: «Ласки фальсифицирует Димитрова».

[1] *Димитров Г.* Избранные произведения, т. 2 (1939—1949 гг.), с. 228.
[2] Там же, с. 229.

Потом из Лондона поступило письмо Генерального секретаря Компартии Великобритании т. Гарри Поллита, деятеля ленинской гвардии, имеющего огромный авторитет в международном коммунистическом движении. В письме, написанном на английском языке на бланке Исполкома партии, он обращался к Димитрову.

> «Я очень рад, что Вы ответили на позорные извращения Вашей недавней речи, допущенные Ласки. Из приложения увидите, что мы сразу ответили ему». (Прилагалась брошюра-ответ.)

Письмо заканчивалось следующей фразой:

> «Я жду дня, когда мы с Вами сможем встретиться».

Приложенная брошюра под заглавием «Ошибки Ласки» («Laski's Mistake») содержит предисловие Гарри Поллита и полный текст речи Димитрова на английском языке. В предисловии, между прочим, показано, как английская печать использовала эту речь. Это представляет для нас интерес. Прежде всего в известной своей враждебностью рабочему классу газете «Санди диспетч» от 10 марта появилась статья, в которой впервые цитировались в извращенном виде отрывки из речи, для того чтобы атаковать сторонников объединения рабочего класса. Ее подхватила «Манчестер гардиан». Используя фальшивку, она набросилась на Димитрова и посоветовала лейбористам не идти ни на какие совместные шаги с коммунистической партией. 9 апреля «Дейли геральд» опубликовала изложение новой брошюры профессора Ласки «Чего домогаются коммунисты», в которой на основе упоминавшихся фальсификаций делается заявление, что Димитров якобы нацеливал коммунистов на то, чтобы наносить удары социал-демократическим партиям в спину. Гарри Поллит отвечает на все это: «Я призываю каждого непредубежденного читателя указать хотя бы одну фразу из речи Димитрова, которая подтвердила бы вышеупомянутое заявление Г. Ласки». «Кто такой Георгий Димитров?» — задает вопрос Гарри Поллит и затем описывает жизненный путь Димитрова, неустрашимого борца против фашизма, за установление единства действий рабочего класса.

В брошюре-ответе помещено также письмо Гарри Поллита в газету «Дейли геральд», в котором предлагается «опубликовать полный текст речи Димитрова, чтобы ваши читатели могли сами судить о степени намеренного извращения, допущенного Ласки». Письмо Г. Поллита напечатано в «Дейли геральд» вместе с новой статьей Гарольда Ласки, поэтому 24 апреля Г. Поллит посылает в газету новое письмо:

«Читатели газеты, безусловно, обратили внимание на то, что профессор Ласки не мог привлечь ни одного высказывания из недавней речи Димитрова, которое подтвердило бы в какой-либо степени его утверждения»

Об опубликовании этого письма на страницах газеты у нас сведений не было.

Так развертывалась борьба вокруг попытки фальсифицировать высказывания Димитрова.

Я старался узнать, что ответит Гарольд Ласки на открытое письмо Димитрова. Но он предпочел отмолчаться, факты оказались весьма вескими.

14 мая 1946 г., вторник

12 мая, в 7 часов вечера, в столичный аэропорт Враждебна прибыла наша парламентская делегация, находившаяся на межпарламентской конференции в Копенгагене, а затем в Париже. Входившие в состав делегации Цола Драгойчева, д-р Минчо Нейчев и д-р Михаил Геновский не могут скрыть своей радости по поводу большой активности делегации, и особенно ее руководителя Васила Коларова. Он задержался в Париже. Делегацию встречал товарищ Димитров. Члены делегации уже здесь поделились своими впечатлениями о работе межпарламентской конференции. На этот раз Советский Союз в ней не принимал участия, и получилось так, что нашей делегации пришлось представлять страны народной демократии. Этому особенно способствовало присутствие Васила Коларова. Прекрасно зная французский язык и обладая высокой культурой, он задал тон прениям в ходе конференции. Главные дебаты развернулись между ним и депутатом-консерватором из Великобритании, который стремился направить конференцию в антикоммунистическое русло. В. Коларов проявил высокое умение защищать справедливое дело на таком большом международном форуме.

— Наша делегация в Копенгагене,— говорила товарищ Драгойчева,— была самая активная, и не будет преувеличением сказать, что именно она задала тон дебатам.

А Михаил Геновский добавил:

— Васил Коларов своими прекрасными речами, с которыми он неоднократно выступал, блестяще защитил наши национальные интересы.

Из Копенгагена делегация отправилась в Париж, чтобы защитить интересы Болгарии. Там продолжает свою работу Совет четырех министров иностранных дел.

— Я считаю,— сказала товарищ Драгойчева,— что мы проделали во Франции очень ценную работу, так как попали на заседание именно тогда, когда там рассматривался вопрос, касающийся нашей страны.

Делегация развила активную деятельность в защиту наших позиций. 9 мая в Париже Васил Коларов устроил пресс-конференцию, на которой присутствовали свыше 120 человек — представители всех телеграфных агентств, крупнейших газет и радиостанций, что расценивается «как исключительный успех». «Попытка монархистского правительства Греции отторгнуть от нашей страны ценные территории под видом «стратегической границы»,— сказал товарищ Коларов,— обречена на провал». Он продолжал участвовать во встречах, беседах и делал заявления для печати.

На этих днях министры иностранных дел четырех держав приступили к рассмотрению вопроса, касающегося нашей страны. Стало известно, что по некоторым вопросам уже достигнуто общее мнение. Разумеется, по вопросу о болгаро-греческой границе сохраняется статус-кво; определено, что наша страна будет платить репарации, но их размеры не уточнены...

Товарищ Димитров с удовлетворением встретил весть о незыблемости наших границ.

— Это, разумеется, важный факт,— ответил он на мой вопрос, когда мы ехали в машине с аэродрома.— Впервые после такой войны Болгария не теряет свои территории. Прежде ее всегда постигали национальные катастрофы. Но теперь мы не одни! Это важный фактор жизни нашей страны, и мы должны его учитывать!

Затем дополнил:

— Но мирный договор еще не подписан, сумма репараций не определена, и нам нельзя успокаиваться. Нужна высокая бдительность.

Эту же тему он затрагивал и в своей воскресной речи на съезде техников.

— Все наши усилия,— сказал он,— будут направлены на снижение репарационных сумм до такого минимума, который будет в состоянии выплатить наша страна.

Но,— продолжал Г. Димитров,— сложилось такое положение, что наш народ не может не понести известные тяжелые жертвы, ибо наша страна была одним из сателлитов гитлеровской Германии. Совсем освободиться от уплаты репараций нам будет невозможно.

Выводы из этого для нас, как государства, ясны — мы не должны опускать руки, а обязаны прилагать еще большие усилия

для ликвидации разрухи, восстановления хозяйства, «и притом не медленными, а по возможности самыми ускоренными темпами».

Таким образом, товарищ Димитров выдвинул вторую большую национальную задачу.

— Большую роль в этом отношении играет фактор времени,— заявил он и осветил, насколько важна роль технических кадров, знания и опыт которых нужно использовать на все сто процентов, что нужно «новое отношение к техническим кадрам», что «творческий труд технических кадров следует высоко ценить» [1]. Товарищ Димитров выдвинул на передний план высокие цели, сформулировав программный лозунг.

— Мы должны,— сказал он,— как можно скорее преодолеть тяжелые последствия фашистского прошлого и ускоренными темпами *превратить нашу отсталую аграрную страну в развитую, процветающую индустриально-аграрную республику* (курсив мой.— *Н. Г.*).

Сегодня, во вторник, товарищ Димитров дал нам перепечатать шифротелеграмму, адресованную Анастасу Микояну, в которой затрагиваются проблемы нашего продовольственного положения и ставится вопрос о неотложной советской помощи.

> «Продовольственное положение у нас,— писал товарищ Димитров,— становится весьма критическим. Если до конца мая не получим бóльшую часть пшеницы и кукурузы, поставки которых предусмотрены договором на 1946 год, в стране наступит настоящий голод...»

Шифротелеграмма сразу же была передана.

Все, что говорилось в ней, для меня не было новостью. Но это послужило поводом для сопоставления действительного положения и довольно широко распространенной версии, будто у нас хлеба не хватает потому, что... он вывозится в СССР. Бессмысленные, но упорные слухи! Оппозиция, разумеется, распространяет их повсюду и превращает в свое оружие, чтобы ввести в заблуждение массы. Даже некоторые члены Отечественного фронта попадаются на эту удочку. Не так давно меня встретил один мой знакомый и спросил:

— Верно, что мы вывозим зерно?

Я объяснил ему, как обстоят дела в действительности, но он не унимался...

— Хорошо, но послушай...— И он подробно рассказал мне, что его знакомый, находясь в Бургасе, будто бы видел, как на теплоходы грузят зерно для Советского Союза.

---

[1] *Димитров Г.* Съчинения, т. 12, с. 166.

— Теплоходы? — спросил я с издевкой.— Не теплоход, а теплоходы. Одновременно! Твой знакомый говорит глупости, он по меньшей мере злонамеренный элемент. Но почему ты повторяешь эти глупости?

Вчера, 13 мая, товарищ Димитров принял в Княжеве югославскую военную делегацию, которая находилась в Болгарии в течение нескольких дней в связи с празднованием Дня Победы. Она совершила поездку по стране, и повсюду ее встречали с большой любовью. На беседе товарища Димитрова с делегацией я не присутствовал, но, судя по заявлениям ее руководителя, можно сказать, что встреча проходила в духе доверия и братства. Так, в Пловдиве он сказал:

«Мы, в Югославии, питаем большую любовь к болгарскому народу, поскольку знаем, что он не имеет ничего общего со своими бывшими фашистскими правителями, так же как и югославские народы не имели ничего общего с монархией Карагеоргиевичей. Братство между двумя народами сцементировано кровью, пролитой в совместной борьбе против фашизма, в которой погибли лучшие сыны Болгарии и Югославии».

[А после встречи с товарищем Димитровым он заявил представителям прессы, что на членов делегации произвели исключительно сильное впечатление встречи в Болгарии. «У нас, в Югославии, существует большой интерес к Болгарии. Каждый успех Болгарии мы считаем своим успехом. Мы знаем, что Болгария очень сильно пострадала от фашизма, пострадала от бомбардировок, и все, что делает ваш народ... для залечивания ран, восстановления и строительства вашей родины, нас особенно радует».]

Обстановка в стране была сложная. Радостный настрой и большие, светлые надежды, с одной стороны, а с другой — неимоверные хозяйственные трудности, вследствие которых наша общая отсталость ощущалась еще острее, и неурегулированное международное положение. В этой обстановке Георгий Димитров нацеливал партию и народ не терять веры в будущее. Он намечал контуры недалекого будущего, когда Болгария станет процветающей и обновленной страной. Его все больше занимал вопрос о том, как, каким путем мы должны пройти настоящее, перейти от ожидания к экономическому наступлению. Партии нужна была программа этого перехода. На решении этих вопросов Г. Димитров сосредоточивал все больше свое внимание.

19 мая он направил приветственное письмо съезду агрономов, в котором ясно изложил свои (и партии) взгляды на развитие сельского хозяйства и промышленности.

«Экономическая мощь нашей страны и благоденствие нашего народа,— говорилось в письме,— в наибольшей степени зависят от развития и модернизации нашего сельского хозяйства. *Без этого невозможна индустриализация, которая, в свою очередь, является необходимым условием успешного дальнейшего развития и модернизации сельского хозяйства»* (курсив мой.— *Н. Г.*)[1]. Далее он отмечает, что «исключительно важную роль играет трудовая производственная кооперация... Но не следует забывать, что сейчас важнейшим и решающим фактором в нашем сельском хозяйстве являются сотни тысяч частных крестьянских хозяйств. Именно этим хозяйствам нужно всячески помочь как можно скорее выйти из того тяжелого положения, в котором они находятся»[2].

Изучая проблему нашего экономического и социального развития, он пришел к выводу, который сформулирован так:

«Мы должны разработать государственный народнохозяйственный план на два года» (курсив мой.— *Н. Г.*).

После обсуждения этого вопроса с руководством партии товарищ Димитров дал указания Верховному хозяйственному совету, его председателю Добри Терпешеву приступить к составлению двухлетнего хозяйственного плана.

— Весной 1946 года,— сказал мне потом бай Добри,— товарищ Димитров дал нам поручение приступить к составлению двухлетнего народнохозяйственного плана.

В последние дни товарищ Димитров не раз останавливался на этом вопросе.

— Для большего мы сейчас не располагаем ни опытом, ни кадрами, ни силами. За два года — сорок седьмой и сорок восьмой — мы должны восстановить народное хозяйство, поднять его до уровня довоенного, 1939 года. И, насколько можно, надо продвинуть вперед. За это время накопим опыт, силы и тогда увидим...

В это же время он принял участие во встрече ударников текстильных предприятий Софии и снова осветил некоторые вопросы нашего развития. Встреча состоялась в театре «Балкан» в воскресенье, 19 мая, в первой половине дня. Встреченный восторженными овациями, товарищ Димитров по просьбе ударников произнес пламенную речь, имеющую важное значение. В ней затрагиваются вопросы организации соревнования, этого «нового, особенно радостного явления». Но «такое общеполезное, общенародное, прогрессивное дело может расцвести только тогда, когда рабочий класс почувствует, что он сам участвует в

[1] *Димитров Г.* Съчинения, т. 12, с. 178.
[2] Там же, с. 178—179.

управлении страной и трудится не для накопления богатств отдельных капиталистов, а для процветания своей собственной страны»[1]. Но соревнование принесет результаты лишь тогда, когда «одновременно с повышением производительности труда оно приведет к улучшению материальных и культурных условий трудящихся»[2]; «должно существовать полное соответствие между личной заинтересованностью рабочего и работницы и общими интересами народного хозяйства и развитием данного предприятия»[3]. Далее он остро бичует некоторые действия капиталистов, стремящихся к быстрому накоплению богатств путем спекуляции, черного рынка, беспощадного ограбления трудящихся. Бурной овацией были встречены его слова о том, что забота о рабочем классе является первостепенным вопросом. Как можно терпеть такое положение, с болью и горечью сказал он, чтобы эти прекрасные труженики, возвращаясь домой, не имели достаточно продуктов, недоедали и не располагали необходимой одеждой!

«Труд, труд и снова труд, общеполезный труд — в этом спасение нашей страны и нашего народа»[4]; в этом залог того, что мы сможем превратить нашу страну из отсталой «в развитую и процветающую индустриально-аграрную страну»[5].

Чтобы закончить эту тему, перейду сразу к съезду промышленников, который открылся в следующее воскресенье в салоне «Альянс францез». От правительства на нем присутствовал председатель Верховного хозяйственного совета Д. Терпешев. Он зачитал приветственное письмо Георгия Димитрова. В нем затрагиваются некоторые вопросы экономического развития нашей страны. Оно было выслушано со вниманием, а последние слова встречены аплодисментами, делегаты встали, и даже раздались возгласы «ура».

Поистине это удивительное явление! Не знаю, так ли это было в других странах народной демократии, но у нас такое чудо свершилось. Газета «Зелено знаме» каждый день твердила, будто в Болгарии нет свободы. Но кто же заставил фабрикантов встать после того, как были произнесены последние слова приветствия Г. Димитрова? Никто бы не обратил на это особого внимания, если бы все они или часть их просто встретили эти слова аплодисментами. Но что же их заставило «с подъемом» аплодировать, как писала одна газета, и кричать «ура»? Нет, они делали это не потому, что «в стране отсутствовала свобода»,

[1] *Димитров Г.* Съчинения, т. 12, с. 173.
[2] Там же.
[3] Там же, с. 174.
[4] Там же, с. 176.
[5] Там же.

как утверждало «Зелено знаме». Ясно, что причина здесь иная. Она — в атмосфере свободы в стране, в стремлении к созиданию, в атмосфере, которая так охватила всех, что даже и промышленники поддаются общему настроению. Но это говорит и о другом. Здесь Г. Димитров выступает не как руководитель одной, хотя и главной партии, а как вождь и учитель, который воспитывает, наставляет и ведет народ вперед. Его забота о приобщении к строительству новой жизни этих представителей класса капиталистов, которых он назвал «патриотическими промышленниками и торговцами», на данном этапе общеизвестна и оправдана жизнью.

Особенно ценным в письме было то, что в нем коротко формулировались важные программные задачи: «Мы преисполнены непоколебимой решимости... *превратить свою родину в страну мощной индустрии и современного земледелия»* [1] (курсив мой.— *Н. Г.*). Вот в двух-трех словах программа Отечественного фронта, да и нашей партии.

Здесь же говорилось, что этого можно достичь путем правильного сочетания здоровой частной инициативы болгарских промышленников и торговцев с государственным и кооперативным секторами в области промышленности и что единственно (!) такое сочетание может обеспечить процветание нашего народа [2].

Как видно, это положение не отвечало предстоявшим задачам. Здесь вопрос в том, как подходить к темпам нашего социально-политического развития. В дальнейшем некоторые из этих положений окажутся нецелесообразными, и он сам исправит их.

Эти несколько дней (от воскресенья до воскресенья, с 19 по 26 мая) я назвал бы условно «большой неделей» в жизни Георгия Димитрова.

Общественная и публицистическая деятельность товарища Димитрова редко была такой активной, насыщенной. Не проходило почти дня, чтобы он не выступил с речью на собрании или митинге, не написал статью, не сделал заявления и не дал интервью, не участвовал в работе заседания. Эта неделя помогает во многом понять товарища Димитрова и как человека, и как общественного и государственного деятеля. Он безжалостен к себе, когда речь идет об успехе народного дела. У него большой заряд сил, энергии, высокая работоспособность и богатый запас мыслей. Мне кажется, что он неутомим и неистощим. В общем,

---

[1] *Димитров Г.* Съчинения, т. 12, с. 191.
[2] Там же.

можно сказать, что май и июнь 1946 г. были месяцами его самой высокой трудовой активности.

Все это дает повод к размышлению и о его стиле.

Я считаю, что он близок к стилю В. И. Ленина, который неустанно и постоянно искал всевозможные контакты с народными массами, просвещая и убеждая их, получал от них информацию о положении дел на местах.

Картина этой недели действительно необычна.

Общественная жизнь в стране редко была такой интенсивной, подъем народных сил как будто достиг верхней точки, а подрывные действия реакционных сил становились все ощутимее. Страну охватил пафос созидания. Внутри всех социальных слоев осуществлялись крупные преобразования, в общественной жизни тоже происходили изменения, определявшие облик настоящего и будущего. Возглавляя Центральный Комитет партии, Димитров подходил к решению проблем с размахом и широтой; он стремился вовлечь в русло обновления, в предстоявшее социалистическое переустройство не только рабочий класс, не только коммунистов, не только трудящихся крестьян, но и представителей других социальных слоев. Предстоял путь, еще неизведанный, который нужно было прокладывать заново. На этом пути не могло не быть трудностей и известных блужданий.

В эти же дни встал остро вопрос об активизации некоторых реакционеров в Отечественном фронте и одновременно о попытках группировать подпольные антинародные силы. Стало известно, что в армии среди офицерства раскрыта тайная организация «Царь Крум», созданная для борьбы против народной власти. Ее организатором был некий подполковник Крыстев вместе с несколькими высшими офицерами с фашистским прошлым. Цель организации — подготовить и осуществить при благоприятных условиях вооруженный переворот, свергнуть народную власть и установить реакционно-террористический режим. Реакция группировала свои силы на разных участках и, очевидно, ожидала заключения мирного договора, т. е. вывода советских войск из Болгарии, чтобы попытаться нанести удар. Г. Димитров следил за ходом событий и принимал энергичные меры не только для того, чтобы сорвать попытки осуществить, как он сказал, новое 9 июня [1], но и для того, чтобы оружие, находящееся в распоряжении армии, служило только самому народу, чтобы мобилизовать народные массы — прежде всего рабочий класс — на разгром любых коварных замыслов реакции.

Со всей силой встал снова вопрос о состоянии армии, ее ко-

[1] Имеется в виду военно-фашистский переворот в Болгарии 9 июня 1923 г.— *Прим. перев.*

мандных кадрах и руководстве ею. Реорганизация армии стала задачей номер один. В Политбюро и Секретариате ЦК под руководством Г. Димитрова обсуждались и решались эти главные вопросы жизни страны. Димитров подчеркивал, что в работе по реорганизации армии необходимы решительность и максимальная гибкость. Дамян Велчев уже не пользуется доверием; независимо от того, хотел он этого или нет, но, поскольку он не осуществлял чистку армии, вокруг него все больше группировалось старое офицерство и превратило его в своего защитника. Во время одной из поездок Велчева во Врачанский гарнизон офицеры несли его на руках. Но отстранение Дамяна Велчева не должно повлечь за собой разрыв с Кимоном Георгиевым, а напротив... Устранить все гнилое, максимально сплотить все здоровые силы Отечественного фронта для осуществления его программы — такова была линия, проводимая Георгием Димитровым.

А тем временем в союзе «Звено», в партии, которую возглавлял Председатель Совета Министров, усилилось расслоение. «Звено», или, как оно официально называется, Народный союз «Звено», любопытно и с другой точки зрения: хотя ожидалось, что именно в его рядах наступит самый глубокий раскол, так как немалую часть его членов составляли бывшие сторонники реакционных правительств и партий, получилось так, что «Звено» входило в Отечественный фронт как единая партия. И напротив, другие партии, которые, естественно, должны были входить в Отечественный фронт целиком, раскололись, что ободрило черную реакцию. Безусловно, причина этой относительной стабильности союза «Звено» заключалась в том, что его лидером был Кимон Георгиев. Он стал в своей партии бесспорным авторитетом, сплотил ее и сорвал попытки раскола и ее выхода из Отечественного фронта.

Но по мере укрепления Отечественного фронта правые силы в союзе все больше активизировались. Возникло сложное положение. С одной стороны, твердая и безусловная позиция Кимона Георгиева, выступавшего за Отечественный фронт и его единство, за союз с коммунистами, а также теория Ивана Харизанова о том, что невозможно управлять Болгарией без коммунистов и против коммунистов; с другой стороны, правые элементы Васил Юруков, профессор Долапчиев и в некотором отношении Петр Попзлатев (хотя его взгляды значительно отличаются от взглядов выше названных деятелей) и некоторые круги Народного молодежного союза «Звено» все больше занимали двойственную позицию, все больше выявлялась их неприязнь к коммунистам и они проявляли себя как чисто буржуаз-

но-политическое течение с реакционной направленностью. Конфликт внутри союза назревал.

Вот что произошло в последнее время.

В начале месяца на съезде Народного молодежного союза «Звено» Кимон Георгиев произнес большую речь, в которой призвал категорически и бескомпромиссно занять позицию Отечественного фронта, выступать против попыток разрушения его единства и против двуличия некоторых групп в Отечественном фронте; не выискивать и не подчеркивать различия между партиями Отечественного фронта, а искать то, что их объединяет. «Здесь не может быть места какой бы то ни было двойственности. Отечественный фронт будет крепким и сильным, когда все мы, его сторонники, без исключения будем служить ему верно и непоколебимо». «Намного больше и существеннее то, что объединяет (партии Отечественного фронта.— *Н. Г.*) и должно объединять их во имя высших интересов Болгарии». Вместе с тем он отметил, что враждебность среди тех, кто откололся от Отечественного фронта, «растет день ото дня». «Что нам делать при наличии этих очевидных фактов, кроме как защищать Отечественный фронт от открытых и закулисных атак?»

С другой стороны, такие действия, как репортаж в газете «Изгрев» (директор Васил Юруков) о первомайской демонстрации, в котором говорится о чем угодно, только не о самом важном — участии рабочих масс, требованиях и лозунгах демонстрантов, многочисленных приветственных лозунгах в поддержку Отечественного фронта и правительства. Более того, репортеры «Изгрева» даже не заметили, что на трибуне находился... и Георгий Димитров. «Все это не было бы случайностью, если бы «Изгрев» был оппозиционной газетой»,— отмечало «Работническо дело».

Иными словами, размежевание в «Звене» становилось все более явным. Оно проявлялось еще яснее, когда в газете «Изгрев» была опубликована резолюция съезда Народного молодежного союза «Звено». В ней нет ни одного слова против реакции и ее легальной агентуры — оппозиции; более того, в ней содержались требования, взятые непосредственно из реакционного и клеветнического арсенала оппозиции, например требования о восстановлении религиозного обучения в школах, об освобождении «неправильно» задержанных фашистов, лозунги против ОРПС. Есть основание считать, что в Молодежном союзе «Звено» свили гнездо бывшие легионеры и ратники. Об этом можно судить по атмосфере самого съезда — там раздавались злобные антикоммунистические выпады, в том числе лозунги — «Смерть РМС». Может быть, именно поэтому газета «Зелено

знаме» писала: «Браво, молодые «звенари»! Вы на правильном пути!» А 22 мая наша партия сказала свое слово в большой редакционной статье, озаглавленной: «Девятнадцатое мая 1934 г.», в которой чувствовался стиль Димитрова, хотя мне не было известно, что она проходила через его руки. Я уверен, что, хотя ее автором и не является лично Г. Димитров, она написана на основе его указаний и отражает его мысли. В этой статье показано не только отношение нашей партии к перевороту 19 мая 1934 г., произведенному нынешними лидерами союза «Звено», но и соответствующие серьезные уроки, вытекающие из этого события.

О существенных изменениях во внутреннем положении нашей страны, наступивших в конце мая и июне 1946 г. в связи с активизацией реакции, говорится в одном из неопубликованных заявлений Г. Димитрова:

«Как вы знаете, в первые месяцы после 9 сентября огромное большинство народа кричало: «ура!», «ура!». У народа было торжество, а враги спрятались в мышиные норы. С тех пор прошло немало времени. Когда борьба заключалась только в том, чтобы провозгласить, объявить программу Отечественного фронта, тогда все восторженно принимали эту борьбу, даже реакционеры не смели выступать против программы Отечественного фронта. Когда же наступило время для осуществления этой программы на деле, когда нужно было голосовать за принятие законопроекта о конфискации незаконно приобретенных богатств и законопроекта о трудовой земельной собственности, когда мы начали крепче брать за шиворот врагов и предателей, тогда реакция подняла голову, начала собирать силы, чтобы низвергнуть, разрушить Отечественный фронт. Реакционеры начинают снюхиваться повсюду — в государственном аппарате, в некоторых экономически сильных кругах, в некоторых партиях Отечественного фронта и в армии».

Димитров указал и выход:

«У нас тревожное и опасное положение. Мы на повороте. Сейчас речь не идет о переменах в Отечественном фронте, какие наблюдались после 9 сентября, речь идет о повороте. Или из-за недосмотра, из-за нашей глупости, нашего бездействия или неправильных действий мы допустим, что в ближайшие два-три месяца соберутся реакционные силы крупной буржуазии, спекулянтских кругов, реакционеров в государственном аппарате, в некоторых партиях Отечественного фронта и в некоторых других организациях и в один подходящий момент после какой-нибудь провокации с иностранной помощью, которая не исключена с греческой или турецкой территории, создастся такое положение,

что Отечественный фронт будет разбит, или мы уже сейчас примем необходимые меры: путем мобилизации наших собственных сил — партийных, профсоюзных и других, путем повышения бдительности и нашей активности, активности нашей в центре, на местах, в государственном аппарате с самого начала расстроим планы реакционеров, ликвидируем и разобьем реакционно-фашистские гнезда, существующие нелегально, которые установили и устанавливают новые связи, и, таким образом, не допустим, чтобы дело дошло до нанесения какого бы то ни было удара Отечественному фронту, до гражданской войны, которая при поддержке извне может принести много несчастий нашему народу».

В конце мая и в июне 1946 г. размежевание политических сил в стране достигло предела. Все напряженнее становилась политическая жизнь.

Активность Георгия Димитрова в этот период была исключительной. Он снова — как и обычно — искал контакт с народом, с массами, советовался с ними, поднимал их на борьбу. Особое место занимала его речь перед шахтерами Перника, о которой разговор пойдет дальше.

27 мая 1946 г., понедельник

Вчерашний день был полон неожиданностей. Непредвиденные события перевернули порядок предварительно спланированного участия в официальном торжестве. Четыре-пять дней тому назад нам стало известно, что товарищ Димитров посетит в воскресенье Рильский монастырь, чтобы принять участие в торжествах по случаю 1000-летия со дня смерти Ивана Рильского [1]. Мы договорились с Банчевым, что сопровождать товарища Димитрова будет он.

До Рильского монастыря доехали хорошо — за три-четыре часа, хотя почти вся дорога, особенно между Дупницей [2] и монастырем, была так разбита, что ехать было очень трудно. Г. Димитров был бодр. Его сопровождали Трайчо Костов и генерал-лейтенант Черепанов. Когда в 10 часов прибыли в монастырь, их встретила 3—4-тысячная масса людей, которые обступили машины и горячо аплодировали Г. Димитрову и его спутникам. На торжества приехали и другие официальные лица, в том числе Председатель Совета Министров Кимон Георгиев, министры Ал. Оббов, Георгий Кулишев, генерал-полковник Дамян Вел-

[1] Один из крупнейших сторонников церковной реформы. Умер в 946 г.— *Прим. перев.*

[2] Город Дупница в 1949 г. переименован в Станке-Димитров.— *Прим. перев.*

чев... а также регент Венелин Ганев. Накануне вечером туда прибыли протоиереи во главе с экзархом Стефаном I.

Специально для участия в этих торжествах приехал в монастырь патриарх московский и всея Руси Алексий. Я спросил о нем товарища Димитрова. Он ответил:

— Производит впечатление серьезного человека,— сделав ударение на слове «серьезный».

Согласно программе, чествование должно было начаться с торжественного молебна. Товарищ Димитров вместе с сопровождавшими его товарищами направился в церковь, где ему было отведено почетное место. Он стоял чинно, как полагается в таких случаях, пока до его слуха не донеслись провокационные слова.

— Наступил черед «Многая лета»,— рассказала мне Невена Салтамаркова, член Дупницкого околийского комитета партии, присутствовавшая на торжествах в церкви.— Тогда священники начали благословлять Ее Величество царицу-мать и Его Величество царя Симеона.

Другой, возможно, и смирился бы, оставил это без внимания, но товарищ Димитров немедленно и резко отреагировал. Он не мог больше присутствовать на церковной службе, во время которой читались молитвы за долголетие царских особ. Г. Димитров сразу же вышел из церкви.

Председатель Дупницкой околийской управы Иван Киров описал этот момент:

— Когда священники начали воздавать славу Ее Величеству царице, Его Величеству царю Симеону и «царю нашему Борису» [1], Димитров повернулся, взял шляпу и, возмущенный, вышел.

А Салтамаркова дополняет:

— Товарищ Димитров резко повернулся, направился к выходу и покинул церковь. Вслед за ним вышли и другие товарищи — министры и руководящие деятели партии.

Уход Димитрова во время церковной службы оказал на церковнослужителей действие, подобное шоку.

Но тысячи людей, собравшиеся здесь по традиции и по призыву Отечественного фронта, поняли Г. Димитрова. Во дворе множество народа окружило Димитрова. Затем вместе с другими товарищами и в сопровождении священника-экскурсовода Г. Димитров осмотрел достопримечательности монастыря, исторические и архитектурные памятники, музеи, где хранились «святые» мощи.

---

[1] В 1943 г. царь Борис III был похоронен в Рильском монастыре.

— Товарищ Димитров,— вспоминает Иван Киров,— высказал очень ценные слова о прошлом и настоящем монастыря и нашего народа.

Потом в монастырской трапезной был дан обед для официальных лиц. Произносились речи. Поднял тост и Кимон Георгиев. Он сказал несколько похвальных слов о патриархе московском и всея Руси Алексии, высоко оценил его роль в развитии дружбы между двумя народами и двумя братскими церквами. Выступили экзарх Стефан I, генерал Черепанов, а также патриарх Алексий.

Исключительно важную речь произнес Г. Димитров. Он коснулся нескольких вопросов, но прежде всего я приведу его слова о молитве за их величества:

— У нас есть,— сказал он,— право требовать, чтобы наша болгарская православная церковь была не на словах, а на деле народной, республиканской церковью.

Затем он сказал, что будет приветствовать, если его блаженство экзарх и все высшее духовенство «перестанут петь в церкви о царской династии, о монархии». Эти слова вызвали одобрение большей части присутствовавших. «С чувством глубокой боли я слушал,— продолжал Г. Димитров,— как с амвона национальной болгарской церкви поют молитву о Кобургской династии, которая причинила столько несчастий нашей родине».

— И Вы ушли,— прервал его экзарх.

Разгневанный Димитров ответил:

— Как же не уйти, когда есть люди, которые не могут понять, что происходит в нашей стране!

А на другую реплику его святейшества он ответил:

— Благодарите бога, что мы настоящие большевики.

Говоря об Иване Рильском, Г. Димитров назвал его «подлинно народным святым». «Я, как болгарин,— продолжал Г. Димитров,— горжусь болгарской церковью, поскольку у нее были такие верные и честные служители, как Иван Рильский, который, проявляя стоицизм и беспредельную любовь, 1000 лет тому назад защищал правое дело болгарского народа». Далее он говорил об исторических заслугах православной церкви в сохранении национального чувства и самосознания болгарского народа, в поддержке национальных чаяний и воспитании национальной гордости болгар, в сохранении болгар как нации. Он подчеркнул, что в новых условиях церковь призвана остаться верной традициям и заветам Ивана Рильского, отца Паисия, Неофита Рильского и многих других церковных деятелей. Наша церковь должна быть подлинно народной, республиканской, прогрессивной церковью.

Обед продолжался долго.

Тогда, как утверждал Моряк, товарищ Димитров сказал ему:

— На обратном пути хочу встретиться с народом.

Возможно, что эта фраза послужила тому, что в г. Дупнице был организован митинг, который останется в памяти жителей города. Председатель Дупницкой околийской управы Иван Киров сказал:

— Еще в монастыре мы, руководители Дупницы, пригласили товарища Димитрова на обратном пути сделать остановку в нашем городе. Все жители города испытывали большое желание встретиться с товарищем Димитровым. Разве можно проехать по городу и не встретиться с рабочими массами? Он ответил, что в его планы не входит такая остановка. Мы настаивали, и, хотя он не дал твердого обещания, мы сочли это за согласие... Поэтому мы подготовили митинг, что для Г. Димитрова было неожиданным.

Об этом митинге речь пойдет немного позднее. По-видимому, Г. Димитров имел в виду совсем другое, когда сказал: «На обратном пути хочу встретиться с народом». Когда выехали в обратный путь, Г. Димитров попросил свернуть в село Бобошево. Разбитая дорога, на которой машины бросало, как корабли в разбушевавшемся море, продолжительное напряжение, возможно, какое-то заболевание дали себя знать, и Г. Димитров почувствовал недомогание.

— Мне плохо,— сказал он.

Машины остановились в поле, и там товарищ Димитров около часа отдыхал. От поездки в Бобошево, где у него были старые знакомые, от решения увидеться и поговорить с жителями села он не отказался.

На сельской площади их встретили местные активисты и проводили в партийный клуб, где на стенах висели портреты односельчан, погибших в антифашистской борьбе.

— Товарищ Димитров осматривал, а мы объясняли, кто и когда погиб,— рассказывал мне молодой сельский староста К. Овчаров.— Когда подошли к портрету мужчины в форме унтерофицера, товарищ Димитров сказал: «Об этом мне ничего не рассказывайте». Постоял, посмотрел на портрет и сказал: «Это Никифор Бибин. Я знал его лично, это был прекрасный товарищ». Прошло столько лет, а товарищ Димитров не забыл его имени.

— Бибин,— объяснили мне бобошевские товарищи,— был учителем гимназии, затем работал в потребительской кооперации, стал профессиональным революционером, пользовался большим авторитетом среди населения. Поэтому реакционеры и убили его. Он был членом окружного комитета партии до 1925 года. Его заживо сожгли в печи Дирекции полиции.

Потом сели и начался долгий и откровенный разговор.

В это время в селе проходил футбольный матч между командами Бобошева и Рилы, на котором было много народа.

— Я,— добавил коммунист из Бобошева Павел Давидков,— послал мальчика на стадион сообщить о приезде Г. Димитрова. За минуту стадион опустел. Весь народ собрался перед клубом.

— О прибытии Г. Димитрова постепенно узнали остальные жители и тоже пришли к клубу,— сказал мне старый коммунист и общественный деятель, бывший депутат Великого народного собрания Стоичко Рамков. (Бай Стоичко — крестьянин, активный, интеллигентный человек со здравым и трезвым умом, высокий и сильный. «Я,— сказал он мне однажды,— лично знаком с товарищем Димитровым еще с 1923 года».) — На матче, — продолжал бай Стоичко,— присутствовали и жители соседнего села Рила. И они все пришли сюда. Товарищ Димитров находился среди нас около двух часов. Это было большое событие для села. Он долго беседовал с нами в клубе. Задавал вопросы о состоянии земледелия, климате и почвенных условиях, об урожае черешни и винограда, интересовался настроением людей, спрашивал, довольны ли они народной властью, как живут... Женщины набрали черешни, и мы угостили ею товарища Димитрова.

Тем временем из Рильского монастыря один за другим приезжали официальные лица и останавливались на сельской площади. Подъехали Председатель Совета Министров Кимон Георгиев, министры. Некоторые из них вошли в клуб.

Народ пришел в движение, стали скандировать: «Хотим видеть Димитрова», «Хотим, чтобы Димитров выступил». Когда Г. Димитров вышел, все окружили его, чтобы увидеть вблизи. Кольцо вокруг него сжималось и совсем замкнулось. Рядом с ним находились только Кимон Георгиев и еще один-два руководящих деятеля. Другие министры и депутаты стояли неподалеку тоже в окружении народа.

— Так слились министры и народ,— пошутил Стоичко.— Только Дамян Велчев стоял в стороне.

Руководители Болгарии находились на площади, и народ не отпускал их, слышались возгласы «ура», аплодисменты, скандировали лозунги. Товарищ Димитров поблагодарил за гостеприимство, пожелал еще большего единства и успехов на пути совместного труда. Дети преподнесли ему букеты садовых цветов.

— Для нас это было счастье,— говорили мне бобошевские товарищи. Потом в селе долго вспоминали об этом дне. Сильное впечатление произвел на них товарищ Димитров. Он тоже уехал оттуда очень бодрым.

Товарищ Димитров и сопровождавшие его лица направились

в Софию и, въехав в Дупницу, к своему большому удивлению, увидели, что улицы города заполнены народом.

— Ужас, ужас! — поделился своими впечатлениями Петков (Моряк).— Люди устремились к машинам, окружили нас со всех сторон, ехать было невозможно. Мне пришлось выйти и идти перед колонной автомашин, чтобы прокладывать им путь. Вместо 2—3 минут мы добирались до городской площади 20 минут.

— Такого митинга,— сказал мне Васил Гиздов, первый секретарь околийского комитета партии,— у нас никогда не было. Рабочие, имевшие большой опыт революционной борьбы, буквально все жители Дупницы вышли на улицу. Для города это было большое событие.

— Перед Народным банком мы на скорую руку соорудили трибуну,— добавляет Стефан Разсолков, второй секретарь комитета,— а машины не могли подъехать к нам. Когда приблизились к площади, товарищ Димитров вышел из машины и поднялся на бетонную плиту одного из полуразрушенных зданий. Мы ждали их наверху, а они остановились внизу. Быстро отправились туда, перенесли микрофон. Я открыл митинг, выразив нашу большую радость, что мы видим товарища Димитрова в нашем городе. И предоставил ему слово. Он говорил примерно полчаса и, хотя для него это выступление было неожиданным, произнес прекрасную речь. Его голос звучал мощно и вызвал такой энтузиазм, что люди придвинулись вперед, прорвав оцепление. Он говорил, что Дупница — это родина Станке Димитрова [1], что мы должны работать так, как трудился Станке Димитров. Затем коротко рассказал о провокации в монастырской церкви, что вызвало гневное возмущение. Мы не позволим забываться, сказал он, выжившим из ума старцам.

Но секретарь околийского комитета не упомянул о том, что сказал товарищ Димитров в начале своей речи. Когда ему дали слово, он пожал плечами и сказал:

— Глас народа — глас божий! — и сразу же начал импровизированную речь.— В городе Дупница живет закаленный в борьбе рабочий класс! Дупница с таким рабочим классом должна стать промышленным городом, это ее будущее.

Выехать из города было также трудно, так как улицы были запружены народом. А выехать нужно было как можно скорее. Димитров снова почувствовал себя плохо. Пришлось остановить машины за городом, и он снова продолжительное время отдыхал.

Речь в монастыре была опубликована во вторник, 28 мая, с портретом Димитрова.

[1] Станке Димитров (Марек) (1889—1944) — видный деятель БКП.— *Прим. перев.*

Газета «Черно знаме», уязвленная в своем верноподданничестве, обрушилась на Димитрова с критикой. «Для церковной службы не имеет абсолютно никакого значения, что Георгий Димитров возмутился»,— говорится в статье «Черно знаме»: очевидно, ей хотелось, чтобы с алтаря продолжали раздаваться молитвы о царских особах.

Случай с бабушкой Мицей произошел неожиданно.

В кабинет товарища Димитрова в Княжево из резиденции на улице Велико-Тырново позвонила наша машинистка Люба. Она сказала Цветану Банчеву, что к ней пришла ее мать бабушка Мица, которая живет на окраине столицы, в квартале Банишора. Встревоженная женщина сообщила, что там продают испорченный хлеб.

— Она принесла сюда,— объясняла Люба,— полбуханки хлеба темно-зеленого цвета. Он пахнет какими-то химикалиями. «Посмотри на хлеб, который сегодня продают в Банишоре. Люди волнуются, срочно примите меры...» — сказала мне мама.

Это было в 10—10.30. Банчев доложил товарищу Димитрову, который дал указание послать машину и привезти кусок этого хлеба. Как только машина вернулась, хлеб ему немедленно показали. Возмущение и гнев Димитрова были неописуемы.

— Как это возможно!.. Да разве допустимо сегодня такое отношение к людям! — сказал он с болью в голосе.

Он попросил соединить его с Добри Терпешевым и поручил ему лично немедленно проверить, кто допустил это безобразие.

— Выяснить в течение часа! — сказал Димитров.

О том, что произошло дальше, нам рассказала Люба.

«Моя мать ушла обратно и возле дома стала что-то делать. К 12 часам приехала большая черная машина, и из нее вышли... министр Добри Терпешев и еще два-три человека.

— Не ты ли мать Любы Григоровой? — спросили они.

— Я, да неужто я сделала что-то плохое? — спросила в свою очередь бабушка Мица. Ей и в голову не могло прийти, что так быстро отреагируют на ее известие.

— Поедемте с нами, покажите нам те самые три пекарни, которые выпекают плохой хлеб».

Побывали в пекарнях и установили, что там занимались настоящим вредительством. Товарищ Терпешев дал распоряжение вернуть гражданам талоны за проданный плохой хлеб, испечь новый хлеб. Испорченная мука была забракована.

Люди успокоились и, поняв, по чьему распоряжению так быстро и энергично приняты меры, долго и с восхищением рассказывали об этом.

Часть третья

Напряженность политической обстановки в стране; Георгий Димитров выступает перед шахтерами; будьте готовы; предупреждение; чистка в армии; Георгий Дамянов; встреча с И. В. Сталиным; созидательная политика; 64 года; письмо Ивана Харизанова; большое наступление

3 июня 1946 г., понедельник

Поездка в Перник была подготовлена еще в пятницу и субботу.

В воскресенье рано утром в Княжево приехал Трайчо Костов. Как всегда, он шел медленно, прихрамывая. Увидев меня, улыбнулся и сердечно поздоровался. Я уважаю и люблю его. Ко мне он тоже относится дружелюбно. Находясь в холле, он, как обычно, молчал. Это глубокомысленное молчание, которое внушает уважение; оно не досадное и не тяготит, а стимулирует к жизни и активности. Но он остроумен, умеет шутить, иногда остро-язвителен и немногословен. Его популярность постоянно растет, особенно в партии и среди партийных кадров. Его исключительная скромность в быту широко известна.

В Княжево прибыли также Райко Дамянов и профессор Иван Стефанов.

Тем временем товарищ Димитров сошел по лестнице, сердечно поздоровался с Трайчо Костовым и другими товарищами, приветливо кивнул нам, и мы отправились в путь. Конечным пунктом нашей поездки был город Перник, где намечалось торжество горняков страны по случаю награждения 44 шахтеров-ударников за достижения в предмайском соревновании. Меня предупредили, чтобы я подготовился стенографировать. Этому на первый взгляд обычному торжеству придавался какой-то особый смысл, все были напряжены, чувствовались нетерпение и торопливость. Георгий Димитров и Трайчо Костов сели в одну машину, а другие товарищи — в машины, следовавшие за ней.

Кортеж состоял из шести-семи машин. Поскольку не так много времени прошло после моего тюремного заключения, такой шум угнетал и смущал меня, мне все хотелось остаться незаметным.

В Перник прибыли примерно в 10 часов и отправились в Дом культуры. Когда в зал вошли товарищ Димитров и другие гости, шахтеры быстро встали и долго и бурно аплодировали и скандировали лозунги. Использовав эти минуты, я нашел свободный стул в первых рядах зала и приготовился стенографировать. Возле Г. Димитрова собралось человек десять ветеранов — старых горняков, его боевых товарищей, которых он знал еще десятилетия назад. Была трогательная сцена: они жадно смотрели на него, живо реагировали, когда кто-либо из них рассказывал о себе, обнимались.

Началось торжество. Его открыл старый горняк и участник революционной борьбы, председатель Союза шахтеров Александр Миленков. Был сделан доклад об итогах соревнования, объявлены фамилии 44 ударников, которые награждались Серебряным орденом труда. Ордена вручил Трайчо Костов. Он произнес краткую приветственную речь, которую отличали свойственная ему логичность мысли и глубокое содержание и которая вызвала живое одобрение. От имени Общего рабочего профессионального союза горняков поздравил Райко Дамянов. Выступили и другие товарищи.

Все, конечно, понимали, что это торжество не обойдется без выступления товарища Димитрова, и с нетерпением ждали этого. Появление Димитрова на трибуне вызвало бурю долго не смолкающих оваций. Горняки — эти суровые люди — были растроганы, как дети. Когда Г. Димитров начал говорить, все обратились в слух. Он сказал:

— Товарищи шахтеры, разрешите мне от имени Рабочей партии (коммунистов) и от себя лично самым сердечным образом приветствовать вас и всех наших шахтеров-ударников, героев труда — гордость болгарского рабочего класса, гордость нашего народа... Да здравствуют наши славные ударники!

Я испытываю особое чувство в связи с тем, что вновь имею возможность побывать в вашей среде, на шахтах Перника. К сожалению, этот случай представился мне очень поздно. Но я вспоминаю сейчас и хотел бы напомнить вашим старым коллегам и вам, людям помоложе, что происходило здесь, на этом месте, 40 лет тому назад.

Он рассказал им, как впервые побывал в Пернике в 1905 г., чтобы подобрать шахтеров, с которыми можно было бы попытаться заложить основы профессиональной организации горня-

ков. Тогда «Перник,— продолжал он,— представлял собой небольшое царство тьмы, рабства и страшной нищеты»[1].

В следующем, 1906 г. Г. Димитров снова приезжал в Перник, где была объявлена всеобщая стачка шахтеров, продолжавшаяся 35 дней. «С того времени, товарищи, прошло ровно 40 лет»[2],— сказал товарищ Димитров. Он говорил о наступивших переменах в жизни шахтеров после 9 сентября, но подчеркнул: «...того, что сделано, еще далеко и далеко не достаточно. Главное и самое важное, что предстоит сделать нашему рабочему классу, и в частности горнякам, всему нашему народу, еще не сделано»[3]. Он нарисовал картину того близкого и более далекого будущего нашей страны, к которому мы устремлены,— будущего Народной Республики Болгарии: рабочий станет подлинным хозяином своего труда, и не будет места паразитическому капиталу. Будут созданы условия для зажиточной жизни всех людей. Народная республика создаст собственную прочную экономическую базу, потому что без нее «не может быть прочной свободы и национальной независимости для нашего народа»[4].

Так он все больше углублялся в политическую проблематику дня и искусно подводил слушателей к крупным животрепещущим вопросам.

— *Единство в деле управления страной,*— продолжал он,— *нерушимое единство Отечественного фронта жизненно необходимы.* Необходимо единство не на словах, а на деле...

Наивны те, кто строит себе иллюзии, надеясь, что после ухода советских войск из Болгарии они сумеют поднять свое знамя и с Отечественным фронтом будет покончено... По глупости своей они не понимают, что сила Отечественного фронта, нынешней народной власти, заключается не в присутствии советских войск. Источником силы нашей народной власти является сам народ, рабочий класс, крестьянство, народная интеллигенция.

Он предупредил, что объединяются реакционные силы: легионеры, спекулирующие на македонском вопросе террористы, реакционные офицеры, всевозможные спекулянты и другие враждебные элементы в нашей стране. Они организуют заговоры и готовятся к антинародным выступлениям; есть темные элементы, изверги и иностранные агенты, которые могут совершать террористические акты, а Трифон Кунев говорит о «движении сопротивления» в нынешней Болгарии[5].

---

[1] *Димитров Г.* Избранные произведения, т. 2 (1941—1949 годы), с. 199.
[2] Там же, с. 201.
[3] Там же, с. 201.
[4] Там же, с. 202.
[5] См. там же, с. 203, 204.

У меня не было времени наблюдать, так как я стенографировал. Согнувшись на стуле, я старательно записывал карандашом в записную книжку, положив ее на колени, но темп речи все ускорялся, и я чувствовал, как все труднее улавливаю слова. Вокруг меня время от времени бушевало море поднимавшихся с мест людей; они одобряли, негодовали, аплодировали, раздавались возгласы, что нередко заглушало слова оратора. Я все больше понимал, что эта речь имеет особое значение, что пропускать ничего нельзя, и поэтому напрягал силы, чтобы уловить и зафиксировать каждое слово.

— *Необходимо, чтобы наш народ был бодр духом, бдителен и находился в состоянии мобилизационной готовности,*— раздавался мощный голос Димитрова.

И обратился к шахтерам с призывом:

— ...Когда вы добываете под землей уголь... помните и будьте готовы на несколько часов оставить свои орудия труда и помчаться в Софию, если когда-нибудь по вине врагов народа возникнет такая необходимость!

Все встали. Раздались возгласы: «Мы готовы!»

Несколько минут зал содрогался от гнева и возмущения. Призыв Димитрова встретил горячую поддержку.

Затем он снова овладел бушующей аудиторией, указав верный выход: лучше не допустить этого, лучше обезвредить провокаторов и предотвратить попытки нарушить нашу мирную жизнь.

Как умеет товарищ Димитров найти путь к сердцу рабочего! Поистине он остается нашим непревзойденным рабочим, народным трибуном.

Закончив речь, он сел. Мог отдыхать и я. Хотя я и не был уверен, что сумел все записать хорошо, все же почувствовал облегчение, так как мог отдаться любимому занятию — наблюдению! Товарищ Димитров снова сидел в президиуме на сцене в центре длинного стола рядом с Трайчо Костовым, Райко Дамяновым, профессором Иваном Стефановым, руководителями шахт и Союза шахтеров, ветеранами революционной борьбы. Товарищ Димитров сидел, облокотившись на стол, и испытывал то особое чувство удовлетворения и усталости, которое овладевает человеком, успешно закончившим важное и трудное дело. Люди, сидевшие в зале, тоже успокоились и не сводили с него глаз. Потом представители города подарили ему цветы, в зале сновали фоторепортеры, царило всеобщее оживление.

Мы возвратились в Княжево. Георгий Димитров и Трайчо Костов уединились в одной из комнат. Я сидел в кабинете, занимаясь расшифровкой стенограммы. Но не прошло и 20 минут,

как, отодвинув штору, в кабинет вошел Трайчо Костов с записной книжкой в руке.

— Ты все успел записать? — спросил он с тем пониманием, какое существует между людьми, занимающимися одинаковым делом.

Видимо, мой ответ был недостаточно твердым, и он продолжал:

— Вот возьми и мою стенографическую запись. Может быть, она поможет.— Он дал мне свою записную книжку и вернулся к Г. Димитрову.

«Эта речь не простая,— подумал я,— раз ее застенографировал Трайчо Костов; она исключительно важна; ЦК придает ей большое значение».

Хотя Трайчо Костов столько лет не стенографировал, он сумел прекрасно записать карандашом речь товарища Димитрова. Вскоре после обеда я расшифровал стенограмму речи, частично по его, а частично по своей записи, и передал ее Г. Димитрову. Он поработал над ней и после того, как она была начисто переписана, я позвонил главному редактору газеты «Работническо дело» Владимиру Поптомову и сказал, что посылаю ему текст этой речи. В. Поптомов уже знал о ней и с нетерпением ждал ее получения.

— Посылай быстрей,— сказал он,— чтобы мы успели ее набрать.

Потом я позвонил главному редактору газеты «Отечествен фронт» Владимиру Топенчарову и тоже направил ему текст речи товарища Димитрова.

На следующий день речь товарища Димитрова была целиком опубликована в газетах и вызвала широкие отклики в стране и во всех общественных кругах. Она помогла повысить бдительность партии и Отечественного фронта, разоблачить намерения врагов и сковать активность реакционных элементов. Речь способствовала изменению атмосферы в стране и созданию условий для решительного перехода к энергичным мерам, направленным на смену руководства армией без особых потрясений и на подавление реакционных гнезд.

В адрес Г. Димитрова стали поступать письма, телеграммы и резолюции, в которых говорилось об одобрении и поддержке речи. Так, в одной из телеграмм было сказано: «Рабочие габровской фабрики «Успех» горячо поздравляют Вас с хорошей речью перед шахтерами». Рабочие-табачники Пловдива писали: «Сердечно приветствуем Вас в связи с Вашей речью перед перникскими шахтерами, которая относится и к нам, рабочим-табач-

никам». В телеграмме участников Пловдивской областной конференции работников почты и телеграфа говорилось: «Мы заявляем, что помним 9 июня и защитим дело 9 сентября». «Участники многолюдного собрания, состоявшегося в с. Попово Первомайской околии,— говорилось в другой телеграмме,— приветствуют тебя за мудрые речи в Рильском монастыре и перед шахтерами Перника. Мы бдительно охраняем дело 9 сентября». Горняки шахты «Твырдица» писали: «Ваши слова, произнесенные перед шахтерами Перника, мы относим и к себе и, если потребуется отложить в сторону лопаты и кирки, сделаем это с готовностью, чтобы справиться с врагами нашего народа». В телеграмме коммунистов села Асеново Горнооряховской околии говорилось: «Мы заявляем, что готовы откликнуться, когда нас призовут на борьбу с остатками фашизма».

Осуществлялась всеобщая мобилизация народных масс для отпора поползновениям реакционеров.

Так начался и прошел июнь 1946 г., насыщенный волнениями и борьбой.

Но картина июня будет неполной, если не напомнить о других событиях, происшедших в этом месяце в нашей стране. Приобрел актуальность и особый смысл день 9 июня. Все вспомнили о злосчастной судьбе правления Земледельческого союза и трагической гибели Председателя Совета Министров Александра Стамболийского. Газета «Земеделско знаме» опубликовала многозначительную редакционную статью под заглавием «Будем бдительны!». В ней сообщалось, что офицеры, разоблаченные как убийцы Стамболийского, а также палачи во время Сентябрьского восстания и лица, осужденные народным судом за зверскую расправу над партизанами и теми, кто их укрывал в 1941—1944 гг., по сей день занимают руководящие посты в армии. «Сохраняется в тайне, что в армии служат офицеры, совершившие преступления...» «Генерал Иван Вылков (военный министр в период сентябрьских погромов и один из главных их организаторов.— *Н. Г.*) свободно разгуливает по улицам». Газета «Работническо дело» полностью перепечатала эту статью.

8 июня была опубликована небольшая, но исключительно острая статья Георгия Димитрова, посвященная событиям 9 июня 1923 г., озаглавленная «Предупредительный призыв». В ней говорилось:

«Заслуга Александра Стамболийского — этого подлинного демократа-республиканца и смелого борца за народную правду — заключается прежде всего в том, что он первым сделал серьезную попытку изменить антинародную внутреннюю и внешнюю политику сгруппировавшейся вокруг Кобургской династии

крупнокапиталистической и спекулянтской клики и направить болгарскую политику по новому, демократическому пути в интересах народа и светлого будущего родины.

...Так из событий 1923 года был извлечен величайший и ценный для нашего народа урок, а именно: что ни рабочий класс, ни крестьяне одни в отдельности не могут избавиться от фашизма и реакции, не могут обеспечить демократическое развитие страны... Только их нерушимый братский союз дает им возможность разбить цепи всякого экономического и политического гнета...» [1]

Статья заканчивалась следующей фразой:

«Пусть же по всей стране, до последнего крестьянского дома, прозвучит предупредительный призыв: всеми силами и средствами защитим историческое дело 9 сентября 1944 года, чтобы снова не пережить трагедии, подобной трагедии 9 июня 1923 года!» [2]

А тем временем было раскрыто дело, потрясшее всю страну. Задержанные некоторое время тому назад убийцы Ал. Стамболийского — офицеры запаса, а также офицеры, находившиеся на действительной службе, сообщили подробности этого зверского акта и указали то место, где был зарыт его труп — на берегу реки Марицы, близ села Ветрен. При раскопках были найдены его останки. Эти события приковали к себе внимание всех граждан страны. При захоронении останков Стамболийского был объявлен всенародный траур. Газета «Земеделско знаме» ежедневно сообщала подробности, связанные с раскрытием преступлений, совершенных организаторами и участниками переворота 9 июня 1923 г.

В высшей степени наглой и нелепой явилась акция, предпринятая в эти дни директором Софийской области — одним из деятелей союза «Звено», Георгием Стоименовым, и полковником из Военного министерства Марко Ивановым. Они явились в Секретариат БЗНС и в ультимативной форме потребовали, чтобы газета «Земеделско знаме» прекратила публиковать что-либо связанное с раскрытием преступлений 9 июня 1923 г. и с убийством Стамболийского. При этом они угрожали и давали понять, что говорят от имени военного министра Дамяна Велчева.

Был опубликован также обвинительный акт по делу заговорщической организации среди офицеров «Царь Крум». В уставе этой организации и инструкции было записано, что ее члены бу-

---

[1] *Димитров Г.* Избранные произведения, т. 2 (1941—1949 годы), с. 209—210.

[2] Там же, с. 210.

дут бороться «всеми легальными и нелегальными средствами» за свержение народной власти.

Стала более бдительной личная охрана товарища Димитрова, были приняты дополнительные меры по усилению охраны его виллы в Княжеве. Не исключалась вражеская провокация.

В Белграде начался судебный процесс по делу известного королевского генерала Дражи Михайловича, который имел резонанс и в Болгарии. Под эгидой короля, сбежавшего в Лондон, генерал организовал на националистической основе партизанское движение в Югославии, якобы с целью борьбы против немецко-итальянских оккупантов. «В действительности же именно с их помощью и при содействии англо-американцев он выступал против освободительной борьбы. Двуличная роль... «Действия Дражи Михайловича отмечены жестокостью и садизмом в отношении участников народно-освободительной борьбы. Не успев вовремя сбежать, Дража Михайлович был схвачен вместе с группой своих сообщников. Они сделали довольно подробные признания. Перед ними стояла задача вербовать деятелей соседних стран, в том числе Болгарии, для формирования антикоммунистического блока на Балканах; они установили связь с д-ром Г. М. Димитровым (Гемето); стремились наладить связь с Дамяном Велчевым и неким Гиновским, о чем сообщалось в нашей печати. Но Д. Велчев категорически отверг эти обвинения, и его опровержение было опубликовано в печати Отечественного фронта.

Тон публикаций оппозиционной печати в эти дни был еще более желчным и ядовитым. Обстановка в стране накалилась. Как уже говорилось, поляризация приобрела наиболее острые формы. Это с одной стороны.

С другой стороны, народная власть неуклонно проводила свою созидательную политику, которая оказывала сильное влияние на жизнь и настроение масс.

Был принят закон об улучшении пенсионного обеспечения крестьян, согласно которому устанавливались пенсии не только мужчинам, но и женщинам; крестьянские пенсии назначались и болгарским гражданам неболгарского происхождения; размеры пенсий повышались до 800 левов в месяц (т. е. на 320 левов по тогдашнему курсу лева, а это немало). Выступивший в защиту законопроекта министр финансов профессор Иван Стефанов подчеркнул, что уравниваются права и нацменьшинств со всем болгарским населением.

Был также принят важный закон, согласно которому в нашей стране впервые было поставлено на серьезную основу страховое дело; оно изымалось из рук частных спекулянтских обществ и ста-

новилось монополией государства; были национализированы существовавшие в стране болгарские и иностранные страховые общества, и все их имущество передавалось в руки государства. Страхование приняло весьма широкий размах, что явилось реальной гарантией для населения от стихийных бедствий.

Подготовлен и 17 марта принят закон о государственном бюджете, в котором значительно увеличивались суммы для нужд строительства; в результате поступления сумм в ходе применения закона о конфискации имущества, приобретенного незаконными средствами, от конфискации в соответствии с законом о Народном суде, от государственных займов, за счет экономии и других источников была собрана сумма в 13 млрд. 804 млн. левов, которая будет использована для строительства электростанций, МТС, крупных промышленных предприятий, морских судов, железных дорог, благоустройства городов и сел. Началась эра строительства, которая преобразит страну до неузнаваемости.

После доклада министра здравоохранения доктора Рачо Ангелова был принят закон о кооперативном строительстве больничных заведений, открывается возможность концентрации средств государства, общин, кооперативных организаций и других источников для более быстрого создания широкой сети лечебных заведений.

Доктор Рачо Ангелов — крупный специалист, ветеран коммунистического движения, человек с широкой душой, пользующийся симпатией и доверием. По поручению партии и Отечественного фронта он разрабатывал с широким размахом программу развития здравоохранения. Она предусматривала подлинную революцию в деле здравоохранения в стране. Не только на основе цифр и неопровержимых фактов, но и своей убежденностью, проникнутой заботой о здоровье народа, он защитил законопроект, и депутаты проголосовали за отчисление больших сумм на эти цели.

Были снижены цены на некоторые товары, в июле ощутимо увеличены хлебные пайки.

По имеющимся сведениям, жизнь у нас дешевле и более благоустроена, чем в ряде других стран; особенно бросалась в глаза эта разница в сравнении с Грецией и Румынией, где экономика была серьезно расстроена и народные массы находились в значительно более тяжелом положении. Короче говоря, послевоенная Европа голодала. Этот голод превратился в большой фактор международной политики и дипломатии. Он оказывал влияние на внутреннюю политику в отдельных странах, на нем спекулировали США, располагавшие богатыми резервами; добрый Дядя Сэм превратился в злобного старика, подбрасывавшего куски

друзьям и покорным, приманивая независимых и непокорных и угрожая им. У нас тоже не хватало товаров и продуктов, а наступившее лето, к сожалению, не обещало ничего хорошего, так как весь год был засушливым. А на этих недостатках и других затруднениях в послевоенный период и особенно на нехватке жилья в крупных городах и на необходимости обязательной сдачи крестьянами продуктов по нарядам спекулировала оппозиционная печать.

Вот в такой обстановке развертывалась деятельность Г. Димитрова в июне 1946 г. Ее сущность заключалась в многогранной политической и организаторской работе, направленной на подавление реакции и укрепление устоев новой власти. Заседания Политбюро, совещания парламентской группы партии, на которых Димитров давал указания о повышении бдительности в отношении любых попыток реакции «в какой бы то ни было форме подрывать основы демократического развития и хозяйственный подъем нашей страны»; встреча с Кимоном Георгиевым и Дамяном Велчевым, встреча исключительно ответственная и тяжелая, так как нужно было проявить величайшее мастерство при ведении переговоров, убеждать, проявлять гибкость; отдельная встреча с Дамяном Велчевым; встреча с руководством БЗНС с целью уточнения позиций и сплочения усилий для решительных действий; работа над законопроектом о статусе армии; написание статей, являющихся одними из лучших его публицистических работ; встречи с делегациями различных общественных кругов и всегда — неустанная защита дела единства и борьбы во имя прогресса Болгарии.

На одной из встреч товарищ Димитров сказал:

«Ахиллесовой пятой нашего положения сейчас является армия. По отношению к ней нужно принимать меры. Такое положение терпеть дальше нельзя. Наши товарищи в армии должны быть тоже мобилизованы и действовать так, чтобы облегчить задачу изгнания из ее рядов реакционных элементов и обеспечить наше руководство армией. Мы не можем терпеть Дамяна Велчева как царя. Раньше был царь, теперь царем стал военный министр: он увольняет и назначает офицеров, направляет регентам проекты указов! Особенно в этом отношении ему помогает Ганев. Нужно навести порядок, и мы наведем его. Будет сокращение; некоторые будут недовольны, но порядок нужно навести».

В конце месяца законопроект о реорганизации армии уже был готов. Он рассматривался в Совете Министров, после чего был сразу опубликован в печати. Одна немаловажная подробность — законопроект был внесен в Совет Министров по докладу

самого Дамяна Велчева. Как видно из пояснительной записки к законопроекту, получившему название законопроекта о руководстве армией и контроле над ней, сохраняла силу введенная при царе Борисе практика, согласно которой армией распоряжаются глава государства (в данном случае регентство) и военный министр через голову Совета Министров. Ясно, что эта практика установлена царем не случайно: он хотел держать армию и ее кадры в своих руках; в наши же дни это приводило к произвольному распоряжению армией. Новым законом устанавливается, что только правительство, а не кто-либо другой руководит всей деятельностью армии и контролирует ее, что назначение, повышение, перестановка и увольнение высших армейских кадров производятся по решению Совета Министров и регентскому указу по докладу военного министра.

Параграф 4 гласит:

«Не могут служить в армии лица с фашистскими, реставраторскими и антидемократическими взглядами, а также офицеры, унтер-офицеры, технические начальники и военные чиновники, принимавшие непосредственное участие в убийствах и истязаниях антифашистов, в сожжении жилищ и построек народных партизан и их помощников или отдававшие подобные приказы».

Параграф 5 предусматривает:

«Офицеры по политическому воспитанию являются помощниками командиров и вместе с ними несут ответственность за всю деятельность части и подразделения. Они подписывают вместе с командирами боевые и оперативные приказы, приказы по личному составу и аттестации» [1].

Законопроект был незамедлительно внесен в Народное собрание.

Под нажимом общественного мнения был издан регентский указ, согласно которому были уволены директор Софийской области Георгий Стоименов (и затем исключен из «Звена») и полковник Марко Иванов.

Злобный пасквилянт Трифон Кунев был отдан под суд и посажен в тюрьму. Издание газеты «Черно знаме» было приостановлено на два месяца с предупреждением, что, если она не будет считаться с требованиями закона, выпуск газеты будет запрещен навсегда. Осуществлены и другие меры по пресечению поползновений реакции.

[1] Държавен вестник, 1946, 9 июля, № 153.

Иными словами, битва была начата, и ее предстояло довести до конца: из рядов армии необходимо было изгнать заклятых врагов народа и превратить ее в действительно народную армию.

Между тем произошел и ряд других событий, свидетелем которых я был.

4 июня 1946 г., вторник

Вчера через ЦК БРП(к) с нами связались по телефону руководители группы югославской молодежи, которая уже несколько дней гостит в Софии по приглашению болгарской молодежи.

— Мы студенты Второго смешанного учительского института в Белграде,— представились они.— Просим товарища Димитрова принять нас. Хотим во что бы то ни стало его видеть.

Я задал им ряд вопросов, чтобы выяснить подробности и затем доложить товарищу Димитрову. Они ответили, что в их группе 140 юношей и девушек, что почти все они принимали активное участие в народно-освободительной борьбе.

— Какова цель вашей поездки в Болгарию?

— Мы приехали прежде всего увидеть товарища Димитрова, ознакомиться с деятельностью Отечественного фронта, ознакомиться с делами и стремлениями болгарской молодежи,— ответили они вдохновенно и убежденно.

А когда я сказал, что очень трудно, почти невозможно принять сразу 140 человек, что в эти дни товарищ Димитров чрезвычайно перегружен делами и что, может быть, он не найдет так легко времени для их приема, они заявили:

— Но когда мы вернемся домой, нас в первую очередь спросят о товарище Димитрове, ведь мы прежде всего ради этого и приехали!

Они упорно стояли на своем.

Вчера, после того как я доложил о них товарищу Димитрову, он сказал:

— Завтра, в половине пятого в резиденции на улице Велико-Тырново.

Сегодня они прибыли в резиденцию товарища Димитрова и едва разместились в просторном холле двухэтажного здания. Они были охвачены радостью и восторгом.

Вместе с ними приехал директор института Джакович и секретарь партийного комитета Милена Сувочорева.

Ожидая товарища Димитрова, они беспрерывно пели. Как много хороших песен знают югославские юноши и девушки! Они спели песню «История милая, ты наша и нашей останешься», чудесную бодрую молодежную песню об ударниках труда, песню

о партизанах и их борьбе, трогательную песню, с любовью исполненную, о маршале Тито. Они пели и о Георгии Димитрове. Затем декламировали стихи о борьбе Федеративной Народной Республике Югославии. Назначенное время встречи приближалось, и они запели с еще большим энтузиазмом.

Товарищ Димитров незаметно вошел в холл. На нем были легкое пальто серого цвета, такого же цвета костюм и кепка. Его лицо озарялось доброй улыбкой. Песня оборвалась, наступило молчание — все с восхищением смотрели на великого человека, о котором столько слышали. Вспыхнули бурные овации. Потом встал директор института Джакович, тоже молодой человек, и, приветливо улыбаясь, рассказал товарищу Димитрову об институте, студентах и учебе.

— Успехи у нас очень хорошие, школа (он так назвал свой институт) во всех отношениях занимает первое место в Югославии. Здесь собрались юноши и девушки, которые не только сами приняли участие в вооруженной борьбе, но у каждого в этой борьбе погибли отец или мать. Они активно помогают селу, шефствуют над одним из сел и ведут там не только культурно-просветительную работу, но и трудятся вместе с крестьянами; кроме того, помогают коллективам заводов и фабрик, обучают неграмотных, взяли шефство над двумя детскими домами.

Если бы вы были их ровесником, они бы вам сказали, как сильно они вас любят, друже Димитров,— заявил Джакович.— Но я могу вас заверить, что они вас любят так же, как маршала Тито.

Затем Г. Димитрова очень тепло, искренне и сердечно приветствовала Милена Сувочорева.

Вслед за ними выступил Георгий Димитров. Он говорил так сердечно, просто и вдохновенно, его глубокие и прекрасные мысли так увлекли молодых восторженных слушателей, что они часто восклицали: «Тако йе» («Правильно!») или «Живио!» («Да здравствует!»); большие проблемы, которых он касался, казались им простыми и совсем ясными, а намечаемые большие задачи — осуществимыми и близкими.

— Товарищи,— сказал Г. Димитров,— я хотел бы в вашем лице приветствовать героическую югославскую молодежь.

Затем он затронул многие вопросы, относящиеся к жизни и работе молодежи, взаимоотношениям между Болгарией и Югославией: «Две народные славянские республики, как верные сестры, пойдут рука об руку по пути прогресса и культуры вплоть до осуществления великого идеала всех прогрессивных народов — социализма»; «у этих двух славянских сестер есть могучая опора в лице великого русского народа, Советского Союза» («Та-

ко йе»). Он говорил о необходимости постоянной учебы, творческого усвоения и применения ленинизма, проявлении максимальной бдительности.

Юноши и девушки смотрели на него так, словно хотели запомнить его слова, жесты и внешний облик, чтобы навсегда запечатлеть их в своей памяти, аплодировали...

Как только товарищ Димитров закончил выступать, один из юношей бодро запел в его честь песню об ударниках, о любви к народу, о труде во имя родины. Наши молодые гости словно не желали, чтобы встреча заканчивалась, но отведенное для нее время уже истекло. Товарищ Димитров встал, чтобы проститься.

— Я прошу извинения, что должен покинуть вас, так как меня ждут другие срочные дела,— сказал он, прощаясь за руку с некоторыми из находившихся рядом с ним товарищей, затем добавил: — Приглашаю вас снова в гости.

Он сказал это с такой доброжелательностью, сердечностью и теплотой, что юноши и девушки не удержались, и снова раздалось восторженное «ура!».

5 июня в Москву с неофициальным визитом отбыла самолетом наша партийная делегация, в состав которой вошли Георгий Димитров, Васил Коларов и Трайчо Костов. Делегация находилась там до 8 июня, потом самолетом возвратилась обратно.

Уже 6 июня состоялась встреча делегации с И. В. Сталиным и В. М. Молотовым. Позднее наши товарищи рассказали, что их встретили очень радушно, по-братски тепло и гостеприимно и уделили им много внимания. В ходе беседы обсуждались животрепещущие вопросы политической жизни.

Встреча состоялась в кабинете Сталина в Кремле. Об этом кабинете писал не один автор. Кабинет был очень просторный (именно его величина, размеры всем бросались в глаза); в глубине находился портрет В. И. Ленина, а под ним стоял стол для заседаний. Сталин и на этот раз был верен своей привычке — немного посидел рядом с собеседниками, а потом стал прохаживаться; иногда он настолько удалялся от собеседников, что у них создавалось впечатление, что ему не слышно их. Но по тому, как он быстро реагировал, по его репликам или жестам видно было, что он не пропускает ни одного слова. Время от времени он останавливался у стола, пристально глядел не мигая на говорившего или того, кого он спрашивал.

Во время беседы Трайчо Костов записывал все, что говорил Сталин.

В то же время в Москве находилась югославская делегация в составе И. Б. Тито, Ал. Ранковича и д-ра Нешковича (премьер-

министра Народной Республики Сербии). Состоялась встреча югославских и болгарских деятелей; они вели переговоры о болгаро-югославских отношениях. 7 июня состоялась встреча советского руководства во главе с И. В. Сталиным с болгарской и югославской делегациями. Была достигнута договоренность осуществить на деле тесное сотрудничество между Болгарией и Югославией, но союзный договор решили заключить после того, как будет подписан мирный договор с Болгарией.

В воскресенье, 9 июня, Иван Харизанов послал Георгию Димитрову письмо, в котором излагал свои взгляды на политическое положение в стране. В конце он написал, что хотел бы лично встретиться с ним по поводу его речи в Пернике.

Димитров решил его принять. Встреча состоялась в среду, 12 июня.

Харизанову было около 60 лет. Высокий, стройный. У него высокий лоб, гладко зачесанные каштановые с сединой волосы и светлые глаза. Он носит очки. Его движения и голос вкрадчивы. Позднее он заходил ко мне в комнату и разговаривал со мной. Был словоохотлив, но говорил без аффектаций, скорее — рассудительно. Его политические взгляды отличались широтой, постоянным стремлением разобраться в сущности политических явлений, обобщить их и подвести под них теоретическую базу. Харизанов своеобразно понимал марксистское учение, употреблял марксистскую терминологию, искал марксистский подход к явлениям и был членом... «Звена». И все стремился влиять на нас с марксистских позиций. Неустанно доказывал нам и всем другим, что нужно, чтобы все прогрессивные силы сплотились с коммунистами, а что коммунистам не следует забегать вперед, чтобы не оборвать нити, связывающие их с этими силами. Вообще он представлял собою весьма своеобразное явление нашей политической жизни...

Георгий Димитров получал корреспонденцию от Ивана Харизанова. Но (как мне кажется) ни разу ему не ответил.

Письма Харизанова — это обширные сочинения по животрепещущим актуальным проблемам политической жизни, насыщенные обильной информацией и ясно выражающие позицию автора. Первое письмо относится к началу июля 1945 г., т. е. когда Георгий Димитров был еще в Москве.

Чаще всего Димитров ставил на письмах Харизанова дату, когда их читал, и делал надпись (например, на письме, на котором Димитров поставил дату: «1.8.45 г.», есть такие слова: «Прочесть лично Трайчо Костову и В. Червенкову»). В какой-либо другой форме Димитров на письма Харизанова не реагировал.

Это говорит о том, что он их читал, но проявлял по отношению к ним и сдержанность.

Таким образом, Иван Харизанов посредством писем и устных заявлений стал играть роль своеобразного информатора и непрошеного советчика.

В одном из писем он сообщал о себе:

«На мою личную политическую идеологию сильное влияние оказал ленинизм, и благодаря этому я глубоко сознаю, что историческая линия нашего политического развития окончательно определена и что мы призваны ее обеспечить...» К этому выводу он пришел не легко и не сразу. Для его политической биографии характерен драматизм, свойственный представителям «Звена». Участник социал-демократического кружка в студенческие годы, затем деятель Радикальной партии, в прошлом — человек бурных порывов. Пережил разные повороты судьбы и горькие разочарования; в начале тридцатых годов был откровенным реакционером и антикоммунистом, после провала «эксперимента» 19 мая 1934 г. в корне изменил свои взгляды и стал все определеннее придерживаться левой ориентации, потом он пришел к сотрудничеству с компартией. Эволюция идейных и политических убеждений Харизанова привела его в Отечественный фронт и к тесному сотрудничеству с коммунистами. Союз с компартией — или, точнее, союз народно-демократических сил — он считал основой своих взглядов на будущее Болгарии. Идея руководящей роли компартии не была ему чужда, но рассматривалась им как нечто отдаленное. И не знаю, не жил ли он мыслью, что «звенари» направляют события.

Харизанов серьезно думал о необходимости укрепить дружбу с СССР. Он стремился избегать того, что содействовало бы английскому влиянию. В своем письме, на котором Димитров поставил дату 1.8.45 г., Харизанов так характеризует расстановку сил в нашей стране: «Мы вступаем в совершенно новый период политического развития Болгарии... основная задача которого — укреплять союз средних классов, преимущественно крестьян, с рабочим классом, мобилизовать русофильские настроения и построить новую Болгарию, Болгарию Отечественного фронта...» «Против этого выступает противник, пытающийся мобилизовать собственнические настроения среди встревоженной буржуазии и направить их по линии английского влияния против сближения с русскими. Это главное... Используются и недовольство, которое проявляется по разным линиям, и колебания, присущие средним классам».

В 1946 г. Харизанов пишет: «Нет сомнения, что основу составляют классовые интересы, которые особенно у нас, в Болгарии,

оказались крайне сильными, примитивными и настолько слепыми, что ради них жертвуют даже высшими национальными интересами, которые так очевидны для всех».

Размышления и сочинения этого своеобразного идеолога страдают, однако, существенным недостатком — они лишены ясной перспективы, не учитывают, что переход (или, как он назвал, «эра Отечественного фронта») будет непродолжительным, а поворот к социализму не столь далеким. Его идеал общественного устройства, независимо от того, что мы идем к социализму, что он за, а не против него, все же сводится к «эре Отечественного фронта» — классовому миру на базе управляемого капитализма, политическому бракосочетанию разных партий на равных началах (гегемония БКП на более позднем этапе) при безусловном сближении с СССР.

Некоторые из его понятий по своей сущности могли играть роль тормоза общественного развития.

На встрече у Димитрова 12 июня, о которой сказано выше, разговор шел уже в другом направлении. Димитров убеждал его в необходимости принятия решительных мер для укрепления позиций народных сил.

20 июня 1946 г., четверг

Два дня назад товарищу Димитрову исполнилось 64 года. Во вторник, 18 июня, по его приглашению в Княжево прибыли на ужин члены ЦК и другие ответственные работники нашей партии, а также представители советского посольства — всего около 40 человек. Этот ужин произвел на меня глубокое впечатление, может быть, потому, что я впервые увидел собравшихся вместе членов ЦК партии, а может быть, и потому, что ужин сам по себе имел особый смысл.

Ужин проходил в столовой — продолговатом, тесном помещении.

Когда все разместились за длинным столом, наступила минута неловкости. Г. Димитров молча курил трубку, а гости все еще держались официально. На ужине отсутствовали Васил Коларов, выехавший со специальной миссией в Париж, Трайчо Костов, находившийся в СССР, отсутствовали по различным причинам Цола Драгойчева и некоторые другие товарищи. Был поднят заздравный тост. Официальный настрой постепенно исчез, и воцарилась чудесная атмосфера теплоты, сердечности и товарищества, которая, однако, ни на момент не утратила приподнятости и политической значимости.

В краткой речи были отмечены заслуги товарища Димитрова перед нашей партией и нашим народом.

— Товарищ Димитров является для нас олицетворением почти полувековой деятельности и борьбы нашей партии и рабочего класса.

Были перечислены задачи, поставленные товарищем Димитровым перед партией,— переход в генеральное наступление, которое заключалось в следующем: «мобилизация всех своих сил, сил партии, сил нашего народа под знаменем Отечественного фронта для искоренения всех фашистских элементов, полной чистки армии, превращения ее в подлинного стража свободы и независимости страны, чистка нашего государственного аппарата... чтобы освободить путь для полного, бескомпромиссного осуществления программы Отечественного фронта и открыть простор для строительства социализма».

Слово взял седовласый, но еще не старый Тодор Павлов (ему было лет пятьдесят пять), один из регентов, крупный ученый-философ.

— Все выступления, речи и статьи Димитрова,— сказал он,— отличает богатство мыслей, они содержат указания и положения, имеющие первостепенное теоретическое значение.

Говоря о Димитрове — государственном деятеле, он рассказал, как однажды товарищ Димитров побывал у регентов... «и произнес для моих коллег поучительную речь... а когда ушел, они, обмениваясь мнениями, отметили, что Георгий Димитров — крупный государственный деятель и великий болгарин. Открыли Америку! Он оказывает огромное влияние не только на коммунистов, но и на врагов и особенно на колеблющихся. Товарищ Димитров — наш ценнейший национальный капитал. Товарищ Димитров — высшее воплощение нашего национального духа и гения. Товарищ Димитров — продолжатель дела Ботева, Левского, великих деятелей Возрождения и, разумеется, Благоева...»

Затем выступил Райко Дамянов. Он говорил о Димитрове как рабочем и профсоюзном деятеле, который поддерживает тесные связи с рабочим классом. Бай Райо, как мы, более молодые, его называем, напомнил о трудностях, которые все еще переживает наш рабочий класс.

— Я должен сказать,— открыто и искренне заявил он,— что положение рабочего класса и служащих в нашей стране исключительно тяжелое. У нас есть люди, которые не питаются в столовых и в течение полугода не получили даже минимального количества жиров. Овощей у нас в последнее время достаточно, но жиров не хватает. На долю рабочих и работниц нашей страны выпало немало трудностей.

В конце Р. Дамянов сказал, что, несмотря на трудности и жертвы, которые ожидают рабочих, их вдохновляют светлые перспективы, намеченные Г. Димитровым.

Когда для произнесения тоста встал генерал Фердинанд Козовский, сидевшие за столом весело оживились — он был не только известным оратором, трибуном, но и шутником. Много лет он жил в эмиграции в Советском Союзе. На сей раз и Козовский был настроен серьезно. Он сказал: «Лично я весьма благодарен товарищу Димитрову за то, что он, занимая важные посты не только в нашей партии, но и в международных рабочих организациях, поддерживал наших товарищей и передавал им свой ценный, богатый опыт, необходимый для роста и верного служения партии».

Руси Христозов — директор Народной милиции (и Государственной безопасности) — говорил от имени, как он сказал, самого молодого поколения в Центральном Комитете партии. Он сообщил, что некоторое время назад в личной беседе с ним товарищ Димитров сказал ему: «Центральный Комитет нашей партии должен расчистить путь для быстрого перехода к социализму, сделать его короче, уничтожить все вражеские гнезда».

От имени женщин выступила Кунка Апостолова. Она была еще не старая, но уже имела большой партийный стаж.

...Я записывал, с жадным любопытством слушал и наблюдал, разумеется, больше всего за товарищем Димитровым. Время от времени, особенно когда произносились тосты, он отпивал из бокала вино. При этом, как всегда, был сосредоточен. Казалось, будто он мысленно удалился куда-то и все, что здесь говорилось, его не касается.

Потом выступил посланник СССР в Болгарии Степан Кирсанов. Он произнес полную сердечности и доброжелательности, я бы даже сказал, восхитительную речь. У него худое, несколько болезненное, интеллигентное лицо с тонкими чертами, благородное, честное и доброе.

— Я поднимаю тост,— закончил свое выступление товарищ Кирсанов,— за то, чтобы жизнь Георгия Михайловича Димитрова продолжала как факел освещать путь борьбы трудящихся всего мира, призывая больше трудиться и бороться, больше проявлять настойчивости во имя повсеместного построения социализма.

Затем доктор Рачо Ангелов объявил, что берет слово от имени старшего поколения членов ЦК и что внесет «дисгармонию» в обстановку ужина.

— Он недисциплинированный член партии! Он перегружает себя работой, не слушает наших советов, что чревато опасностью

для его здоровья. Если он прислушается к тому, что мы ему говорим, я выпью за его здоровье, а если нет, я не буду пить,— закончил бай Рачо своеобразный тост со свойственными ему юмором и добротой.

Выступали другие товарищи, а в конце слово взял Добри Терпешев, который сказал:

— Как Дед[1] восхищал нас своим умом, как Мастер[2] пленял нас своим даром слова и душевной теплотой, как В. Коларов заставлял нас восторгаться своей прекрасной речью и высокой культурой, так и товарищ Димитров захватывал нас своей боевитостью и революционностью.

Затем он сказал, что ему недавно пришлось разговаривать с заведующим Военным отделом ЦК партии Г. Дамяновым, который сообщил, что военный министр Дамян Велчев приказал убрать из казарм портреты Г. Димитрова.

— Мы молча соглашаемся с этим,— продолжал Д. Терпешев,— но я спрашиваю: почему это должно происходить на наших глазах и почему это разрешают?

Закончив речь, бай Добри объявил:

— Предоставляю слово товарищу Димитрову.

Все быстро встали. Г. Димитров поднялся, все такой же серьезный и сосредоточенный. Он произнес 20-минутную речь. В ней не было ни риторики, ни эффектных оборотов. Ее отличали искренность, глубина мысли и нечто другое, на чем я потом остановлюсь. Вначале он пошутил:

— Праздновать 64-летие со дня рождения — должен признать открыто — не особенно приятно. Если бы эти цифры можно было поменять местами, было бы лучше.

Благодарю за поздравления.

Я должен откровенно сказать,— продолжал он,— говорили и говорят обо мне много преувеличений.

Потом обратился к д-ру Рачо Ангелову:

— Готов признать — виноват! Но имейте в виду — я таким вырос. Это колесо так вертелось — и я признаю свою вину,— но нужно сказать, что оно так будет вертеться до последнего мгновения. Разумеется, здоровье нужно беречь, силы надо сохранять, но сделать то, чего требует ваша медицина, нельзя... Мне 20 лет назад предсказывали, что я скоро умру, если не сделаю того-то и того-то. Но не умер, слава богу, живу. И мне кажется, что при известном относительном соблюдении рекомен-

---

[1] Имеется в виду Д. Благоев.— *Прим. перев.*

[2] Речь идет о соратнике Д. Благоева — Г. Киркове.— *Прим. перев.*

дуемого вами режима я проживу еще 10—12 лет, а если проживу около 10 лет, хватит и этого[1].

Затем, извинившись, что нарушает праздничную атмосферу ужина, произнес политическую речь. Он говорил о серьезных недостатках в нашей работе и в деле подготовки кадров, о том, что некоторые кадровые работники отстают от жизни, что сейчас нужны высокоидейные и квалифицированные руководящие кадры, он осветил наболевшие вопросы и важные задачи, требующие полной мобилизации сил... Подчеркнул серьезную необходимость коллективного руководства в партии — не переоценивать роль и способности руководителя, вождя. В частности, он сказал: «Без коллективного руководства партия не может выполнять своих задач».

От торжественной обстановки не осталось и следа. После выступления Димитрова она приобрела деловой характер.

Весь этот день к Г. Димитрову приходили гости: родственники, друзья и товарищи, делегации, группы граждан, представлявших разные слои населения. Очень рано товарища Димитрова поздравил подполковник А. А. Голубев от имени частей Советской Армии в Болгарии.

Позднее маршал С. С. Бирюзов в своей книге «Суровые годы» рассказывал:

«Мы решили преподнести ему от имени советских войск букет цветов... Посланец нашего коллектива... поздравил Георгия Михайловича с днем рождения, пожелал ему крепкого здоровья и большого счастья.

Г. М. Димитров, органически не переносивший казенных почестей и славословия, был тронут... Он крепко пожал подполковнику руку и как давнего своего друга пригласил к столу. Вместе они выпили по рюмочке славного виноградного вина, а при расставании Георгий Михайлович попросил: «Передайте большое-большое спасибо всему вашему коллективу. Мне очень приятно, что сегодня первым поздравил меня советский человек...»»[2].

В 12 часов прибыла делегация трудящихся Софии и Софийской области в составе 15 человек; в нее входили известные представители трудовых коллективов — шахтеры, железнодорожники, текстильщики, работники профсоюзных, женских, молодежных организаций, крестьяне. Делегацию возглавляли второй секретарь областного комитета БРП(к) Н. Дончев и секретарь Софийского горкома партии Мишо Николов.

---

[1] Его предсказание не сбылось. Жизнь Димитрова оборвалась намного раньше. Но колесо жизни вертелось до самого последнего мгновения.

[2] *Бирюзов С. С.* Суровые годы, с. 532.

— Товарищ Димитров,— сказал Н. Дончев,— я думаю, что выражу чувства и большую радость всех моих товарищей по случаю 64-летия со дня вашего рождения.

Потом вышел вперед стройный товарищ в железнодорожной форме и зачитал приветственный адрес.

Георгий Димитров, на котором был темный костюм и галстук в полоску, слушал, время от времени вертел в руке пустую трубку, а затем заговорил сам. Поблагодарив за приветствия, которые он назвал очень ценными, так как «они отражают нашу крепкую дружбу в борьбе против врагов нашего народа», он сказал:

— Поэтому в вашем лице я приветствую прежде всего наш героический рабочий класс. Он должен быть начеку... Наше правое дело победит, поскольку у нашего рабочего класса и у всего нашего народа здравый ум и крепкие мускулы...

В настоящий момент,— сказал он далее,— нет причин для какой бы то ни было паники и боязни. Глупы и наивны те, кто думает, что они могут повернуть вспять колесо истории в нашей стране, ибо оно находится в наших руках, в руках народа. Оно будет вращаться так, как нужно. Его не смогут повернуть вспять те, кто пытается это сделать. Они будут раздавлены. Но для того чтобы раздавить их, мы должны быть бдительными. Если им удастся подготовить и осуществить свои планы, это может создать много неприятностей. Они стремятся развязать гражданскую войну, рассчитывают с чужой помощью захватить власть, свергнуть Отечественный фронт. Но мы против гражданской войны; мы, революционеры, против гражданской войны. А чтобы предотвратить гражданскую войну, нужно всегда расстраивать их планы. Они хотят создать оплот реакции, а мы должны не допустить этого.

Затем он пожелал им стать настоящими людьми, счастья в жизни и в борьбе.

— О Димитрове,— продолжал он,— говорят много, и это приятно; разумеется, когда говорят плохо, это неприятно. Допускают, конечно, и преувеличения: если кого-нибудь любят, его хвалят больше чем нужно. Но то, что, например, я действительно сделал положительного, зависит от самого главного обстоятельства, от того, что я с детского возраста старался учиться и днем и ночью и, когда было возможно, учился у жизни, на чужом опыте, учился преодолевать трудности, страдания и пр., закалял свою волю. Есть роман Чернышевского «Что делать?». Он был переведен и издан в Болгарии очень давно. Я прочитал его, когда мне было лет четырнадцать, тогда я работал в типографии. В романе изображены различные герои. Но там есть

герой по фамилии Рахметов. Советую прочесть этот роман тем, кто его не читал. Рахметов — русский революционер-интеллигент, борец против русского царизма, который решил закалять свою волю и свой характер так, чтобы выдержать самые большие страдания и трудности. Он мало ел и спал, занимался физическим трудом, но ему и этого казалось мало. Он считал, что еще недостаточно крепок и закален. Тогда он взял войлок, натыкал в него мелких гвоздей, разделся догола и лег на гвозди; из ран потекла кровь, но он не шелохнулся. Вот каким был мой герой! Таким должен быть человек! Я делал все, однако лечь на гвозди не решился. Но то, что делал, меня закалило.

И второе обстоятельство, которое помогло мне,— продолжал Г. Димитров,— это то, что я учился у нашего Деда (Благоева), учился у него непримиримости и принципиальности, учился у наших великих учителей... Советую вам и всем нашим товарищам неустанно учиться у них. Тогда каждый из нас сможет дать максимум того, на что он способен на благо рабочего класса и народа. И молодые и старые, мы должны учиться до самого конца. Некоторые говорят, что старые не могут учиться. Но человек и в 80-летнем возрасте может учиться и преобразиться, если у него есть воля и преданность своему народу. Молодым это делать легче: у них крепче здоровье, больше энтузиазма, окрыленность. Нужно учиться, учиться и учиться: изучать книги и нашу науку — марксизм-ленинизм; наряду с этим учиться у жизни и на собственном опыте. Кто ложится спать, не научившись ничему новому за день, не прибавив ничего нового к своим знаниям, тот должен считать этот день потерянным. Нужно ежедневно что-то прибавлять к своим знаниям, умножать свой опыт.

Он чокнулся с каждым из гостей. Его день рождения был лишь подходящим поводом для встречи с большой группой товарищей и для изложения своего кредо, кредо партии.

Отличительная черта его характера: даже когда его чествуют, он переключает внимание на другие темы, формулирует и ставит большие и трудные задачи, осуществление которых требует сил, умения, напряжения. Для него всегда важны высокая цель, новые задачи. Вот лучшее лекарство от благодушия и самодовольства.

А гости все продолжали приходить.

Прибыли сотрудники аппарата ЦК БРП(к) — ветеран революционного движения Ангел Грамчев и Стефана Милева; ремсистка Валентина; члены партийного комитета МВД Любен Ангелов, Катя Ботушева и Милко Ковачев; председатель профсоюза печатников Стефан Дойчев, секретарь профсоюза Куно Димитров, заместитель директора Государственной типографии

Марин Василев и другие представители типографских рабочих. («Наши молодые товарищи,— сказали они,— горят желанием видеть вас; вас хотят видеть также ваши старые коллеги».)

Непрерывно звонили телефоны, курьеры то и дело приносили пачки телеграмм, писем и поздравлений, поступавших из Софии и других городов нашей страны, из-за границы, от министров, депутатов, академиков, писателей...

[Из ЦК РМС мне позвонил Апостол Колчев и сообщил, что готовится сборник о Лиляне Димитровой[1]. Они просят Димитрова что-нибудь написать о ней; это будет опубликовано вместо предисловия. Димитров, хотя был перегружен в эти дни, написал чудесную небольшую статью «Вечная слава героине Лиляне Димитровой». В ней, в частности, говорится: «Лиляна Димитрова — один из самых замечательных образов борцов за освобождение нашей родины от проклятого фашизма и иноземного ига»[2]. Я сразу же отправил статью в ЦК РМС.]

25 июня 1946 г., вторник

Позавчера мы отправили в печать сообщение о приветственных письмах и телеграммах, поступивших в адрес Г. Димитрова. Оказалось, что их было свыше 2000! Товарищ Димитров публично выразил благодарность за эти поздравления. Он послал также телеграммы с выражением благодарности поздравившим его видным зарубежным деятелям.

Эти дни были небывалые по интенсивности общественной жизни.

Главными событиями, бесспорно, являются девять кооперативных съездов.

Наша партия выдвинула лозунг объединения сил кооперативов. Эта нелегкая задача, так как многие из-за мелких личных расчетов заинтересованы в их разъединении, к тому же дает себя знать и консерватизм некоторых политических кругов. Предварительно была проведена огромная работа; партийный актив в кооперативах и сейчас прилагает все силы для того, чтобы съезды пришли к общему решению — предоставить право будущим советам-правлениям голосовать за объединение кооперативов.

Важные мысли по этим вопросам были высказаны товарищем Димитровым во время его встречи с югославскими коопера-

---

[1] Димитрова Лиляна Николова (1918—1944) — деятель революционного молодежного и рабочего движения Болгарии. Героически погибла в сражении с полицией.— *Прим. перев.*

[2] *Димитров Г.* Съчинения, т. 12, с. 210.

торами. Встреча состоялась 25 июня. Их делегация, представлявшая все отрасли кооперативного движения разных районов федеративной Югославии, состояла из 16 человек. Г. Димитров быстро создал непринужденную и сердечную обстановку. Гости рассказали о своих достижениях и трудностях. Они проинформировали о развитии различных видов производственного кооперирования в стране, выразили восхищение прочностью и широтой охвата кооперативного движения в Болгарии и энтузиазмом кооперативных съездов в Софии.

— Мы,— подчеркнул товарищ Димитров,— придаем большое значение кооперации в будущем развитии двух братских стран. Она призвана играть важную роль в восстановлении и развитии народного хозяйства. Нужно признать, что, хотя наши кооперативы и играют весьма важную роль, они еще не стали тем фактором, которым могут быть. Им мешают раздробленность, конкуренция, недоразумения и споры между ними... Они не умеют подчинять свои групповые интересы интересам общества и государства...

В воскресенье в первой половине дня на стадионе «Юнак» состоялся общий кооперативный слет, в котором впервые приняли участие представители всех кооперативных организаций. Товарищ Димитров послал участникам слета приветственное письмо, которое огласил Трайчо Костов. В письме сформулирована «основная задача общего кооперативного слета и отдельных кооперативных съездов» — *«настоятельная необходимость как можно быстрее создать соответствующие условия для братского взаимопонимания и сотрудничества, единства и правильной координации деятельности наших разных кооперативов...»* [1].

Во второй половине дня начались заседания девяти кооперативных съездов. На них присутствовали делегации из Советского Союза, Югославии, Румынии и других стран, в том числе один англичанин — директор кооперативного центра в Манчестере; он был очень активен, хотел побывать на каждом кооперативном съезде и передать свое приветствие; у него неверные сведения о положении в нашей стране; он придерживается мнения, что государство не должно вмешиваться в дела кооперативов.

Вчера я разговаривал с товарищем Илией Бояджиевым, председателем недавно созданного Национального кооперативного комитета.

— Письмо товарища Димитрова,— сказал он,— встречено очень хорошо. В нем поставлены наболевшие вопросы, которые

---

[1] *Димитров Г.* Съчинения, т. 12, с. 212.

сейчас обсуждаются; письмо рассматривается как руководство к действию.

Беседовал и с заведующим Хозяйственным отделом ЦК БРП(к) Петко Куниным, который сказал:

— Мы предложили нашим товарищам включить эти указания товарища Димитрова в резолюции съездов.

Вот какие сведения о работе отдельных съездов мы получили от работников аппарата ЦК:

Съезд Союза народных банков: обсуждение проходит в духе идей Отечественного фронта; 63% делегатов — сторонники нашей партии, 23% — независимые, остальные — разные; вопросы, поднятые в письме товарища Димитрова, рассматриваются и одобряются; исключение составил представитель «Звена», заявивший, что выражает позицию «Звена», выступающего против объединения... Ему хорошо ответил коммунист Боян Былгаранов. Очень хорошо выступил представитель БЗНС Михаил Геновский. Делегатов съезда поздравил югославский представитель.

Съезд ремесленных трудовых производственных кооперативов: все идет очень хорошо; съезд открыл коммунист Штерю Атанасов; на съезде царит хорошее настроение. Председатель союза коммунист Спас Георгиев заявил: «Отечественный фронт, как говорит товарищ Димитров,— это путь к социализму». Было много записавшихся выступить. С большим энтузиазмом голосовали за объединение с другими кооперативами. Очень хорошо встречены делегации из Советского Союза и Югославии.

Съезд Кооперативного союза работников лесного хозяйства: на съезде присутствует 400 делегатов (преимущественно члены нашей партии). Вслед за Илией Бояджиевым выступил Ал. Оббов, который вначале говорил о своих заслугах перед этим союзом, никаких конкретных задач не поставил, основная мысль его выступлений — споры между Ал. Оббовым и членом БРП(к) Серафимовым.

Съезд кооперации «Напред» («Вперед»): предварительное партийное совещание и съезд организованы очень плохо: заседания проходят галопом, участие в прениях слабое; за предоставление мандата Совету-правлению голосовать за объединение никто не выступил; некоторые высказались против предоставления мандата, разрешающего голосовать за объединение; проголосовали лишь за мандат на ведение переговоров, но за резолюцию голосовали в целом, а в ней все сказано ясно.

Съезд Общего союза земледельческих кооперативов (ОСЗК): хорошо выступил министр Драгнев (член БЗНС). Он сказал: трудовая кооперация на селе — правильный путь; колхозы яв-

ляются высшей формой кооперации. Затем выступил Петко Кунин. Его выступление произвело прекрасное впечатление. Хорошо выступил также Михаил Геновский. Прения прошли в атмосфере большого энтузиазма. С воодушевлением встретили советскую колхозницу и югославского представителя.

Вчера товарищ Димитров принял делегацию недавно созданного трудового производственного кооператива обувщиков им. 9 сентября. Члены делегации зачитали приветственный адрес. Но затем Г. Димитров придал встрече деловой характер — попросил дать точную информацию о работе, успехах и трудностях этого нового дела у нас — трудового кооперирования, одна из первых ласточек которого — этот кооператив. Его членами являются 420 кооператоров. Беседа продолжалась почти час.

В субботу и воскресенье проходил съезд лесоводов. На нем присутствуют почти все лесоводы; в политическом отношении состав съезда также хороший; отчетный доклад и прения прошли в духе взаимопонимания.

Мое внимание привлекло письмо товарища Димитрова съезду Союза многодетных, состоявшемуся в воскресенье, 23 июня, в кинотеатре им. Д. Благоева.

Приветствие Димитрова было зачитано при открытии съезда. Тронутые большим вниманием и взволнованные глубокими мыслями, содержащимися в приветствии, делегаты встретили его бурными аплодисментами... В нем говорилось:

> «Из всех ценностей болгарской нации величайшей ценностью являются дети».
>
> «...Новая Болгария нуждается в особенно быстром и большом численном приросте населения, в большом количестве детей — верных нашему народу сыновей и дочерей, будущих строителей во всех областях государственной, общественной и культурной жизни. Будущее нашей нации в значительной степени зависит от роста населения, снижения до минимума детской смертности, от численности крепких физически и духом поколений. Общенациональная задача должна состоять в том, чтобы в ближайшем будущем наш народ насчитывал не менее десяти миллионов человек» [1].

Радостные вести поступили из Чехословакии.

На прошедших недавно парламентских выборах коммунистическая партия получила 40% голосов избирателей. Клементу Готвальду поручено сформировать правительство. Председателем Законодательного Национального собрания избран комму-

---

[1] *Димитров Г.* Съчинения, т. 12, с. 216—217.

нист, известный чешский писатель Антонин Запотоцкий. Таким образом, сделан исключительно важный шаг в политическом развитии страны. Позиции мира и демократии в Европе становятся еще более прочными.

К тому же в этом есть что-то многозначительное: Клемент Готвальд и Георгий Димитров — близкие друзья и товарищи. Становится веселее, когда растет число наших друзей. Во главе с СССР все больше сплачивается группа стран, вставших на путь прогрессивного социального развития: Югославия, Болгария, Чехословакия и другие.

Стоит отметить любопытный факт. В кабинет Г. Димитрова поступила копия письма... Эрнста Торглера. Это имя знакомо нам — он один из пяти подсудимых на Лейпцигском процессе, был тогда депутатом от компартии в парламенте, видным деятелем партии. Но на процессе Торглер капитулировал и стал соучастником обвинения, покрыв себя позором. В мае этого года он послал оправдательное письмо председателю Социалистической единой партии Германии Вильгельму Пику. На 26 страницах он пытается задним числом напомнить, видимо, скорее себе, чем другим, что у него сохранилась совесть... Мы получили копию, я не знаю, прочел ли товарищ Димитров это письмо полностью или только просмотрел его, чтобы получить о нем представление. Но оно побывало у него в руках — он поставил на нем свой обычный знак — «Г.Д.».

29 июня 1946 г., суббота

Вчера я присутствовал на одной любопытной встрече товарища Димитрова с десятью членами вновь избранного Совета-правления Союза священников. Встреча состоялась по их просьбе.

Священники в длинных черных рясах и с неизбежными бородами (но у некоторых они уже небольшие — дух времени и их толкает к обновлению) сидели за длинным столом в гостиной смиренно — почтительные и сдержанные. Рядом с ними сел Г. Димитров. Он почти не переставал заниматься своей трубкой — она явно помогала ему побороть неудобство в поисках общего языка с такой своеобразной публикой, которая всегда держалась в стороне от нас, коммунистов, да и мы не искали контакта с ней. А теперь нужно было тех, кто вредит, обезвреживать, других превращать в лояльных, а помощь тех, кто может нам помогать, использовать. И хозяин, и гости проявляли сдержанность, учтивость, взвешивали каждое свое слово.

Поп Георгий, возглавлявший эту группу,— известная персона, свободомыслящий человек, представитель новаторской ли-

нии поведения служителей церкви, часто ходит без рясы, посещает футбольные матчи, ему только остается вступить в РП(к). И сейчас он высказывается более определенно и категорично.

— Господин Димитров,— сказал он,— священники не могут не выразить своих чувств горячей благодарности за защиту, которую вы, особенно своей речью в Рильском монастыре, оказали и оказываете нашей народной православной церкви и ее служителям.

От имени Совета-правления он заявил, что они приложат максимум усилий, чтобы честно сотрудничать с народной властью. Его поддержали другие члены делегации.

Они высказали ряд пожеланий: например, ввести в школах (больше нигде, а только в школах!) час в неделю факультативного изучения богословия, а поскольку по этому предмету нет учителей, допустить для преподавания попов; по софийскому радио разрешить воскресные богослужения (!!), решить вопрос о пенсиях и проявить иную заботу о священниках после отделения церкви от государства...

Перед товарищем Димитровым стояла нелегкая задача: они обратились с просьбами, рассчитывая на поддержку, но некоторые их претензии полностью противоречили абсолютно атеистическому духу нашего времени...

Товарищ Димитров снова почистил трубку, разжег ее и сказал:

— Наше отношение к церкви общеизвестно. Мы считаемся с чувствами верующих, лично я выступаю за свободу совести, верующим не нужно мешать веровать.

Затем товарищ Димитров ясно выразил свою точку зрения по другому вопросу. Он заявил, что церковь и ее служители никоим образом не должны помогать темным реакционным силам, а должны идти в ногу с духом нашего времени.

— Церковь, которая должна руководствоваться принципами Иисуса Христа, Евангелием,— сказал он,— такая церковь не может поддерживать фашизм, не может стоять на стороне реакции. Не может! Такая церковь должна быть прогрессивной церковью.

Он сказал, что, если священники хотят служить своему народу, они не могут ограничиваться только Библией и не интересоваться тем, что делается вне церкви... «По тому, какие учитель и священник на селе, можно судить, какой бог, как говорится, царствует, какой дух витает».

Некоторые их пожелания он поддержал, особенно что касается средств существования; другие — не отверг, а сказал, что существуют трудности, что нужно подумать...

Но встреча прошла успешно. Священники простились, польщенные оказанным вниманием.

Вчера товарищ Димитров принял еще одну делегацию — 34 партийных работника — членов Софийского областного и городского комитетов БРП(к). Они принимали участие в только что закончившемся большом и важном совещании, созванном нашей партией для обсуждения злободневных политических задач, и прежде всего чистки армии и государственного аппарата от фашистских и путчистских элементов и саботажников. Г. Димитров подробно расспросил их, как прошло совещание и какие принимаются меры в селах и на предприятиях по повышению бдительности коммунистов и трудящихся. На прощание он сказал содержательные напутственные слова.

2 июля состоялось заседание Народного собрания. Надо было решить кардинальный вопрос о положении в армии. В повестке дня было записано — рассмотрение законопроекта о руководстве армией и контроле над ней. Заседание открылось в 15 часов 15 минут. Оно проходило под председательством заместителя Председателя Бюро Народного собрания Георгия Трайкова. Слово для доклада было предоставлено Трифону Трифонову — представителю левого крыла союза «Звено». От имени парламентской комиссии он изложил законопроект, и, как только закончил его чтение, председательствующий объявил пятиминутный перерыв «для проведения совещания председателей парламентских групп по некоторым вопросам, связанным с законопроектом». Сразу же после этого члены Бюро Народного собрания вместе с председателями парламентских групп, Председателем Совета Министров и военным министром собрались в одном из кабинетов; по предложению Георгия Димитрова был уточнен порядок принятия законопроекта; было решено ускорить его рассмотрение, с тем чтобы принять в тот же день.

В этот же день на внеочередном заседании Совета Министров был определен состав комиссии по чистке армии, которую возглавил испытанный в борьбе коммунист Георгий Дамянов. Он был одним из активных участников Сентябрьского восстания 1923 г., командиром Лопушанского повстанческого отряда, затем эмигрировал в Советский Союз, окончил там военную академию. Он видный специалист по военному делу, член Политбюро ЦК БРП(к) и заведующий Военным отделом ЦК БРП(к). Это уважаемый человек, умудренный жизнью и с большим чувством личной ответственности; это представитель старой гвардии коммунистов, вобравший в себя все лучшее, что присуще коммунистическому движению Болгарии. Руководитель пов-

станческого отряда в 1923 г., он всегда оставался под боевым знаменем.

Следующие две недели были заняты сверхнапряженным трудом по просмотру личных дел командного состава армии и отсеву враждебно настроенных офицеров.

— Армия,— заявил товарищ Димитров группе молодежных работников,— должна стать окончательно народной, а не скрывать в своих рядах опасных для народа фашистских змей. В армии служат сотни разных офицеров и генералов, допустивших антидемократические и реставраторские действия; в армии сейчас проводится чистка, которая будет продолжена; из нашей армии будут уволены примерно 1500, если не больше, таких элементов.

Уже 16 июля был обнародован первый список офицеров, уволенных за фашистские, антидемократические, реставраторские действия, а 22 июля — второй список.

За каждым из уволенных стоял не один заступник; необходимо было проявить твердость и решительность; разумеется, не исключались и компромиссы.

Мне неизвестно, как Центральный Комитет и комиссия согласовывали все эти вопросы с товарищем Димитровым, но я знаю, что он принял в этом живое, непосредственное участие, давал указания, в каком направлении проводить работу, отбивал натиск со всех сторон.

Из армии были уволены 2000 человек! Я читал эти списки фамилию за фамилией, и у меня волосы вставали дыбом — полковники, подполковники, майоры, поручики; все они находились на командных должностях, и в их распоряжении было оружие. Я приходил в ужас перед этим сухим перечнем фамилий. У меня было такое ощущение, будто эти списки — пулеметные очереди, которые могли бы быть выпущены против наших борцов; это фамилии палачей и убийц, многие из которых нужно знать и помнить, так как эти люди живы и здоровы и находятся среди нас. На их место пришли проверенные, преданные народу и народной власти люди. Это служит гарантией того, что армия будет опорой, а не подрывной силой народной власти. На военной службе оставлены честные, патриотически настроенные офицеры. Будут приложены также усилия, чтобы все уволенные из армии нашли работу.

Была осуществлена крупная операция, открыта новая страница нашей истории, но еще не все завершено. Дело требовалось довести до конца. Руководство министерством нужно было передать в надежные руки, т. е. рассмотреть трудный вопрос об освобождении с занимаемой должности Дамяна Велчева. Необхо-

димо было сделать и другой решительный шаг — помочь Кимону Георгиеву отмежеваться от Дамяна Велчева.

На эту тему у товарища Димитрова велись продолжительные беседы, а 2 августа состоялась последняя решающая встреча, на которой присутствовали также Трайчо Костов, Антон Югов и Георгий Дамянов; там были окончательно уточнены главные вопросы относительно замены военного министра; было принято решение, подписанное Георгием Димитровым и Кимоном Георгиевым, предусматривавшее вначале временное отстранение Дамяна Велчева от руководства Военным министерством и возложение этих обязанностей на заместителя военного министра генерала Крума Лекарского, а затем освобождение Дамяна Велчева от должности военного министра. Так и произошло.

Вскоре Дамян Велчев был назначен посланником в Швейцарии. Для всех было ясно, что это отстранение его от политической жизни в стране. Разумеется, это понимал и он сам. Прошел примерно год, и он официально уведомил министра иностранных дел, что уходит с этой должности и остается жить в Швейцарии. Прежде чем подать в отставку, Д. Велчев послал письмо Георгию Димитрову примерно такого содержания: «Я никогда не сделаю ни одного шага, направленного против своей родины». К сожалению, это письмо я не смог найти в архиве. Мне стало лишь известно, что какие-то заявления он все же делал.

Некоторое время спустя военным министром был назначен генерал Георгий Дамянов.

Так был завершен важнейший перелом в общественной структуре после 9 сентября. Вопрос «кто — кого?» был решен в пользу Отечественного фронта и народной власти. Соотношение сил в органах управления и в Отечественном фронте изменилось в пользу народной власти, которая прочно встала на ноги и могла еще увереннее двигаться вперед.

«Возврата назад или какой бы то ни было остановки демократического развития нашей страны не может быть, она пойдет вперед, еще более усиливая позиции Отечественного фронта и еще более мощно развивая нашу народную демократию». Эти слова Г. Димитрова, произнесенные 5 июля перед парламентской группой БРП(к), являются лейтмотивом крупной политической акции, начатой 19 июля. Было предпринято большое наступление. Тогда состоялось расширенное заседание Национального комитета Отечественного фронта с участием руководителей входящих в него пяти партий. На нем присутствовали Георгий Димитров, Кимон Георгиев, Васил Коларов, Трайчо Костов, Александр Оббов, министры. По предложению секретаря Националь-

ного комитета Отечественного фронта Георгия Трайкова председателем совещания был избран Георгий Димитров.

В краткой и произнесенной с энтузиазмом речи Г. Димитров изложил те большие вопросы, которые должны были рассматриваться на заседании, а именно: о ликвидации института монархии; об учреждении народно-демократической республики путем опроса (референдума) народа, о выборах в Великое народное собрание, которое разработает и утвердит конституцию. Товарищ Димитров был действительно краток, но сильно взволнован. Большую речь здесь, в этой среде, произносить не было необходимости, но и небольшая речь имела неоценимую важность. Это был момент, имевший историческое значение. Сразу же приступили к прениям, предложения товарища Димитрова были приняты единодушно и с энтузиазмом. Была избрана комиссия, которая должна была уточнить и конкретизировать эти предложения, выработать законопроекты. Комиссию возглавил Г. Димитров. На совещании были определены две даты — 8 сентября состоится референдум об упразднении монархии и провозглашении народной республики, а 27 октября произойдут выборы в Великое народное собрание.

21 июля собралась комиссия, а на следующий день состоялось новое пленарное заседание Национального комитета Отечественного фронта в расширенном составе. 25 июля в торжественной обстановке проходило заседание Народного собрания. При появлении Георгия Димитрова в зале вспыхнули бурные овации. Председательское место занял Васил Коларов. Он объявил повестку дня, состоявшую из двух пунктов: 1) рассмотрение законопроекта о референдуме об упразднении монархии и провозглашении народной республики и созыве Великого народного собрания и 2) рассмотрение законопроекта о порядке проведения референдума и выборов депутатов в Великое народное собрание (ВНС). Были прочитаны два законопроекта. Первый законопроект предусматривал, в частности, что сразу после референдума Верховный кассационный суд объявит Болгарию народной республикой; регентский совет будет автоматически упразднен, а его функции будут временно переданы Председателю ВНС. Великое народное собрание выработает новую конституцию, основные принципы которой сформулированы в параграфе 12 законопроекта.

Васил Коларов объявил о начале обсуждения законопроекта и предоставил слово Кимону Георгиеву. Депутаты встали и устроили ему продолжительную овацию. Он произнес прекрасную речь, отличавшуюся и культурой и непреодолимой логикой.

— Разрешите мне,— сказал К. Георгиев,— высказать по

поводу сегодняшнего знаменательного и исторического момента мою личную радость и поблагодарить судьбу за то, что мне выпала честь представить на ваше рассмотрение законопроект...

Далее он коротко охарактеризовал пагубную роль монархии и Кобургской династии в судьбе болгарского народа, а затем сказал слова, имевшие особенное значение:

— Но в то же время мы должны признать и большую ответственность болгарской политической общественности, которая во время более чем полувекового тиранического режима династии Кобургов не нашла сил справиться с первопричиной зла в нашей стране — монархией и со зловещими представителями семьи Кобургов.

Потом было предоставлено слово Георгию Димитрову. В зале вспыхнули бурные аплодисменты. Г. Димитров говорил несколько минут, голос его был твердым и звонким. Он разъяснил прежде всего слова параграфа 12 законопроекта о характере нашей будущей конституции:

— Речь идет не только о провозглашении Болгарии республикой, но и о гарантиях народного и демократического характера этой республики. Мы не за всякую республику. Наш народ хочет не республику вообще, а подлинно народную республику. Такую народную республику, которая даст необходимые материальные, политические, культурные и моральные гарантии против возврата к мрачному и позорному прошлому; такую народную республику, которая обеспечит демократическое развитие нашей страны; такую народную республику, в которой не будет места хищническому, спекулятивному и паразитическому капиталу, в которой не будет места тунеядцам, спекулянтам, грабителям и угнетателям [1].

Затем Г. Димитров сообщил: во время выборов в Великое народное собрание будет обеспечена возможность широкого участия любой существующей на законном основании оппозиционной политической группировки; наученные горьким опытом «своего злополучного бойкота, оппозиционные группы не будут склонны повторить совершенную в прошлом году политическую ошибку» [2]. «Наша страна заинтересована в том, чтобы в результате народных выборов в Великое народное собрание окончательно рассеять заблуждение, будто реакция у нас имеет сколько-нибудь глубокие корни в народе» [3].

От имени своих парламентских групп выступили д-р Михаил Геновский, Иван Харизанов, Димитр Братанов и Стефан Габров-

[1] См. *Димитров Г.* Съчинения, т. 12, с. 239.
[2] Там же, с. 241.
[3] Там же.

ский (радикал). Голосование законопроекта было поименным. Каждый депутат должен был ответить: он за или против законопроекта? После голосования была избрана комиссия с участием Георгия Димитрова и Васила Коларова для рассмотрения законопроектов и подготовки их для второго чтения.

Площадь и бульвар возле здания Народного собрания были запружены народом. Был проведен грандиозный митинг. Сразу после голосования за проведение референдума депутаты вместе с Георгием Димитровым вышли на площадь перед Народным собранием. Граждане с огромным воодушевлением выразили горячую поддержку решению о провозглашении народной республики.

В тот же день состоялось заседание комиссии, а на следующий день по ее докладу состоялось голосование по законопроектам после второго чтения.

16 июля Василу Коларову исполнилось 69 лет.

Георгий Димитров послал ему прекрасное, теплое, сердечное письмо. «Дорогой Васил,— обратился он к нему и закончил письмо пожеланием, выражавшим столь высокую оценку: — Для нашей славной партии будет счастьем, если ты еще много лет все так же активно и успешно будешь участвовать в ее руководстве».

Счастье для нашей партии, перефразируем слова Г. Димитрова, что в ее руководстве есть такой человек, как Васил Коларов! К нему относятся с уважением все деятели Отечественного фронта, он внушает доверие, оказывает благотворное воздействие.

На днях мы узнали, что В. Коларов избран действительным членом Болгарской академии наук, т. е. стал академиком. В связи с этим были обнародованы важные сведения о нем как ученом. Оказывается, еще в 1935 г. в СССР ему была присвоена ученая степень доктора экономических наук и одновременно с этим он стал профессором; с 1931 г. он работал директором Международного аграрного института в Москве. Академик Тодор Павлов, выступивший с докладом на собрании Академии наук, на котором В. Коларов был принят в академики, сказал: «Научное объяснение В. Коларовым трех войн, аграрных и других кризисов в нашей стране и во всем мире, исторического развития болгарской социалистической партии можно считать образцом научной работы».

Интересно, что, хотя В. Коларов имеет такие высокие научные степени и звания, как доктор и профессор, он никогда не упоминал о них.

Годовщина со дня рождения В. Коларова совпала с выполнением им самой высокой миссии по защите национальных интересов Болгарии. В одной своей речи в октябре этого года Георгий Димитров заявил, что национальные интересы Болгарии никогда так хорошо не защищали, как сейчас, что в лице представителей нашей партии она нашла самых достойных защитников. Все поняли: Г. Димитров говорит о В. Коларове, что явилось высочайшей оценкой его труда.

19 июля 1946 г., пятница

И в минувшую неделю товарищ Димитров напряженно работал — встречался с людьми, участвовал в заседаниях и пр. Это было самое трудное время по обновлению командного состава армии — главный вопрос сегодня. Но товарищ Димитров и руководство партии рассматривают этот вопрос шире и глубже.

— Наш народ, наш Отечественный фронт,— сказал Г. Димитров,— взяли железную метлу, и этой железной метлой мы очистим авгиевы конюшни нашего государственного аппарата, высшей школы и т. д.

Такая чистка,— пояснил он,— проводится и по линии Министерства просвещения: от преподавания должны быть отстранены около 30 профессоров — приверженцев фашистско-реакционной идеологии и политики; будет уволено также много учителей, являющихся «зловредными сорняками на ниве нашего просвещения». Обновляется и дипломатический корпус; «наши отставшие от жизни дипломаты, среди которых за границей есть враги», и «все наши посольства ничего не сделали» в защиту наших национальных интересов. «Есть разные посланники здесь и за границей, крупные и мелкие чиновники, которые служат не Болгарии, а Барнсу и Босуэлу [1], иностранным агентам, иностранным представителям в Болгарии».

Но товарищ Димитров уделяет внимание не только этому. Он намечает программу действий партии и Отечественного фронта на ближайшие решающие месяцы.

— К сожалению,— сказал товарищ Димитров,— у нас не все идет так блестяще, как должно было идти. Но наша партия, наш народ, наша молодежь, Отечественный фронт, профсоюзы и пр. обладают достаточно твердой и решительной волей, чтобы все довести до конца, завершить победоносное дело 9 сентября, иметь чистый и крепкий дом... Новая, демократическая, свободная, независимая Болгария через два месяца должна быть народной республикой.

[1] Политические советники военных миссий США и Великобритании в Болгарии.

А как-то, говоря о Чехословакии — государстве чехов и словаков, он в беседе с группой товарищей заметил:

— Национальная вражда и раздор были важной причиной несчастий, пережитых нашим и другими балканскими народами. Сейчас мы идем по пути сближения и взаимного сотрудничества...— И он начертал путь объединения южных славян.

А потом нарисовал более широкую картину, что явилось новым словом по данному вопросу:

— *Братское сотрудничество прежде всего с Советским Союзом,* с такими славянскими странами, как Чехословакия и Польша, с Румынией, нормальные отношения с Грецией, когда там не будет такого реакционного полуфашистского режима, каким является нынешний режим... *Это будут Балканы, Дунайский бассейн, Средняя Европа, которые создадут сообщество...* (курсив мой.— *Н. Г.*), призванное полностью обеспечить свободу и независимость всех этих народов, в том числе и прежде всего нашего народа [1].

По приглашению руководства чехословацкой молодежи группа нашей молодежи в составе 20 человек, в которую вошли рабочие, учащиеся, сотрудники Общего рабочего профессионального союза и Единого молодежного общего ученического союза, должна не сегодня-завтра уехать на отдых в Чехословакию. Из ОРПС позвонили в кабинет Г. Димитрова, мы доложили ему, и он решил встретиться с юношами и девушками накануне их отъезда.

Встреча состоялась вчера. Она длилась около получаса. Г. Димитров спрашивал юношей и девушек, а они докладывали, что думают там делать, и казалось, что на этом закончатся вопросы.

— Вот что требуется им разъяснить.

И Г. Димитров рассказал о положении в нашей стране. Высказал мысли, которые, как это было видно по сияющим глазам присутствующих, произвели на них сильное впечатление.

— Наша страна маленькая, мы небольшой народ, но смелость и воля у нас большие! Будущее и счастье в личной, а также в общественной и государственной жизни принадлежат не боязливым, не лентяям, не слабовольным. Счастье и будущее в

---

[1] Эту идею он дважды сформулирует позднее более полно и конкретно. Как видно, Г. Димитров ясно понял еще в те годы жизненную потребность сообщества, что будет названо потом интеграцией, малых и средних государств Средней и Юго-Восточной Европы с СССР, являющегося безусловной гарантией их прогресса. Высказав эту идею, он своевременно уловил дух времени. Но он ее еще не предавал гласности, а развивал лишь в узком кругу; в 1948 г. он ее обнародовал, что вызвало политическое осложнение, о чем еще будет сказано.

личной и общественной жизни по праву принадлежат сильным, мужественным, последовательным и волевым мужчинам, женщинам и девушкам. Народ, который не обладает такими качествами, хочет он того или нет, попадет под иноземное рабство [1].

Но это была лишь одна из тем его разговора. Основное заключалось в другом: что должен делать, как должен вести себя молодой болгарин, когда он выезжает с подобной миссией за границу. И товарищ Димитров полностью изложил свои взгляды по этому вопросу. Изложил просто, глубоко, страстно, словно это долго и сильно занимало его и сейчас представился случай все это высказать.

— Хочу посоветовать вам,— сказал он юношам и девушкам,— чтобы вы, каждый из вас своим поведением в известной степени оберегали честь нашего народа, достоинство нашей болгарской нации, культуру нашего народа, нашей страны.

— Нужно идти на известные ограничения,— продолжал он,— кое от чего отказаться, воздерживаться от некоторых увлечений, показать твердость, дисциплинированность, последовательность. Как болгарская группа, как представители болгарской молодежи, вы должны быть так сплочены между собою, чтобы своим поведением, своими манерами и взаимоотношением занимать не последнее, а, если так можно сказать, первое место.

Он терпеливо наставлял их, как они должны разъяснять представителям молодежи другой страны положение у нас, как защищать наши национальные интересы, как перенимать хороший опыт у чехословацкой молодежи, лучше использовать время; каждый должен приехать домой обогащенный опытом и фактами; «каждый наш интеллигентный юноша должен знать хотя бы один иностранный язык» [2]. И в заключение произнес волнующие слова:

— Ваше пребывание там и ваша деятельность обязывают вас хранить болгарскую честь и болгарское имя. Оберегайте нашу национальную честь и нашу национальную гордость как зеницу ока. Каждый из вас должен быть болгарином! Это — болгарин! — И, сопровождая слова жестом руки, пояснил: — Так должны вас отличать. Это не шовинизм. Это необходимое средство самосохранения нашей нации, с тем чтобы она не отставала, а могла идти вперед.

Юноши и девушки сияли от радости. Им, как участникам этой встречи и беседы, выпала высокая честь, и они это чувствовали.

---

[1] *Димитров Г.* Съчинения, т. 12, с. 230.
[2] Там же, с. 232.

Эта встреча Г. Димитрова с уезжавшими за границу товарищами не была случайной и единственной.

Товарищ Димитров лично поручал работникам аппарата ЦК партии, руководителям ОРПС, РМС и других общественных организаций, чтобы они сразу сообщали ему о предстоящей поездке за границу группы или отдельных представителей. И он принимал их. Спрашивал, что за группа, с какой целью выезжает за границу, какая у нее программа пребывания, а затем давал некоторые рекомендации.

7 августа 1946 г. он принял студенческую делегацию, отправлявшуюся на международный студенческий конгресс. Беседа продолжалась почти два часа, и наряду с другими важными вопросами, которые обсуждались, Г. Димитров подчеркнул:

— Вы должны строжайшим образом оберегать нашу национальную честь и достоинство. По вашему поведению будут судить о болгарском народе, об Отечественном фронте, о нашей интеллигенции. Будьте активными участниками конгресса.

Он принимал наших дипломатов, выезжавших за границу, корреспондентов наших газет, которых командировали в зарубежные страны на короткое или длительное время.

Ему так не хватало времени, что вначале я не понимал, зачем нужно столько заниматься отъезжавшими за рубеж группами и лицами.

Потом я постепенно понял, что каждая из этих встреч была проявлением заботы Г. Димитрова о повышении культуры и о дисциплинированности наших граждан, выезжающих за границу. Он стремился именно к этому. Своей добровольной обязанности он уделял очень много внимания, и, хотя она отнимала много времени и сил, он терпеливо выполнял ее.

— Побывать за границей ныне не просто приятная прогулка,— подчеркивал он.— Это ответственность, исполнение патриотического долга. Ведите себя скромно. Покажите, что Болгария заслуживает уважения. Нужно соблюдать порядок и дисциплину.

Он пропагандировал новые идеи, стремился искоренить бескультурье, призвал дорожить именем и честью нашего отечества, гордиться родиной, не наносить ущерба ее престижу. Впоследствии из-за перегрузки Димитрова государственными делами такие встречи стали практиковаться реже и почти прекратились. Но он продолжал интересоваться этой проблемой.

Даже в июне 1949 г., когда Димитров был тяжело болен и когда до него дошли сведения, что отдельные наши товарищи или группы своим поведением компрометировали себя и нашу страну, он послал записку в Секретариат ЦК и предложил ввести

строжайший порядок подготовки делегаций перед поездками за границу, чтобы никоим образом не допускать нанесения ущерба престижу страны.

Димитров учитывал, что сохраняются пережитки, с которыми необходимо вести борьбу и которые нужно искоренять. Ему был чужд национальный нигилизм. Он высоко ценил свой народ, гордился им, верил в его возможности, уважал его.

В этой связи мне припомнилась его реплика в Народном собрании. Это было в феврале 1946 г. При обсуждении бюджета выступил министр финансов — политически неустойчивый человек. Он, недолго думая, заявил, будто болгарскому темпераменту присущ нигилизм. Димитров бросил гневную реплику:

— Болгарский темперамент ничего общего не имеет с этим недостатком, с этой болезнью...

Замечательный интернационалист, Г. Димитров был пламенным патриотом. Это нашло свое выражение и в его словах, сказанных 1 мая 1945 г.: «Международная солидарность без... патриотизма — это пустая фраза, патриотизм без международной солидарности — не настоящий патриотизм, а великоболгарский или другой шовинизм, ведущий народ лишь к национальным несчастьям».

Часть четвертая

Наступление на всех фронтах; Цола Драгойчева; X пленум ЦК БРП(к); референдум; Болгария — совоюющая страна; народная демократия — путь к социализму; дневник Г. Димитрова; И. В. Сталин; среди участников молодежных бригад

8 августа 1946 г., четверг

Заседание Народного собрания вчера закончилось почти в 9 часов вечера. Товарищ Димитров все время был там.

Это заседание было особым. На нем обсуждались два разнородных законопроекта, но они лишь на первый взгляд не были связаны между собой. Первый — о трудовой мобилизации «бездельников и праздношатающихся» (по докладу министра внутренних дел) и второй — о создании санаторно-курортного управления (по докладу министра народного здравоохранения). Один законопроект призван очистить атмосферу, укрепить моральные устои в стране, воспитывать высокие требования к труду и чувство коллективизма, а другой знаменует начало большого для Болгарии дела.

Согласно первому законопроекту, граждане до 45 лет, не работающие и не участвующие в общественно полезном труде, бездельники, праздношатающиеся, лица, заполняющие питейные заведения, обязаны заниматься общественным трудом. Срок мобилизации — 6 месяцев. С этой целью в МВД создается специальная служба.

Депутаты встретили этот законопроект одобрительно. Вот, например, какие реплики сыпались, когда приводились доводы в пользу его принятия. «Положить конец царству безделья!», «Осуществим крупную реформу!» — воскликнул один из депутатов от Болгарского земледельческого народного союза.

Депутат от «Звена» заявил:

— Трудовая мобилизация бездельников и праздношатающихся станет не только откликом на призыв со стороны трудящихся масс... но и приведет к ликвидации общественного зла.

А депутат от БЗНС Ради Найденов сказал:

— Принятием этого законопроекта мы можем достичь многого, ибо народ воспринимает его с энтузиазмом.

Некоторые высказывали и опасения, как бы кто-нибудь не злоупотребил этими правами, но все были убеждены, что под контролем общества и Отечественного фронта это не будет допущено.

...Приводя мотивы в пользу принятия второго законопроекта, д-р Рачо Ангелов отмечает, что санаторно-курортное дело в нашей стране крайне отстало, большая часть минеральных источников находится в таком состоянии, в каком они были в период турецкого владычества и даже во времена Римской империи. Чтобы развить курортное дело, нужно создать специальное учреждение при Министерстве народного здравоохранения, которое объединило бы все подходящие объекты, привело их в порядок и подняло курортное дело на новый уровень. «Мы,— пишет в пояснительной записке бай Рачо,— исключительно богатая страна. Она в географическом и климатическом отношениях занимает, пожалуй, лучшее местоположение из всех стран Европы. Но, к великому сожалению, пока сделано очень мало, если не сказать, абсолютно ничего не сделано, чтобы наша страна действительно превратилась в сад, в райский сад».

Красиво!

С какой любовью и верой сказал это д-р Рачо Ангелов, этот прекрасный, милый человек! Сколько любви к народу и родине в его словах.

«Климат у нас чудесный — ни северный, но и нельзя сказать, чтобы был абсолютно южный. Этот климат создает прекрасные условия для жизни. Географическая среда у нас если не лучше, то, во всяком случае, не хуже, чем в Швейцарии, но там все приведено в порядок и благоустроено. А у нас ничего этого нет. Минеральных источников у нас, возможно, больше, чем во всех странах Европы, вместе взятых, но они не исследованы и не изучены».

[В этих словах болгарского министра заключена не только красивая мечта, но и реальная и величественная перспектива. В жизнь будет воплощена не только эта мечта, но будут превзойдены и те смелые прогнозы, которые содержались в его словах: «даже международного значения». «Даже»! Прошло немного времени, и болгарские курорты стали одними из известных во всем мире. Но не будем спешить, в то время наша эко-

номика была на низком уровне. Но ей — и это самое главное — присущи дух созидания и целеустремленность!]

Сейчас мне лучше понятна реплика Г. Димитрова, сказанная в марте этого года. Тогда — при формировании нового правительства — речь шла о том, чтобы наша партия уступила портфель министра здравоохранения другой партии; это министерство не имеет ключевого значения, и его, казалось, можно было бы использовать для целесообразного компромисса, чтобы удовлетворить требования некоторых союзников нашей партии по Отечественному фронту. Но Димитров решительно возразил:

— Дадим возможность Рачо Ангелову осуществить программу здравоохранения, которая выработана под его руководством.

И действительно, союзникам компартии был передан портфель другого министра, что дало возможность дело здравоохранения в новой Болгарии, так кровно связанное с самим народом, оставить под руководством д-ра Рачо Ангелова.

На этом заседании Народного собрания товарищ Димитров не выступал. Но два дня назад, на пленуме Болгарского народного женского союза (БНЖС), он произнес веские слова:

— Отечественный фронт ведет решительное наступление на все остатки фашизма, на реакцию, которые мешают установлению в стране полного порядка и спокойствия [1].

То, что произошло на вчерашнем заседании Народного собрания,— это лишь звено большого, хорошо обдуманного целого.

А участие Димитрова в работе пленума БНЖС само по себе — знаменательное событие. О нем долго будут помнить, долго рассказывать.

Пленум начал работу в Военном клубе 4 августа. С основным докладом выступила председатель союза товарищ Цола Драгойчева.

Слушая Цолу Драгойчеву, я пришел к выводу, что это самая известная и активная болгарская женщина. Не только потому, что у нее легендарное прошлое — в 1925 г. ей был вынесен смертный приговор, в тюрьме у нее родился сын, в течение семи лет она томилась в фашистском застенке, а потом стала одним из видных деятелей коммунистического движения в Болгарии — была избрана членом ЦК и Политбюро ЦК нашей партии. Она одна из тех, кому удалось вырваться из застенка в 1942 г., затем ее снова приговорили (на этот раз заочно) к смертной казни. Неуловимая и бесстрашная, она принимала активнейшее участие в руководстве антифашистской борьбой вплоть до 9 сен-

---

[1] См. *Димитров Г.* Избранные произведения, т. 2 (1939—1949 гг.), с. 258.

тября 1944 г. Ц. Драгойчевой присущи многие черты, которые способствовали ее формированию как видного общественного деятеля. Ныне она является председателем БНЖС — энергичная и динамичная, непоколебимая, настойчивая и целеустремленная; иногда я сравнивал ее с летящей стрелой. Динамизм, разумеется, остается ее отличительным признаком. У нее звонкий, молодой голос, говорит быстро: едва закончив фразу, спешит сказать другую, и стенографам очень трудно поспевать за ней. Одевается со вкусом: она всегда оставалась женщиной.

На пленуме были заслушаны и другие доклады, а также приветствия, состоялись прения. Во второй день работы пленума на него прибыл товарищ Димитров. У женщин была очень сильная «агентура» — представитель Союза болгаро-советских обществ Роза Юльевна, тоже принявшая активное участие в работе пленума, избранная в его президиум.

[«Два часа товарищ Димитров был среди нас,— поделилась со мной своими впечатлениями товарищ Рада Тодорова, одна из видных деятелей БНЖС.— Эти два часа останутся незабываемыми для нас, участников пленума». Позднее в своей статье она писала: «Болгарские женщины не знают другого такого глубоко человечного и культурного отношения, какое проявил к ним товарищ Георгий Димитров».]

Думаю, что его речь продолжалась не более 40—45 минут; в ней — неукротимая сила, целеустремленность и пламя. Снова проявилось его блестящее умение в малое количество слов вложить огромную силу, мысль, чувства. Это речь, в которой затрагивались злободневные проблемы внутриполитической жизни и актуальные международные вопросы и велся разговор об участии, судьбе и месте женщины в жизни общества. Я редко видел у Димитрова такое вдохновение, редко видел такое слияние аудитории с оратором.

— Женщины — огромная сила,— звучал мощный голос Димитрова,— *...без активного и сознательного участия женщин в управлении страной, в общественно-политической, хозяйственной и культурной жизни невозможна подлинная демократия, невозможен действительный прогресс, невозможно благополучие народа.*

Говоря о предстоявших политических кампаниях, референдуме, выборах в Великое народное собрание и роли женского союза, он произнес слова, которые были встречены с живым одобрением:

— Женщины являются врожденными агитаторами и ораторами.

И затем добавил:

— Для того чтобы болгарская женщина могла еще активнее участвовать в общественно-политической, хозяйственной и культурной жизни нашей страны, нужно преодолеть *консерватизм* в отношениях мужчины к женщине, который у нас еще существует. Большинство мужчин, и в том числе немало входящих в Отечественный фронт, страдают порочным, средневековым отношением к женщине. Есть много мужчин, которым в этом смысле не хватает только старой турецкой чалмы: они имеют высшее образование, учились за границей, считают себя людьми европейской культуры, но относятся к женщине так, как относились к ней раньше на Востоке. Этому надо как можно скорее положить конец.

Излишне говорить, что эти слова, затронувшие жгучие вопросы нашего быта, встретили горячий отклик участниц пленума.

Хорошие вести поступили из Польши. Там состоялся плебисцит, в ходе которого большинство избирателей высказалось за прогрессивное развитие страны. Итак, консолидация народно-демократических сил в мире продолжается.

Около трех-четырех месяцев у нас находилась *Ася Штерн*. Она работала в Коминтерне, а затем в ЦК ВКП(б) секретарем Г. Димитрова. Мы постепенно ближе познакомились с ней и часто в разговоре касались Г. Димитрова.

— Вы заметили,— сказала мне однажды Ася,— привычку Георгия Михайловича во время бесед с людьми делать пометки на листках бумаги?

— Да, он и сейчас это делает.

— Листочки с пометками,— продолжала Ася,— я собирала. Мы подшили их в папки, которые, видимо, хранятся в архиве Коминтерна. Если понадобятся, их можно будет найти.

А в другой раз сказала:

— Тем, кто посылал письма Г. Димитрову, особенно как депутату, он отвечал сам. Его письма продиктованы им лично, а не подготовлены его секретарями или помощниками.

Ася лично знала руководителей международного коммунистического движения. Она рассказала, например, о Долорес Ибаррури — Пасионарии, героине гражданской войны в Испании, которая находилась в дружеских отношениях с семьей Г. Димитрова. Г. Димитров внимательно следил за борьбой испанского народа.

Как-то Ася поделилась впечатлениями об отношениях между Димитровым и его младшей сестрой Еленой.

Елена работала в отделе Коминтерна.

— Елена Михайловна,— говорила Ася,— скромная, честная женщина. Она была для Димитрова самым близким человеком. Не было никого, кому бы он так доверял, с кем бы был столь откровенным.

Я спрашивал ее и о Фани — приемной дочери Димитрова. Она сообщила подробности об отце Фани — Ван Мине, который в свое время был секретарем Коммунистической партии Китая, а затем представителем КПК при Исполнительном Комитете Коммунистического Интернационала.

За три-четыре месяца, пока Ася находилась в нашей стране, Георгий Димитров поручил ей перепечатать на машинке части его дневника. Она работала в одной из комнат его резиденции на улице Велико-Тырново. Так я узнал, что и во время жизни в Москве Г. Димитров вел дневник. С каких пор и как он вел дневник, продолжал ли вести его сейчас,— я не знал и не мог знать.

— Если мне что-то было неясно,— говорила позднее Ася,— я спрашивала Георгия Михайловича. Нужно было все переписать точно, не допуская искажения его мыслей. А иногда в спешке он недописывал слова, и их невозможно было прочесть. И как только возникало малейшее сомнение в правильности написания какого-либо слова, я спрашивала у него.

Однажды я разговаривал по телефону и произнес фамилию Димитрова с ударением на «о».

Ася находилась в комнате и с удивлением спросила:

— Неделчо, а почему ты сказал «Димитро́в»?

— Как почему?

Тогда она объяснила: с ударением на «о» эту фамилию произносят по-русски; в Москве Димитрова так называли все, но он всегда произносил свою фамилию с ударением на втором «и», т. е. Дими́тров, поэтому она думала, что ее так нужно произносить по-болгарски.

Я в свою очередь сказал, что и в Болгарии все мы называем его «Димитро́в», а он называет себя «Дими́тров», я думал, что ее так следует произносить по-русски.

Действительно, Г. Димитров называл свою фамилию по-своему. С течением времени под его влиянием ее начали часто произносить с ударением на втором «и». Позднее эту форму приняли радио и телевидение, а также при чтении докладов и на торжественных собраниях. Сегодня при произнесении его фамилии можно услышать обе формы. Первая чаще употребляется во время публичных и официальных мероприятий, а вторая — при обычном разговоре, в народе, который продолжает называть его «Димитро́в».

Утренние занятия Георгия Димитрова! Как мало внимания им уделено! А они наполнены смыслом и содержанием, в них заключается одна из разгадок великой жизни, они являются отправным пунктом к высокому полету мысли, конденсатором мудрости, прозорливости!

К сожалению, об утренних занятиях Г. Димитрова мы знаем мало. Почему? Потому что о них он не любил рассказывать. Они были его святая святых. Мы узнаем о них прежде всего из его писем Любице. В 1917 г. он совершает поездку по стране, связанную с организационной работой, и посылает краткие письма своей любимой жене. В двух из них он сообщает:

28 августа 1917 г.
Бургас

«И во время поездок я продолжаю свои утренние занятия. С 6 до 8.30 — 9 часов с удовольствием занимаюсь. Надеюсь, что и ты делаешь то же самое».

4 сентября 1917 г.
Ст.-Загора

«Только что закончил довольно продолжительный «утренник» (Кавычки принадлежат Г. Димитрову,— значит, это их домашний термин.— *Н. Г.*) «История» Меринга, так же как и философские статьи Дицгена,— это нечто действительно великолепное. Они доставляют мне неописуемое наслаждение».

Итак, Георгий, а под его влиянием и Люба регулярно занимаются по утрам. 2—3 часа каждое утро выделяются для учебы, размышлений и ведения записей. Эти ежедневные занятия обсуждаются в семье, придуман и специальный термин — *утренники*. Этот навык настолько силен, самодисциплина так высока, что *утренники* не отменяются даже тогда, когда нет удобных условий — при поездках по стране и в военное время. Его письма за 1920 г., в которых он просит Любицу послать ему на тайную квартиру «Протоколы всероссийского съезда профсоюзов», Русско-болгарский словарь, «Die gemeinde Bibliothek» (серия брошюр по общинной политике) и другие материалы, свидетельствуют, что он не прекратил *утренники*.

В период, о котором я пишу, у Г. Димитрова тоже были *утренники*. Но, как я уже сказал, об этих занятиях мы знаем мало. Мне известно лишь, что он вставал очень рано, брал газеты и читал их до прихода в рабочий кабинет, просил, чтобы у него на бюро всегда была чистая бумага, писал. По всему видно, что только два человека могли рассказать об *утренниках* Г. Ди-

митрова — Люба и Роза Юльевна, но их нет в живых. Бесспорно одно: Г. Димитров не отменял *утренники* до конца своей жизни.

Когда идет речь об утренниках Г. Димитрова, нельзя не сказать и о его дневнике.

Как я уже говорил, от Аси Штерн я впервые узнал, что Г. Димитров до недавнего времени вел дневник. Мне и тогда было известно, что Георгий Димитров вел дневник в юности и во время Лейпцигского процесса; записки Г. Димитрова из Моабитской тюрьмы были опубликованы после его освобождения, а о его дневнике в юношеские годы я читал в его биографии, написанной Стеллой Благоевой. Но продолжает ли он вести дневник, было неизвестно.

Однажды, весной 1947 г., когда я был у него с докладом, он спросил:

— Вы не могли бы найти мне две тетради? — И пояснил: — Для дневника.

Возможно, что он сказал и другие слова, но я забыл их. Не могу простить себе, что пропустил именно этот важный эпизод. Тем более что товарищ Димитров сам завел речь о дневнике — редкое исключение и какая-то особая откровенность. Позднее я убедился, что он не любил говорить о своей привычке вести дневниковые записи. И если иногда говорил о дневнике, то это касалось прошлых и особенно юношеских лет. Даже самые близкие ему люди не предполагали, что в последние 10 лет своей жизни он вел дневник; некоторые из них узнали об этом лишь после его смерти.

Я с готовностью приступил к выполнению просьбы. Нашел людей, объяснил, что тетради нужно сделать из хорошей бумаги, с твердыми обложками, удобными для работы; я не мог допустить, что Георгий Димитров будет использовать для дневника обычные тетради, купленные в магазине... Работник Государственной типографии через несколько дней принес мне две тетради в темно-синем переплете. На следующий день во время доклада я передал их Г. Димитрову со словами:

— Вот тетради для дневника, товарищ Димитров.

Он взял их, посмотрел и молча кивнул головой.

Мысль о дневнике не переставала меня занимать — я страстно хотел увидеть и почитать его. Но это мне удалось сделать много лет спустя. Тогда я начал прежде всего искать две тетради в темно-синем переплете, но их не оказалось. Очевидно, они не были использованы. Неужели комендант достал ему обычные тетради и он начал использовать их, а мои отложил и забыл?

(Димитров был непридирчив, когда дело касалось вида тетрадей.)

Пока я перелистывал эти обыкновенные по внешнему виду тетради дневника, меня охватили трепет и волнение. Перехватило дыхание. Я нетерпеливо перелистывал страницу за страницей. Меня сильно волновала эта повторная встреча с Димитровым! Я целиком поглощен мыслями. Словно боюсь, что есть причина стыдиться ее. Итог! Это первое требование Димитрова к каждому! Какой итог твоей жизни? Все ли у тебя в порядке? Такой ли ты? Или ты транжиришь время? Глубина, твердость в линии поведения, настойчивость в достижении цели или же тебя захлестнули мелочи?

Что представляет собою его дневник? Когда он начат?

Первые страницы, которые у нас имеются, датированы 3 июля 1920 г. Тогда Г. Димитров находился в румынской тюрьме в городе Кюстенджа (Констанца). В конце июня Георгий Димитров вместе с Василом Коларовым отправился тайно на моторной лодке по Черному морю в Советский Союз для участия в работе II конгресса Третьего, Коммунистического Интернационала. Но их обнаружила и задержала румынская военная канонерка. Их бросили в тюрьму и продержали там до 23 июля. 3 июля Г. Димитров сделал первую запись:

«29 июня 1920 года (вторник) в четыре часа пополудни — из Варны».

А через двадцать дней, 23 июля, отмечает:

«В 11 часов вечера прибыли в Варну».

Записи в румынской тюрьме он ведет карандашом на любом попавшемся под руку листке, на коробках из-под сигарет, на оберточной бумаге и пр. Эти записи свидетельствуют о том, что у Г. Димитрова уже тогда был навык вести дневниковые записи — иначе в этих крайне неблагоприятных условиях он, мне думается, ни в коем случае не начал бы вести дневник. Это мнение разделяет и сотрудник Центрального партархива Е. Кабакчиева, продолжительное время изучавшая димитровское наследие.

— Эти первые записи,— сказала она,— говорят о том, что их автор имеет навык вести дневниковые записи. Но где находятся его записи предыдущих лет, мы не знаем. Есть перерывы и в его записях в некоторые периоды в 20-е и 30-е годы. Или в то время он не вел записей, или они вообще лежат где-нибудь, или утеряны, но у нас их нет. Все это еще требует выяснения.

О дневнике Г. Димитрова в ранние годы его жизни Стелла Благоева рассказывает:

«Юношеские поиски истины, стремление усвоить совершенное и ясное мировоззрение, т. е. путь от национально-революционной идеологии к научному социализму — марксизму, *отражены в дневнике, который Георгий Димитров вел с пятнадцатилетнего возраста. В него он записывал все свои наиболее важные мысли»* (курсив мой.— *Н. Г.*).

«Когда при наборе чужих статей,— вспоминает Г. Димитров,— у меня появлялась та или иная мысль, я сразу записывал ее на первом клочке бумаги, который клал в карман, *а вечером переписывал в дневник»* (!) (курсив мой.—*Н. Г.*). Этот исключительно ценный и интересный документ, составленный юношей с живым и пытливым умом, будущим всемирно известным деятелем рабочего движения и государственным деятелем, в 1918 г. или в 1919 г. попадает в руки полиции во время обысков в квартире, где скрывался Г. Димитров. Мне не удалось выяснить, кто была хозяйка этой квартиры и как поступили с дневником после того, как он попал в руки полицейских,— поняли ли они, чьи это записки, уничтожили ли их, или же они лежат где-то в архивах. Если дневник тех лет пропал — что наиболее вероятно,— его потеря невосполнима.

Таким образом, большую часть своей сознательной жизни Г. Димитров вел дневник. Но его дневниковые записи сохранились лишь за отдельные периоды. Для поколений остались дневники, которые он вел с марта 1934 г. по 31 января 1935 г.; затем дневниковые записи возобновляются 19 августа 1936 г. и продолжаются почти без перерыва до 6 февраля 1949 г.

Нельзя не удивляться добросовестности, методичности и настойчивости автора. Он вел дневник с удивительным постоянством и терпением в будни и праздники, по субботам и воскресеньям, в Новый год и Первого мая, всегда и при всех обстоятельствах! Постоянно, в продолжение десятков лет дневник был его неразлучным спутником, с ним он никогда не расставался, никогда не забывал его, всегда возил с собой. Едет в Софию — берет и его, отдыхает — он снова с ним, отправляется в Москву — захватывает и дневник.

Для его дневниковых записей меньше всего подходит обычное понятие — дневник, в котором человек подробно описывает свою жизнь, записывает впечатления, мысли, откровенничает. В данном случае правильнее было бы говорить о дневнике особого вида. Если коротко определить его сущность, можно сказать: это хроника жизни Димитрова. Там главным образом фиксируются, чаще всего лаконично, двумя-тремя словами, события дня и изредка встречаются разные мысли, оценки и рассуждения. Часто о нескольких крупных, важных, иногда исторических событи-

14 Заказ 3715

ях и наряду с ними — об обычных делах, встречах, приемах, письмах — сказано всего лишь два-три слова, т. е. только фиксируется, что произошло в этот день, и не раскрываются подробности.

Вот как, например, выглядят дневниковые записи:

— принял такого-то; он согласен выполнить поручение;

— заседание комиссии по такому-то вопросу;

— встреча с делегацией...

— у нас были гости... беседовали о положении...

Хотя и редко, но отдельные события описываются шире. Например, сообщается, кто присутствовал на встрече, заседании или конференции, какие они занимают должности; иногда очень подробно рассказывается, кто какие мысли высказал, какое приняли решение.

Записки передают преимущественно содержание событий, в них редко приводятся сведения о поведении и настроении людей, и притом лишь тех, кто имеет отношение к данной беседе.

О себе, своих переживаниях, горестях и радостях Г. Димитров пишет очень редко. Исключение составляют несколько дней, последовавших за смертью Митё. Но независимо от этого дневник является зеркалом его жизни и деятельности, личности и характера. Дневник дает очень много сведений о человеке, коммунисте, революционном борце Димитрове. И прежде всего большое впечатление производят его высокая нравственность, принципиальность и благородство. Ни на одной из страниц нет ни слова, которое говорило бы о мелочности, самолюбовании, суетности или о чем-нибудь подобном. От начала и до конца записи вызывают восхищение душевной чистотой Г. Димитрова, его высокой моралью и самоотверженностью.

Иногда, хотя и весьма редко, встречаются лаконичные, точные характеристики.

Отдельные свои письма и телеграммы, особенно те, что посылались им в Болгарию, Г. Димитровым переписаны полностью, хотя некоторые из них довольно длинные; ряд писем и телеграмм, присланных ему из Болгарии, тоже целиком переписаны, иногда даже переведены им на русский язык.

Анализ записей, безусловно, показывает, что дневник имеет главное назначение: время записи было временем размышления! Дневник — это повод для подведения итога, что сделано и не сделано, что было положительного и отрицательного, правильного или неправильного в деятельности за истекший день.

«Несколько лет подряд,— сказал Г. Димитров в одном из выступлений в 1948 г.,— я ни разу не лег спать, прежде чем не подводил итог тому, что узнал за день. И всякий день, в который я

ничему не научился, я считал напрасно потерянным, а дни, когда я чему-нибудь научился, считал полезными. Когда вел дневник, я писал в нем, что это был для меня полезный день».

И все же я склонен искать связь между *утренниками* и дневником, и это заставляет рассматривать их как две стороны единого целого.

Г. Димитров чаще всего писал по-болгарски, в гитлеровской тюрьме писал по-немецки, а когда жил в Москве, больше всего по-русски. Иногда он писал на двух или трех языках — его мысль «автоматически» настраивалась на язык, которым он пользовался чаще всего в данное время.

Дневник Г. Димитрова — это сам по себе подвиг. Как литературное и политическое явление его нельзя мерить общей меркой,— скорее всего, нужно говорить о необыкновенном литературном и политическом явлении. Он останется бесценным вкладом в национальную сокровищницу культуры, переживет эпохи и, когда придет время для его публикации, будет до конца оценен и понят.

Наступило время обсудить и принять мирный договор с Болгарией.

Едва ли была другая война, после которой так долго задерживалось подписание мирных договоров.

— Есть силы,— подчеркнул товарищ Димитров,— которые препятствуют установлению прочного мира и не заинтересованы в нем, они хотят временного и гнилого мира, за которым однодва десятилетия спустя последует новая, еще более ужасная война с применением атомных бомб, которых не было в прошлую войну. Поэтому и продвигается так трудно дело мира.

После проволочек Совет министров иностранных дел 18 июля наконец закончил согласование проектов мирных договоров со странами — бывшими союзниками Германии. В виде рекомендаций они будут представлены открывающейся 29 июля в Париже мирной конференции всех стран — членов ООН, участвовавших в войне на стороне союзников.

Наша активность в защиту национальных интересов не только не снижается, а, напротив, постоянно повышается.

Г. Димитров по-прежнему занимается непосредственно и активно проблемами мирного договора, встречается с членами нашей делегации, руководит парламентской комиссией по иностранным делам, защищает интересы нашей страны в своих статьях и речах.

Все чаще выдвигается тезис о том, что за Болгарией должно быть признано право совоюющей страны. Такое право предостав-

ляется лишь Италии, хотя вина Болгарии перед союзными государствами в десятки раз меньше вины Италии, когда там у власти был Муссолини. В своей статье «Три великие национальные задачи», опубликованной 1 августа, Димитров подчеркнул:

«Первая великая национальная задача — *это завоевать справедливый и достойный мир.* В дополнение к тому, что сделано в этом отношении до сих пор, необходимо самым убедительным образом доказать на Парижской мирной конференции, что Болгария заслуживает, чтобы к ней относились как к государству, принимавшему участие в войне против гитлеровской Германии, а не как к сателлиту последней... Было бы вопиющей несправедливостью навязывать нам недостойные и непосильные условия мира, после того как болгарская армия понесла такие тяжелые материальные и человеческие жертвы как для освобождения самой Греции от гитлеровских орд, так и для разгрома и преследования этих орд вплоть до Австрийских Альп» [1].

11 августа 1946 г. наша официальная делегация отбыла в Париж для участия в мирной конференции. Ее возглавил Председатель Совета Министров Кимон Георгиев. В состав делегации вошли Васил Коларов, Георгий Кулишев, Иван Стефанов, Димитр Нейков (социал-демократ), Пенчо Костурков (радикал). Георгий Димитров провожал их в столичном аэропорту Враждебна. 14 августа наша делегация сделала доклад на мирной конференции. В продолжение 20 минут была изложена позиция Болгарии. Было объявлено, что доклад подготовлен Председателем Совета Министров, а зачитан на французском языке министром иностранных дел Георгием Кулишевым. Затем развернулись прения по проекту договора с Болгарией. В поддержку нашей позиции энергично выступили представители Советского Союза (В. М. Молотов, Д. З. Мануильский, А. Я. Вышинский), а также представители польской, югославской и чехословацкой делегаций. Вообще на конференции сильное впечатление произвел тот факт, что мы не одни, что у нас есть надежная защита. Так, например, в своем выступлении 27 августа советский представитель К. В. Киселев (Белорусская ССР) произнес блестящую речь в защиту Болгарии, о ее военном вкладе в разгром гитлеровской Германии и в заключение предложил считать Болгарию совоюющей страной. Греческий делегат в своем выступлении поставил под сомнение факты, приведенные на этот счет югославской делегацией. Тогда еще раз взял слово югославский представитель и заявил: «Югославии надо было противостоять отступавшим из Греции немцам, и в этот момент ей пришли на помощь болгарские войска». С таких же позиций выступила белградская газета «20 октом-

[1] *Димитров Г.* Избранные произведения, т. 2 (1941—1949 годы), с. 215.

ври», которая писала: «Общеизвестно, что Болгария приняла сравнительно меньшее участие в агрессии и намного большее как совоюющая страна и способствовала победе над гитлеровской коалицией намного больше, чем Италия (признанная совоюющей)». Вопреки этой неумолимой логике, за советское предложение признать Болгарию совоюющей страной проголосовали лишь представители СССР, в том числе Украинской и Белорусской ССР, а также Чехословакии, Югославии и Польши, и оно не прошло. По политическим соображениям совершилась несправедливость.

Политическому деятелю приходится иметь дело с разными людьми. Но людей, подобных двуликому евангелическому пастору Василу Зяпкову, встретишь не часто.

Его милость появилась на политической сцене во время усиленной кампании в защиту болгарской национальной позиции в связи с предстоявшей мирной конференцией в Париже. Нужно было привлечь для пользы дела все силы, которые могли бы помочь склонить чашу весов в пользу Болгарии. Именно поэтому были установлены контакты и с Зяпковым как видным представителем евангелических сект. Между сотрудниками кабинета Г. Димитрова и им некоторое время поддерживалась связь. В своей служебной записной книжке я нахожу следующую запись, сделанную весной 1946 г.:

«26 мая. Евангелический пастор Зяпков, ул. Солунская, 40. Его телефон неисправен и до сих пор не отремонтирован».

Однажды по какому-то поводу меня послали к нему домой. Он жил в доме, находившемся во дворе евангелической церкви на улице Солунской (позднее улица Васила Коларова). Он встретил меня любезно, давал понять, что польщен нашим вниманием; во время нашей беседы Зяпков подчеркивал, что проявляет симпатии к Отечественному фронту, и все находил поводы повторять это. Ему было около 40—50 лет, одет в обычный черный костюм и черную рясу. Потом, когда формировалась делегация для ведения мирных переговоров в Париже, он был включен в ее расширенный состав. Г. Димитров беседовал с ним в связи с его предстоящей миссией о влиянии на протестантские круги на Западе и особенно в Америке, чтобы защитить национальные интересы Болгарии.

Господин пастор клялся, что сделает все, что в его силах.

И он отбыл в составе делегации в Париж. Это было в 1946 г.

А 21 февраля 1949 г. я записал в своем дневнике несколько фраз о подлинном лице Зяпкова. Впрочем, чтобы не прерывать изложения, приведу свои записи сразу.

21 февраля 1949 г. Несколько дней назад был обнародован обвинительный акт по делу группы протестантских священников, обвиняемых в шпионаже в пользу американцев и англичан. У нас в стране такая широкая шпионская сеть раскрыта впервые; до этого были разоблачены отдельные шпионы или небольшие группы, но такой широко разветвленной шпионской сети у нас не было. Оказалось, что большая часть пасторов из Верховного совета евангелических церквей (положение его не такое завидное, если, конечно, исключить богатое финансирование заокеанским дядей; вообще же евангелические секты у нас — это поистине секты и не имеют особого влияния) замешаны в этом шпионском центре. Среди них несколько политически коррумпированных личностей и таких, как некий Д. Матеев — прислужник гестапо в годы войны, издевавшийся над болгарскими гражданами, выселенными в Германию.

Перед судом предстали: 14 пасторов из разных сект. Интересно, что этот злополучный шпионский центр возглавлял наш старый знакомый Васил Зяпков. Сразу после ареста его жена написала письмо Председателю Совета Министров, где говорилось: «Ваш знакомый и преданный слуга Отечественного фронта арестован». Оказалось, что это опасный шпион, который передавал за рубеж за большие денежные суммы и подарки всякие данные, к которым имел доступ,— сведения о боевых частях в Софии и в целом по стране; о расположении казарм; о советских воинских частях, дислоцированных в нашей стране; информацию об участии Болгарии в Отечественной войне; данные экономического и политического характера. Более того, было раскрыто, что, входя в нашу делегацию, участвовавшую в мирных переговорах в Париже, он передавал английским и американским разведцентрам все, что узнавал от болгарской делегации и делегаций других славянских стран, он сообщил также своим хозяевам о намерении югославского правительства отказаться от репараций с Болгарии и, таким образом, помог делегациям некоторых государств настаивать на увеличении общей суммы репараций с Болгарии, чтобы больше досталось греческим монархо-фашистам.

Вот каким нечистым оказался этот смиренный слуга божий, «преданный» Отечественному фронту. Хотя и поздно, он был разоблачен и обезврежен.

В августе 1946 г. состоялся X пленум ЦК нашей партии. Он обсуждал вопросы различного характера, на которые дал неравноценные с исторической точки зрения ответы; здесь мы рассмотрим вопросы, связанные с предыдущим изложением.

Пленум состоялся в пятницу и субботу — 9 и 10 августа. В его работе приняли участие министры-коммунисты и депутаты — члены нашей партии, первые и вторые секретари областных и значительное число секретарей околийских комитетов партии. Вообще это было расширенное заседание ЦК партии.

В ходе оживленных прений выступило около 40 человек.

Главный вопрос, обсуждавшийся в первый день работы пленума, можно определить словами из речи Г. Димитрова:

«...Наше внутреннее положение развивается в основном под знаком решительного политического наступления Отечественного фронта и нашей партии против остатков фашизма и реакции» [1].

В докладе, а скорее можно сказать — в речи, был выяснен характер этого наступления — оно преследует цель укрепить Отечественный фронт, сделать его еще более способным выполнять свою программу. Оно направлено не против отдельных партий Отечественного фронта, а против их некоторых реакционно настроенных лидеров. Одновременно Г. Димитров предостерег от увлечения наступлением и резко осудил случаи злоупотребления властью и служебным положением. Он разъяснил также условия проведения выборов. Мы за общий список, сказал Г. Димитров, но если этого не произойдет, готовы выступить с самостоятельным списком. Тогда, без сомнения, наша партия выступит самостоятельно, и выступит так, чтобы все почувствовали ее силу и влияние.

X пленум войдет в историю как пленум политического наступления. Он подготовил крупную победу на референдуме в сентябре и на выборах в Великое народное собрание в октябре.

Сильное впечатление произвело краткое, ясное сообщение Георгия Дамянова о чистке в армии; «в момент чистки армия находилась в крайне тяжелом и опасном для Отечественного фронта и народа состоянии»; такие важные гарнизоны, как Софийский, Пловдивский и др., были опорными пунктами реакции в достижении ею определенных целей. «Нужно создать народную армию!»

Был выработан многосторонний и динамичный план предвыборной работы партии.

Пленум открыл зеленую улицу для осуществления крупных шагов в социально-политическом устройстве страны.

Второе заседание пленума началось в субботу, в 10 часов, и снова проходило под председательством Димитрова... Когда приближалось обеденное время, из зала поступило предложение

---

[1] *Димитров Г.* Избранные произведения, т. 2 (1941—1949 годы), с. 239.

прекратить прения. Но Димитров решил узнать, нет ли среди большого числа желающих выступить тех, кто хотел бы это сделать во что бы то ни стало. Он зачитал список записавшихся для выступления и опросил каждого в отдельности. Некоторые товарищи подтверждали свое желание выступить. Тогда прения решили продолжить. Таким образом, пленум продолжался без перерыва до 16 часов. Заключительное слово Г. Димитрова заняло около 15 минут. Он снова пояснил, что наша наступательная линия в отношении реакции в настоящее время состоит не в ослаблении, а в усилении и организации наступления. Далее он высказал ценные мысли о характере нашей предвыборной борьбы и, закрывая пленум, пожелал:

«При всех условиях мы должны выйти из выборов в Великое народное собрание как первая и решающая партия нашей страны. Да здравствует победа».

20 августа 1946 г., вторник

15 августа товарищ Димитров выехал в Советский Союз на двухнедельный отдых. Вернуться на родину он должен был накануне референдума. Из разговора с ним можно было сделать заключение, что он не только будет отдыхать, но и напряженно работать. Он послал в Москву шифротелеграмму с просьбой о встрече с И. В. Сталиным.

Все силы нашей партии и Отечественного фронта направлены на обеспечение победы на референдуме. Предвыборная кампания началась 16 августа большим митингом, на котором с речью выступил Трайчо Костов. Народ настолько сильно привержен идее республики, что даже оппозиция Отечественного фронта, как она себя сама называла, боясь оказаться на мели, как это с ней всегда случалось, выступила за республику. За монархию призывает голосовать только Демократическая партия.

9 сентября 1946 г., понедельник

Вчера, в воскресенье, состоялся референдум.

В 12 часов 10 минут товарищ Димитров отправился прежде всего в Министерство земледелия, где размещалась одна из избирательных секций; вместе с Трайчо Костовым и другими товарищами он побывал в секциях и беседовал с членами комиссий.

— Как идет голосование? — спросил он одного из членов избирательного бюро.

— Очень хорошо — спокойно и при полном порядке. Сейчас 12 часов 20 минут, а проголосовало уже свыше 60% избирателей.

— И во время выборов в Великое народное собрание должно быть так же,— заметил Г. Димитров.— Это репетиция перед предстоящими выборами.

Затем Г. Димитров и другие товарищи направились в рабочие кварталы — Ючбунар и Коньовица. Там, в 34-й секции, в списки избирателей был внесен Георгий Димитров. Улицы, прилегающие к школе им. Ст. Михайловского, где проходило голосование, были настолько заполнены народом, который хотел увидеть Г. Димитрова, что остановилось трамвайное движение. Раздалось мощное «ура», зазвучали песни, а секретарь окружного комитета Никола Дончев даже произнес небольшую речь. Товарищ Димитров поздоровался за руку с членами избирательного бюро, взял конверт с бюллетенями и вошел в кабину для голосования.

Затем он беседовал с членами избирательного бюро. Один из них сказал:

— 71 процент, то есть большинство избирателей уже проголосовали. У нас полный порядок.

— Народ идет на выборы с песнями,— добавил другой и поспешил сказать: — Поздравляем вас, товарищ Димитров, с новой республикой.

— В Коньовице и других таких же кварталах заложены основы народной республики,— заметил товарищ Димитров.— Здесь заложены прочные основы нашей завтрашней народной республики.

В школьных коридорах и на улице собралось много людей. Никто не уходил, каждый хотел видеть Г. Димитрова. Кто-то преподнес ему букет цветов, и он по цветочку раздавал их женщинам.

Подойдя к группе детей, он сказал:

— Вот они, настоящие республиканцы! — и отдал им остальные цветы.

Когда машины отъезжали, им вслед зазвучала песня: «Смело, товарищи, в ногу». Г. Димитров и другие товарищи отправились в Подуянский район, где находилась 70-я избирательная секция, затем — в квартал «Надежда», в клуб-читальню им. Гоце Делчева. И повсюду наблюдались все тот же прилив бодрости и приподнятое настроение. Все такое же проявление любви к Димитрову.

Вечером в Княжево прибыли и некоторые видные деятели партии. У товарища Димитрова был ужин, показывали фильм, а мы с Банчевым дежурили у телефонов и ожидали предварительных результатов. Поздно вечером они стали известны — свыше 90% участвовавших в выборах избирателей отдали свои

голоса за народную республику, и лишь 175 тыс. человек, т. е. около 4% избирателей, проголосовали за монархию.

— Почти весь народ отверг монархию! — сказал товарищ Димитров.

Все поздравили друг друга с победой, и гости разъехались.

Сегодня отмечалась вторая годовщина 9 сентября. Царило неописуемое народное торжество. В один и тот же день отмечались две исторические даты — люди чествовали и первый день своей республики, хотя официально она еще не была провозглашена.

Несколько дней назад (1 сентября) состоялся плебисцит — в Греции, где свирепствовал реакционный режим,— решение вопроса о возвращении короля. Мир потрясен сообщениями о чудовищном терроре в этой стране — об убийствах, арестах, о побоях и всевозможных беззакониях. Итоги плебисцита — большинство избирателей «за возвращение короля» — едва ли столь большое утешение для реакции.

10 сентября вечером Общий рабочий профессиональный союз дал ужин в честь иностранных профсоюзных делегаций и журналистов, приглашенных в нашу страну в связи с годовщиной 9 сентября и референдумом. Сам по себе он не отличался бы ничем особенным и о нем не стоило бы писать, если бы там не произнес речь Г. Димитров, к которой все чаще возвращаются историки.

Среди гостей находились секретарь Всеобщей конфедерации труда Франции Бенуа Фрашон и известный депутат лейбористской партии Кони Зиллиакус, который представлял ее левое крыло. (Товарищ Димитров принял Кони Зиллиакуса и имел с ним почти двухчасовую беседу. Зиллиакус сказал, что он восхищен тем, что видел у нас, и особенно энтузиазмом и дисциплиной болгарского народа, «его боевой энергией и безграничной верой в свои силы и свое будущее». Он также выразил готовность защищать в Лондоне интересы Болгарии и так именно и поступал — неоднократно и смело излагал справедливую позицию Болгарии перед депутатами английского парламента и английской общественностью.)

На ужине было произнесено много тостов и речей.

Почти с получасовой речью выступил Георгий Димитров. Это была страстная речь, произнесенная со свойственными ему смелостью, прямотой и откровенностью.

Через 2—3 дня она была опубликована под заглавием: «Мы создаем подлинно народную республику».

В ней впервые поднимаются некоторые большие вопросы, имеющие важный идейно-теоретический характер. Это первое

наиболее целостное изложение взглядов Г. Димитрова на политическое устройство в нашей стране, перспективы его развития и пути перехода к социализму.

Не зная содержания этой речи, нельзя хорошо понять последующие идейно-политические явления.

Прежде всего Г. Димитров говорил о результатах референдума, о характере народной республики, которая будет установлена у нас, и о защите национальных интересов Болгарии в Париже. «Нам постоянно внушают,— сказал он,— что если Болгария отступит под нажимом реакционных кругов, то она будто бы получит более сносный мирный договор. Хотят, чтобы мы за тарелку чечевичной похлебки продали свою свободу и независимость, свое будущее. ...Болгарский народ,— подчеркнул он,—...не станет на колени перед подобными угрозами и шантажом. ...Болгарский народ, такой, каков он есть, каким он проявил себя в особенности 9 сентября 1944 года и до сих пор, будет жить и существовать только независимо»[1]. Коснувшись вопроса о том, за какую республику голосовал наш народ, он сказал: «...Наш народ 8 сентября голосовал не просто за республику, а подчеркнуто... за народную республику... *За народно-республиканское управление, а не за плутократическую республику»*[2].

Самым существенным в этой речи, разумеется, являются слова Г. Димитрова о социализме как цели нашего развития и путях перехода к социализму.

Социализм, подчеркнул он, как известно, исторически необходим для всех народов. Иное дело, по какому пути, в какие сроки, когда, как и какими силами он будет осуществлен. Для нас путь определен: чем лучше мы решим нашу большую центральную задачу — создание народной республики, «тем более безопасно и безболезненно наш народ... все честное и патриотическое, что в нем имеется, пройдет спасительный путь к социализму». Такова наша задача — строительство социализма должно быть всенародным делом — делом экономического, социального и культурного подъема нашего народа, и этот переход будет осуществляться на основе народной демократии и «с настоящим парламентарным режимом». Или шире процитируем Димитрова:

«Я хотел бы сказать нашему английскому другу и нашим гостям, что мы, наша Рабочая партия (коммунистов), наш рабочий класс, наши профессиональные союзы, анализируя общее положение и движущие силы на Балканах, учитывая опыт мировой войны и используя его, считаем также, что в Болгарии вполне

---

[1] *Димитров Г.* Избранные произведения, т. 2 (1941—1949 годы), с. 251.
[2] Там же, с. 252.

возможно при необходимой работе и подготовке на основе народной демократии и парламентарного режима в один прекрасный день перейти к социализму»[1].

Затем он дополнил:

«Мы уверены, что собственными силами и с помощью наших друзей и верных товарищей из других демократических стран мы сумеем создать действительно народную республику, чтобы Болгария стала образцовой народной республикой с настоящим парламентарным режимом»[2].

Эти установки Георгия Димитрова приобретают тем большую значимость, что о них сказано не в каком-то узком кругу болгар, а на широком болгарском и международном форуме, при участии членов нашего Отечественного фронта и видных иностранных представителей рабочего класса. Ясно, что они были произнесены именно здесь не случайно. Эти знаменательные слова, сказанные в такой среде одним из виднейших марксистов-ленинцев нашего века, к голосу которого прислушиваются повсюду, имеют международное значение, намечают путь и выдвигают целостную концепцию современного коммунистического движения по такому кардинальному вопросу.

Итак, Георгий Димитров провозгласил, что социализм — это наша общая цель, цель Отечественного фронта, всего нашего народа, цель, к которой мы фактически устремились; что социализм из цели рабочего класса превратился в общенародное дело; что переход к осуществлению этой заветной задачи есть не что иное, как успешное строительство народной республики, т. е. путь народной демократии. Наша теория обогатилась ясным положением: народная демократия сама по себе представляет собою путь к социализму. Путь народной демократии в принципе аналогичен советской власти и, по существу, является повторением пути русских рабочих и крестьян в октябре 1917 г., но с некоторыми отличиями.

Все это, вместе взятое, представляло собой новый ценный вклад в идейно-теоретическую сокровищницу марксизма-ленинизма, обогащало ее; основные принципы марксистско-ленинской теории применялись к современным условиям; эти теоретические положения — признак творческого, а не доктринерского отношения к теории. А это говорит о том, что международное коммунистическое движение в те годы трезво, смело и с широтой искало и находило новые пути.

Положения Г. Димитрова, о которых здесь идет речь, выдержат испытание временем и окажутся непреходящими. Он

---

[1] *Димитров Г.* Избранные произведения, т. 2 (1941—1949 годы), с. 254.
[2] Там же.

изложит их полностью на V съезде нашей партии в декабре 1948 г. Свой же тезис о переходе к социализму без диктатуры пролетариата Г. Димитров пересмотрит, о чем речь пойдет дальше.

13 сентября 1946 г., пятница

Сегодня у нас были дорогие гости.

Лучшие ударники молодежной бригады, строившей перевал Республики (так недавно переименован перевал Хаинбоаз), сегодня посетили товарища Димитрова. Их группа состояла из 15—16 юношей и девушек, одетых в синюю форму. Это были сердечные люди, охваченные энтузиазмом и воодушевлением. Им присущи качества, характерные для участников молодежных бригад: они не просто строят дорогу в горах; они не просто роют землю, возят грузовые тачки, делают из щебенки насыпь, а являются носителями передового сознания, сознания того, что они участники намного более значительного дела, чего-то эпохального. Вскоре вошел товарищ Димитров, согревший их широкой и доброй улыбкой, теплым взглядом и словами, и сразу же создалась атмосфера окрыленности, подъема и добросердечия. Командир Кирилл Донев, который возглавлял эту группу, доложил о работе бригады — они добились хороших результатов, среди них развертывается соревнование в условиях высокого молодежного энтузиазма, они дружно, плодотворно трудятся. Он сообщил также о некоторых недостатках и неурядицах, мешающих работать в полную силу. «Строительство перевала Республики будет закончено досрочно»,— заявил он.

— Этот первый в своем роде почин,— продолжал командир,— открыл светлые перспективы, и мы верим, что в будущем году он распространится шире и охватит всю болгарскую молодежь. Под вашим руководством мы будем трудиться во имя светлого будущего нашего народа.

Г. Димитров, слегка наклонив голову, с теплотой смотрел на юношей и девушек и слушал.

В этой группе находился мальчик лет двенадцати-тринадцати — самый маленький член бригады. Его звали Стефан Пенчев. Как только командир закончил речь, Стефан встал и звонким голоском произнес:

— Дорогой товарищ Димитров, представляя сентябрят Болгарии и свою околию, я прибыл на перевал Республики, чтобы увидеть, как работают наши старшие братья...

Стефчо, который хотел казаться взрослым, был очень мил, продолжал все так же серьезно:

— Строительство перевала Республики будет закончено раньше намеченной даты, поэтому я прошу вас от имени сентябрят, если это можно, сказать Министерству просвещения, чтобы и нам, сентябрятам, дали большую возможность...

— Поздравляю в твоем лице всех сентябрят! Браво! — взволнованно приветствовал Г. Димитров.

Затем товарищ Димитров начал беседовать с участниками бригады, чтобы получить из первоисточника верную информацию о проблемах, волнующих движение бригад; он хотел узнать реальные трудности, препятствия, возможности.

— Значит, вы вернули обратно 2000 участников молодежных бригад? — спросил Димитров, подхватывая слова командира.

— Да, пришлось вернуть 2000 человек.

— Значит, если бы у вас было достаточно рабочей одежды...

— Мы столкнулись с трудностями с самого начала, потому что не хватало обуви.

— Значит, не все было подготовлено! Как здоровье членов бригады?

— Здоровье у нас, можно сказать, удовлетворительное, имеются редкие случаи заболеваний.

Димитров продолжал интересоваться, есть ли у них книги, регулярно ли получают газеты, слушают ли радио, а когда они ответили, что у них нет радиоприемников, он сказал:

— Это очень плохо. Что это такое? — с негодованием сказал он.— Вы там, в горах, оторваны от населенных пунктов, вам радиоприемники нужно найти непременно. Если бы у вас были радиоприемники, вы бы регулярно получали информацию...

Затем товарищ Димитров выразил радость по поводу того, что сделано, и отметил огромное значение этого первого в своем роде начинания нашей молодежи, способствующего созданию материальных ценностей и духовному обогащению.

— Вы работаете сознательно, с энтузиазмом. А это великий фактор, могучий фактор. Значение вашей инициативы огромно...— И он назвал их труд большим государственным и народным делом, вкладом в строительство социализма.— Нужно хорошо рассмотреть положительные и отрицательные стороны этой первой молодежной акции. Так, в будущем году наша молодежь сможет предпринять другие более крупные начинания.

— Передайте, пожалуйста, мои горячие поздравления всем строителям перевала Республики,— сказал он в заключение, а им никак не хотелось заканчивать эту беседу.

По желанию юношей и девушек они сфотографировались вместе с Г. Димитровым.

26 сентября 1946 г., четверг

Сегодня товарищ Димитров принял группу из шести французских журналистов, находящихся в нашей стране по случаю референдума. Это преимущественно люди среднего возраста и моложе, подвижные, энергичные.

Состоялась оживленная, содержательная беседа. Я записал ее дословно. Они предварительно послали товарищу Димитрову некоторые свои вопросы, на которые он ответил, а затем в беседе затрагивались другие темы. Главный вопрос, разумеется, касался положения в Болгарии, ее международного признания, мирного договора, выборов и оппозиции, сущности народной республики. По своей инициативе товарищ Димитров познакомил журналистов с порядком выработки конституции и ее принятия.

Из разговора я узнал и записал неизвестные мне интересные сведения биографии Г. Димитрова.

— Вы знаете Париж? — спросили гости.

— Париж знаю, как по кинофильму. Я бывал там по делам. В 1925 году и 1932 году я находился в Париже полулегально, жил под чужой фамилией как голландский подданный. Надеюсь, что полиция на меня не очень обидится? — сказал он шутливо, и гости рассмеялись; они слушали с интересом, а он продолжал в таком же тоне: — Во время моей двадцатидвухлетней эмиграции у меня было фиктивное подданство девяти или десяти стран. Не было только французского, английского и американского, поэтому господа Бевин, Бидо и Барнс не могут предъявить мне никаких претензий в этом отношении.

Остроумие пришлось гостям по душе, и они сами в таком же тоне дополняли его ответы. Один из них спросил:

— Не было ли у вас трудностей, не арестовывали ли вас?

— К счастью, все обошлось благополучно, потому что, вероятно, я был очень порядочным человеком! — засмеялся он.— И если бы не случайный арест в Берлине, наверное, я мог бы продолжать все так же... Немцы нашли у меня этот фальшивый швейцарский паспорт — на имя д-ра Рудольфа Гедигера, писателя из Швейцарии.

Затем он рассказал им следующий эпизод:

— Одно время я жил в Германии с голландским паспортом как голландский писатель Жан Шафсман. А по-немецки «шаф» — значит «овца», и это имя всегда вызывало у них смех. Я был безобиден, как овца. Так было легче заниматься своими делами...

— А потом они поняли, что вы были не безобидная овца, а опасный лёве (лев)...

— Да, они изменили свое мнение.

Затем Г. Димитров переменил тему беседы. Он начал говорить о мирном договоре с Болгарией, о самой больной для нас теме.

— Мы с большим огорчением наблюдаем за тем, что происходит на Парижской конференции,— заявил товарищ Димитров.— Там продолжают предъявлять Болгарии необоснованные и несправедливые требования.

И добавил:

— Я хотел бы через вас, французских корреспондентов, выразить самую большую и горячую благодарность от имени Отечественного фронта, объединяющего наш народ, всем тем общественным и государственным деятелям, кто на Парижской мирной конференции и вне ее поддерживает справедливое дело нашего народа. Они могут быть уверены, что наш народ сумеет отплатить своими делами в пользу демократии и мира на Балканах, в Европе и во всем мире.

И поскольку перед этим речь зашла о Лейпцигском процессе, а в это время в Нюрнберге заканчивался процесс над гитлеровскими главарями, один из журналистов задал вопрос:

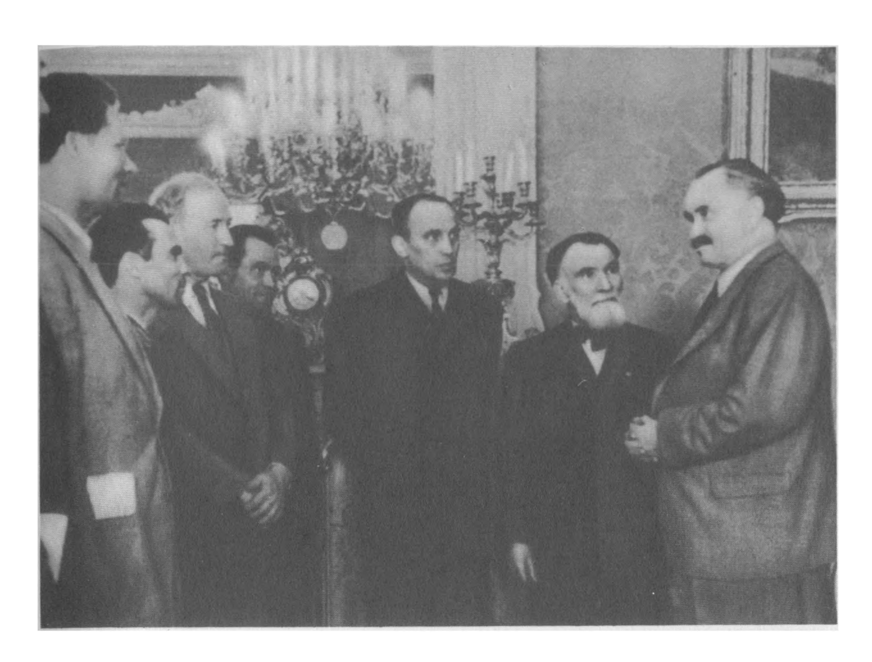
— Что вы думаете о Нюрнбергском процессе?

Товарищ Димитров помолчал, подумал, взял сигару, начал старательно ее зажигать и сказал:

— Суровый приговор явится предупреждением черчиллям и всем тем, кто после разгрома Гитлера все еще стремится занять его место в борьбе за мировое господство; это строгое, категорическое предупреждение всем тем, кто бряцает оружием, угрожает атомной бомбой, всем поджигателям новой агрессивной войны, в частности против Советского Союза.

Он разъяснял, а гости, наклонившись над записными книжками, ловили каждое его слово.

— В мире нет пророков. И я лично, конечно, не считал себя пророком во время Лейпцигского процесса. Но когда Геринг в 1933 году, будучи неограниченным властелином Германии, размахивал в суде своим мечом над моей головой, я был глубоко убежден, что рано или поздно ненавистная гитлеровская Германия вместе с Гитлером и Герингом провалится в тартарары. Именно это непоколебимое убеждение придавало мне величайшую моральную силу, чтобы выдержать все ужасные пытки, которым я был подвергнут.

Встреча Георгия Димитрова
с делегацией
Союза болгарских художников.
София, 25 апреля 1947 г.

Георгий Димитров и Роза Димитрова
со своими усыновленными детьми —
Фаней и Бойко.
София, 1948 г.

28 сентября 1946 г., суббота

В последнее время в нашу страну с неофициальным визитом прибыл депутат английского парламента от консервативной партии Мат Радклифф. Он не скрывает свое недружелюбие, а может быть, точнее, враждебность по отношению к нам. Он побывал в Варне, Бургасе, Пловдиве и Шумене, устанавливая контакты с официальными представителями, но преимущественно его окружают наши оппозиционные политики, да и сам он больше тяготеет к ним. Из Министерства иностранных дел сообщили, что английский депутат просил, чтобы его принял Георгий Димитров. Товарищ Димитров сразу согласился, и вчера состоялась эта встреча. На ней присутствовал только переводчик; а я, как мне поручили, находился в стороне и записал дословно всю беседу. (Я не записал и не запомнил, где состоялась встреча — в Княжеве или в кабинете Г. Димитрова на улице Велико-Тырново).

Гость начал беседу с видимой предубежденностью. Он не скрывал, что защищает оппозицию. И, по сути дела, в продолжение всей беседы был как бы ее ходатаем.

Он спросил:

— Какие возможности будут предоставлены оппозиции для использования своих прав во время этих выборов?

Димитров. Эти выборы будут полностью свободными. Все, что зависит от нас, от правительства, будет сделано, чтобы провести выборы свободно, с соблюдением порядка и спокойно. Об этом можно заявить со всей определенностью общественному мнению Англии.

Радклифф. Иначе в Англии их не признают...

Димитров. Что касается оппозиции, мы заинтересованы в том, чтобы она приняла участие в выборах, и я лично заинтересован в этом по двум причинам: во-первых, чтобы убедить общественное мнение за рубежом — в Англии и Америке, что наша оппозиция не представляет серьезной общественной и политической силы; во-вторых, не дать ей возможности в случае бойкота выборов продолжать эту недостойную и несправедливую атаку против Болгарии.

Далее товарищ Димитров терпеливо разъяснил нашу позицию по некоторым животрепещущим для Болгарии вопросам. Но усилия депутата-консерватора были направлены на одно и то же: употребляя аргументы оппозиции, защищать ее платформу. Он заявлял, что в нашей стране есть арестованные и заключенные в лагеря, что аресты якобы производились без разбора, а в лагерях находились десятки тысяч человек...

15 Заказ 3715

Димитров. Я советую вам не верить всем этим разговорам...

Радклифф. Чтобы не говорить об этом, нужно лишь одно средство — разрешить въезд в страну американским, английским и другим журналистам и предоставить им свободу передвижения по стране.

Димитров. А разве вам кто-то запретил въезд к нам? Вы приехали в нашу страну и совершаете поездку по ней, вчера у нас находились шесть французских журналистов, были и другие. Мы просим Бевина (министра иностранных дел Великобритании.— *Н. Г.*) сказать своим друзьям, чтобы в нашу страну приехала парламентская делегация лейбористов, мы не боимся чужой критики. Наша народная республика молодая, и мы хотим исправлять ошибки. Но здесь нет занавеса, нет! У нас есть трудовое воспитательное общежитие — лагерь «Росица», поезжайте, посмотрите его, там были французские журналисты. Поезжайте, посмотрите, что за люди содержатся там и какой там порядок. В отношении нас допускается много предрассудков и предубеждений. У нас в лагере содержится не более нескольких сотен человек, но они отправлены туда за активное фашистское прошлое и реакционные действия в настоящее время; из них лишь 45 человек принадлежат к оппозиции, но они водворены туда за преступления, наказуемые законом. Советую вам, поезжайте и сами проверьте!

Радклифф. Возможно, что я найду время и воспользуюсь вашим предложением и, если представится возможность, съезжу в лагерь.

Димитров. Я скажу работникам милиции, чтобы вас пустили туда. Если у вас останется время, желательно, чтобы вы съездили туда.

Радклифф. Благодарю. Я сообщу в Англии совершенно точно то, что сказал мне господин Димитров. Я передам все объективно.

Товарищ Димитров лично составил обстоятельное сообщение для печати, которое завтра будет опубликовано.

[Увы, очень скоро Георгию Димитрову пришлось разоблачить этого консервативного депутата как наглого лжеца.]

По возвращении Георгия Димитрова из Советского Союза после кратковременной поездки мы узнали, что состоялась его встреча с И. В. Сталиным. С течением времени нам стало известно, что встреча была продолжительной, проводилась с глазу на глаз, обсуждались животрепещущие вопросы, касающиеся как наших взаимоотношений и их дальнейшего развития, так и

международного положения и коммунистического движения, а также актуальные идейно-политические и теоретические вопросы. Встреча проходила в дружественной обстановке и закончилась утром. В этой беседе в ночные часы нет ничего удивительного, она полностью в духе стиля жизни и работы Сталина. Такая же привычка, как мы знаем, и у Георгия Димитрова.

Из многих источников стало известно, что И. В. Сталин оказывает помощь в разработке теории развития народной демократии в Болгарии и других странах, хотя его отдельные установки оказались неверными (от некоторых из них он сам позднее отказался). Нельзя не подчеркнуть, что в этот период И. В. Сталину принадлежали большие заслуги перед Болгарией — он выступал в защиту ее справедливого национального дела в период подготовки мирного договора с ней и внес вклад в победу народной демократии.

Особенно важно то, что в рассматриваемый период (т. е. 1945—1947 гг.) Сталин с характерной для него широтой взглядов по ряду вопросов теории и политической практики, ломает некоторые шаблоны мышления, побуждая деятелей братских партий, в том числе и нашей партии, смело искать целесообразные формы и пути наиболее безболезненного и быстрого перехода стран народной демократии на рельсы социализма, предостерегает их от механического копирования и увлечения. Сам Сталин открыто никогда не выступал по этим вопросам и не обнародовал своих взглядов. Некоторые из его выступлений по этим вопросам стали достоянием общественности по рассказам его собеседников — деятелей других стран, в том числе и Болгарии.

Он подвергает переоценке формы перехода к социализму, отмечая: «Может быть, мы допускаем ошибку, думая, что советская форма — единственная форма, ведущая к социализму. На деле оказывается, что советская форма лучшая, но не единственная...» Широтой отличаются его мысли о коллективизации сельского хозяйства и об отношении к кулаку, предостережения от отрицательных последствий политического монополизма и по другим вопросам. Вообще Сталин стремился проявлять политический реализм, советовал так развивать политическую жизнь, чтобы можно было избежать тех больших трудностей, которые пережила Советская страна. В СССР, окруженном враждебными силами, Коммунистическая партия должна была в одиночку прокладывать путь к социализму. Сталин учитывал значительно изменившиеся условия перехода к социализму в странах народной демократии. Эти страны не одиноки, у них есть могу-

чая опора — СССР, для них международные условия намного благоприятнее.

По этим кардинальным вопросам революционного процесса между Сталиным и Димитровым, между Димитровым и Сталиным существует единомыслие. Если хорошо изучить доклад Г. Димитрова на VII конгрессе Коммунистического Интернационала, подобные тезисы об осуществлении власти после победы Народного фронта можно увидеть не только в зародыше, а даже в их развитии. Димитров был последователен, верен себе.

Период 1945—1947 гг. является временем идейных и политических поисков для Сталина и Димитрова. В этом процессе оба крупных деятеля проявляют гибкость.

Часть пятая

Борьба накануне выборов в Великое народное собрание; Георгий Караславов; победа и поражение; Георгий Димитров — Председатель Совета Министров НРБ; оппозиция вблизи; Никола Петков; программная декларация; новый этап; XII пленум; созидание и обструкция; солнце и воздух для нашего народа; Бойко

30 сентября 1946 г., понедельник

Страна идет к выборам в Великое народное собрание. Они состоятся 27 октября.

Уже началась напряженная предвыборная борьба.

Последние пять-шесть дней все внимание Центрального Комитета и товарища Димитрова приковано к этому событию.

В ЦК партии и во время встреч Димитрова с руководителями партий Отечественного фронта продолжительно и углубленно обсуждался вопрос о том, как Отечественный фронт будет участвовать в выборах — единым блоком с общим списком и общей платформой или отдельными списками. Оба способа имели как свои привлекательные, так и вызывающие тревогу стороны: не появятся ли трещины и разногласия в Отечественном фронте, если каждая партия выступит с самостоятельными списками; с другой стороны, не будет ли целесообразнее, если каждая партия покажет, чего она стоит и какой имеет вес? Эти доводы за и против обсуждались, принимались или отвергались, пока наконец все не пришли к общей точке зрения. Она была изложена на заседании Национального комитета Отечественного фронта, состоявшемся 18 сентября с участием центральных руководящих органов партий.

После консультаций было достигнуто соглашение о том, что партии Отечественного фронта выступят с единой платформой и единым списком, однако каждая со своими бюллетенями отдельных цветов, что само по себе внесет оживление в предвыборную борьбу и вызовет, естественно, ее подъем. Каждая пар-

тия будет выступать и в блоке Отечественного фронта, и вместе с тем самостоятельно, а это многое значит.

Но оппозиция тоже не стояла в стороне. Несколько дней назад газета «Народно земеделско знаме» объявила, что сторонники Николы Петкова, пастуховцы-лулчевцы и Петко Стоянов будут «действовать на выборах как дружественные организации». Таким образом, они отказались от своей тактики бойкота, которая так бесславно провалилась прошлой осенью. К участию в выборах готовятся и демократы Мушанов и Гиргинов.

Фронты обозначились.

По всему чувствуется, что предстоит борьба, по накалу страстей и ожесточенности едва ли имеющая себе равную в прошлом.

Наша партия самым активным образом готовится к выборам. 23—24 сентября состоялся пленум ЦК, который выработал партийную тактику и программу на предвыборный период. Пленум утвердил по докладу Димитра Димова списки кандидатов от нашей партии. (Вот некоторые данные из нашего списка: Георгий Димитров возглавит список в третьей коллегии в Софии и в варненской городской коллегии; Васил Коларов стоит во главе наших списков в Пловдиве и Шумене; Трайчо Костов — во второй софийской городской и в софийской сельской коллегиях.) Был принят план агитационной работы партии, и внесены некоторые уточнения в нашу позицию по проекту конституции. Пленум одобрил решение принять участие в выборах в рамках Отечественного фронта «общим списком, но со своим цветом бюллетеня». В заключительном слове товарищ Димитров раскрыл смысл и сущность партийной тактики, подробно разъяснил, какая историческая ответственность лежит на нас в связи с этими выборами. Необходимо, отметил он, мобилизовать всю партию и провести кампанию так, чтобы одержать важную победу.

27 сентября снова состоялось совместное заседание Национального комитета Отечественного фронта и руководства политических партий, на котором было наконец достигнуто соглашение об избирательной кампании Отечественного фронта. В соглашении говорится об укреплении партиями Отечественного фронта его единства, о взаимном уважении и лояльности по отношению друг к другу, о необходимости избегать каких бы то ни было нападок друг на друга или представления перед избирателями партнеров в невыгодном свете, о том, что необходимо выдвигать подходящих, преданных Отечественному фронту кандидатов... Соглашение было подписано всеми членами Национального комитета и руководителями политических партий, подписал его и Георгий Димитров.

Сразу же на следующий день, 28 сентября, в субботу, в клубе-читальне им. Д. Благоева состоялось большое партийное совещание. Оно должно было дать толчок нашей предвыборной работе. В совещании приняли участие парламентская группа, члены ЦК партии и софийский партийный актив. На утреннем заседании с большим докладом о мирном договоре и международном положении выступил Васил Коларов, а потом заведующий Отделом агитации и пропаганды ЦК Рубен Леви (Аврамов) сделал доклад о предстоящей агитационной работе партии.

Во время обсуждения доклада в зале появился товарищ Димитров, занял место в президиуме совещания и стал внимательно слушать выступления. В конце заседания он произнес важную речь, которая продолжалась около 40 минут. Она явилась сигналом к большому наступлению. (Над текстом речи Димитров сегодня работал дополнительно, и завтра, 1 октября, он будет опубликован.) Этими мероприятиями партия, да и Отечественный фронт начинают свою предвыборную кампанию. В сущности, речь Димитрова представляет собой политическую программу работы нашей партии и всего Отечественного фронта в предстоящей кампании; в ней показаны огромная важность и международное значение выборов в Великое народное собрание. В речи поясняется, как Отечественный фронт будет участвовать в выборах, говорится о том, что нельзя не учитывать плюсы и закрывать глаза на минусы принятой системы голосования. Димитров обрисовал эти плюсы и минусы. Одна из положительных сторон состоит в том, что любая партия Отечественного фронта сможет проверить свой действительный морально-политический вес, и, «таким образом, каждая из этих партий сможет уберечь себя в будущем от вредных иллюзий и от опасности переоценить себя в этом смысле» [1]. Отрицательная сторона заключается в том, что отдельные партии могут агитировать против своих союзников и таким образом привести к «расшатыванию, подрыву их сотрудничества» [2]. Однако эта опасность может быть преодолена в значительной степени путем соблюдения достигнутого соглашения, а также с помощью других мер. Но *«под нашим небом нет таких бурь, которые могли бы расшатать основы этого несокрушимого Отечественного фронта»* [3].

Далее Димитров сказал, что мы заинтересованы в участии оппозиционных группировок в выборах. Оппозиции «будет предоставлена возможность созывать собрания и митинги, печатать воззвания и издавать газеты для агитации в свою пользу. Ей бу-

[1] *Димитров Г.* Избранные произведения, т. 2 (1941—1949 годы), с. 264.
[2] Там же, с. 265.
[3] Там же, с. 263.

дет дана такая возможность и по радио, через наше государственное радиовещание Отечественного фронта оповестить народ и избирателей о своей «программе», о своей «платформе»» [1]. Но вместе с тем он предупредил, что, «несмотря на все эти благоприятные условия, нет никакой уверенности, что оппозиционные группировки примут участие в выборах» [2]. «Они проводят психологическую и политическую подготовку к тому, чтобы в дальнейшем бойкотировать выборы в Великое народное собрание» [3].

После этого Георгий Димитров призвал провести выборы таким образом, чтобы не допустить даже малейшего ослабления Отечественного фронта как великого народного движения. Напротив, Отечественный фронт должен стать после выборов еще более сильным, окрепшим, более боеспособным и иметь подавляющее большинство в Собрании. Кроме того, выборы должны пройти свободно, спокойно, при соблюдении закона. Были даны также пояснения о характере нашей агитации, ее содержании и формах.

Сегодня, в понедельник, вечером в Княжеве состоялась встреча товарища Димитрова с писателями-коммунистами. Тема встречи — как писатели-коммунисты смогут оказать своей партии максимальную помощь в предстоящей предвыборной борьбе. Группа писателей-коммунистов уже выработала свой план, который предстояло обсудить на этой встрече. Во встрече участвовали также некоторые члены Политбюро, присутствовали Рубен Леви (Аврамов) и Елена Гаврилова, работающая уже в Агитпропе ЦК. (Я тогда не отметил, кто присутствовал из писателей, но точно помню: были Орлин Василев, Иван Бурин, Камен Калчев, старый пролетарский поэт Димитр Полянов, Крум Кюлявков и Ангел Тодоров; возможно, были и Людмил Стоянов, в то время председатель Союза писателей, и Георгий Караславов.)

На этот раз товарищ Димитров не стал сразу приглашать гостей садиться. Он поздоровался со всеми за руку в вестибюле и тут же начал разговор. В этом было что-то особенно располагающее, то, что возможно только между близкими товарищами и хорошими друзьями. Это подчеркивало исключительный динамизм момента. [Позже Иван Бурин напишет волнующее стихотворение «Беседа с товарищем Димитровым», а Камен Калчев, будущий биограф Димитрова, скажет мне в 1972 г., 26 лет спустя: «Это была моя первая близкая встреча с ним, и я ее очень хорошо помню».]

---

[1] *Димитров Г.* Избранные произведения, т. 2 (1941—1949 годы), с. 268.
[2] Там же.
[3] Там же, с. 269.

— Кто будет докладывать? — спросил шутливо, с лаской в голосе Димитров.

Сообщение сделал Орлин Василев. Своим громовым голосом он рассказал, что наметили делать писатели. Димитров одобрил выработанный план, сделал несколько дополнений. Затем завязался задушевный, свободный товарищеский разговор, который вышел далеко за предусмотренные рамки и затронул не только важные вопросы нашей предвыборной борьбы, но и проблемы литературы и искусства.

— Сейчас мы мобилизовали в распоряжение ЦК писателей-коммунистов. Я хочу особо подчеркнуть, что эта мобилизация писателей добровольная...

И Димитров подробно объяснил, как ЦК намеревается использовать силы и талант писателей-коммунистов.

— Есть вещи,— сказал товарищ Димитров,— которые необходимы в этой избирательной кампании, как хлеб и воздух. Нужно, например, написать книгу, которая была бы обвинительным актом против реакции и ее агентуры — оппозиции. «Обвинительный акт», народ обвиняет!

И он пояснил свою мысль. Это, возможно, будет специальная брошюра, которую нужно написать быстро, «чтобы она была готова в течение недели», напечатана миллионным тиражом и распространена, «чтобы дошла она до последней хижины в нашей стране». Затем он говорил о характере нашей агитации: «Мы не должны хвалить сами себя, у нас нет нужды в этом (пусть восхваляют себя другие), за нас говорят наши собственные дела». Покажите эти дела, людей, которые отдали свою жизнь за счастье болгарского народа. Нужно писать хорошие репортажи, «не такие, как обычно пишут наши репортеры, а живые, художественные, эмоциональные. Чтоб действовали не только на ум, но и на сердце»; «нельзя распылять силы нашей писательской группы, надо сосредоточиться на главных темах, на главных вопросах. Особенно нужно развивать юмор и сатиру; хорошая карикатура нам очень нужна». Одновременно он дал высокую оценку работе сатирических газет «Стыршел» и «Папагал».

— Вообще мы мало обращаем внимания на политический Парнас, а народные массы хотят образных воплощений, художественного выражения наших идей.

Димитров заострил внимание на актуальных вопросах начинающейся ожесточенной предвыборной борьбы, на попытках оппозиции, да и некоторых наших союзников скомпрометировать партию.

— Первое и самое главное,— сказал Димитров,— что попы-

таются использовать против нас,— это их утверждение, будто коммунисты выступают за уничтожение частной собственности в области хозяйственной жизни. А поскольку 80 или 90% нашего населения имеют определенную частную собственность и живут еще на основе частной инициативы, то такие утверждения могут повлиять на многих избирателей, колеблющихся, на часть мелкобуржуазных элементов, а это — тысячи голосов.

Он указал, что нужно самым убедительным образом показать, как Отечественный фронт и наша партия защищают частную собственность трудящихся крестьян от ростовщиков, кулаков и грабителей. Нужно также оградить массы от нашептываний наших противников, что, дескать, если коммунисты захватят большинство в парламенте, то немедленно объявят Советскую власть и коммунизм, что не отвечает истинной линии нашей партии. Оппозиция попытается извратить наши отношения с Советским Союзом и опорочить болгаро-советскую дружбу. Требуется привести самые убедительные примеры, чтобы доказать, какую великую роль играет Советский Союз для нашей национальной независимости и суверенитета.

— Вот такие вопросы и темы,— сказал товарищ Димитров,— вы можете взять и разработать...

Потом добавил в связи с предстоящими большими делами:

— Подлинные творцы и в поэзии, и в художественной прозе не могут рассчитывать только на вдохновение. Они должны работать изо дня в день, из месяца в месяц, чтобы дать что-то ценное... Надо работать!

Поэт Иван Бурин спросил:

— Можете ли вы сказать нам, какие недостатки, по вашему мнению, характерны для наших произведений, посвященных референдуму?

Димитров, выражая свое мнение по этому поводу, наряду с другим сказал следующее:

— Мысль художника должна быть конкретной, ясной, убедительной. Нашим писателям нужно стараться писать образно, доступно, лучше.

Большую часть беседы, и особенно слова Димитрова, я записал и сейчас тороплюсь их дешифровать.

Необходимо отметить и некоторые другие события.

Политэмигранты продолжают возвращаться из СССР. Многие из них прибывают с семьями, созданными там; сталкиваются с большими затруднениями, связанными с жильем. Большинство прибывших с самого начала питается в столовой ЦК на улице Париж. Мы к ним относимся с уважением, любовью и до-

верием. Делами по их отъезду из Москвы занимается Светослав Колев, который некоторое время работал в СССР помощником товарища Димитрова. Списки наших эмигрантов составляются в Софии, подписываются Димитровым и пересылаются советским властям и Светославу Колеву. Обязанностью последнего является быстрое и успешное продвижение дел. У меня такое чувство, что Георгий Димитров готов поручиться за каждого болгарского политэмигранта.

24 сентября в газете «Работническо дело» опубликовано следующее сообщение, которое особенно привлекло наше внимание:

> *Товарищ Стелла Благоева возвратилась в Болгарию*
>
> В субботу самолетом из СССР возвратилась видная болгарская общественная деятельница товарищ *Стелла Благоева,* дочь основателя нашей партии *Димитра Благоева.* Долгие годы она работала в СССР на благо нашего народа, отдавая все силы борьбе за свободу и демократию в Болгарии. Она автор биографии товарища *Георгия Димитрова.* Активно работала в Славянском комитете в СССР, ее статьи о Болгарии передавались по Московскому радио.
>
> По прибытии товарищ Стелла Благоева заявила:
>
> «Я счастлива, что возвратилась на родину после двадцатилетнего пребывания в эмиграции. Приветствую мой народ в связи с провозглашением в стране народной республики... Выражаю надежду, что болгарские женщины примут самое деятельное участие в предстоящих выборах в Великое народное собрание.
>
> Да здравствует болгарский народ во главе с его славным вождем *Георгием Димитровым*».

Стелла Благоева — вдова руководителя Военной организации партии Косты Янкова, трагически погибшего в кровавые апрельские дни 1925 г. Эмигрировала в Советский Союз в 1926 г. Она единственная, кто остался в живых из потомков Деда; сын его Владимир погиб еще в 1925 г., вторая его дочь, Наташа, умерла в эмиграции. Стелла Благоева бездетна, она воспитывала в Москве сына Цолы Драгойчевой Чавдара, родившегося в тюрьме в 1925 г. Не случайно поэтому, что сейчас Стелла Благоева поселилась у товарища Драгойчевой на бульваре Толбухина, недалеко от бульвара Царя Освободителя (ныне Русский бульвар). Стелла Благоева — первый биограф Георгия Димитрова. Ее краткий биографический очерк создан сразу после освобождения Димитрова из гитлеровского плена в 1934 г., написан хорошо, высокохудожественно. Книга быстро проникла в

Болгарию и дошла разными тайными тропками до жаждущих ее читателей, переведена на многие языки. Она и сейчас остается наиболее полным и удачным описанием жизни и борьбы Димитрова. Поэтому и в Болгарии, и за ее пределами переиздается вновь и вновь. Когда и как встретились Димитров и Стелла Благоева, я не понял, но он послал меня отнести ей какую-то посылку. Таким образом, два-три дня тому назад я имел возможность ее увидеть. Ей уже 58 лет, поседевшие волосы, глаза умные, взгляд добрый и ласковый. Говорит тихо, медленно, обдумывая слова; чувствуется сильная натура и властный характер. В Софии она будет работать тоже в Славянском комитете.

16 сентября, т. е. на другой день после провозглашения республики, все члены царской семьи, в том числе свергнутый малолетний царь Симеон и царица-мать Йоанна, покинули пределы страны, отбыв специальным поездом в Турцию, а оттуда в Египет. До Стамбула их сопровождала наша специальная делегация. В заявлении представителям турецкой печати бывшая царица сказала, что отношение к ним было хорошее.

Так закончилась эта страница истории Болгарии.

Дамян Велчев подал в отставку с поста военного министра, он займет должность посланника в Швейцарии, в Берне. Перевернута еще одна страница!

В это же время Кимон Георгиев назначил новый состав правления молодежного «Звена».

Вчера, в воскресенье, 29.IX товарищ Димитров со всей своей семьей был в Самокове, где на городской площади состоялось торжество, в котором принимали участие дети. Было очень трогательно. Его ждали как желанного гостя. После этого он заехал в Чамкорию (Боровец).

2 октября 1946 г., среда

Сегодня я был участником двух встреч товарища Димитрова. Сначала к нему в Княжево прибыла группа представителей Международного союза студентов (МСС), которая находилась в нашей стране. В ее составе был председатель МСС, председатель Национального союза французских студентов — Пьер Трува, деятели студенческих организаций из Англии, Франции, Мексики, Италии — всего шесть человек. Они уселись за длинным столом в гостиной. Димитров был гостеприимен и отзывчив. Наши гости были почтительны и любознательны. Завязался оживленный, содержательный разговор по важным жизненным проблемам, проблемам мировой политики, который длился более двух часов.

Пьер Трува. Какую роль играли студенты и интеллигенция в борьбе болгарского народа против фашизма и какую роль они будут играть в будущем?

Георгий Димитров (кратко ответил, что он любит болгарское студенчество и верит в него, верит, что оно будет идти вперед вместе с народом). Одна из задач Международного союза студентов должна заключаться как раз в том, чтобы соединять, сплачивать прогрессивное студенчество всех стран, обеспечивать взаимное влияние студенчества одной страны на своих сверстников в других странах, с тем чтобы можно было все достижения и все лучшие черты прогрессивного студенчества сделать достоянием студентов всего мира, использовать в борьбе против общего врага. Молодежь — это поколение, которое совершит дела большой исторической важности. Эту большую историческую ответственность, которую молодежь приняла на свои плечи, должен чувствовать каждый сознательный прогрессивный молодой человек, и особенно студенты.

Алексис Буше. Считаете ли вы, что оппозиция может уйти с арены политической жизни?

Георгий Димитров. Эта оппозиция крайне крикливая. Поднимаемый ею шум не соответствует ее действительным возможностям. Она очень похожа на пустую бочку, от которой тем больше шума, чем больше ее катают по булыжнику. Но наша оппозиция представляет известные реакционные круги страны, интересы крупного болгарского финансового капитала, а также интересы иностранного капитала в нашей стране. Она получает политическую и моральную поддержку извне, поэтому по своей сущности, по своему характеру и своей деятельности не является болгарской политической оппозицией. И, как таковая, не имеет будущего... Это вовсе не означает, что в Болгарии нет никакой оппозиции. До тех пор, пока в обществе существуют классы, которые у нас еще есть, классы с противоположными, антагонистическими интересами, оппозиция будет. Но эта оппозиция должна быть лояльной, корректной оппозицией, а не такой, как нынешняя.

Циста Монтель. Я привез вам приветы от американских и особенно мексиканских коммунистов, которые очень вас любят. Я счастлив, что мне довелось увидеть вас. Я тоже член Мексиканской коммунистической партии.

Георгий Димитров. Передайте приветы всем моим знакомым и друзьям, всем коммунистам и демократам Мексики. Я помню, что во время Лейпцигского процесса в мою защиту очень активно выступали в Мексике.

Сегодня состоялось совещание по вопросам работы газеты «Работническо дело», точнее говоря, о ее предстоящих задачах в предвыборной борьбе. В совещании приняли участие секретари ЦК, заведующий Отделом агитации и пропаганды ЦК, представители редакции «Работническо дело». Говорили о неудовлетворительном качестве материалов газеты. Димитров тоже считал, что у газеты много недостатков, ошибок, допускаются опечатки. Особо было подчеркнуто, что сейчас, как никогда, требуется, чтобы газета была боевой и интересной, действенной и точной, чтобы она могла бить в цель без промаха.

Товарищ Димитров дал некоторые конкретные указания: как вести борьбу против клеветнической писанины и мышиной возни оппозиции, как развернуть широкую предвыборную агитацию, как лучше воздействовать на различные слои населения, как оформлять полосы газеты.

Вообще выборы уже стучатся в наши двери.

Вчера после публикации речи Димитрова наша предвыборная кампания развернулась в полную силу. Предстоит тяжелая борьба. Уже имеются сведения, что англичане и американцы готовят попытку грубого вмешательства.

Поживем — увидим, как говорят русские.

26 октября 1946 г., суббота

И сегодня, накануне выборов, предвыборная борьба ведется с необыкновенным, день ото дня усиливающимся ожесточением. В болгарскую предвыборную кампанию, однако, поспешил вмешаться и государственный секретарь США Бирнс. Впрочем, обо всем по порядку.

Еще 4 октября был опубликован подготовленный Отечественным фронтом проект конституции. Он был принят на совместном заседании Национального комитета Отечественного фронта и руководящих органов партий, входящих в правительство. Проект конституции — фактически главная предвыборная платформа Отечественного фронта. Что собой представляет этот проект? Прежде всего он основан на принципе: вся власть исходит от народа и принадлежит народу; Народное собрание — реальное выражение суверенитета народа, верховный орган народной власти. Второй важный принцип: труд признается основным социально-хозяйственным фактором. Труд — долг и дело чести каждого работоспособного гражданина. Таким образом, Болгария становится республикой трудящихся, в отличие от старой Болгарии, где крупный капитал и крупная собственность были решающим фактором жизни. Однако в проекте конституции записаны

и следующие положения: «Частная собственность и частная хозяйственная инициатива признаются, причем частная собственность, приобретенная трудом и бережливостью, пользуется особой защитой».

Кроме того, записано, что земля принадлежит тем, кто ее обрабатывает. Предусматривается, что во главе государства будет Председатель Республики, избираемый Национальным советом избирателей, в состав которого входят представители околийских и областных народных советов. Делается важный шаг к демократизации правосудия — вводятся судебные заседатели и выборность судей. Провозглашаются свобода женщины, отделение церкви от государства. Право на отдых наряду с правом на труд в конституции записывается впервые.

Проект конституции был опубликован для всенародного обсуждения.

А 6 октября, в воскресенье, после обеда в столице на площади 9 Сентября состоялся первый большой предвыборный митинг, организованный Отечественным фронтом.

Несмотря на плохую погоду (было облачно, холодно и дождливо), митинг длился долго, и до самого конца люди не уходили. Более того, когда закончились речи, площадь не опустела, еще долго звучали песни, смех, слышались шутки, то здесь, то там кружились быстрые болгарские хоро. Не случайно писатель Орлин Василев писал: «Кто из врагов это видел, не мог не вздрогнуть...» Митинг был внушительным, на нем выступили самые известные деятели партий Отечественного фронта, и он вылился в демонстрацию его единства.

Никогда прежде писатели не выступали так массово, активно и по-боевому на передней линии фронта. В этом месяце самого острого политического напряжения писатели-коммунисты превратили свое перо в штыки, что убедительно подтверждает тот факт, что все их выступления в печати были встречены оппозиционной прессой неистовой бранью. Георгий Караславов публиковал свои острые фельетоны, а Александр Жендов — талантливые карикатуры. Самые известные наши писатели написали биографические очерки о первых кандидатах партии. Орлин Василев написал краткую биографию Георгия Димитрова, содержащую очень ценные интересные данные. «Никогда и никто до сих пор,— писал он по поводу Лейпцигского процесса,— не поднимал так высоко перед всем миром имя, достоинство и гордость нашей родины». Никола Фурнаджиев, наш вдохновенный поэт, написал очерк о Добри Терпешеве; Людмил Стоянов, выдающийся болгарский поэт и беллетрист,— о Цоле Драгойчевой; Светослав Минков, знаменитый сатирик,— о Димитре Ганеве; Георгий Ка-

раславов — о Владимире Поптомове, Димитр Осинин — о Петко Кунине и т. д.

По всей стране проходили многолюдные митинги и собрания партий Отечественного фронта. 20 октября с большой речью в Шумене выступил Васил Коларов. «Это был самый крупный митинг, какой когда-либо видел Шумен»,— писал один корреспондент. А 15 октября Васил Коларов выступал на грандиозном митинге в Пловдиве, Трайчо Костов — в железнодорожной мастерской в Софии, Райко Дамянов — в Габрово...

Но сбылось предвидение Димитрова. Болгария подверглась сильным атакам извне, имевшим целью вынудить нас отступить, осложнить обстановку в стране, напугать колеблющихся или создать такие условия, которые позволили бы оппозиции избежать поражения.

Генерал Робертсон — руководитель военной миссии США в Софии — потребовал от генерала Бирюзова[1] созыва специального заседания Союзной контрольной комиссии, чтобы определить меры, «гарантирующие проведение свободных выборов...». Как будто речь шла о зависимой стране! Бирюзов незамедлительно отверг это предложение как грубое вмешательство во внутренние дела Болгарии. Он подчеркнул: гарантом свободных выборов может быть только болгарское правительство. Со своей стороны, генерал Окслей (английский представитель в СКК) также потребовал вмешательства Союзной контрольной комиссии в предвыборную кампанию. Ему тоже был дан достойный ответ. Небезызвестный Барнс явился лично к Председателю Совета Министров с дерзкими претензиями. Но дело на этом не кончилось. К 1—2 октября сам государственный секретарь США Бирнс попытался оказать давление, написав письмо Председателю Совета Министров Болгарии. 2 октября Кимон Георгиев позвонил Георгию Димитрову, после чего они встретились для уточнения позиции в связи с письмом Бирнса. Состоялось и заседание Политбюро, на котором было проанализировано создавшееся положение; Димитров назвал эти действия «демаршем американцев и англичан». Кимон Георгиев ответил на письмо Бирнса с должным достоинством и со всей категоричностью.

На другой день, 3 октября, Димитров вылетел в Москву, чтобы проинформировать советское руководство об этих грубых попытках давления на Болгарию. В разговоре с советскими товарищами была подтверждена наша точка зрения, что следует

---

[1] В июне 1946 г. С. С. Бирюзов по просьбе ЦК БРП(к) и лично Г. Димитрова снова назначается на работу в Болгарию и возглавляет Союзную контрольную комиссию.— *Прим. перев.*

ожидать любых провокаций, и одновременно высказано мнение, что у нас нет никаких причин отступать под этим нажимом и что мы можем неуклонно идти своим путем.

Между тем оппозиционные партии, оставаясь верными себе, трезвонили об этих акциях давления на болгарское правительство и снабжали наших недругов материалами, нужными для усиления этого давления. Наша печать рассказала о ряде случаев, когда оппозиционные группировки вызывали беспорядки, организовывали саботаж, устраивали драки. Оппозиционная печать дошла до открытой наглости: она чернит и охаивает всех — писателей, деятелей культуры, союзников, пытается в гнусном виде представить их прошлое, выставляет напоказ их бывшие ошибки по отношению к коммунистической партии и революционному движению (а в той сложной борьбе трудно было избежать ошибок; однако суть не в этом: важно было другое — осознаны ли эти ошибки и исправлены ли они); оппозиционеры раздувают незначительные случаи и таким образом пытаются запугать деятелей культуры и наших союзников — не коммунистов, что если они будут выступать в поддержку Отечественного фронта, то они рискуют быть облитыми помоями. Нечестная, нечистая, грязная работа!

Всячески спекулируют на недовольстве населения, для которого оснований предостаточно: в городе не хватает продуктов питания, одежды, жилья, на селе недостаточно товаров первой необходимости, а запасы создавать тяжело. Почти не бывает номера оппозиционных газет, в котором бы не прибегали к самым низменным спекуляциям по вопросам частной собственности и ее наследования — будто бы ей угрожает полная ликвидация, будет отменено право наследования, не будет сберкасс... Вот такую вселяющую страх картину, как уверяла оппозиционная печать, будет представлять собой Болгария под управлением Отечественного фронта. К тому же оппозиционеры ежедневно и неистово трезвонят во все колокола, что в Болгарии якобы отсутствует свобода и совершается насилие. Один из болгарских журналистов с полным основанием писал: «Наша политическая история не знает такой клеветнической, провокаторской подлости».

По всей стране три оппозиционные партии организовывали собрания. Состоялся митинг и в Софии, на самой площади 9 Сентября. Трибуной во время митинга служили ступеньки здания Народного банка. Поочередно ораторствовали Никола Петков, Коста Лулчев, Петко Стоянов. Товарищ Димитров поручил Банчеву стать где-нибудь в укромном месте и наблюдать за ходом митинга, чтобы затем доложить ему. Ему хотелось, как всегда,

узнать все о митинге быстро и точно непосредственно из уст свидетеля. Банчев возвратился к обеду и рассказал, как проходил митинг. На вопрос, сколько, по его мнению, собралось народу, он неопределенно пожал плечами, помолчал, подумал и сказал, что, возможно, было 60—80 тыс. человек, если сравнивать с количеством участников митингов, устраиваемых нашей партией, и степенью заполнения площади. По его впечатлению, собрались преимущественно хорошо одетые, упитанные люди, хотя были привезены и отдельные группы крестьян из некоторых окрестных сел. На вопрос, были ли какие-нибудь нарушения порядка, он ответил, что никаких инцидентов не было, милиция стояла в стороне; были там и люди, которым было просто любопытно посмотреть, что все-таки представляет собой митинг оппозиционеров. Но участники митинга избегали каких бы то ни было распрей. На вопрос, о чем говорили ораторы, Банчев ответил:

— Да о том же, о чем говорили и вы, товарищ Димитров, в выступлении перед парламентской группой,— отрицание и отрицание, никакой конструктивности, только злоба и желчь.

Затем Банчев по своим стенографическим записям воспроизвел конкретное содержание выступлений. Димитров слушал его внимательно, время от времени вставляя отдельные реплики.

21 октября в Софии состоялись близкие по месту проведения, но в корне противоположные по политическому содержанию собрания. В трамвайном депо в Красном селе состоялся многолюдный митинг, на котором выступила товарищ Цола Драгойчева, в то же время напротив, в зале кинотеатра «Красно село», говорил оппозиционер Никола Петков. После завершения обоих собраний произошла стычка между их участниками.

Еще будучи в Москве, товарищ Димитров прислал 10 октября телеграмму с ясным предупреждением:

> «Следует ожидать, что в течение последней недели накануне выборов оппозиционеры могут прибегнуть к разным трюкам, пустить в ход лживые слухи и фальсификации, а их патроны могут предпринять новые демарши. Оппозиционеры концентрируют свое внимание на всевозможных провокациях и попытках вызвать беспорядки в стране... Необходимо быть готовыми ко всему этому».

Далее он давал отдельные конкретные указания, как надо действовать.

В середине октября, т. е. спустя три-четыре дня после телеграммы Димитрова, из Парижа неожиданно было получено известие, вздорное по своему содержанию. Его нельзя было истолковать иначе как новую попытку международной реакции оказать давление на Болгарию. Вопреки предварительной договоренно-

сти четырех министров иностранных дел и решению соответствующей комиссии Парижской конференции о том, что сохраняется статус-кво греко-болгарской границы, на пленарном заседании 12 октября при голосовании статей мирного договора не было закреплено положение о неизменности болгаро-греческой границы, и, таким образом, претензии греческих реакционеров остались открытыми. Факт, беспрецедентный по своей дипломатической и политической наглости, предназначенный, бесспорно, для использования его реакцией внутри Болгарии. Оппозиция моментально ухватилась за него со страстью, достойной лучшего применения. Оппозиционные газеты со злобным воем и клеветническими обвинениями набросились на болгарское правительство. Где-нибудь, возможно, и было бы наоборот: раз реакционные силы за рубежом играют на нервах народа и посягают на его территорию, против них направляется патриотический гнев всей общественности, так как речь идет о коренных интересах страны. Где-нибудь точно так бы и случилось. У нас этот антиболгарский акт не нашел на страницах трех претендующих на звание болгарских газет никакого осуждения. Напротив, он оказался для них очень желанным, и они кинулись всячески бранить болгарское правительство перед всем миром. Но современное международное положение не похоже на то, что было в 1918 г. Мир — уже не разгороженный двор без собаки, и, как подчеркнул Г. Димитров, Болгария не беспомощная игрушка в руках наемных международных реакционных сил. Из Парижа опять пришла новая весть, ободрившая нас. Бумеранг попал в того, кто его бросил... На пленарном заседании конференции 14 октября выступил Молотов. Он заявил, что голосование на конференции было неправильным и его результаты не могут быть признаны Советом министров иностранных дел, что претензии Греции не могут быть одобрены ни на конференции, ни после нее. «Просчет, сделанный в этой политической игре,— вынес он тяжелый приговор,— очевиден».

И далее сказал, обращаясь уже не только к тем, кто присутствовал на конференции, а и ко всему болгарскому народу:

«...Мы с уверенностью говорим болгарам — нашим друзьям: «Болгары, будьте спокойны, ваша граница останется непоколебимой»» [1].

Однако злополучное голосование на конференции разожгло новую антиболгарскую кампанию в Греции. Предъявляются все более наглые требования, мечтают о репарациях в размере чуть ли не в 1 млрд. долларов. Западные союзники греческих прави-

[1] Советско-болгарские отношения. 1944—1948 гг. М., 1969, с. 258.

телей, как более скромные, свели их к 125 млн. долларов... Вышинский по этому поводу взял слово и со свойственным ему остроумием высмеял их.

— Но поторгуемся, господа греческие делегаты, может быть, сойдемся и на 25 миллионах долларов.

По оценке Вышинского, греческие претензии были вполне достойны какого-нибудь юмористического журнала.

15 октября и сама мирная конференция, павшая так низко за последние дни, закончила свои заседания. Продолжались заседания четырех министров иностранных дел, которые должны были принять окончательное решение.

Между тем Болгария не теряет присутствия духа и уверенно идет навстречу выборам.

Партия мобилизовала все свои силы, чтобы народные массы почувствовали реальные плоды народной власти. Все активнее проводится аграрная реформа. Повсюду в стране усиленно работают комиссии по ее претворению в жизнь. Так, например, в Старозагорской области выделена земля 827 безземельным и малоземельным крестьянам, им роздано 1350 *га* земли за 59 млн. левов. Суды усиленно рассматривают дела крупных богачей, нажившихся на спекуляциях в военное время. В печати часто публикуются сообщения о новых приговорах и новых фактах конфискации имущества в пользу государства. Видно, что классовая борьба, не только политическая, но и экономическая, и в городе и на селе обостряется.

23 октября появилось сообщение, что Крыстю Сарафов и Стоян Бычваров, выдающиеся деятели болгарского театра, приняты в члены БРП(к).

В последние дни перед выборами в борьбу активно включился и Георгий Димитров. Как было предусмотрено, его участие приберегали к концу, чтобы можно было с помощью его высокого авторитета и веса склонить чашу весов. 22 октября состоялся митинг в Варне, где выступал Георгий Димитров. С ним в поездку был приглашен писатель Георгий Караславов, который в тот же вечер передал репортаж об этом событии в Варне. Как писал Караславов, подобного митинга не помнит никто. Отовсюду поездами, машинами, на лодках прибыли десятки тысяч горожан и крестьян. «Такой огромной, волнующейся, любопытной, восторженной и пестрой массы красавица Варна до сих пор не видела». Не только на площади, но и на подоконниках и крышах домов, на деревьях — везде стояли и сидели люди. «Варна насчитывает 85—90 тысяч жителей. На митинге же было 100 000»,— писал Караславов, пораженный увиденным. Появление Георгия Димитрова было встречено «внушительным востор-

женным возгласом». «Масса качнулась, напряглась и прорвала в отдельных местах оцепление... Неудержимый вихрь любви и восторга».

Митинг был открыт Георгием Трайковым, секретарем Национального комитета Отечественного фронта, возглавляющим список кандидатов от БЗНС в Варне. На трибуне были представители различных организаций, они приветствовали Димитрова. После выступления представителя областного комитета БРП(к) последовали приветствия от других партий Отечественного фронта, Болгарского народного женского союза, молодежи, военных, пионерской организации, от ударников труда. В конце митинга с кратким ответным словом выступил глубоко взволнованный Димитров.

Стояла сырая, холодная погода, и было немыслимо без серьезного риска для его здоровья выступать на открытом воздухе. Поэтому сразу же после митинга в зале Дома физкультуры состоялось публичное собрание. Здесь Димитров произнес предвыборную речь, длившуюся 1 час 40 минут. «Товарищ Георгий Димитров,— писал Георгий Караславов,— обрисовал самобытный путь Отечественного фронта», речь его «ясная, глубокая, принципиальная, сильная и мудрая». Площадь была радиофицирована, и десятки тысяч людей стояли и слушали эту речь.

Настал день и последнего его предвыборного выступления — вчера (25 октября) на большом митинге трудовой Софии на площади 9 Сентября. Димитров был единственным оратором. Речь свою он подготовил заранее, поэтому я имел возможность ознакомиться с нею. На митинге я не присутствовал, так как дежурил у телефонов, передачу слушал по радио. Как всегда, его речь была страстной и полемичной, он владел 200-тысячной массой народа, порой площадь походила на разбушевавшееся море. Димитров объявил, что начата разработка первого народнохозяйственного плана Болгарии — важного фактора преодоления нашей отсталости.

Когда я слушал его речь по радио, то ясно чувствовал нарастающую хриплость его голоса и одышку (радио рельефнее передает человеческий голос). Именно эта одышка во время публичных выступлений была причиной ходивших среди населения упорных слухов, что Димитров болен грудной жабой. Здоровье его, очевидно, было подорвано. Но, как и всегда, он не жалел себя. Во всяком случае, когда прозвучали слова: «Но Отечественный фронт стоит и будет стоять непоколебимо, как гранитная скала» [1], слова, сказанные с какой-то неизмеримой духовной и

---

[1] *Димитров Г.* Избранные произведения, т. 2 (1941—1949 годы), с. 288.

физической силой, площадь забурлила: «ура», аплодисменты, возгласы, скандирование лозунгов; радиоприемник просто излучал огромное воодушевление. «...Сегодня Рабочая партия,— заявил Димитров,— является главной силой Отечественного фронта... Это результат верности и преданности нашей партии своему народу, ее непоколебимой борьбы, огромных и тяжелых жертв, которые она принесла ради общего дела народа»[1].

Наступало 27 октября, день выборов.

29 октября 1946 г., вторник

Выборы в Великое народное собрание прошли!

В воскресенье, 27 октября, мы с Банчевым, проголосовав, заступили на пост в Княжево. К обеду отправился голосовать и товарищ Димитров. Банчев поехал с ним, я остался у телефонов.

— Записывайте все, что будет,— сказал мне Димитров перед отъездом.— Когда вернусь — проинформируете.

Стемнело. Роза Юльевна давно уже беспокойно ходила по комнатам, нетерпеливо посматривала на входную дверь, а их все не было. Раза два они звонили по телефону из разных мест Софии, спрашивали о новостях. Когда же наконец вернулись, мы увидели, что они радостно возбуждены.

— Ну и хлопот было,— сказал мне, смеясь, Банчев.— Я с ног валился. Как только бай Георгий выдержал!

Оказалось, они побывали не только на избирательных участках Софии, но и в Пернике (что было определено предварительным маршрутом), и в Радомире. Совершенно неожиданно попали в маленький городок, километрах в пятидесяти от Софии, где Димитров провел раннее детство и с той поры там не бывал. Димитрова сопровождал Георгий Караславов. Уже в понедельник он опубликовал большой, взволнованный, написанный талантливо репортаж о пребывании Димитрова в день выборов в Софии. Когда он его сумел написать? Разумеется, ночью! С рукописью — прямо в типографию. Большой писатель и одаренный публицист, он писал быстро и оперативно. В его публицистике чувствуется сила коммунистической и партийной страсти (а для нас понятие «партийность» — синоним правдивости и высокой коммунистической идейности). Он обладает доблестью беззаветно преданного воина, который, не жалея сил и времени, не отступая перед градом пошлостей, сыплющихся по его адресу со стороны врага, непримиримо воюет за правое дело. Быстрота, с которой написан репортаж, сохранила самое главное — непо-

---

[1] *Димитров Г.* Избранные произведения, т. 2 (1941—1949 годы), с. 296.

средственность впечатлений и свежесть чувства. В другом репортаже, напечатанном сегодня, во вторник, Караславов прослеживает все с той же обостренной наблюдательностью поездку Димитрова в Перник и Радомир.

Но вернемся к тому моменту, когда решалась судьба Болгарии.

Мы неотлучно сидели у телефонов в Княжеве и поддерживали непрерывную связь с Центральным Комитетом. Каждое важное сообщение, поступавшее туда, незамедлительно передавалось и нам. А в Центральном Комитете была организована безупречно работавшая система быстрой информации со всех уголков страны, от каждого областного и околийского комитета партии, из районов Софии. Все полученные при подсчете результаты немедленно передавались по телефону в ЦК. Первые сведения, прежде всего с отдельных участков Софии, начали поступать еще с 20 часов. А после 21 часа собралось постепенно почти все Политбюро. Первым пришел Георгий Дамянов, потом Васил Коларов, Трайчо Костов, Цола Драгойчева, Райко Дамянов, Петко Кунин, заглянул на какое-то время Владимир Поптомов, другие товарищи. Ужинали, смотрели фильмы, разговаривали, комментировали последние новости. То радостно смеялись, то что-то оживленно обсуждали в ожидании результатов.

Мы с Банчевым были в кабинете у телефонов, порой мы оба одновременно снимали трубки и записывали в блокноты полученные известия, затем бежали через вестибюль в гостиную. Подходили к Димитрову — будь то во время ужина, во время просмотра фильма или оживленных разговоров — и громко объявляли только что полученные сведения.

Вначале нельзя было сказать ничего определенного. Результаты не были одинаковыми. Например, в 1—2 софийских избирательных участках процент голосов колебался, а из отдельных сел Шуменской, Пловдивской и Бургасской околий пришли вести, вызвавшие буйную радость,— наша партия собрала наибольшее число голосов; в крупном селе Стрелча, например, из 3 тыс. избирателей 2300 отдали свои голоса за нашу партию; в селе Александрово 232 бюллетеня были поданы за нашу партию, 113 — за БЗНС, 23 — за оппозицию; 90% голосов в селе Лисичево отданы нашей партии; в 1—2 софийских участках результаты были в пользу оппозиции, в отдельных селах они также колебались.

Чем больше проходило времени, тем более определенными становились сведения. Голоса были отданы за Отечественный фронт! Красный бюллетень — партийный лист БРП(к) — подало наибольшее число избирателей. Димитров не расставался со

своей трубкой и на каждое новое сообщение реагировал короткими репликами. Когда, например, пришло известие из Пловдива — 60% голосов подано за нашу партию, он сказал:

— Браво, пловдивцы! Вот что значит рабочий класс. Трудности, карточки, нормы, однако рабочий класс — это рабочий класс!

Затем пошутил:

— А впрочем, как же может быть иначе, раз Васил там работал?

Но Коларов ответил на шутку серьезно:

— Георгий! Ты забываешь, что там Дед лично заложил основы!

А когда пришло сообщение, что в Пернике 68% отданы за нашу партию, вспыхнули настоящие овации. Димитров засмеялся, радостный и довольный, и от всего сердца сказал:

— Шахтеры показали, на что способны! Верный народ!

— Товарищ Димитров, нет нужды им идти с кирками в Софию! — добавил кто-то.

Трайчо Костов сказал:

— Бюллетени их сделали ту же работу!

И так в продолжение всей ночи до самого утра.

В ЦК суммировали результаты. Уже по предварительным данным нам смогли сообщить оттуда, что Отечественный фронт побеждает с огромным преимуществом — 70%, что более 50% голосов отданы за нашу партию. Все ощутимее чувствовалось приближение огромной победы! Все поздравляли друг друга и разошлись радостные и возбужденные.

Вчера, в понедельник, вечером, после объявления результатов выборов на улицах, в центре Софии, состоялась величественная демонстрация, возникшая стихийно. Развевались флаги, пели песни, народ собрался на площади 9 Сентября. Там на импровизированной эстраде читала стихи Магда Колчакова, играл военный оркестр... Тут же появились ораторы, которые поздравляли народ с победой. Ликование не стихало до поздней ночи.

Вечером Димитров передал рукопись своей статьи, написанной им в послеобеденное время. Она предназначалась для передовицы партийного органа, который должен выйти во вторник, и озаглавлена: «После выборов в Великое народное собрание».

«Блестящая победа Отечественного фронта на выборах в Великое народное собрание,— прочел я в статье Димитрова,— наполняет сердца всех истинных патриотов огромной радостью и надеждой. ...В своем огромном большинстве наш народ проявил политическую зрелость, стойкость и мужест-

во... С другой стороны, оппозиция потерпела на выборах тяжёлое моральное и политическое поражение»[1]. 2270 тыс. голосов за нашу партию «представляют в наших условиях грандиозную силу для Отечественного фронта. В то же время они будут висеть над головой реакции и врагов народа как настоящий дамоклов меч. После таких результатов выборов наш народ сможет еще увереннее идти вперед по спасительному пути, намеченному Отечественным фронтом. Надеждам наших внутренних и внешних врагов на реставрацию, на возврат Болгарии к проклятому прошлому наносится сокрушительный удар.

Наша партия сознает огромную ответственность, которую народ возложил на нее, отдав ей почти 60% своих голосов. И она приложит все силы, чтобы полностью оправдать это высокое и исключительно ценное доверие»[2].

Сегодня эта статья воспринимается как первый важный и значительный итог.

4 ноября 1946 г., понедельник

Стали известны и окончательные результаты выборов. За Отечественный фронт проголосовало 2 981 189 человек, что дало возможность получить 366 депутатских мандатов, в том числе за БРП(к) — 2265 тыс. голосов — 275 мандатов; 69 мандатов у БЗНС, у «Звена» — 8 мандатов, 9 мандатов получили социал-демократы; объединенная оппозиция собрала 1177 тыс. голосов — получает 99 мандатов, демократы — 22 тыс. голосов, без места в парламенте. Около 70% голосов отданы за Отечественный фронт, в том числе 64% — за Рабочую партию. Картина более чем ясная! Полная, безусловная, грандиозная победа Отечественного фронта! Полное преимущество в голосах и в депутатских местах за нашей партией. Наша партия показала себя первой и самой крупной политической организацией в стране. И вместе с тем еще более четко обозначилась поляризация общественных сил! Блестящая победа! Поражение оппозиции, или, как выразился товарищ Димитров, ее «тяжелое моральное и политическое поражение»[3].

Зарубежные журналисты, которые присутствовали при голосовании и посетили в день выборов различные районы столицы

---

[1] *Димитров Г.* Избранные произведения, т. 2 (1941—1949 годы), с. 299.
[2] Там же, с. 300—301.
[3] Там же, с. 303.

и страны, единодушны в своей оценке — выборы прошли свободно и спокойно. Так, например, Филипп Прайс, корреспондент газеты «Манчестер гардиан», передал по телефону в свою газету, что в день выборов обеспечивалась полная свобода.

Полученные дополнительные сведения раскрывают любопытную картину: сторонники Николы Петкова обеспечили себе большинство голосов в крупных городах, и прежде всего в их центрах. Они собрали голоса в центре Софии, где раньше баллотировался Александр Цанков; на них ориентировались в первую очередь буржуазные элементы. Таким образом, констатировал Димитров, объединение реакционных сил фактически произошло вокруг оппозиционного блока «земледельцев» — петковцев и «социал-демократов» — лулчевцев, а не вокруг открытой и чисто буржуазной партии демократов. Реакционные круги не голосовали за демократов, несмотря на то что они вернее и более определенно выражали интересы и взгляды реакции. Демократическая партия была отвергнута и не сумела получить в Народном собрании ни одного депутатского места. Отчаянный маневр классовых сил реакции и консерватизма, которым, разумеется, нельзя отказать в известной гибкости. Оппозиционный БЗНС и оппозиционная Социал-демократическая партия дали приют самым реакционным политическим силам в Болгарии в самый решающий для них момент. Логика сползания по наклонной плоскости привела сюда и «земледельцев» Н. Петкова, и «социал-демократов» Лулчева. Сами себя они называли «земледельцами» и «социал-демократами», а объективно собрали вокруг себя последнюю надежду всей черной реакции, регресса и консерватизма. Как в сказке: пошла девица цветы собирать, вернулась с дитем во чреве, дите вынашивала, урода родила.

Реакционные силы все больше консолидируются, рассчитывая на страх буржуазных кругов перед национализацией и конфискацией. Будущий социализм их пугает и мобилизует.

Недовольство части трудящихся, тяжелое материальное положение после войны, большой внешний нажим относительно вопроса репараций и мирного договора, шантаж атомной бомбой и угрозой уничтожительной мировой войны — вот часть причин, как пояснил товарищ Димитров, которые дали оппозиции четверть голосов. К этому, подчеркивал он, следует добавить, разумеется, и то, что Отечественный фронт не смог справиться с некоторыми конкретными экономическими задачами из-за отсутствия собственного опыта управления, неподходящего состава правительства и медлительности в работе государственного аппарата. Послевоенное положение в любой стране беременно недовольством народных масс, большими затруднениями для пра-

вительства. Мы должны переболеть послевоенными годами со всеми их дьявольскими трудностями и вопреки всему сохранить веру и надежду у огромного большинства народа, сберечь его доверие к партии и Отечественному фронту.

Некоторые партии Отечественного фронта постигла неудача. О радикалах говорить нечего, их судьба с самого начала была ясна; но со «Звеном» произошла настоящая трагедия — они получили всего 8 депутатских мандатов [1]. Не был избран даже Кимон Георгиев. Как политическая партия «Звено» фактически перестало существовать. Остался узкий круг деятелей, не сумевших наладить связи с широкими слоями общественности. Для Кимона Георгиева это была и личная драма, которую, как я понял, он очень тяжело переживал. Очередная попытка членов «Звена» выйти за пределы своего круга и связаться с массами потерпела еще одну неудачу. Оказалось, что их связь с массами в последнее время осуществлялась... через Отечественный фронт, и прежде всего через нашу партию. Показательны заявления, сделанные Кимоном Георгиевым 29 октября. Вот его вывод: «Спасительное дело, начатое 9 сентября 1944 г., будет доведено до счастливого завершения».

Комментарий по этому вопросу был сделан и товарищем Димитровым:

«Заслуживает быть отмеченным тот факт, что наши союзники по Отечественному фронту не получили на выборах ожидавшегося количества голосов... Каждый, кто добросовестно проанализирует результаты выборов по всей стране и по отдельным избирательным округам, не может не прийти к заключению, что главная причина этой временной неудачи на выборах заключается в том, что во время избирательной кампании, как и до нее, соответствующие партии не отмежевывались ясно и решительно от оппозиции, что они не вели достаточной борьбы против злостной демагогии оппозиционеров, кричавших о какой-то «коммунистической опасности» или о «коммунистической диктатуре». Таким образом, в глазах многих своих избирателей они отождествляли себя с оппозицией, а эти избиратели легко поддались влиянию демагогии оппозиционеров и предпочли голосовать за кандидатов оппозиции» [2].

Во вторник, 29 октября, под вечер, товарищ Димитров принял находящихся в стране в связи с выборами иностранных жур-

---

[1] В соответствии с положениями избирательного закона Отечественный фронт распределил дополнительно 22 мандата, в результате чего «Звено» получило 8 мандатов, а радикалы — 4 мандата.

[2] *Димитров Г.* Избранные произведения, т. 2 (1941—1949 годы), с. 301.

налистов. Их было около 30 человек — швейцарские, английские, американские и другие корреспонденты самых различных западных издательств и агентств, а также наши советские и югославские братья. Собрались за столом в гостиной. Состоялась длительная беседа. Встреча продолжалась около четырех с половиной часов. Откровенно говоря, это было утомительно, а Димитров, как истинный воин, слушал, отвечал, беседовал — неустанно и терпеливо. Он сделал подробный обзор результатов выборов и характера народного волеизъявления, говорил по ряду важных международных проблем. Изложение беседы с зарубежными журналистами появилось в нашей печати 1 ноября; в тот же вечер оно было передано телеграфными агентствами и после этого опубликовано в разных вариантах во всем мире.

1 ноября была опубликована новая статья Димитрова — «Десять важнейших заповедей». В ней перечислены заповеди, обязательные для всех партий Отечественного фронта и общественных организаций, для всех болгарских патриотов, вытекающие из волеизъявления народа 27 октября[1]. На состоявшемся 2 ноября в ЦК партии совещании с секретарями обкомов заповеди были названы «новой программой близкого исторического будущего». Вечером Димитров встретился с первыми секретарями обкомов и имел с ними беседу.

В тот же день он дал интервью представителю Ассошиэйтед Пресс в Софии.

Вопрос. Каково ваше мнение, как основателя Отечественного фронта, об Отечественном фронте с учетом результатов выборов?

Ответ. Отечественный фронт, как союз антифашистских, демократических, прогрессивных сил болгарского народа, является исторической необходимостью... Он продолжит свое существование и руководство судьбой Болгарии.

Димитров подчеркнул далее, что выборы внесли изменения в соотношение представительства партий Отечественного фронта в парламенте, но, однако, они продолжат свое сотрудничество, направленное на укрепление Отечественного фронта.

Слова Димитрова об изменении соотношения сил в Отечественном фронте произвели на меня самое сильное впечатление. Произошло такое изменение, которое было естественным еще 9 сентября, но не могло до настоящего времени осуществиться другими путями; создавшееся искусственное соотношение представительства в парламенте и распределение министерских мандатов тормозили прогресс страны уже в течение двух лет. Вот

[1] См. *Димитров Г.* Избранные произведения, т. 2 (1941—1949 годы), с. 312.

почему тот факт, на который обращал внимание Димитров, является самым важным результатом выборов. Наша партия занимает уже естественно принадлежащее ей место. Таким образом, общественное развитие страны пойдет намного увереннее по пути социального прогресса.

В ответах на другие вопросы Димитров объясняет, что, хотя наша партия и имеет право образовать самостоятельное правительство, она впредь будет выступать за правительство Отечественного фронта. В конце интервью он отметил, что решения по Болгарии Московского совещания союзников — пройденный этап; народ ясно и категорично сказал свое слово.

А между тем из газеты «Народно земеделско знаме» мы узнали, что в редакции нью-йоркской газеты «Вашингтон ивнинг стар» даже через океан услыхали, что выборы в Болгарии были проведены «путем насилия и угроз». Упоминавшийся выше Филипп Прайс поспешил отказаться от своей первой оценки, что во время выборов соблюдалась полная свобода, и сообщил, что, как он потом убедился, «такой свободы, как ее понимают на Западе, не было». Машина была задействована.

А отовсюду Димитрову поступают восторженные поздравления по случаю победы на выборах. Много телеграмм получено и из-за рубежа.

Прошла неделя от 27 октября до 2 ноября; каждый ее день и почти каждый ее час были наполнены кипучей деятельностью: почти не было дня, когда бы Димитров самым тесным образом не общался с представителями печати — болгарскими и иностранными. Вот короткая иллюстрация: 28-го — им написана статья о результатах выборов; 29-го — у него состоялась продолжительная беседа с зарубежными журналистами; 31-го — написана статья «Десять важнейших заповедей», опубликованная 1 ноября; 2-го — дал интервью представителю Ассошиэйтед Пресс и имел беседу с секретарями областных комитетов партии, одновременно с этим организовывал встречи, заседания, совещания, писал телеграммы.

На этой неделе Димитров в самой высокой степени проявил свой стиль общественного деятеля — частые встречи с массами, максимальное использование печати и радио, интервью, заявления, встречи с журналистами. Он был в своей стихии народного трибуна и крупного политического деятеля, который использует каждый случай и каждую возможность, чтобы оказывать влияние, воздействовать на болгарский народ, ориентировать и информировать его, отчитываться перед ним, искать у него поддержки и одобрения, вести его за собой. Дни и часы удивительного динамизма, когда стираются грани между днем и ночью.

Заканчивалось одно заседание, начиналось другое. После встречи с деятелями партий Отечественного фронта Димитров немедленно брался за перо и с интенсивностью, которая прямо-таки удивляла, за очень короткое время писал статью. В то же время просматривал проект нового меморандума болгарского правительства четырем министрам иностранных дел, в котором в самой категоричной форме подтверждалась болгарская позиция по мирному договору; подготавливал дальнейшие мероприятия в общественной и государственной жизни, и прежде всего шаги, направленные на создание нового правительства.

8 ноября 1946 г., пятница

Вчера состоялась первая сессия Великого народного собрания (ВНС). Открытие ее проходило в торжественной, внушительной, волнующей обстановке, но... до определенного момента. Была повторена официальная церемония, проводившаяся 16 сентября,— почетный караул, духовой оркестр, масса народа на площади перед Народным собранием. Незадолго до 12 часов Георгий Димитров и другие видные деятели партии вошли в зал. Депутатские места оппозиции — она занимает правое крыло зала — были все еще пусты; ее представители продолжали оставаться в кулуарах.

Точно в 12 часов Председатель Совета Министров Кимон Георгиев пригласил в зал членов председательства Народной республики во главе с Васил ом Коларовым, а депутатов оппозиции все еще не было, их места угрожающе зияли пустотой. Только когда Коларов, как временный Председатель Республики, встал и начал зачитывать свою речь, оппозиционеры ворвались в зал через боковые двери с правой стороны. По старой традиции в болгарском парламенте слово главы государства при открытии первой сессии Собрания выслушивалось депутатами стоя, но депутаты оппозиции не соизволили соблюсти традицию и в продолжение всего выступления нахально и вызывающе сидели. Их поведение и дальше оставалось таким же скандальным. Уже с первых слов Председателя Республики Никола Петков начал подавать реплики. Он, Лулчев и другие их единомышленники злобно и желчно шипели почти после каждой фразы Коларова. Таким образом, с самых первых минут заседания они пытались создать атмосферу ненависти, беспорядка и элементарного неуважения к присутствующим, окружающей обстановке и самому органу власти. Не знаю, были ли когда-нибудь и где-нибудь подобные случаи разнузданного поведения во время выступления главы государства. Между правительственной группой и оппози-

ционной время от времени вспыхивали острые словесные стычки. При таком положении тяжелые дни предстоят для работы Великого народного собрания.

Но Васил Коларов сохранил хладнокровие и произнес свою речь, ни разу не остановившись.

Председательствовал в Собрании старейший депутат — доктор Рачо Ангелов. Провели выборы председателя ВНС. Подавляющим большинством был избран Васил Коларов. Он продолжал оставаться временным Председателем Республики. Перешли к рабочей части заседания — выборам комиссии по проекту порядка деятельности Собрания и принятию повестки дня следующего заседания. Никола Петков снова попытался поднять скандал. Стало явным, что оппозиция намерена терроризировать Собрание и создать обстановку напряженности и беспорядка. Когда было упомянуто имя доктора Пенчо Костуркова, Петков злобно выкрикнул: «Он депутат от ЮНРРА» [1], намекая на то, что Костурков получил мандат при дополнительном распределении. Поэтому даже всегда сдержанный и владеющий собой Трайчо Костов не выдержал и крикнул: «Хулиган!»

Значит, наши «милые» оппозиционеры предпринимают фронтальную атаку! Но такую атаку можно организовывать только тогда, когда за спиной у тебя большие силы. На кого они рассчитывают? На себя? Конечно нет. Им не на кого рассчитывать в стране; слишком слабы их позиции, чтобы позволять себе сжигать все мосты и так вызывающе себя вести.

20 ноября 1946 г., среда

Из многих событий, которые произошли на этой неделе, хочу отметить три.

Прежде всего, заседание нашей парламентской группы 12-го, во вторник, на котором была узаконена группа, приняты правила ее работы, председателем избран Г. Димитров. В связи с пожеланиями товарищей в конце заседания он произнес краткую напутственную речь о задачах группы. Он особо остановился на деятельности и поведении оппозиции в ВНС. «Ее дебют на первом заседании,— сказал он,— плачевен и пойдет ей во вред». Вместе с тем Димитров предупредил, что оппозиция может маневрировать, разводить демагогию, провоцировать; все это тре-

---

[1] ЮНРРА — Администрация помощи и восстановления Объединенных Наций; создана в ноябре 1943 г. представителями 44 стран с участием СССР. Задачей ЮНРРА было оказание помощи странам, пострадавшим во время второй мировой войны, по восстановлению их экономики.— *Прим. перев.*

бует от членов парламентской группы быть постоянно на высоком политическом уровне, сохранять самообладание, достоинство и не поддаваться на провокации.

— Сохраняя самообладание, твердость и достоинство,— сказал он,— наша парламентская группа одновременно должна хорошо организовать свою работу. Необходимо значительно серьезнее работать над нашими речами, показать наше превосходство.

Все, как вы знаете, течет и развивается, все идет вперед и должно идти вперед. Теория научного социализма является живым течением; мы не можем стоять на месте. Необходимо идти вперед, потому что каждый день несет с собой для нас новые задачи и трудности... Мы сами должны развиваться, а для того, чтобы мы развивались, нам необходимо серьезно работать над собой.

18 ноября, в понедельник, состоялся XII пленум ЦК БРП(к).

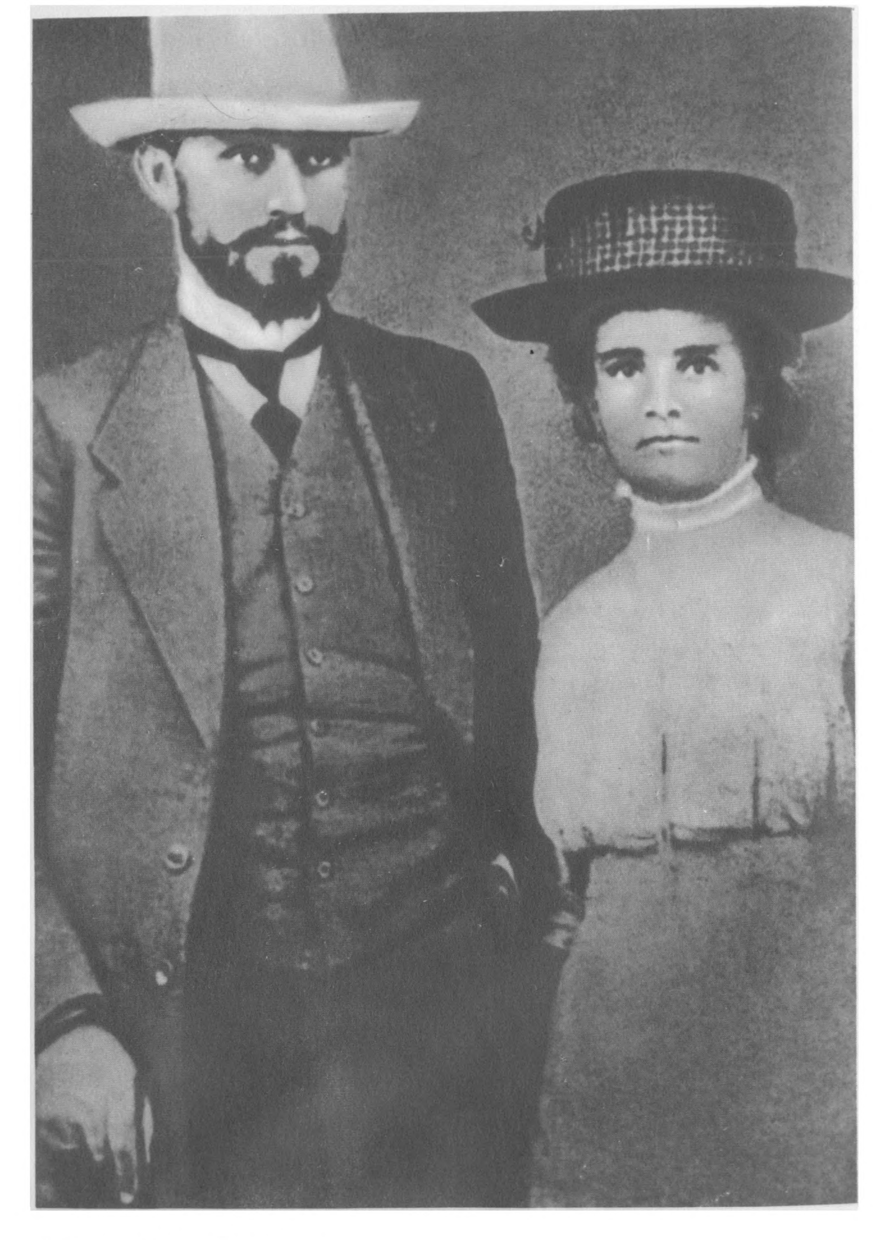
Вначале были подведены итоги выборов и обсужден характер будущего правительства. Затем пленум занялся совсем будничными вопросами организационного и хозяйственного порядка, и прежде всего наболевшей проблемой топлива для населения, промышленности и транспорта. По первому пункту повестки дня сделали выводы из результатов и хода выборов в ВНС. По второму пункту — о роли и функциях профкомитетов на предприятиях и в учреждениях в нынешней обстановке — доклад сделал Трайчо Костов.

— Мы,— сказал он,— должны повернуться лицом к производству. Профорганизациям нужно серьезно взяться за установление железной, сознательной трудовой дисциплины на предприятиях.

По третьему пункту повестки дня — о добыче угля и мерах ее увеличения — докладчиком снова был Трайчо Костов. Он с озабоченностью обрисовал положение с углем, острую нехватку которого переживала страна накануне приближающейся зимы; даже при полном выполнении плана добычи за 1946 г. нужды страны не будут удовлетворены, и для отопления населения не хватит миллиона тонн угля (фактически же план производства недовыполняется). Докладчик раскрыл причину топливного кризиса. Старые бассейны в прошлом хищнически эксплуатировались, особенно во время войны, а новые месторождения не осваивались. Государственные шахты в Пернике исчерпывают свои возможности; по ряду причин мелкие частные шахты работают крайне плохо, новые же залежи в Софийской долине и в бассейне «Марица» своевременно разработаны не были. «Производство угля,— констатировал Трайчо Костов,— сильно отстало от непрерывно возрастающих потребностей страны».

Люба Ивошевич-Димитрова
и Георгий Димитров.
1906 г.

Люба Ивошевич-Димитрова
и Георгий Димитров.
1912 г.

По обоим докладам развернулись оживленные прения. Проблемы добычи угля живо интересовали Георгия Димитрова. В ходе заседания он предложил направить на один-два месяца на шахты в Перник Тодора Живкова, одного из секретарей Софийского обкома, для оказания помощи и контроля за организацией работ. Живков пояснил, что ответственным обкома по этому вопросу является Никола Дончев, второй секретарь комитета. Димитров настоял, чтобы выехал Живков. Это было свидетельством доверия к его организаторским способностям, к его умению придать работе размах.

Пленум поставил задачу — производить ежедневно по 10 тыс. *т* угля! Была намечена программа развития угольной промышленности. Принято решение направить Тодора Живкова и Стояна Караджова в Перник на полтора месяца.

В выступлении Васила Коларова были затронуты вопросы принципиального характера — о нашем пути к социализму.

— Наши руководящие кадры и рабочий класс должны знать, что все, над чем работает партия сегодня, и является конкретным путем к социализму.

И повторил:

— Это и есть конкретный путь, наш путь к социализму! Все решаемые сейчас нами вопросы являются вопросами социалистического строительства.

Такая постановка неизбежно привлекла к себе внимание.

На пленуме выделялся Тодор Живков. Его два выступления произвели впечатление своей прямотой, критичностью и целеустремленностью.

— Насколько мы осведомлены в областном комитете,— сказал он,— главная причина невыполнения плана шахтами Перника не ОРПС, а отсутствие хорошей технологии, организации труда.

В заключительном слове Трайчо Костов поддержал выводы Живкова. В своем втором выступлении Живков вновь подверг критике некоторых товарищей — хозяйственных и профсоюзных деятелей, виновных в неудовлетворительной организации работы, и назвал их имена. Заканчивая, он сказал:

— Настало время каждому отвечать за свое дело!

Георгий Димитров проинформировал участников пленума о проблемах, связанных с составом нового правительства.

Были приняты и некоторые решения по организационным и кадровым вопросам.

Пленум открылся в 4 часа дня и продолжал свою работу до 11 часов вечера, т. е. заседал в течение 7 часов. За это время были рассмотрены и приняты решения по важным вопросам в об-

становке исключительной активности, оперативности и деловитости.

Вчера, во вторник, состоялось весьма важное заседание Народного собрания. Докладчик доктор Иван Пашов, зачитывая проект Положения о работе Собрания, заявил, что в параграфе 78 есть абзац, в котором говорится: «Министр может заявить, что считает ненужным отвечать на какой-либо вопрос». По этому абзацу поступили два противоположных предложения — изменить его и исключить. Слово было предоставлено депутату оппозиции, который начал утверждать, что текст этого абзаца находится в противоречии с нашей парламентской практикой и с проектом конституции, где ясно предусматриваются обязанности министра отвечать на вопросы и запросы депутатов. Докладчик со своей стороны отверг это утверждение, объяснив, что депутат, которому отказано министром в ответе, может превратить свой вопрос в запрос, и в таком случае министр обязан будет ответить. Тогда товарищ Димитров поднял руку и сказал:

— Господин председатель, прошу слова.

Председательствующий предоставил слово Димитрову. Встреченный аплодисментами, он взошел на трибуну и сказал:

— Мы являемся свидетелями недостойной обструкции со стороны представителей оппозиции... Думаю, что нет никакого смысла допустить в Положении такие пункты, которые бы лили воду на мельницу реакции, каковым является данный абзац.

И внес предложение: «Абзац третий параграфа 78... опустить».

Аплодисменты на этот раз были и слева и справа. Многие из оппозиционных депутатов торжествовали. Докладчик доктор Иван Пашов заявил, что, так как «мы стремимся к сотрудничеству в нашем ВНС», он принимает внесенное предложение.

Вот таким образом сегодня неожиданно произошло сплочение ВНС.

На этом же заседании произошел и второй подобный случай.

В соответствии с параграфами 99 и 100, содержащими положения о неприкосновенности народных представителей, в комиссии произошла довольно ожесточенная дискуссия. Выразители интересов оппозиции дошли до явного абсурда, требуя установления гарантии неприкосновенности депутатов в любом случае и при любых обстоятельствах. Даже если депутат совершил убийство в Народном собрании, он не должен нести никакой ответственности; что бы он ни сделал вне Собрания — то же самое. В конце концов комиссия выступила с предложением параграфы 99 и 100 объединить и оговорить все реальные границы

депутатского иммунитета в рамках закона. Это моментально вызвало острые споры.

Слова попросил Димитров.

— Народный представитель,— сказал он с трибуны,— имеет право свободно выражать в Великом народном собрании свое мнение и свои мысли, вносить свои предложения. Преследование может иметь место за действия против закона, против власти народа.

На этот раз аплодисменты раздались и со стороны оппозиции. Предложение также было принято единодушно.

Так Георгий Димитров дважды выступал в течение одного заседания. При этом он протягивал оппозиции руку. Это был предварительно хорошо обдуманный жест. По незначительному поводу нашим противникам было дано весьма важное предложение — перейти на позиции лояльности и элементарной конструктивности. [Была сделана и другая подобная попытка пригласить оппозицию сотрудничать. Как мы увидим далее, эта попытка была отвергнута; не была открыта дверь не только для сотрудничества, но даже для лояльности.]

В последнее время в английской палате общин обсуждался вопрос о взаимоотношениях с Болгарией. Наши друзья Зиллиакус и Джон Мак правильно и правдиво объяснили болгарскую позицию и положение в Болгарии, выступили за скорейшее и полное признание правительства Отечественного фронта. «Нынешний режим в Болгарии является демократическим»,— заявил Зиллиакус. Но в прениях с резко антиболгарских позиций выступил депутат-консерватор Радклифф, побывавший не так давно в Болгарии. Он обрушился с грубыми клеветническими нападками на нашу страну, утверждая, что в Болгарии... 40 тыс. человек томятся в лагерях. А заместитель министра иностранных дел Мэхью заявил, что Коста Лулчев арестован и брошен в тюрьму, хотя в это время Лулчев регулярно заседал в Народном собрании.

Я редко видел Димитрова столь разгневанным.

— Вы понимаете,— сказал он нам с Банчевым относительно Радклиффа,— какое это падение! Политический деятель опустился до положения явного лжеца! А ведь когда он был в Болгарии, утверждал, что сгорает от желания знать истину.

Димитров решил сам заклеймить этого зарвавшегося политика. Буквально на одном дыхании он написал на листке большого блокнота заявление для печати, озаглавленное «О дерзких и лживых заявлениях Радклиффа».

«Во всякой уважающей себя стране,— говорится в заявлении,— такого депутата-лжеца не потерпели бы и одного дня и

подвергли бы суровому общественному порицанию... Пришло время понять, что установление нормальных взаимоотношений между Болгарией и Англией произойдет не путем поддержки реакционных клик в Болгарии, отрекшихся от болгарского народа, и не путем поддержки империалистических претензий великогреческих шовинистов...»

Мы перепечатали заявление и передали для публикации.

21 ноября 1946 г., четверг

Сегодня Председатель Совета Министров Кимон Георгиев огласил в Великом народном собрании предложение об отставке второго правительства Отечественного фронта, с тем чтобы, как он выразился, «Великое народное собрание могло высказаться по вопросу будущего управления страной». В продолжение всего его выступления со стороны, где сидела оппозиция, раздавались в адрес правительства враждебные выкрики. А когда в заключение выступавший провозгласил лозунги в честь Отечественного фронта, Народной Республики Болгарии и болгарского народа, депутаты большинства встали и зааплодировали. Недялко Атанасов — одна из злополучных фигур на болгарском политическом небосклоне — поспешно разорвал газету, под аплодисменты своих единомышленников сделал крест и поднял его над головой. Настоящий цирк. Было просто стыдно смотреть.

Произвело впечатление достоинство, с которым держался Председатель Совета Министров.

Перед этим выступлением состоялись выборы парламентских комиссий. Георгий Димитров был избран председателем комиссии по выработке проекта конституции; в ней участвуют руководители всех политических партий.

Слово было предоставлено доктору Мичо Нейчеву. Он заявил, что в настоящее время делаются попытки реализовать территориальные претензии к Болгарии. В связи с тем, что в ближайшие дни состоится заседание Совета четырех министров, было внесено предложение Великому народному собранию принять соответствующую резолюцию, в которой бы выражались единодушная воля и чувства болгарского народа по этому вопросу. Нейчев от имени нескольких депутатов зачитал проект резолюции, в котором выдвигалось требование справедливого мирного договора, гарантирование незыблемости нынешних границ страны.

Председательствующий Васил Коларов призвал Собрание проголосовать за резолюцию единодушно, без обсуждения. Он пояснил, что речь идет не о вотуме доверия правительству, а

о защите национальных интересов, на сторону которых должны стать все депутаты. Однако депутаты оппозиции устроили настоящую оргию: крики, реплики, требование выступлений, обвинения в адрес правительства. Степень национальной солидарности вновь упала до нулевой отметки. Наши депутаты в целом проявили сдержанность, однако некоторые из них не выдержали и начали бросать ответные реплики. Не сдержался и Димитров.

— Вы не согласны с этим? Не принимаете этого? — обратился он к оппозиции с явным удивлением.— Как хотите!

А когда Коларов сказал: «Ставлю резолюцию на голосование и призываю к нему всех народных представителей...», Димитров продолжил:

— ...которые являются болгарами!

Но и после голосования оба лидера оппозиции — Никола Петков и Коста Лулчев — не умолкли, а продолжали кричать, что они не хотят голосовать за правительство и т. п. Снова различие позиций, а не единство во имя национальных интересов было вынесено ими на передний план.

Вообще, думал я, у оппозиционеров нет патриотизма, заботы о благополучии этой исстрадавшейся страны. Все та же безрадостная участь — ради политических интриг бросать в огонь судьбу отечества — преследует нас с самого освобождения. Какая ослепленность в политической возне и безразличие к национальным интересам! Предстоит заключение мирного договора — хотя бы сейчас прекратилось тупое упорство. Но нет! Пусть будет все, что угодно, если ущемлены мелкие властолюбивые амбиции и расчеты!

Курьезом является то, что они, хотя и ярые наши противники, внутренне верят в успех нашей миссии, верят, что мы осуществим наши намерения, направленные на процветание страны; я бы даже сказал, что отдельные из них верят в это даже больше некоторых наших членов Отечественного фронта, что именно сейчас Болгария преуспеет. Их полная идейная нищета налицо. Великой программе благоденствия отечества они не противопоставляют ничего, кроме мелких, злобных нападок. А разве это не безысходность?

Бедная сельская страна с раздробленной на бесчисленные полоски землей, почти без индустрии, с массовой безработицей — явной и особенно скрытой! Никакого идеала общественного прогресса. Безысходное горе одолело бы Болгарию, если бы она попала в их руки. Болгария нуждается в другом, и это другое несем ей только мы. Насколько мы сумеем воплотить в реальность свои стремления, настолько удача и счастье будут сопутствовать нам. У нас есть и энергия, и напористость, и программа, у нас есть

высокая принципиальность партии, преданность и самоотверженность кадров. Отсутствует опыт, отсутствуют знания, но ведь не бывает революций с предварительно накопленным опытом управления.

23 ноября 1946 г., суббота

Прошлым днем, под вечер, я был в кабинете в Княжеве. В это время пришел один из членов Политбюро. Я попытался завести с ним разговор — в первую очередь о составе будущего Совета Министров.

— Кто будет председателем? Товарищ Димитров, правда ведь?

Он мне ответил:

— Кто же другой может быть! — В его тоне и словах слышались и удивление от такого вопроса, и известное отношение: кто же другой может быть достойным этого поста.

Над формированием правительства Димитров работает долго и серьезно. Каким должно быть соотношение в рамках Отечественного фронта, какую часть портфелей необходимо иметь Рабочей партии (коммунистов), какие и сколько мест распределить между союзническими партиями, каким должен быть характер правительства, каким должно быть отношение к оппозиционным партиям при составлении кабинета, нужно ли искать способы установления с ними контактов — эти и другие вопросы стояли и ждали своего разрешения. Они были обсуждены в различных звеньях партии и Отечественного фронта. 7 ноября состоялось заседание Политбюро ЦК, затем — парламентской группы; вопросы о составе правительства явились предметом рассмотрения XII пленума ЦК. Кроме того, состоялись встречи с руководителями партий Отечественного фронта. 11 ноября была проведена встреча с членами постоянного присутствия БЗНС, которая, как я понял, прошла неспокойно; в руководящих слоях БЗНС происходит перемещение пластов, неустойчивый Оббов несколько оттесняется, и вперед выдвигается Георгий Трайков, последовательно выступающий за крепкую дружбу рабочих и крестьян. На другой день, 12-го, состоялся разговор с Кимоном Георгиевым и Георгием Кулишевым, 14-го — аналогичный разговор с Димитром Нейковым и Добри Бодуровым (от социал-демократов). Были дополнительные уточнения и консультации с некоторыми членами Политбюро.

Контакты с оппозиционными группами, как предполагалось, особенно после их вызывающего поведения при открытии Великого народного собрания, установить было невозможно.

Так наступило 22 ноября, когда все вопросы, связанные с составом кабинета, были выяснены.

В четверг Президиум Великого народного собрания возложил на Димитрова обязанность сформировать новое правительство. Уже на следующий день, в пятницу, поздно вечером, в 21 час, Димитров внес в Президиум предложение по составу правительства. Президиум утвердил предложенный состав.

Георгий Димитров стал Председателем Совета Министров Болгарии! На первый взгляд как будто ничего особенного, ведь его авторитет и без этого высок — он вождь народа, председатель руководящей партии, и все-таки... Мы радовались все.

В составе правительства четыре заместителя Председателя: первый — Кимон Георгиев, одновременно он и министр иностранных дел и вероисповеданий; затем Александр Оббов, Трайчо Костов и Георгий Попов (от социал-демократов) — министры без портфелей; министр финансов — профессор д-р Иван Стефанов, министр земледелия и государственной собственности — Георгий Трайков (от БЗНС), военный министр — наш товарищ генерал-майор Георгий Дамянов. Мандаты распределяются между партиями Отечественного фронта таким образом: коммунисты — 10, члены БЗНС — 5, «Звено» — 2, БРСДП — 2 и беспартийный — Димо Казасов.

Сегодня с утра Председатель Совета Министров принял в Княжеве прогрессивного английского журналиста и общественного деятеля Эдгара Янга. Он уже давно просил о встрече с Димитровым. Но встреча все как-то откладывалась. Три дня назад Янг прислал краткое письмо — настоятельно просил принять его по возможности в ближайшее время, так как он скоро уедет.

Димитров поручил мне записать его беседу с Янгом. Я спросил потом, нужно ли дешифровывать стенограмму, но Димитров посчитал целесообразным хранить ее лишь как документ на случай, если потребуется. История с Радклиффом и рядом других деятелей вынуждает его документировать беседы с зарубежными журналистами.

[Эта стенограмма хранилась не месяц, не два, а осталась лежать до сегодняшнего дня. Она содержит ряд важных для того времени фактов и мыслей.]

Беседа была продолжительной.

Янг. Поздравляю вас с таким успешным сформированием правительства.

Димитров. Это говорит о том, что у нас нет абсолютно никакого кризиса. Есть иностранное вмешательство, есть препятствия, которые создают нам извне и внутри страны. Это только

трудности, но никакого кризиса, ни государственного, ни политического, нет. Вы уже готовитесь к отъезду?

Янг. Нашим дипломатам поступило указание не оказывать нам никакой помощи.

Димитров. Такие, как Радклифф, удобны, даже Прайс, но Джон Мак и Зиллиакус — неудобные люди.

Янг. Я был в Чехословакии, а к вам приехал без разрешения.

. . . .[1]

Димитров. Так что внешние и внутренние трудности мы испытываем, но перспектива неплохая. С таким народом, как наш, можно сделать много. В этом деле необходимо руководство, правильное направление; нам нужно исправить и свои ошибки, а они у нас есть. Во всяком большом новом деле невозможно избежать ошибок. Но чем скорее мы их исправим, тем быстрее избавимся от оппозиции. Нам необходимо много работать, необходимо работать, и работать правильно.

. . . .[1]

Янг. Мне бы хотелось написать книгу о народной демократии в Восточной Европе, чтобы объяснить английскому народу, что ваша демократия в некотором отношении лучше нашей, что она более демократична.

Димитров. Необходимо показать, что новая, народная демократия — это не случайное, временное явление, родившееся в результате последней войны, а очень устойчивое, продолжительное и закономерное явление... Это путь к социализму.

[Спустя некоторое время газета «Зелено знаме» набросилась яростно на Эдгара Янга по поводу его заявлений и публикаций в Лондоне. Очевидно, свою миссию Янг исполнил добросовестно и правдиво информировал о Болгарии.]

Первое заседание нового правительства состоялось 23 ноября, в субботу, в 4 часа дня, в бывшем царском дворце, где в последнее время размещался Совет Министров. Друг за другом прибывали министры. Некоторые из них впервые вступали в это некогда такое чужое и такое недосягаемое для них здание. Одни озирались с любопытством, другие входили в приподнятом настроении. На заседании было принято решение подготовить правительственную декларацию, которую уже в среду — четверг следовало огласить в Великом народном собрании.

Во вторник состоялось продолжавшееся допоздна второе заседание. Обсуждался проект правительственной декларации,

---

[1] Отточие в оригинале.— *Прим. перев.*

было сделано много замечаний. Возникла необходимость уточнить ряд положений, дополнить документ и работать над ним еще и еще. В последующем я проанализирую этот исторический в нашей политической жизни документ, сейчас хочу только подчеркнуть, что он был подготовлен за двое суток. Напряженно работали министры, каждый из них внес по своему участку предложения о мерах, которые должно предпринять новое правительство; работали заместители Председателя Совета Министров, и особенно Трайчо Костов, секретари ЦК и члены Политбюро ЦК БРП(к), однако основная работа (многократные уточнения, выяснения, дополнения) была проведена самим Георгием Димитровым.

В декларации констатировалось, что с «объявлением народной республики и проведением выборов в Великое народное собрание на основе осуществленных после 9 сентября глубоких демократических преобразований завершается один из этапов развития нашей страны и укрепления народной власти... Наша страна вступает в новый этап своего развития. Заложены прочные основы народной демократии. Расчищен путь для всестороннего строительства нашей молодой народной республики» [1].

Затем разъяснялась внутренняя и внешняя политика, которая будет проводиться правительством; говорилось о том, что оно «примет самые строгие меры для искоренения бюрократизма и всех проявлений коррупции в государственном аппарате» [2], «краеугольным камнем своей внешней политики» правительство считало «искреннюю и последовательную дружбу Народной Республики Болгарии с нашим освободителем — великим Союзом Советских Социалистических Республик» [3]. «Самой важной задачей правительства в области внешней политики продолжает оставаться заключение справедливого и достойного мира с Объединенными нациями» [4].

«Правительство будет и впредь с удвоенной энергией защищать нашу землю от посягательств извне... При этом правительство будет руководствоваться только желанием обеспечить прочный мир на Балканах и искреннее сотрудничество со всеми соседними народами, в том числе и с греческим народом, к которому болгарский народ питает наилучшие чувства» [5].

---

[1] *Димитров Г.* Избранные произведения, т. 2 (1941—1949 годы), с. 316—317.

[2] Там же, с. 318.

[3] Там же, с. 319.

[4] Там же, с. 321.

[5] Там же.

Переходя к хозяйственной политике правительства, декларация намечает программу восстановления и развития народного хозяйства, роста производства, решительные мероприятия по быстрой индустриализации; будет построен ряд новых фабрик и заводов — в первую очередь содовый, сернокислотный и азотно-туковый заводы, создана широкая сеть новых промышленных предприятий для переработки сельскохозяйственной продукции.

Подчеркивается, что правительство будет поощрять частную инициативу в строительстве новых и расширении уже существующих промышленных предприятий.

Будет создана единая, охватывающая всю страну, система электрификации, построены новые каменноугольные шахты; будут завершены в сокращенные сроки основные водохранилища; осушены придунайские и другие низменности; будет оказываться всесторонняя поддержка ТКЗХ; упорядочена торговля. В таком же духе намечается решение задач во всех областях экономической жизни. «...Правительство разработает двухлетний план развития народного хозяйства» [1].

Будет разработана новая конституция, которая «будет учитывать нужды болгарского народа и его исторического развития и принимать во внимание его национальные особенности и традиции».

Хозяйственная программа правительства требует преодоления, указывает Димитров, «значительных трудностей, которые являются результатом нашей бедности, отсталости нашей экономики, губительных опустошений, причиненных ей прежними реакционными и фашистскими режимами, а также последствиями двух засушливых лет» [2].

Такова реальная обстановка!

Поэтому Председатель Совета Министров указывает: «...потребуется напряжение всех его (народа.— *Н. Г.*) материальных и моральных сил, готовность переносить временные лишения. Ибо только выдержка и упорный труд могут обеспечить хозяйственный подъем нашей страны и благоденствие нашего народа» [3].

Как видим, декларация — воистину великая программа всестороннего подъема Болгарии. Она отображает тот хотя и трудный, но верный путь, по которому мы должны идти, чтобы превратить Болгарию в страну с высокоразвитой промышленностью,

---

[1] *Димитров Г.* Избранные произведения, т. 2 (1941—1949 годы), с. 327.
[2] Там же.
[3] Там же, с. 327—328.

крупным механизированным сельским хозяйством, курортным делом на мировом уровне. Немного опережая события, скажу, что среди оппозиционеров, которые отвергли декларацию, наиболее выделялся Никола Петков; в числе других он приписал декларации грех, что она якобы содержит лишь общие положения и не указывает точно, как это делается в других парламентах, какие законопроекты будут подготовлены. Он тянул вниз, в то время как Председатель Совета Министров звал к вершинам, к великому будущему.

На декларации, разумеется, сказался дух времени — осени 1946 г., когда еще не все пути были до конца ясны и шла их разработка. Но истины, видимо, открываются не сразу. Все приходит со временем.

Уже в четверг ВНС собралось, чтобы заслушать декларацию о деятельности нового правительства.

28 ноября 1946 г., четверг

Сегодня около 15 часов Председатель Совета Министров Георгий Димитров вошел в зал Народного собрания в сопровождении министров. Депутаты большинства встретили его стоя, бурными аплодисментами. Георгий Димитров сел на место Председателя Совета Министров. Председательствующий в собрании Васил Коларов встал и, объявив заседание открытым, пригласил «всех господ министров принести присягу»; он зачитывал текст присяги, министры повторяли вслед за ним. Затем Васил Коларов предоставил слово Председателю Совета Министров для оглашения декларации нового правительства.

Вспыхнули бурные овации. Депутаты большинства, президиум, министры правительства встали.

Георгий Димитров взошел на трибуну в качестве Председателя Совета Министров Болгарии. В этом было что-то особенно значимое — теперь уже коммунист возглавляет правительство Болгарии. Это знаменовало собой новый этап в жизни страны. До сих пор народная власть создавалась, отстаивалась, утверждалась как власть социалистическая в перспективе, сейчас она уже инструмент построения социализма.

Чтение декларации продолжалось 35—40 минут. Все это время Димитров был спокоен, величествен, внушителен. Однако после первых слов и до самого конца его грубо прерывали, буквально через два-три слова отпускались непочтительные реплики, раздавались возгласы: «Это неправда», «Путем насилия», «С помощью арестов и концлагерей» и т. п. Наиболее активным и дерзким был Никола Петков. Васил Коларов старался навести

порядок, беспрестанно звонил в председательский колокольчик, терпеливо пытался урезонить депутатов оппозиции, просил не испытывать терпения Народного собрания.

«Нигде не сказано,— крикнул Никола Петков,— что мы должны молчать». Поразительным, однако, было хладнокровие Председателя Совета Министров, который ни разу не ответил на вызов, даже не обращал на них внимания, не обронил лишнего слова. Он был далеко от них и высоко над ними, говорил о новом пути страны, а все иное было щенячьим писком. Только один раз бросил в их адрес несколько слов, вызвавших смех большинства. На какое-то время ухудшилась слышимость, и кто-то из оппозиции зашумел, что ничего не слышно. Техники устранили неисправность, и тогда Димитров обратился к оппозиции.

— А сейчас слышите? — сказал он с явной двусмысленностью, что было понято и вызвало смех.

Димитров продолжал хладнокровно читать программную декларацию правительства, а депутаты оппозиции не переставали шуметь и бросать реплики.

— Правительство готово сотрудничать и с теми общественными и политическими группами и деятелями, которые стоят вне Отечественного фронта, но которые были бы готовы честно и искренне служить нашей родине,— заявил глава правительства.

Один из оппозиционеров крикнул нахально:

— Хотите нас поймать на удочку!

Димитров, не обращая внимания, продолжал уверенно:

— Оно с готовностью примет любое серьезное, разумное и полезное для народа предложение по вопросу об управлении страной, от кого бы оно ни исходило.

Затем произошло что-то невообразимое.

Когда, заканчивая речь, Димитров громко провозгласил: «Да здравствует Народная Республика Болгария!» — депутаты большинства, встав с мест, выразили свое одобрение бурными аплодисментами и возгласами «браво!». Оппозиция продолжала сидеть на своих скамейках. «Значит, вы против народной республики»,— бросил им один из депутатов большинства. Похоже было, что воодушевление зала, могучий душевный подъем, вызванный декларацией, перспективы свершения великих дел во имя родины пробудили в них стыд. После лозунга «Да здравствует болгарский народ!» оппозиционеры поднялись и начали, хотя и стыдливо, аплодировать...

4 декабря 1946 г., среда

29 ноября 1946 г., в пятницу, в Великом народном собрании началась дискуссия по правительственной декларации, во время которой драматично обозначались диаметрально противоположные полюсы.

Атмосфера накалялась, между большинством и оппозицией вспыхивали острые пререкания; посыпались самые тяжкие обвинения и с одной и с другой стороны. Яростнее всех набросился на выступившего представителя парламентской группы БРП(к) и на Председателя Совета Министров Никола Петков. Васил Коларов предупреждал его несколько раз; наконец он заявил ему, что тот должен покинуть заседание. Петков вышел, а вслед за ним поднялась вся оппозиционная группа и оставила зал заседаний.

Слово взял Васил Павурджиев из БЗНС, изложивший в обширной речи позицию своей парламентской группы. Он полностью поддержал декларацию.

Следующее заседание состоялось вчера, во вторник, 3 декабря. Председательствовал сдержанный Димитр Ганев, который, казалось, был наиболее подходящим для того, чтобы занимать председательское кресло во время этого бурного заседания. Первым слово взял Никола Петков.

— Парламентская группа БЗНС не одобряет внутреннюю хозяйственную политику, объявленную Председателем Совета Министров в декларации.

Ясно! Категорично!

— Парламентская группа в принципе одобряет внешнюю политику, но заявляет, что эта политика не будет иметь никакого успеха... Декларация не только необычно длинна, но и весьма поверхностна, если не сказать — бессодержательна... Для того чтобы произвести хорошее впечатление... Декларация наполнена обещаниями о близком блистательном будущем страны, которому мог бы позавидовать и самый бедный сельский священник.

И так далее все в том же духе. Пасквиль, наполненный злобой, демагогией, политической спекуляцией, дерзкой и бесстыдной. Пасквиль, который все хулит и обливает грязью, не видит ничего светлого и святого. Ему нельзя отказать в плакатной остроте, эффектности и ораторской патетичности, как нельзя отказать и в цинизме, который он использует ради полнейшего отрицания всего, для того чтобы картина жизни в стране получилась как можно чернее, страшнее самого ада. Если его послушать, то правительство оказывается бездеятельным, более

тираничным и более разбойничьим, чем фашизм; все невзгоды, бедность и отсталость страны ставились в вину правительству Отечественного фронта.

Разумеется, истина требует сказать, что, выискивая наши слабые стороны, Н. Петков остановился и на тех, которые действительно имеются, но он их использовал в спекулятивных целях, чтобы нанести решительный удар политике правительства.

Два дня в Великом народном собрании — две политики, две линии, два мира; прошлое и будущее; ярость тянущего назад и тормозящего прошлого и напор нового, молодого, будущего — столкновение жизни и смерти. Нет места на нашей земле для этих двух отрядов — они борются ожесточенно и абсолютно исключают друг друга. Одна сторона должна отступить, для того чтобы восторжествовала другая и сделала господствующей свою жизненную концепцию. Если декларация была протянутой рукой, то реплики оппозиционеров ее немедленно отвергали и отталкивали.

Мы переехали на работу в Совет Министров. Спустя некоторое время после референдума и свержения монархии он разместился в здании бывшего царского дворца на площади 9 Сентября.

Интерьер был «царственный» — парадные лестницы, огромные зеркала, позолоченные ручки дверей, стены, обитые золотистой материей, и роскошная мебель в стиле Версаля и Бельведера. Здесь как будто витала тень царя. Кто знает почему, но прежний Председатель Совета Министров забрал для Совета Министров не только здание, но и часть персонала, который еще три месяца назад обслуживал царских особ и их окружение. В коридорах, например, можно было встретить рассыльных в мундире бывшего дворцового слуги, чинно вытягивавшихся и готовых по первому знаку элегантно согнуть спину — отзывчиво и услужливо. Щадя не его величество, а бывшего Председателя Совета Министров, их не стали увольнять немедленно, и мы волей-неволей начали сосуществовать с ними, пока они не были уволены в течение одного-двух месяцев.

Некоторые служащие и чиновники достались в наследство от советов министров, возглавлявшихся Богданом Филовым, Багряновым и Кёсеивановым, существовавших до 9 сентября, т. е. много лет служили фашистским правительствам. Кассир, например, был бесхребетным элементом, просто трепетавшим от чрезмерного старания и угодничества. Не нужно было тратить больших усилий, чтобы понять, что рыльце у него в пушку. Когда мы, бывшие секретари и стенографисты Димитрова, стали работать

в Совете Министров, букет стал крайне пестрым: и скрытые реакционеры, и коммунисты, и обыкновенные чиновники, и царские лакеи... Главным секретарем остался Борис Спасов, назначенный на этот пост в свое время Кимоном Георгиевым, беспартийный, человек живого ума, с яркой речью и опытом административной работы.

Первая мера Димитрова по изменению интерьера состояла в том, что он поручил нам повесить в его кабинете портреты и сам определил какие: Ботева и Левского, Благоева и Киркова, Маркса и Энгельса, Ленина и Сталина, а также — руководителей соседних братских стран. Мы повесили портреты и в нашей комнате. Все же остальное осталось, как и было: кокетливая позолоченная мебель, которую сейчас можно увидеть в Народном театре во время представления какой-нибудь пьесы, рассказывающей о времени правления царской особы (спустя некоторое время мебель передали театру).

Резиденция на улице Велико-Тырново была покинута. Если Совет Министров стал нашим постоянным рабочим местом и мы теперь изредка бывали в Княжеве, то Димитров не задерживался здесь слишком долго. По привычке он продолжал работать и принимать в Княжеве. Часто использовался и кабинет Председателя Совета Министров в Народном собрании, где он бывал почти ежедневно во второй половине дня. Нередко и мы приходили в Народное собрание, где делали ему свои доклады, получали от него поручения. То, что у Димитрова был не один кабинет, принуждало нас быть там, куда он перемещался. Новый начальник охраны также был неизменно с ним. С сентября эту должность занял майор Лукан Варадинов, молодой 23—24-летний товарищ, подтянутый и дисциплинированный, исполнительный, знал к тому же стенографию и машинопись, исполнял и другие поручения.

Заседания Совета Министров проходили в зале заседаний, расположенном вправо от парадной лестницы, в длинном преддверии к большим залам, в свое время служившим для официальных приемов. Все члены Совета Министров занимали свои места вокруг длинного стола. Место Председателя находилось посредине одной из сторон.

Уже первые шаги нового правительства отличались энергией и деловитостью. По инициативе Г. Димитрова изменена структура Совета Министров; с целью уменьшения количества пленарных заседаний и придания Совету Министров большей оперативности учреждены четыре правительственных комитета, каждый из которых возглавлялся Председателем или замести-

телем Председателя Совета Министров с участием соответствующих министров; комитеты имели право решать некоторые вопросы самостоятельно, другие готовить для рассмотрения на пленарных заседаниях. Были созданы комитеты по хозяйственным и финансовым вопросам во главе с заместителем Председателя Совета Министров Трайчо Костовым, Комитет по иностранным делам и Комитет обороны во главе с Председателем Совета Министров, Комитет по внутренним, культурным и социальным вопросам во главе с заместителем Председателя Георгием Поповым.

По предложению Георгия Димитрова Совет Министров принял решение о вступлении в силу в кратчайший срок закона о конфискации незаконно приобретенных богатств, обязав в шестимесячный срок рассмотреть и закончить дела, связанные с описью состояний, причем проведение этой описи не должно было мешать нормальной хозяйственной жизни. На Трайчо Костова была возложена ответственность перед правительством за организацию этой работы. Одновременно с этим во исполнение правительственной декларации новый министр земледелия и государственного имущества Г. Трайков выступил с заявлением, что уже до конца 1946 г. будет закончено проведение аграрной реформы; все конфискованные земли — а количество их превышало несколько сот тысяч гектаров — раздадут нуждающимся безземельным и малоземельным крестьянам; будут созданы условия для укрепления уже существующих 500 ТКЗХ и для организации новых кооперативных хозяйств. Форсируется и изучение природных богатств. С этой целью в стране находится группа из двадцати советских геологов и горных инженеров, которая совместно с нашими специалистами пришла к важному выводу, что в Болгарии имеются месторождения черных, цветных и редких металлов.

Разумеется, самым крупным мероприятием нового правительства была разработка первого хозяйственного плана страны. Подготовкой проекта плана непосредственно и лично занимался Г. Димитров; он встретился с членами руководства Верховного хозяйственного совета, выслушал их доклады о ходе разработки плана, затем познакомился с самим проектом, изучил его, скорректировал во многих отношениях и дал указание закончить работу в короткий срок и внести на одобрение Великого народного собрания.

Постановлением Совета Министров навсегда была закрыта газета «Черно знаме» за свою реакционную антинародную деятельность. На этом закончила свое существование и сама Демократическая партия.

Все это по времени совпало с двумя другими событиями, которые произошли за пределами страны, но которые касались ее самым непосредственным образом. Была доведена до конца подготовка мирного договора с Болгарией. На очередном заседании Совет четырех министров иностранных дел решил: что касается границы между Грецией и Болгарией, то она остается неизменной; а относительно репараций было принято компромиссное решение — Болгария должна заплатить 70 млн. долларов (45 — Греции и 25 — Югославии). Было объявлено, что мирный договор будет подписан в Париже 10 февраля. Таким образом, вопреки нажиму изнутри и извне, все становилось на свои естественные места; одна из страниц послевоенного периода Болгарии — выжидания, страница терпения уже закончилась.

В это же время в Нью-Йорке Совет Безопасности ООН единодушно принял решение о создании специальной комиссии ООН, которая на месте расследовала бы положение на границе Греции с ее северными соседями — Югославией, Болгарией и Албанией; в своей жалобе в Совет Безопасности греческое правительство обвиняло правительства своих северных соседей в том, что последние оказывают помощь повстанческим силам в Северной Греции. На эту жалобу наши и советские представители ответили достаточно убедительно, что этот шаг греческого правительства является лишь ходом, имеющим целью отвлечь внимание от действительных причин бушующей там гражданской войны; были приведены потрясающие факты о царящем в Греции кровавом терроре и шовинистических домогательствах по отношению к соседям. Комиссия с участием наших представителей должна была прибыть в ближайшее время.

10 декабря 1946 г., вторник

В стране кипит интенсивная политическая и культурная жизнь. Отмечался Международный день молодежи — 10 ноября. Димитров направил молодежи приветствие. Он заострил внимание прежде всего на следующей мысли:

«Нужно с помощью трезвой критики и смелой самокритики искоренять в среде молодежи всякое проявление бездействия, бесхарактерности, морального разложения, умственной лени, мелкого карьеризма и коррупции...»

По случаю дня молодежи в Народном театре состоялось торжественное собрание. Димитров часов до шести пробыл в Народном собрании, после чего имел еще несколько встреч; выполнил текущую работу и пришел на собрание немного позже, однако остался на нем до конца, посмотрел пьесу «Машенька», постав-

ленную для участников заседания. Я видел, что пьеса взволновала Димитрова, но, к сожалению, не смог услышать его отзывы о ней. Воистину, какое удивительное явление эта театральная постановка — плод болгаро-советского сотрудничества в области театра! Автор пьесы — советский драматург А. Афиногенов, постановщик — советский режиссер Н. В. Петров, роли же исполнялись подлинно артистическим созвездием нашего театра — Крыстё Сарафовым, Ириной Тасевой, Аспарухом Темелковым, Николой Икономовым, Невеной Боюклиевой и другими. «Машенька» на софийской сцене — исключительное явление в нашей театральной жизни. Публика живет, радуется, страдает и с затаенным дыханием следит за терзаниями старого ученого и жизнью его внучки, несущей в себе и олицетворяющей собой новый гуманизм, наши стремления, нашу идейность. Роль академика Окаемова исполняет Крыстё Сарафов, Машеньки — Ирина Тасева. Будучи в преклонном возрасте, Крыстё Сарафов идеально раскрывает образ старого ученого. Мне кажется, что только раз в жизни можно увидеть такое явление на театральной сцене, каковым предстает сейчас Крыстё Сарафов. Незабываема Ирина Тасева.

В воскресенье, 10 ноября, состоялся съезд Союза клубов-читален, председателем которого избран Тодор Самодумов, главным секретарем — Никола Кондарев. Накануне съезда Димитров принял руководителей союза по их просьбе и имел с ними беседу. Он подчеркнул, что «наши народные клубы-читальни необходимо считать одними из важнейших общественных организаций культуры. Они имеют исторические заслуги — сыграли исключительную роль в деле культурного подъема нашего народа, самообразования и воспитания нашей молодежи. Им теперь предстоит играть еще большую роль. Их систематическая борьба против невежества и духовной темноты в настоящее время еще более необходима, чем когда бы то ни было, так как самыми верными слугами реакции всегда были невежество и духовная темнота».

И в конце:

«Нет большего удовольствия и морального удовлетворения для общественного деятеля, чем работать в этой необыкновенно благородной и полезной для народа области. Я должен вам откровенно сказать, что, если бы не был политическим деятелем, всю свою душу без остатка отдал бы культурно-просветительной работе».

Состоялись еще два важных съезда.

В воскресенье, 24 ноября,— первый съезд Союза болгаро-советских обществ (СБСО), совпавший по времени с формирова-

нием и первыми шагами димитровского правительства. В субботу, под вечер, на Красной площади[1] состоялся большой митинг, организованный СБСО. Таким образом, из зала заседаний министры во главе с Председателем Совета Министров пришли прямо на митинг. Не можем не остановиться еще на одном «совпадении». В среду, 20 ноября, Димитров написал свою знаменитую статью: «Пусть пребудет в веках болгаро-советская дружба». С присущим ему мастерством кратко излагать мысли, когда слова его очень часто звучат как афоризмы, Димитров говорит:

> «Никто не сделал и не делает так много, как Советский Союз, для обеспечения Болгарии справедливого мира»[2].

Затем следует классическая мысль, которая навсегда останется связанной с именем Димитрова:

> «Для болгарского народа дружба с Советским Союзом так же жизненно необходима, как солнце и воздух для всякого живого существа. Да пребудет в веках эта великая, животворная дружба!»[3] — заканчивается статья.

На съезде присутствовали Г. Димитров, В. Коларов, К. Георгиев, министры, руководители партий Отечественного фронта, экзарх Стефан, Степан Кирсанов.

Временный председатель союза — Васил Павурджиев, известный писатель (выступающий под псевдонимом Васко П.), член БЗНС, честный и благородный, последовательно прогрессивный и преданный народу, неуклонно выступающий за союз и единство действий с нашей партией. Павурджиев зачитал поздравление Димитрова. С речью выступил Тодор Павлов, избранный затем председателем союза (заместители председателя — Васил Павурджиев и Крум Кюлявков, писатель-коммунист; главным секретарем избран Петр Димитров-Рудар, тоже писатель). От имени Славянского комитета с приветствием выступила Стела Благоева. Вечером в залах дворца (теперь Совета Министров) был организован прием в честь участников съезда. Людмил Стоянов опубликовал в печати свой волнующий репортаж о приеме. Воистину, болгаро-советская дружба у нас — всенародное движение.

Мне хочется отметить, что гости из СССР встречаются у нас как первая ласточка. Дорогими нашими гостями в течение этих недель были поэт Александр Твардовский (его поэма «Василий

---

[1] Красная площадь — неофициальное название площади перед бывшим зданием советского посольства в Софии.— *Прим. перев.*

[2] *Димитров Г.* Избранные произведения, т. 2 (1941—1949 годы), с. 314.

[3] Там же, с. 315.

Теркин», пользующаяся у нас большой популярностью, стоит в ряду самых замечательных произведений советской поэзии о Великой Отечественной войне), академик Н. В. Цицин, также широко известный в Болгарии как ученый в области сельского хозяйства; Вера Мухина — скульптор, создавшая композицию «Рабочий и колхозница», ставшую символом социалистического строительства. Их встречают радостно, с большой любовью.

Вышла из печати на болгарском языке «Молодая гвардия» Александра Фадеева, бессмертное произведение о подвиге советских людей в тяжелые годы войны. Ее ожидали, сгорая от нетерпения, читатели всех возрастов. Можно сказать, что «Молодая гвардия» — книга эпохи; мы читаем ее чуть ли не все, знаем имена ее героев... А несколько позже как молния разнеслась весть — приезжает Краснознаменный ансамбль Александрова. Он начал выступать с концертами в Народном театре, и софийцы буквально были от него без ума. Навсегда осталась в наших сердцах песня:

Соловьи, соловьи, не тревожьте солдат...

Советская эпоха родила своих великих творцов и создала произведения искусства и культуры. Мы чувствуем себя счастливыми оттого, что имеем уже непосредственный контакт с ними, что читаем, смотрим, слушаем как завороженные их произведения. Время суровое, не хватает продуктов питания, одежды, жилья, а кажется, будто праздник. Так ясно на душе, мы опьянены свободой и энтузиазмом, наши сердца переполнены такой радостью, что счастье кажется осязаемым и почти всеобщим.

А в конце месяца в нашу общественно-политическую жизнь ворвалась со своими делами молодежь — состоялся II пленум Центрального Комитета Демократической молодежи (ЦК ДМ), объединяющего молодежные союзы Отечественного фронта. Пленум принял очень важные решения о развертывании в стране небывалого движения молодых строителей. Дело, полное душевного огня и романтики. 30 ноября Димитров принял делегацию ЦК ДМ.

Многочисленная группа была неоднородна по составу — и молодежные деятели, и ударники софийских предприятий, и члены бригад с перевала Республики, и представители села, ученики, студенты, члены Рабочего и Земледельческого молодежных союзов. Здесь были наши прославленные героини Маруся Тодорова — рослая, смуглолицая и невысокая Ольга Найденова (всего несколько дней тому назад мы направили ей приветственное письмо Димитрова — она стала работать на 14 ткацких станках).

Димитров принял их очень сердечно, а они окружили его с радостным возбуждением. Председатель ЦК ДМ информировал Димитрова о заседании расширенного пленума комитета и о принятых решениях. Намечены мероприятия по работе в послевыборный период, имеющие целью сплотить всю трудящуюся молодежь, оторвать от оппозиции отдельные группы молодежи.

Разработан большой план широкого развертывания движения молодых строителей в наступающем году: для новых крупных строительных объектов предусматривается организация пятидесятитысячной национальной строительной бригады; кроме того, будут работать сотни местных строительных бригад по строительству дорог, оросительных каналов, железнодорожных линий... Командир молодежной бригады, работающей на Ханибоазе, Пенчо Пенев [ставший впоследствии известным как Кубадинский], партизан, зачитал адрес от имени бригады с отчетом об исполнении принятых обязательств и о принятии новых; Гроздан Векилов, командир молодежной бригады, возвратившейся из Югославии, доложил, что наши юноши трудились там достойно и заняли одно из первых мест.

Димитров слушал внимательно и сосредоточенно.

В конце встречи он произнес напутственное слово, в котором поднимаются важные проблемы нашей жизни.

— Я приветствую нашу молодежь за намеченную ею программу работы зимой, строительства весной, а также за некоторые другие начинания...

Затем Димитров добавил, что ему хотелось бы предложить в дополнение к их инициативам еще одну.

— Вы знаете, что у нас уничтожено много лесов. Есть много мест, даже в окрестностях Софии, голых, лишенных леса. Почему бы нашей молодежи, например вместе с правительством, особенно с Министерством земледелия, не организовать в городах и селах, особенно в тех районах, где почва очень оголена и при сильных дождях стекает много воды, в результате чего пропадает ряд участков, которые в противном случае могли бы быть очень хорошо использованы, почему бы не организовать весной массовые лесопосадки по всей стране? Так мы через несколько лет будем иметь и сосну, и бук, и больше дождей, будем иметь больше влаги, наши поля и наше сельскохозяйственное производство сильно улучшатся. Я уверен, что наши юноши и девушки при хорошем, разумеется, руководстве со стороны агрономов и других специалистов с большим энтузиазмом выполнят эту работу.

— Сделаем, товарищ Димитров! — крикнул один из юношей среди общего воодушевления, все рассмеялись и зааплодировали.

Димитров остановился и на некоторых общих проблемах. Он снова говорил о том, «как страдаем мы в Болгарии от бессистемности, расточительства, бюрократизма, поверхностного и формального отношения к нуждам народа... Мы не ценим время, и в этом отношении нам досталось вредное восточное наследие... А время — очень важный фактор. Оно представляет собой большой капитал».

— Мы должны начать, особенно вы, по линии молодежи, кампанию за дисциплину, за точность... Мы — малый народ, но мы должны претендовать на то, чтобы быть большими и великими по духу. Чем меньше народ по численности, тем больше он должен стремиться, по моему мнению, быть сильным и мощным по своему национальному духу и своему творчеству. Великие державы и народы могут похвалиться большой территорией, высокой материальной культурой и т. п. Мы этим, к сожалению, не можем похвалиться, но мы можем соревноваться с ними и даже опередить некоторые из них, если увеличим нашу собственную моральную силу, наш национальный дух, могучий и непоколебимый, если будем обладать непоколебимой верой в наше собственное будущее.

Другой съезд, о котором мы говорили, был съездом Всеобщего земледельческого профессионального союза (ВОЗПС). Он состоялся в воскресенье, 1 декабря, в залах кинотеатров «Балкан» и им. Д. Благоева. Димитров уделил ему большое внимание. Еще в субботу он написал статью, которая на следующий день была опубликована в печати. В ней одобрялось создание Союза сельских хозяев; высказывалась уверенность, что он вместе с Общим рабочим профессиональным союзом сыграет заметную положительную роль. Димитров направил съезду поздравление, которое было зачитано министром Георгием Трайковым.

В докладе главного секретаря союза Пеко Такова сообщается, что к настоящему времени членами союза состоит уже миллион крестьян. На съезде был одобрен устав, избрано правление.

Во вторник, перед обедом, Димитров принял в Княжеве членов нового правления. Присутствовал и Георгий Трайков. Пришли человек двадцать пять — тридцать, в большинстве своем крестьяне и крестьянки. Они вошли робко и застенчиво. Димитров встретил их еще в вестибюле, сердечно и приветливо поздоровался со всеми за руку, расспросил, кто откуда, бросил шутку-

другую, и скоро от их робости не осталось и следа. Затем пригласил всех в гостиную, усадил вокруг длинного, покрытого белой скатертью стола. Состоялся продолжительный разговор. Пеко Таков басовитым голосом, цветистым слогом и велеречивостью, что нравилось крестьянам, рассказал Димитрову о работе и решениях съезда. Был поднят ряд важных вопросов, касающихся сельского хозяйства. Сами крестьяне поведали Председателю Совета Министров о различных заботах населения и высказали просьбы — о заключении контрактов на продажу табака, об улучшении условий оплаты за его выращивание, о защите лесов от опустошения. Димитров слушал их сосредоточенно, то делал пометки, то поручал министру земледелия и государственного имущества безотлагательно решить отдельные вопросы. В течение всей беседы он поддерживал живой, непринужденный разговор и в конце встречи высказал отдельные напутствия по работе нового союза. Главная задача, по его мнению,— непрестанно работать над повышением благосостояния сельских тружеников и их культуры.

— Правительство твердо решило,— сказал он,— покончить со всеми нарушениями порядка, особенно в вопросах нарядов и снабжения населения, открыть путь для самого успешного развития сельского хозяйства. В этом отношении ваша организация посредством здоровой критики и конкретных предложений может оказать огромную помощь правительству.

И наконец он подчеркнул большое значение союза рабочих и крестьян:

— Основой основ, если можно так выразиться, Отечественного фронта, народной республики и прогресса нашей страны являются эти два класса и их союз.

Как Димитров сумел найти общий язык с простыми крестьянами, приблизить их к себе! И глубину внес в содержание встречи, и близость, и теплоту, и окрылил их! Только одного им не сказал и виду не показал, что ему нездоровилось, что у него была температура. А мы удивлялись, глядя на эту его выносливость и умение владеть собой.

Под вечер, пока я был в зале Народного собрания, слушал и делал пометки в блокноте, в дом Димитрова в Княжеве буквально ворвались пятнадцать женщин из женского общества города Левский. Они пошли в Народное собрание, надеясь там найти Димитрова и встретиться с ним. Но там его не оказалось. Ждали, ждали — нет его. Спросили кого-то, как можно найти дом Георгия Димитрова. Так они попали в Княжево. Димитров принял их очень сердечно. Женщины преподнесли ему специально сотканный ковер и много цветов.

— Товарищ Димитров,— сказала ему на прощание председатель организации Йонка Хаджилиева,— как мы радуемся, что вы всегда с похвалой отзываетесь о нас.

Кабинет завален горами писем, телеграмм, резолюций, приветствий в связи с победой на выборах, избранием Георгия Димитрова Председателем Совета Министров, в поддержку программной декларации. Получены поздравительные телеграммы от братских партий.

Товарищ Димитров выступил в печати с благодарностью.

Появился Бойко[1]. Бойко — настоящий Митё! Как будто Митё отсутствовал где-то три-четыре года... А сейчас вот появился такой же одухотворенный, интеллигентный ребенок с большими вопрошающими глазами и тонкой, как выточенной, шейкой. Но Бойко-Митё только пять лет, и по-русски он не знает ни слова, поэтому его маме Розе Юльевне нужно было ой как торопиться осваивать болгарский язык, чтобы понимать его. Она сходит по нему с ума. Привязалась до самоотверженности, страстно, словно орлица, следит за ним, бережет его, не случилось бы чего-нибудь, как то, страшное, весной 1943 г. У Димитрова тоже посветлело на душе. К нему вернулось глубокое отцовское чувство. Чем больше проходило времени, тем сильнее он привязывался к Бойко. Бойко любит сесть отцу на колени, когда тот один в кабинете, расспросить его о том о сем или взять карандаш по примеру отца и водить по чистому листу бумаги. А Димитров смотрит на него с любовью, шутливо, веселые глаза его излучают доброту и кротость. Когда входит кто-то из нас, он говорит:

— У меня здесь помощник есть,— и показывает на усевшегося у него на коленях Бойко,— но он любит мешать.

— Папа,— обращается к нему Бойко,— а ты умеешь рисовать корабль?

Дети делают семейную жизнь осмысленной. Маленький мальчик наполнил дом Димитрова радостью.

18 декабря 1946 г., среда

Для политической жизни декабря характерны, с одной стороны, незамедлительная, деловая инициативность димитровского правительства по осуществлению программной декларации, с другой — дальнейшее обострение конфликта между большинст-

---

[1] Бойко — приемный сын Г. Димитрова.— *Прим. перев.*

вом и меньшинством в Великом народном собрании. Парламентские группы выступали одна за другой и выражали свое отношение к правительственной декларации. Речи 28 ноября и 3 декабря обозначили полюсы, вокруг которых развивались дальнейшие события. 5 декабря выступил с большой и, как ее оценили, блестящей речью Васил Коларов, в которой он остановился в основном на вопросах мирного договора и защитил политику Отечественного фронта.

Затем Коста Лулчев с завидной старательностью перечислил все случаи и небольшие недоразумения, доказывавшие, по его мнению, что свободы в Болгарии нет и в помине, что выборы прошли в условиях террора, а в декларации правительства он не видит никаких мыслей. Потом депутаты выслушали напыщенную речь маститого профессора — политикана Петко Стоянова, так называемого независимого, третьего лидера оппозиции, который силился обосновать тезис о том, что после его ухода в отставку с поста министра финансов в 1945 г. бюджетно-финансовая политика страны потерпела полнейший крах.

В эти часы залы Народного собрания до краев заполнены образцами худших балканских нравов — едкостью и злостью.

Я бы не сказал, что и наши люди стараются подбирать слова, так как ожесточение охватило и их. И все же следует признать, что сторонники Николы Петкова и Косты Лулчева (точнее, окружение Петкова) держат пальму первенства. Невзирая на личность, заслуги и честность человека (достаточно того, чтобы хоть чем-нибудь он оказал помощь Отечественному фронту или если он выступает против платформы оппозиции), его немедленно осмеют и осрамят. Апогей бесчинства произошел во время чтения Димитровым ответа на выступления по обсуждению декларации, когда он перечислил имена виднейших представителей болгарского искусства и культуры: Елина Пелина, Елизаветы Багряны, Крыстё Сарафова, Владимира Трендафилова... После каждого произнесенного имени раздавались непристойные реплики Николы Петкова.

Вся желчь озлобленности оппозиции особенно выплеснулась на выступавшего министра информации Димо Казасова. Оппозиционеры не могли ему простить, что он не встал на сторону реакции, союзником которой был определенное время, что дерзнул еще в условиях нелегальности присоединиться к Отечественному фронту. И сейчас они оплевывают его и издеваются над ним, как им хочется.

Есть, разумеется, исторический курьез в том, что некоторые из участников реакционного переворота 9 июня 1923 г. сегодня являются нашими союзниками, союзниками революционных сил

(Димо Казасов один из них). И наоборот, имеются люди, бывшие до переворота 9 июня министрами, которые сейчас состоят в рядах наших противников (Христо Стоянов, Недялко Атанасов). Безжалостно вертится колесо истории и нередко все переворачивает вверх дном. Так случилось, что часть «грешников» 9 июня глубоко осознали свою вину перед народом и пришли к нему в самые мрачные годы фашистского господства, чтобы исправить свою ошибку. А некоторые жертвы мятежа 9 июня с течением времени отошли от своих позиций и пошли рука об руку с теми, кто и сегодня бы повторил его.

[Наблюдаю за Димо Казасовым в Народном собрании. Маленького роста, с большой головой, норовистый, держится с достоинством, в котором есть что-то преднамеренное. Ему уже 60 лет, однако он хорошо сохранился. Он из тех, что живут и по 100 лет. Нередко вы можете увидеть, как он гуляет на Витоше, все такой же бодрый. Голова почти облысела, а острая бородка седая; лицо с хитрецой и даже лукавством, вообще в нем есть что-то от тех люциферов, которых рисуют на картинах.

Димо Казасов — человек подвижного, гибкого ума, редкий мастер пера и особенно устного слова. Слушая его, можно сказать, что он похож на древних ораторов, с каким-то особым совершенством владеет всеми приемами искусства слова. Его речь изобилует полутонами, для того чтобы выразить наиболее точно и изящно то, что он думает, и задержать внимание слушателей; жест всегда отточен, мимика также помогает выражать чувства и мысли. Повороты и контрасты речи, вопросы к аудитории, образные выражения, хорошо подобранные факты и стройная мысль — все это в арсенале его словесного искусства. Речь культурна и изящна. Слушать его, наблюдать за ним, читать его — одно удовольствие. Противники, как я уже сказал, подвергают Димо Казасова злому осмеянию. Как-то оппозиция принялась вновь его травить и бросать реплики: убийца (не так ли, хоть и социал-демократ, но был министром в правительстве Цанкова!), фашист, реакционер... Он тихо слушает их, а потом поднимает руку в знак протеста и кричит:

— Да, господа, я был на службе реакции. Это мой прошлый позор.

А затем энергичным жестом указывает на своих критиков и говорит:

— А вы сейчас там, в стане реакции! Это ваш нынешний позор!]

Постепенно замечается одна особенность в поведении Николы Петкова. Он всё чаще и все определеннее направляет острие своего ядовитого жала, все с большим остервенением нападает

лично на председателя правительства. Речь идет не о споре на высоком политическом уровне, который ведется лидерами противоположных политических группировок, а о мелких, недостойных придирках. Почему мишенью для этих придирок Н. Петкова стал именно Г. Димитров? В чем истинная причина, точно не могу сказать. Видимо, мы имеем дело просто с завистью мелкого человека от политики, которому так хотелось возвыситься, что он начал бороться с великаном. Может быть, он ставит целью вызвать еще большую смуту и беспорядок в парламенте. Возможно, рассчитывает сместить с пьедестала самый возвышенный, легендарный, поднявшийся над мелочной суетой и страстями общенациональный политический авторитет и показать, что и этот авторитет можно очернить и забросать грязью, как любого из наших политиканов. Может быть, ему хотелось умалить умение Димитрова привлекать на свою сторону людей, продемонстрированное на предыдущих заседаниях.

Хотя Георгий Димитров мог владеть собой, раза два и он не стерпел. Однажды он бросил:

— Вы орудие в чужих руках, вы по чужой указке вышли из состава правительства в 1945 году...

Никола Петков ухватился за эти слова, как бешеный и, не выбирая выражений, не соблюдая приличия, набросился на Георгия Димитрова. Из серии бурных, я бы сказал кошмарных, заседаний необходимо отметить два-три.

11 декабря выступали министры. Первым взял слово Кимон Георгиев, который категорически отверг, как недостойные, лживые и зловредные обвинения и действия оппозиции, выступил в защиту болгарских национальных интересов, дал отпор греческим шовинистическим домогательствам:

— Наша внешняя политика базируется не на приходящих внезапно в голову идеях, временных выгодах и удобствах, а на глубокой, прочной основе.

Затем место на трибуне занял министр внутренних дел. Он мотивированно отмел обвинения в насилии и терроре во время выборов, убедительно защитил внутреннюю политику правительства. Речь его была встречена бесчисленными репликами, пререканиями, «остротами», обвинениями. Страсти накалились до предела. Никола Петков после каждой фразы прерывал министра, жалил, оскорблял. Злобные реплики звучали все чаще, сыпались безо всякой меры. Один раз Никола Петков прокричал: «Убийца, убийца!» (Оратор был таким же убийцей, как Никола Петков убитым.) Несколько депутатов большинства возмутились:

— Нельзя называть министра убийцей!

А Георгий Костов, пловдивский депутат, встал и обратился к председательствующему Димитру Ганеву:

— Господин председатель! Нельзя допускать, чтобы в Великом народном собрании министра внутренних дел называли убийцей!

— Нет причины поддаваться на эту провокацию,— ответил оратор с трибуны и попытался продолжить речь. Однако большинство в зале не выдержали и, вскочив со своих мест, закричали Н. Петкову: «Позор! Провокатор! Вон!»

А в это время депутаты оппозиции изо всех сил колотили по скамейкам руками, а некоторые и ногами. Зверинец! Слово потребовал Председатель Совета Министров.

— Могут быть,— сказал он,— страстные дискуссии, но нельзя допускать, чтобы в Великом народном собрании министра Болгарии называли убийцей. Если Никола Петков сию минуту не возьмет свои слова обратно, ему нужно будет объявить самое строгое порицание и сделать в отношении его политические выводы.

Председательствующий Ганев обратился к Н. Петкову с требованием взять свои слова обратно, но последний отказался.

Тогда Димитров предложил ВНС осудить Николу Петкова как клеветника и закончил:

— Недостойно это!

Большинство под крики и топот оппозиции одобрило внесенное предложение.

В пятницу, 13 декабря, обсуждение декларации закончилось речью Председателя Совета Министров. Когда председательствующий Атанас Драгиев предоставил ему слово, раздался гром аплодисментов. Все депутаты большинства, министры и члены Бюро встали и долго аплодировали. Из этой краткой речи Димитрова хочу отметить два момента. Прежде всего, он еще раз подчеркнул значение правительственной декларации — «серьезной, глубоко обдуманной программы действия»; она не содержит «ни голых обещаний... ни демагогических утверждений» [1]. Председатель Совета Министров повторил, что «правительство примет любое разумное и полезное народу сотрудничество, откуда бы оно ни исходило, и будет прислушиваться к любой честной и созидательной критике, от кого бы она ни исходила» [2]. Во-вторых, он подвел итог поведения оппозиционных групп за период от оглашения декларации до настоящего времени. Оратор констатировал, что их выступления содержат только злобу и отрицание, в них не видно «ни следа лояльности, ни капли искрен-

[1] *Димитров Г.* Избранные произведения, т. 2 (1939—1949 гг.), с. 379.
[2] Там же, с. 380.

него желания сотрудничать в большом творческом деле нашего народа», что лидеры оппозиции здесь, в Великом народном собрании, «устроили сознательную и организованную обструкцию работе Великого народного собрания» [1]. После этого Димитров заявил, что есть вполне основательные сведения о намерении вождей оппозиции завершить обструкцию демонстративным выходом из ВНС, чтобы скомпрометировать собрание и конституцию. «Если они решатся на подобный безумный поступок, что мало вероятно, потому что трудно предположить, что все депутаты оппозиции поддадутся авантюризму своих нынешних руководителей, они окончательно разоблачат самих себя, *как врагов народа, безвозвратно увязших в болоте реакции и контрреволюции»* (курсив мой.— *Н. Г.*) [2]. Тон Димитрова был острым и резким; после того как он неоднократно предлагал сотрудничество, которое было с цинизмом отвергнуто оппозицией, он с беспощадностью ставил сейчас все на свои места.

Излишне повторять, что в продолжение всего времени председателя правительства язвительно и невоздержанно прерывали. На него сыпался поток хулы и оскорблений.

Когда Димитров закончил свою речь под овации большинства, один из депутатов справа (думаю, что это был Недялко Атанасов) выкрикнул:

— Покажите на деле!

Разгневанный Димитров ответил:

— Вы еще увидите наши дела!

Спустя некоторое время, когда шла речь о голосовании предложения одобрить правительственную декларацию, снова разгорелся короткий, но ожесточенный спор. Димитров снова разоблачил оппозиционеров:

— У вас нет ни программы, ни декларации, ни повестки дня, ни морали, нет ничего!

Я наблюдал за ним и сейчас, во время заседания, и потом, в кабинете Председателя Совета Министров в Народном собрании. Чувствовалось, насколько разгневан Димитров. Несмотря на то что он понимал: необходимо быть осторожным и не поддаваться на провокации, Димитров сам уже не мог сдерживаться, и его честное сердце дало выход чувствам.

В своей речи он квалифицировал действия оппозиции как контрреволюционные. Не помню, давалась ли до сегодняшнего дня такая оценка, или она появилась сейчас, но так, исключительно точно, были определены суть, политическое безрассудство оппозиции. Контрреволюция — вот ее истинная природа.

[1] *Димитров Г.* Избранные произведения, т. 2 (1939—1949 гг.), с. 381.

[2] Там же, с. 382.

Фактически в эти дни я впервые в Народном собрании увидел Николу Петкова.

Ему уже 57 лет. Среднего роста, с поредевшими русыми волосами. Мясистый нос. Лицо скорее выражает дерзость, нежели интеллигентность. На трибуне он не выглядит оратором (каких, надо сказать, в изобилии в его компании). По этой причине на трибуне он появляется редко. Его отличительные черты — злоязычие, находчивость, умение быстро реагировать на окружающую обстановку, бросая реплики с места.

Я снова и снова размышляю: что это за человек? Как случилось, что именно он стал рупором реакции в нашей стране? Ищу связь с его происхождением, с его прошлым, с его социальным и материальным положением. В Земледельческий союз он вступил не по внутреннему убеждению, а скорее руководствуясь чувствами после трагической гибели своего брата. Так или иначе, он оказался среди тех, кто в тяжелом 1943 г. вошел в состав нелегального Национального комитета Отечественного фронта. Ничем особенным себя там не проявил... 9 сентября 1944 г. Петков — министр без портфеля в первом революционном правительстве Отечественного фронта, представитель БЗНС. В первые месяцы свободы пользовался симпатией в рядах Отечественного фронта, хотя мы знали, что никакими особыми заслугами он не выделяется, а живет за счет авторитета своего брата. Нечто похожее на трагичный ореол брата окружало тогда и его. Помню одну фразу, брошенную Александром Оббовым по его адресу после того, как он перешел в оппозицию: «В Земледельческом союзе всегда кто-нибудь выступал против кого-нибудь, но никто не был против Николы Петкова».

В свое время Н. Петков очень резко осуждал политику и действия Гемето, временно и неудачно возглавлявшего БЗНС, а теперь... занял его место— активного политического проповедника и сторонника враждебных Отечественному фронту сил. Сам сознавая, насколько мерзким может оказаться этот поступок, оторвался от Отечественного фронта. Декларируя категорически, что никогда не станет выступать против Отечественного фронта, он позволил иностранным дипломатическим представителям втянуть его в свои сети, легкомысленно мало-помалу порвал связи со своими вчерашними сподвижниками и с болезненным честолюбием и амбициозностью организовал кампанию, которая очень скоро превратилась в орудие враждебности, консерватизма и национальной измены.

Н. Петков не был крупным политиком, хотя взял на себя роль лидера в оппозиционном блоке, но ему нельзя отказать в умении сплотить вокруг себя такую разношерстную по своему прош-

лому, по взглядам и целям группу преимущественно старых политиканов, придать ей динамичность и, я бы сказал, озлобленность. При этом нельзя было не заметить, что действовал он с какой-то отрешенностью, близко граничащей с авантюризмом. В конце концов, если попытаться найти движущую силу его поведения в последние два-три года, трудно отыскать что-либо глубокое. Перед нами образ мышления преуспевающего буржуа, чрезмерного честолюбца. Не преувеличивая роли личности, мы должны согласиться, что этим острым и трагичным столкновением между революционно-преобразовательным процессом и пытавшимися его задержать реакционно-консервативными силами в Болгарии мы обязаны в определенном смысле Н. Петкову. Без его фанатичной непримиримости, злобности и резкости, страсти и властности конфликт едва ли был бы таким острым, а борьба такой жестокой.

20 декабря 1946 г., пятница

В 9.30 вечера мы вдвоем с Банчевым делали доклады товарищу Димитрову. Когда работа была закончена, он пригласил нас поужинать. За столом начался очень интересный, задушевный, непринужденный разговор. Товарищ Димитров рассказал нам много случаев из своей жизни, очень ярких и почти неизвестных по той или иной причине, главным образом по соображениям конспирации. Долгое время он жил за границей под чужим именем. Бывал во многих странах — Франции, Германии, Швейцарии, Голландии, Италии и др. Как правило, у него был паспорт на имя или доктора-еврея, или греческого писателя, еврея-торговца из Салоник и т. д. Чаще всего он выдавал себя за доктора или писателя. Всякий раз, получая паспорт, изучал элементарно необходимые сведения, которые должен знать его владелец. Если грек — определенную информацию о Греции, если голландец — о Нидерландах. Когда он жил в Голландии, у него был швейцарский паспорт, а когда перебирался в Швейцарию, становился голландцем.

Однажды в Швейцарии Г. Димитров проживал под именем греческого писателя Георгиадиса. Хозяин его был в восторге: «Какой прекрасный человек! Какой культурный грек!» У хозяина был знакомый, профессор по древнегреческой истории, которому он похвалился своим квартирантом. Профессор заинтересовался. Несколько раз приходил в гости. Димитров успевал ускользнуть. Но вот, вернувшись однажды, Димитров застал незнакомого человека. Хозяин немедля представил его: профессор древнегреческого языка. Создалось крайне критическое положение. К счастью, профессор не знал современного греческого

языка, и Димитров начал лавировать. А гость стал расспрашивать о некоторых современных писателях Греции, и хорошо, что Димитров успел заранее познакомиться с отдельными именами. Наконец, извинившись, поспешил удалиться.

Другой случай произошел в Италии. Начальник паспортного бюро попросил Димитрова заполнить какой-то формуляр. Болгарский революционер носил тогда имя торговца-еврея из Салоник Соломона Иосифа. Под наблюдением начальника он начал заполнять бланк. Вопросы следовали один за другим: твое имя, имя твоего отца, матери, твоих сестер, близких родственников, даты их рождения, сколько им лет и т. д. Начал я, вспоминает Димитров, выдумывать: сестра Эстер, брат такой-то. Придумываю и заполняю. Вдруг сообразил, что от меня сегодня же вновь потребуют эти сведения и я их не смогу сообщить. Поэтому я выдумываю, пишу, а сам стараюсь все запомнить. Закончил, отдал бумаги начальнику. Тот посмотрел на них, на меня и говорит: «Ступай в соседнюю комнату, а потом вернешься ко мне, и я тебе дам паспорт». Вышел он в соседнюю комнату, а там так же любезно и учтиво снова приглашают заполнить формуляр... Взял его — точно такой же. И все сначала: отец, мать, сестра, родственники, дети, имена, отчества и т. д. Память не подвела. Димитров сумел вспомнить все. И получил свой паспорт.

В администраторской гостиницы свалилась новая беда. Дама, заполнявшая формуляр, вдруг переспросила: «Как вас зовут?» — «Соломон Иосиф».— «Ах, неужели!» Она ведь тоже еврейка, и ей очень приятно, что и он еврей. «Откуда прибыли?» — «Из Салоник». Новый взрыв изумления и радости. «Не знаете ли вы в Салониках известного торговца-еврея (имярек)? Как, неужели вы его не знаете? Вы же ведь торговец, а он очень известный торговец. Не может быть, чтобы вы его не знали». Оказалось, что тот был два года тому назад здесь, в Италии, в этой гостинице... Прижатый к стене, Димитров изменил тактику: «Да, да, позвольте, как он выглядит?» Она описала своего знакомого. «Да, очень хорошо его припоминаю, очень хорошо его знаю, как же, как же, такой видный торговец».— «А он женат?» — «Да, женат». Сильное изумление отразилось на лице дамы. «Неужели, когда же он женился?» — «Да в прошлом году! Я был на его свадьбе». Дама снова заохала — он ей клялся в любви и обещал жениться, до недавнего времени писал письма и т. д. Соломон Иосиф еле отделался от нее. Но уже на следующий день дама снова начала мучить вопросами: «А кто его жена, сколько ей лет?» А перед его отъездом написала письмо, которое необходимо было передать лично именно тому торговцу.

— Так и осталось письмо непереданным?

— Не могу вам сказать точно. Я послал его на всякий случай по почте, дошло ли оно, не знаю.

Вот некоторые случаи во время Лейпцигского процесса. Вначале Димитров был в Моабитской тюрьме в Берлине, в специальной камере-одиночке. Не знаю, была ли она единственной в своем роде или были и другие такие, но, во всяком случае, подобные камеры встречаются редко. Окошка не было, только какая-то дыра. Снизу и со всех сторон — бетон. Не было ни кровати, ни одеяла — одни голые доски каких-то нар. Дверь была сделана так, что разговаривать с надзирателями было совершенно невозможно. Открывалась четырьмя ключами. Каждый из трех ключей был у разных надзирателей, а четвертый — всегда в руках у кого-нибудь из начальства. В течение всего времени пребывания в этой камере заключенный был закован. На руках были надеты специальные наручники. От них образовались раны, сочилась кровь. На руках Димитрова до сих пор видны шрамы.

Вначале ему ничего не давали читать. Потом, однако, он стал требовать книги — любые, что были в тюремной библиотеке. Книги начали давать. Библиотека еще не подвергалась чистке гитлеровцами, и в ней было несколько очень ценных книг — Гёте, Гейне и других классиков немецкой литературы. Там Димитров приступил к чтению и основательному знакомству с немецкой литературой и историей. Это дало ему возможность обогатить свои знания по немецкому языку, анализировать немецкую историю с марксистских позиций. Позже некоторые из немецких товарищей часто обращались к нему за советом при оценке отдельных событий. Руководство тюрьмы, узнав об этом занятии, принялось уничтожать книги. Степень опасности каждой из книг определялась тем фактом, давали ли ее читать Димитрову. «Если я брал какую-либо книгу, то второй раз ее получить уже было невозможно. Они ее уничтожали».

Нацисты передавали весь процесс по радио с намерением использовать его в своих интересах. Первые два дня они просто торжествовали. В то время проходила официальная часть — объявлялись имена, читались обвинительные акты и т. д. Когда же предоставили слово Димитрову, он, понимая, что все передается по радио, начал говорить в стоявший перед ним микрофон. Его первая речь, ошеломившая немецких фашистов, была полностью передана по радио! Когда он схватил микрофон, председатель сказал: «Какой нахал, берет микрофон, как будто стоит на трибуне!» На этом кончились передачи процесса. Уже на следующий день радио замолчало...

Полицейские, сопровождавшие Димитрова в течение всего процесса, постепенно прониклись к нему симпатией, которую осторожно начали выражать. Это, разумеется, происходило не по политическим мотивам, а из личной симпатии к храброму и бесстрашному человеку. Однажды, как это делалось много раз, Димитров был удален с заседания. Оба сопровождавших его полицейских тихонько сказали ему: «Господин Димитров, вы очень сильно волнуетесь, и они используют это, чтобы провоцировать вас и иметь возможность вас удалять. Поэтому вам не надо так сильно волноваться. Мы решили помочь вам. Как только вы начнете волноваться, мы будем дергать вас за одежду».

— Я засмеялся, поблагодарил их и... забыл об этом. А спустя несколько дней, когда я встал и энергично и взволнованно начал выступать против суда, почувствовал, что кто-то сильно дергает меня, дергает за полу. Вначале я занервничал, а потом, когда догадался, в чем дело, рассмеялся,— закончил Димитров свой рассказ.

21 декабря 1946 г., суббота

Вчера, 20 декабря, совсем неожиданно и по незначительному поводу произошел самый крупный скандал (во всяком случае, до настоящего времени) в Народном собрании. Рассматривался во втором чтении небольшой законопроект о некоторых целесообразных изменениях бюджета министерств за 1946 г., в том числе и Министерства социальной политики. Законопроектом предусматривалось перенести денежные средства из одной статьи в другую и таким образом обеспечить возможность предоставления единовременной денежной помощи семьям жертв фашизма (убитых, казненных, пропавших без вести и др.). Помощь предусматривалась в размере 5—6-месячной зарплаты низкооплачиваемых служащих.

Предложение такое логичное и такое гуманное! Едва ли можно было и предположить, что по этому поводу могут возникнуть возражения. Ведь мы, включая и оппозицию, уверяем, что мы антифашисты, ярые противники фашизма. Но один депутат из компании Н. Петкова, некий Атанас Попов, встал и нагло потребовал пункт 10, содержавший предложение о помощи семьям жертв фашизма, из законопроекта исключить полностью. Это была преднамеренная провокация. Вскочил Пеко Таков:

— Как вам не стыдно? Это кощунство! 520 пострадавших семей до настоящего времени не получили ни одного лева.

Собрание вскипело. Большинство, особенно наша парламентская группа, зашумели, начали горячо обсуждать. Возмущение

было всеобщим. Министр финансов Иван Стефанов вышел на трибуну и в немногих словах, но очень убедительно обосновал предложение. Но и он не смог сохранить самообладание и гневно добавил:

— Я хотел бы посмотреть, как вдовы и родные погибших будут реагировать на то, что говорят этот господин и его банда.

Слова его сопровождались возгласами и одобрения и возражения, аплодисментами и криками «позор!».

Потом все было как на сцене — Никола Петков встал и закричал на министра:

— Вы бандит! Как вам не стыдно? Негодяй, подлец!

Кто-то из оппозиционеров его поддержал:

— Давайте уйдем отсюда!

И действительно, оппозиционные депутаты начали покидать зал заседаний.

Председатель Совета Министров, молчавший до этого момента, встал и заявил:

— Господа народные представители, два дня тому назад я заявил Великому народному собранию, что депутаты оппозиции готовятся выйти из парламента.

Между тем один за другим все оппозиционеры, выкрикивая оскорбительные слова, гуськом выходили из зала, сопровождаемые большим шумом, топотом и криками. Только один из оппозиционеров остался в качестве наблюдателя.

Стоя на трибуне, Иван Стефанов продолжал выступление:

— Все дело здесь в стремлении найти повод для организации скандала.

Оппозиционеры в зале больше не появились.

По всей видимости, действия оппозиции были рассчитаны на то, чтобы организовать демонстрацию именно вокруг этого деликатного вопроса, по отношению к которому мы наиболее чувствительны и легче всего можем поддаться на вызов. Оппозиция хорошо усвоила это. Спустя месяц-другой по такому же вопросу она организовала еще более крупную провокацию в Великом народном собрании и вызвала самый большой инцидент.

Часть шестая

Переписка Димитрова; мирный договор с Болгарией; Георгий Димитров намечает большую задачу; оппозиционные витии; тактика по отношению к оппозиции; первая конференция ТКЗХ; критика и самокритика; двухлетний план принят; строительный пафос

7 января 1947 г., вторник

На встрече с секретарями областных комитетов партии товарищ Димитров говорил о многих вопросах политического положения. Кроме того, им было высказано следующее замечание:

— Необходимо, чтобы наши руководящие кадры не стремились в такой степени, как сейчас, удовлетворять свои личные потребности. Они, разумеется, должны заботиться о своем обеспечении, так как должны работать, но нужно соблюдать большую скромность.

Так потекли дни 1947 г.— со все более яростными столкновениями в Великом народном собрании и напряженной созидательной работой партии, правительства и Отечественного фронта.

Об атмосфере в нашем парламенте едва ли можно что-либо добавить к сказанному.

Возмущение наглыми действиями оппозиции охватило всю страну. Все чаще в городах и селах проводились собрания и митинги, созываемые организациями борцов против фашизма. На них клеймилось позором отношение оппозиционных групп к жертвам фашизма и осуждалось их поведение в целом. Многочисленные резолюции протеста и телеграммы были не только серьезным предупреждением, но и ясно, недвусмысленно указывали выход. «Великое народное собрание не место для топота и криков, а орган для творческой критики и работы»,— заявляли рабочие фабрики «Глория» в Софии. Из Сливена требовали «строгих мер для обуздания реакционных депутатов». Борцы

против фашизма из Министерства земледелия и государственного имущества настаивали на закрытии двух оппозиционных газет. Из села Якоруда требовали «незамедлительного отзыва оппозиционных депутатов». Село Цалапица поддерживало: «Нужно обуздать и выбросить из Великого народного собрания реакционную оппозицию». Настроение общественности было выражено и в самом Великом народном собрании народным представителем из Стара-Загоры Крыстю Добревым.

«До каких пор, спрашивают меня крестьяне и рабочие,— говорил он на заседании 29 января,— вы будете терпеть хулиганство в Народном собрании? Мы вас послали в Народное собрание ковать законы, чтобы создавать и строить, а вы там только спорите с этой предательской оппозицией и таскаете друг друга за волосы».

Становится все более ясным и на этом заседании (29.I), и на заседании в феврале, что оппозиция поставила перед собой задачу путем непрерывных скандалов и обструкций сделать невозможной деловую работу Великого народного собрания. А заботой Димитрова, Центрального Комитета, Отечественного фронта было создание всех условий для того, чтобы работа ВНС шла, насколько это возможно, результативнее. Димитров во время январского заседания дважды выступал с заявлениями, имеющими неоценимое значение.

Первое заявление было адресовано оппозиции. 16 января, т. е. на втором в 1947 г. заседании ВНС, вспыхнул новый большой скандал, который снова лишил Собрание возможности нормально работать. Зарвавшийся сторонник Лулчева высыпал кучу оскорблений в адрес большинства. Несколько наших товарищей вскочили со своих мест и стали стаскивать его с трибуны. Начавшаяся толкотня едва не дошла до драки. Коларов непрерывно звонил и настаивал, чтобы народные представители разошлись по своим местам:

— Не поддавайтесь на провокации!

Тогда Димитров потребовал слова и сказал:

— Так невозможно работать, господа! Мы не допустим, чтобы это великое здание превратилось в сельский трактир...

И, обращаясь к сидевшей справа оппозиции, заявил:

— Запомните и зарубите себе на носу: терпению Великого народного собрания приходит конец. Этого терпения осталось мало. Он внес предложение: в целях наведения порядка в Собрании и обеспечения деловой нормальной обстановки для работы каждого депутата оппозиции, который будет устраивать обструкцию, лишать возможности участвовать в заседаниях.

Председательствующий Васил Коларов добавил:

— Мое терпение и терпение всех имеет предел.

Повернувшись к оппозиции, он предупредил:

— Запомните одно: Великое народное собрание выполнит свою задачу.

А 21 января реплика Димитрова была адресована уже не оппозиции, а Бюро Собрания. Перед закрытием заседания он попросил слова.

— Великое народное собрание работает крайне мало, медлительно, неоперативно, в то время как масса вопросов остаются неразрешенными. Например, сегодня ВНС собралось в 16 часов, а в 18 часов заканчивает свою работу. Почему? Непонятно! Предлагаю Бюро ВНС принять меры к тому, чтобы Собрание работало в соответствии с Уставом столько времени, сколько предусмотрено.

Следует отметить, что, занятое важной деловой работой, Собрание закончило очередное заседание только в 21 час. 29 января одно из бурных заседаний продолжалось до 10 минут первого ночи. Димитров присутствовал до конца.

Поток делегаций. Отказать в приеме считалось недемократичным. Послать же делегацию в центр было выражением демократизма. Но со временем их стало так много, что государственным деятелям не хватало рабочего времени... Димитров регулярно встречался с представителями народа, хотя это утомляло его и отнимало массу времени. Делегацию невозможно было выслушать за 5—10 минут и отправить обратно. Нередко уходило 1—2 часа.

24 января Димитрову пришлось принять две делегации — одну из Русе, другую из села Букёвцы.

Потом Димитров принял делегации торговцев, Народного союза по борьбе с туберкулезом, членов нового правления Болгарской академии наук во главе с Тодором Павловым, делегацию жителей Разграда, рассказавших ему о проблемах строительства железной дороги к городу...

13 декабря 1946 г., сразу после произнесения в Народном собрании заключительной речи при обсуждении правительственной декларации, Председатель Совета Министров, совершенно не отдохнув, принял две делегации. Полчаса продолжался разговор с новым составом правления Союза производителей табака, который подготовил резолюцию недавно состоявшегося съезда союза. И вслед за ними делегация родственников погибших борцов против фашизма героического мученического села Перуштица высказала какие-то свои требования.

На следующий день было опубликовано сообщение, сопровождаемое одним из редких снимков:

«...В непринужденной беседе он (Председатель Совмина.— *Н. Г.*) подробно расспросил о материальном положении, об обеспечении продовольствием и о других волнующих их вопросах, пообещав, что сделает все необходимое для удовлетворения их нужд. Члены делегации сердечно благодарили Председателя Совета Министров товарища Георгия Димитрова за его внимательность и готовность им помочь».

Вот и фотография.

Двенадцать крестьянок, в большинстве своем пожилых, все в черном, повязанные черными платками. Печально-суровые лица. В центре Димитров, стоит сосредоточенный, опершись правой рукой на столик. Задумчивые, суровые лица, на которых лежит печать незабываемого горя. Во всем снимке есть что-то необычное, не будничное, нечто легендарное.

Люди в черном и суровые лица, волевой жест руки внушают уважение, говорят сами за себя, о большом горе и неизмеримой муке. Если бы я был художником, нарисовал бы картину, положив в основу эту фотографию, и назвал бы — «Болгария».

Две делегации после речи государственной важности.

И в Совет Министров поток писем Георгию Димитрову был бесконечен. Каких только писем не шло! Обращались за помощью в устройстве на работу, в получении жилья, жаловались на неправильное увольнение. Писали о непорядках, о нарушениях законов или даже спрашивали: нельзя ли схитрить и обойти закон. Присылали стихи о Болгарии и Георгии Димитрове. Изобретатели рассказывали о своих открытиях, просили защиты или поддержки.

Нередко люди жаловались на трудную жизнь, на безразличие местных руководителей. Пенсионеры часто сетовали на свои обесцененные пенсии. А сколько воспоминаний! «Помните,— обращался кто-нибудь,— нашу встречу в 1913 году...» «В 1921 году я тебя скрывал...» «В 1931 году я стал Вашим сотрудником...» Особенно часто встречалось: «Прошу принять меня, назначьте время, когда могу прийти и увидеть Вас», «Мы сделали для Вас мартеницы, хотим подарить Вам».

Поздравления, открытки, обещания... Каждый день и каждый час почта доставляла письма из Софии или Родоп, из СССР, или Америки, или Индии, из Греции или Югославии, написанные по-французски или по-испански... Создавалось впечатление, что Георгий Димитров переписывается и со всей страной, и со всем миром.

Горы писем — некоторые отпечатаны на машинке, а чаще всего рукописные. Чтение их было нелегким трудом, но разве можно оставить письмо без внимания. Если кто-либо из нас не может прочесть, берется другой, помогает третий. Димитров очень строго требовал от нас уважения к каждому письму, особенно от представителей простого народа. Нельзя допускать, чтобы письма, содержащие какие-либо мысли, выбрасывались в корзину. Некоторые из писем приводили в движение весь государственный аппарат; занимались ими министры и директора, депутаты и руководители околий. Отдельные письма вырастали в целую папку переписки — выяснение, изучение, дополнительные сведения, ответы из разных мест, одна-две резолюции Димитрова и обязательно ответное письмо заявителю: «По поручению товарища Георгия Димитрова (или Председателя Совета Министров) сообщаем Вам в связи с Вашим письмом, что...»

На каждое письмо нужно ответить! Как минимум, сообщить, что направлено кому-то на рассмотрение. Но всегда необходимо посылать уведомление автору письма! Нам предоставлялось право переправлять многие письма для рассмотрения по нашему решению, но в большинстве случаев необходимо было докладывать Димитрову. Он всегда высказывал свое мнение о письме, вносил предложения о возможных решениях: некоторые из писем задерживал, останавливал свой взгляд на подчеркнутых нами фразах, другие читал полностью и всегда с карандашом в руках. В любой момент можно было понять, читал ли он то или иное письмо, по сделанным карандашом пометкам.

Случалось, что машина вертелась вхолостую — за жалобным-прежалобным письмом скрывался хитрец или мошенник. Были случаи, когда нечистоплотные люди пытались терроризировать честных работников клеветническими обвинениями в их адрес, а после каждого опровержения следовало новое заявление. Борясь против бюрократии, мы сами создавали условия для возникновения маленькой бюрократийки. Но такова уж жизнь... Эта переписка была новым явлением в нашей общественной и государственной жизни, частью нашей новой демократии — простой человек имеет право на уважение, на выражение своего мнения.

Случались и курьезы. Однажды мы получили странное письмо. Оно начиналось непонятным для нас обращением: «Дорогой кумашин». Далее следовало обычное: как поживаете, что нового, у нас все в порядке, недавно побывал на селе, передают тебе приветы и т. д. Письмо выбросили в корзину. Но за этим последовали и другие письма от «кумашина». Однажды в Совет Министров на встречу с Димитровым пришел представительный, хорошо сохранившийся, лет за шестьдесят мужчина по имени Ди-

митр Николов. Мы провели его в кабинет. Спустя немного Димитров звонит и рассерженно спрашивает:

— Этот товарищ послал мне несколько писем, куда они подевались, почему вы мне не передали их?

Сконфуженный, я спросил посетителя, когда он писал, и тот мне объяснил, что его письма начинались с обращения «дорогой кумашин». Он был кумом Димитрову, поэтому и обращался к нему таким образом. Я ударил себя по лбу и рассказал Димитрову, какая судьба постигла письма «кумашина». Оба дружно рассмеялись. Оказалось, что семья его отца и Димитра Николова по традиции были в кумовском родстве, а по-радомирски кум — «кумашин». Димитр Николов, пенсионер, бывший учитель, жил в Софии. У него сложились достаточно близкие отношения с Димитровым, и он старательно поддерживал родственные связи, которые Димитрову были приятны. Они переписывались, разговаривали по телефону, встречались, вспоминали родные места. Николов был большой говорун и увлеченно рассказывал о Ковачевцах, родном доме Димитрова и чудесной природе тех мест, о прошлом села, о жизни семьи Димитра Михайлова, о родственниках. С помощью Николова Димитров связался с крестьянами Ковачевцев; они все больше чувствовали его своим земляком, он в свою очередь тоже все больше привязывался к этому селу, хотя до этого времени не поддерживал с ним никаких связей. Более того, стал указывать его в качестве своего места рождения. В прежних документах местом рождения назывался близлежащий город Радомир.

В другой раз нам пришлось иметь дело с одним самодеятельным драматургом. Сельский парнишка из Пирдопского края слал нам пьесу за пьесой. Похоже было, что режиссерам, которых мы попросили написать ему ответ, он не доверял и снова обращался к нам. Тогда Димитров поручил мне вызвать его и поговорить. Не помню, как произошло — приехал парень к нам по своей инициативе или мы его вызвали, но он пришел в Совет Министров, и я долго объяснял ему, что подобная работа ему не по плечу и лучше отказаться от этой затеи. Тогда я еще не знал, что нет безнадежней попытки, чем пытаться удержать кого-либо от сочинительства. И позже, сколько бы я ни пытался отговорить кого-нибудь, убедить свернуть с этого грешного пути, будто о каменную стену лбом бился. Но в этот раз мне как будто повезло,— видимо, авторитет Димитрова сыграл свою роль. Парень покончил со своим увлечением.

Часто нам звонили по телефону, высказывали свои просьбы, жаловались. Однажды начался проливной дождь. По телефону позвонил какой-то гражданин из бедняцкого квартала им. Ивана

Вазова и пожаловался, что его выселяют из квартиры и выбрасывают его пожитки прямо на улицу. Занимать Димитрова этим вопросом не было необходимости; он дал нам категорическое указание — не оставлять без принятия мер ни одной жалобы. Но что сделать? Вероятно, есть решение суда, у хозяина дома, наверное, своя нужда... И все же... выбрасывать человека на улицу тоже не дело. Позвонил Веселину Георгиеву, коменданту столичной милиции, энергичному, решительному и строгому человеку, старому участнику революционного движения, завоевавшему широкую популярность среди населения. Объяснил ему суть дела.

— Скажи, что делать?

— Все будет в порядке! — отрезал бай Весо.

Он послал незамедлительно своего работника, который, допросив ответчика и истца, распорядился внести вещи обратно в дом. Правы ли мы были, неправы с бай Весо, не могу судить; может быть, и закон нарушили, но сделали доброе дело для бедняка.

У Димитрова было свое, особое отношение к анонимным письмам, которые попадались среди других. Велел каждое такое письмо показывать ему или, в крайнем случае, знакомить с его содержанием. Особенно заинтересовало его одно письмо, которое мы получили в феврале 1947 г. В письме содержалась острая критика партийного и государственного руководства с левых позиций, выражалось неудовлетворение общим положением в стране. Он прочел его очень внимательно, подчеркнув красным карандашом основные мысли. Потом провел на поле вертикальную черту. В конце письма сделал приписку, адресовав его группе ответственных работников, с датой: 17.II 1947 г.

Спустя несколько дней письмо возвратилось к нам, подписанное всеми указанными в резолюции товарищами.

По вопросам, поднятым в письме, у него состоялись беседы с ответственными работниками. Больше того, по этим вопросам, как мы увидим, он будет говорить публично со всей партией и всем народом.

Трайчо Костов перешел на постоянную работу в Совет Министров в качестве первого заместителя Председателя и председателя Комитета по хозяйственным и финансовым вопросам.

Комитет по хозяйственным и финансовым вопросам все более превращался в авторитетный и деловой орган. Заседания его проходили регулярно, в них чаще всего принимали участие министры (деятельность комитета так или иначе касалась министерств). При комитете был создан небольшой аппарат для под-

готовки заседаний. Другие комитеты также функционировали, но они не могли сравниться с весомостью и значимостью этого, так как в состав их входило по четыре-пять министров. Проблемы там тоже были, но не в таком количестве, как в Комитете по хозяйственным и финансовым вопросам, просто заваленном докладами, постановлениями, законопроектами.

Впоследствии станет ясно, что комитет практически подменяет Совет Министров. Какое-то время Димитров и Костов действительно стремились найти правильное сочетание, встречались вдвоем по проблемам работы комитета, но это становилось делать все труднее, вопреки их желанию. О некоторых документах, принятых комитетом, вынуждены были докладывать Димитрову мы, его секретари, а о других и этого не могли делать.

Не помню точно, с какого времени, но у Димитрова начало появляться чувство неудовлетворенности оторванностью комитета, некоторыми его решениями. Нам случалось во время доклада о каком-либо материале комитета слышать реплики:

— Эх, как их там рассматривают!

Или:

— Это требует значительно более серьезного изучения! Нельзя так по-кабинетному относиться к вопросам, которые затрагивают интересы широких народных масс.

После того как сложилось определенное мнение, Димитров встретился с Трайчо Костовым, и у них состоялся серьезный, откровенный разговор. Оба полностью согласились с доводами друг друга — комитету нельзя работать оторванно от Председателя Совета Министров; необходимо остановить тенденцию к обособлению, для того чтобы избежать ошибок. Решили, что все или, в крайнем случае, более важные решения комитета будут регулярно докладываться Димитрову и только потом будут вступать в силу. Так и стали делать.

Документ, одобренный Димитровым, подписывался им. Некоторые из материалов, особенно по социально-бытовым вопросам, он возвращал для повторного рассмотрения. Ему всегда хотелось знать, как отразится данное постановление на людях, как они будут реагировать. Если он убеждался, что с этой стороны документ изучен недостаточно, то всегда возвращал материалы для дополнительного рассмотрения.

30 января 1947 г., четверг

После обеда Димитров снова был в Народном собрании.

Заседание началось еще в 16 часов с прений по докладу комиссии по проверке выборов в Варненской и Плевенской облас-

тях. Он не вошел в зал к началу заседания, а пробыл некоторое время в своем кабинете и за его ходом следил по репродуктору: у Димитрова назначено несколько встреч. Сначала он принял группу выдающихся деятелей нашего земледелия, ветеринарно-медицинского и опытно-лесоводческого дела, отмеченных наградами Министерства земледелия. Работники сельского хозяйства поставили много вопросов о развитии нашего научно-исследовательского дела. По одним вопросам Димитров сделал пометки в блокноте, по другим незамедлительно отдавал распоряжения.

К 6 часам он принял другую делегацию — борцов против фашизма из Перника. Они пришли ненадолго, со скромной миссией — пригласить его на дружескую встречу, которую их организация устраивала в ближайшие дни. Димитров встретил их сердечно, еще в коридоре, пропустил в кабинет впереди себя и приветливым, широким жестом пригласил сесть. Они ждали, когда сядет он, но Димитров дружески сказал: «Садитесь, садитесь!» У него был с ними продолжительный, глубокий разговор.

Группу возглавлял Стамен Савчев — товарищ, которого я немного знал по Сливенской тюрьме, председатель Организации борцов против фашизма в Пернике, человек лет тридцати пяти — тридцати шести. В Сливенскую тюрьму Савчева доставили в январе 1944 г. после варварских бомбардировок Софии. Тогда состоялся процесс над 11 деятелями Перника. Трое из них были приговорены к смертной казни и расстреляны.

Репродуктор продолжал тихонько доносить происходящее в зале. И в этот день оттуда слышались злобные выкрики оппозиционеров. Когда в какой-то момент там снова поднялся галдеж, Стамен Савчев, разъяренный, спросил:

— Товарищ Димитров, до каких пор мы будем терпеть их издевательства, особенно над шахтерами? — А потом, набравшись смелости, заговорил решительно и твердо: — Шахтеры требуют поставить на место Николу Петкова! Мы проголосовали именно за такую резолюцию на многолюдном митинге!

И Савчев рассказал о возмущении шахтеров сквернословием и клеветой оппозиции.

— Этой истории,— ответил Димитров,— без сомнения, будет положен конец.

Потом помолчал немного и сказал:

— Все нужно делать с умом! Эти вопросы решает не темперамент, а политика. Вопрос не в группе, кричащей в Великом народном собрании. С этими хулиганами мы можем легко справиться, но проблема в другом. Она заключается в том, что есть заблуждающиеся крестьяне, чиновники, ремесленники, обиженные или недовольные отдельными непорядками в управлении,

люди, своими голосами поддержавшие оппозицию на выборах. Этих людей необходимо вернуть в Отечественный фронт! И в этом отношении у нас уже есть успехи.

Затем он объяснил, что оппозиция разлагается, что те избиратели, которые в силу заблуждения или временного личного недовольства голосовали за ставленников оппозиции, будут завоеваны на сторону Отечественного фронта для строительства нашей народной республики.

— Но мы все должны помнить,— продолжал Димитров,— что сражения чаще всего выигрывают не фронтальной атакой, а в обход. Вот мы и должны стремиться не фронтально, когда приносится больше жертв, а обходным маневром обеспечить победу. А для этого необходимы труд, дисциплина, порядок, бдительность и известное терпение. Вот так, товарищи, обстоят дела.

Гости стали прощаться.

После этого Димитров направился в зал, где в то время разыгралась очередная скандальная сцена.

Итак, вопрос, что делать с оппозицией, такой, какой она стала, занимал Георгия Димитрова все более серьезно. Для меня этот вопрос казался несложным — оппозицию необходимо попросту выгнать из Великого народного собрания. Как-то, докладывая ему об одном бурном заседании ВНС, на котором он не присутствовал, я не вытерпел и сказал:

— Товарищ Димитров, действительно, до каких пор мы будем терпеть это беснование?

Тот насмешливо взглянул на меня:

— Что? Кассировать выборы?

— Ну конечно. Иначе ведь там невозможно серьезно работать.

Он положил на стол карандаш, пыхнул раза два-три трубкой и начал со мной глубокий разговор, убедивший меня в том, насколько поверхностно я представляю себе эту проблему. Заканчивая беседу, он сказал:

— В этом деле вообще нельзя спешить, понимаете? Не в быстроте выход, а в тактике. Необходимо решить эту проблему умно. Если уж лишать их депутатских мандатов, то это нужно сделать аргументированно.

Эту сложную, трудную и деликатную проблему Димитров должен был решать по-новому, творчески применяя марксизм-ленинизм. Хотя и он бросал иногда очень острые реплики в Народном собрании, в конечном счете его отношение к оппозиции можно характеризовать словом *терпимость.* Если бы со стороны оппозиции были проявлены хотя бы элементарный разум и со-

образительность, если бы она хотя бы немного задумалась над отношением Димитрова к ней — а это было отношением ЦК, партии и Отечественного фронта,— может быть, события развивались бы совсем по-другому. Если в отношении кого-нибудь поступают недемократично, то иногда причину следует искать в поведении самого потерпевшего. Димитров очень настойчиво искал путь демократических отношений с оппозицией, пытался найти хоть какое-нибудь стремление с их стороны к сотрудничеству. Оппозиционная верхушка, напротив, делала все возможное, чтобы доказать обратное. Никола Петков был близоруким политиком и походил на тех, кто, встав на рельсы, пытается остановить поезд, подставив ногу.

Димитров продолжал искать точки соприкосновения и стремился найти приемлемые формы сотрудничества; в ряде его отрывочных высказываний и реплик проглядываются контуры «конструктивной оппозиции» — какой она должна была бы быть и какой могла бы быть ее роль, отрицается, что мы готовимся выбросить ее из парламента. Вообще в тот период он стоял на точке зрения, что при существовавших в стране условиях предполагалось наличие конструктивной оппозиции как противоядия против бюрократизма, увлечений и головокружения; что не нужно вообще отрицать возможность всякой оппозиции, борьбу же необходимо вести против злостных оппозиционеров; что следует перебрасывать мосты, для того чтобы вывести этих людей или хотя бы часть из них из безвыходного положения и направить их постепенно по пути хоть какого-то разумного сотрудничества. Эта его идея не была оформлена окончательно, не доведена до своего логического завершения, но и здесь проявилась его широта в руководстве общественной жизнью — собирать как можно больше сил, сплачивать всех, кто способен сплотиться. И здесь проявляется его нетерпимость к сектантству, косности. Чувствуется размах новатора. Он говорил «честным и патриотически настроенным оппозиционным депутатам», существование которых, хотя они и были в меньшинстве, он принимал: «Давайте работать дружно». И после этого: «Часть из этих господ очень скоро убедится, что в их собственных интересах, как общественных деятелей, принять участие в этом великом созидании новой Болгарии». В конце февраля он заявил: «Несмотря на то что мы можем разогнать оппозицию, разгонять мы ее не будем».

И для того чтобы мысль его была ясна до конца и не осталось места для кривотолков, подчеркнул: «Необходимо обуздать *необузданных* (курсив мой.— *Н. Г.*) оппозиционеров».

Оппозиционную верхушку он действительно разоблачал беспощадно. После подписания мирного договора Димитров разъяс-

нил, на что надеялись Петков, Лулчев и их компания: «...Лидеры оппозиции строили себе иллюзии, будто произойдет вмешательство извне, будто разразится война! Вся политика и вся тактика лидеров оппозиции были построены на песке, и поэтому теперь они выглядят так, как будто их ударили чем-то тяжелым по голове». И еще: «Оппозиционная верхушка совершенно потеряла почву под ногами. Она переживает процесс разложения. Но есть представители реакции, которые именно потому, что они потерпели такое банкротство, будут склонны прибегнуть к отчаянным действиям. До сих пор их основной линией в отношении Отечественного фронта была лобовая атака: они пытались штурмом разрушить крепость народного единства».

А когда в марте заправилы оппозиции дошли до нового политического падения, он разоблачил их до конца. «Вы оппозиция, выступающая за гражданскую войну в Болгарии».

1 февраля 1947 г., суббота. Было еще совсем рано, когда я шел на работу. Сменный начальник охраны майор Радев мне сказал:

— А они еще утром ушли!

Я спросил, куда Димитров направился так рано, но тот в недоумении пожал плечами.

Когда Димитров вернулся, я спросил майора Варадинова:

— Бай Георгий ходил с проверкой. Здорово им поддал?

Г. Димитров устроил проверку дисциплины в некоторых министерствах и учреждениях. Было еще 8 часов утра, когда он прибыл в Министерство благоустройства. Я так объясняю, почему именно это министерство было избрано первым для проверки. Его министр, Георгий Драгнев,— старый земледельческий деятель, наш сторонник, у него было прозвище Капела (неизменно носил широкополую шляпу), небрежен в своей внешности, не подтянут и неорганизован в своих действиях.

Димитров столкнулся с не очень приглядной картиной — долго еще после начала работы служащие тянулись к своим рабочим местам. Председатель Совета Министров посетил и некоторые учреждения и службы Министерства железных дорог. По пути он разговаривал со многими служащими, выслушал их просьбы и предложения, выразил свое возмущение беспорядками, терпеливо говорил о необходимости сознательности и дисциплины в работе.

Об этой своей проверке Димитров поручил дать сообщение в печати: хотел внушить всем мысль о том, что следует подтянуться.

Позже я узнал, что у Драгнева ох невесело было на душе, когда он, как всегда по старой привычке, не спеша появился на работе и узнал, что Предсовмина уже обошел министерство. Но в целом проверка подействовала хорошо. Несколько человек, встретив меня, отзывались о ней одобрительно.

4 февраля 1947 г., вторник

В субботу, 1 февраля 1947 г., открылась первая национальная конференция трудовых кооперативных земледельческих хозяйств. Она готовилась давно, о ее созыве и подготовке заботился Димитров: он назвал ее «чрезвычайно важным, исключительным событием для нашей страны, и особенно для нашего народного хозяйства». Предстояло разработать и утвердить основные принципы деятельности трудовых кооперативных земледельческих хозяйств.

С участием Димитрова и под его непосредственным руководством были предварительно рассмотрены все главные вопросы, выяснены основные принципы. Прямую ответственность за работу конференции нес Петко Кунин, который и выступил с основным докладом.

Петко Кунин — известный в партии экономист. Наш старый товарищ, много сидевший в тюрьмах. Пользовался авторитетом человека, прогрессивно мыслящего и упорно отстаивающего свое мнение. Лет сорока восьми, невысокого роста, плотный, полысевший, он был неутомимым, энергичным, подвижным. Недавно избран секретарем Центрального Комитета по экономическим вопросам.

При создании ТКЗХ прежде всего сохранялась собственность на землю отдельного хозяина. Он входил в кооператив со своим участком земли, инвентарем, скотом, за которые получал ренту. Этот подход в проведении коллективизации облегчал переход крестьян от мелкого, частного, примитивного земледелия к совместной крупной, механизированной обработке земли. В случае нежелания продолжать участие в трудовой кооперации владелец при уходе из кооператива мог забрать принадлежащую ему собственность. При таком порядке он не чувствует себя обезземеленным. [Путь этот окажется исторически оправданным, и поэтому считают, что разработка его — одна из самых больших заслуг Георгия Димитрова. В принципе этот путь одинаков с советским, но во многих отношениях и самобытен. Болгарское сельское хозяйство одним из первых после СССР покажет эффективность кооперативного пользования землей.]

Конференция превратилась в настоящий парламент трудовых земледельческих кооперативов. Было избрано около 2 тыс. делегатов. Хотя зал кинотеатра им. Д. Благоева рассчитан не более чем на 1000 человек, в нем разместились все 2000 делегатов: заняты были и боковые проходы, и коридоры. В своем коротком вступительном слове Георгий Трайков сказал очень важные слова: «Путь нашего земледелия выбран и является путем всестороннего развития и укрепления ТКЗХ». Эта декларация с ее категоричностью и безусловной поддержкой трудового кооперирования на селе имела особое значение, потому что оратор выступал не только как министр, но и как представитель БЗНС.

Зал заседаний представлял собой крайне любопытную картину. Можно было увидеть и пожилых людей в домотканых брюках или в черных платках, здоровенных мужчин в абах[1] и меховых шапках; рядом с ними — люди помоложе, одетые по-городскому. Все они устремили вперед свой взгляд, все свое внимание обратили в слух, следя за выступлениями, отзываясь на веление времени новым высоким сознанием ответственности, чувствуя себя пионерами нового дела. Сельская Болгария рассуждала — и романтично и трезво — о своем будущем. Некоторые из крестьянок говорили с трибуны не хуже опытных ораторов. Народ уже овладел словом: он не мямлит и не читает по складам, не потеет по пять раз, пока скажет два слова.

Когда я информировал Димитрова, он спросил меня об участии женщин в конференции, попросил назвать имена наиболее умелых мастеров слова и записал их в свой блокнот.

Конференция продолжалась четыре дня. На четвертый день ее посетил Димитров. Было уже далеко за полдень, где-то в половине второго, но прения продолжались безостановочно. Выступала крестьянка из села Лесново Новосельской околии. По суете на сцене делегаты, уверенные, что Димитров не может не отозваться на их приглашение, почувствовали, что он уже здесь. Зал просто всколыхнулся. Все вокруг меня вскочили.

Долго не смолкающая, продолжительная, идущая из глубины сердец народная овация. Димитров наконец их успокоил, сел и начал слушать выступавшую, которая не только не смутилась, а продолжала громко перечислять свои наказы.

После нее предоставили слово Димитрову, встреченному с настоящим чувством гордости («Уважил нас!») и влюбленности. Он был в темном костюме с неизменной орденской ленточкой на лацкане пиджака, в галстуке, завязанном по привычке большим узлом. В своей речи (он говорил 20 минут) Димитров не стал

[1] Аба — верхняя одежда из абы — грубой шерстяной ткани.— *Прим. перев.*

останавливаться на вопросах, которые рассматривала и решала конференция (их он оставил на усмотрение самой конференции), а уделил больше внимания отдельным, более общим положениям. Трудовое кооперирование крестьян, сказал он, имеет историческое значение. «Это дело трудное, сложное, но оно несет спасение нашему огромному крестьянскому населению, нашей отсталой — по вине царской династии, буржуазии и фашистов — стране» [1].

— Пока, товарищи, заложена еще только основа. На этой основе нужно будет строить дальше, трудиться в поте лица, трудиться разумно, организованно, соблюдая трудовую дисциплину и осуществляя правильное руководство.

Вспоминая о слабостях и недостатках, сопутствующих созданию и деятельности кооперативных земледельческих хозяйств, Димитров, по его словам, с удовлетворением отметил, что «конференция не только не закрывает глаза на эти слабости, недостатки и неясности в жизни кооперативных хозяйств, не только не пытается замазывать их и представлять дело так, будто все идет как по маслу... а, напротив, трезво и серьезно обнажает раны, изучает слабости и недостатки...» [2]

В чем сейчас состоит задача?

— *Задача теперь заключается в том, чтобы укрепить существующие кооперативные хозяйства и приступить к организации новых,* но только при условии самой тщательной подготовки и внимательного изучения на местах конкретных условий и возможностей для этого.

С этой целью необходимо самым строгим образом и последовательно соблюдать принцип добровольности участия в кооперативных хозяйствах, укреплять «дружбу, согласие, совместный труд и взаимную помощь» в трудовых кооперативах на селе, относиться к кооперативному хозяйству как к своему собственному, нужен «честный, преданный, упорный труд каждого кооператора», а вместе со всем этим необходимо создавать товарищеские отношения с хозяевами, которые еще не вступили в кооператив.

Далее Димитров высказал мысль, которая была особенно характерна для него:

— Для устранения слабостей и недостатков в работе самих кооперативных хозяйств есть, как вы должны знать, весьма действенное средство — *критика и самокритика.* У нас мало любят самокритику, не любят и критику. Некоторые плохо воспринимают критику, обижаются, когда их критикуют, а также и сами не

---

[1] *Димитров Г.* Избранные произведения, т. 2 (1941—1949 годы), с. 344.
[2] Там же, с. 345.

очень любят критиковать себя, видеть, признавать и исправлять свои ошибки и недостатки. Однако мы должны знать, что *в хозяйственной деятельности мы не можем двигаться вперед без критического отношения к себе и к другим, к своим слабостям и недостаткам.* Самым мощным фактором всякого прогресса, всякого движения вперед являются критика и самокритика, разумеется, критика созидательная, критика творческая, критика не тенденциозная, не личная, не узкогрупповая, а критика, которая стимулирует, которая помогает улучшать работу кооперативного хозяйства на всех его участках; здоровая, созидательная критика, не преследующая личных целей, не мелочная, а двигающая вперед каждого члена кооперативного хозяйства и все хозяйство в целом.

После этого Димитров остановился на одной из своих любимых тем — месте женщины в кооперативном хозяйстве.

— Должен вам сказать,— продолжал он,— что, хотя я и занимаюсь этими вопросами, я с удивлением узнал в связи с вашей национальной конференцией, что жены членов трудовых кооперативных хозяйств сами не являются членами этих хозяйств. Они не состоят членами кооперативных хозяйств, потому что являются женами кооператоров. Они участвуют в собраниях, но не имеют решающего голоса. Я спрашиваю: почему это так? Почему такая важная сила, какой у нас вообще являются женщины, и в особенности женщины в кооперативных хозяйствах, лишена возможности принимать полноценное участие в жизни кооперативного хозяйства, хотя зачастую женщины лучше мужчин разбираются в практической работе хозяйства? Они обычно более проницательны, имеют более зоркий глаз, лучше замечают некоторые недостатки, у них более тонкий нюх, они своевременно обнаруживают то, что еще не сгнило, но уже начинает гнить.

Я очень прошу,— закончил он свою мысль,— руководителей наших трудовых кооперативных земледельческих хозяйств по возвращении на места поставить этот вопрос со всей серьезностью в порядок дня, обсудить его, помочь женщинам еще активнее включиться в работу и постараться привлечь насколько возможно больше творческие силы женщин-хозяек к работе трудовых кооперативных земледельческих хозяйств.

Эти слова Димитрова вызвали особое оживление. Женщины засияли и принялись шутливо грозить пальцем мужчинам, а мужчины цокали языками и в шутку качали головой.

Оратор закончил свое выступление, а зал еще долго не мог стихнуть.

Димитров еще был на трибуне, когда снова почувствовалось движение. Вспыхнула новая восторженная овация — к ложе на

балконе направлялся Васил Коларов. Аплодировал и Димитров; лицо его, как всегда, было спокойным, взгляд ясный. Коларова пригласили занять место в президиуме. Через некоторое время ему была предоставлена возможность выступить. Речь была плавной, изысканной, изящной, логичной и весомой.

После обеда Димитров и Коларов присутствовали на заседании Великого народного собрания. Обстановка там была накалена. Кто-то из оппозиции снова принялся говорить от имени народа. Тогда Димитров сказал ему:

— Вам надо было побывать на Национальной конференции трудовых кооперативных земледельческих хозяйств, чтобы увидеть, где народ.

10 февраля в Париже был подписан мирный договор с Болгарией.

«Один этап завершен»,— констатировал Димитров. Главная забота, существовавшая до сих пор,— «окончательное урегулирование международного положения нашей страны, для того чтобы можно было уверенными шагами, без малейших колебаний идти вперед, к подъему болгарской нации» [1],— была уже разрешена.

Болгария стала суверенной страной, и никто не имел права вмешиваться в ее внутреннюю жизнь; она уже могла сама распоряжаться своей судьбой. Сущность этого этапа Г. Димитров определил сразу же, спустя несколько дней:

«Ныне Отечественный фронт, правительство, и в частности наша партия, *сосредоточивают свое внимание на восстановлении страны, на использовании для этой цели всех природных, материальных и людских ресурсов нашей нации»* [2].

В этих словах содержится и точная характеристика деятельности Димитрова. Теперь всю свою кипучую энергию он направил на решение проблем нашего социально-экономического развития, он стал еще более динамичным, еще более неутомимым и вдохновленным. Период мучительной сдержанности и выжидания закончился. Деятельность Димитрова развернулась с новой огромной силой, с новым размахом и вывела партию, Отечественный фронт и правительство на большую, широкую дорогу. Наступило время ускоренного развития, обусловленного тремя важными событиями и совпавшего одновременно с ними: образованием димитровского правительства, разработкой двухлетнего хозяйственного плана и подписанием мирного договора.

---

[1] *Димитров Г.* Избранные произведения, т. 2 (1941—1949 годы), с. 358.
[2] Там же, с. 359.

Это сочетание породило тот энтузиазм, который превратил начало 1947 г. в начало великого созидательного подъема.

Еще 27 января Димитров сказал свое веское слово на вечере ударников софийских предприятий, но печать не смогла хорошо сориентироваться в сути произнесенной там очень важной речи. Она была помещена под заголовком о роли и значении ударничества... А именно в ней Георгий Димитров впервые сформулировал свою мысль о пути Болгарии в предстоящем периоде:

«Мы должны знать, должен знать рабочий класс Болгарии, должен знать весь наш народ, что *наша страна, самое большое, за одно-два десятилетия должна достигнуть того, чего другие народы и государства достигли в области своего внутреннего устройства, экономики, науки и техники за целые столетия* (курсив мой.— *Н. Г.*). С таким масштабом должны мы работать. *То, что другие достигли за сто лет, мы должны наверстать, получить, иметь за одно-два десятилетия,* если хотим обеспечить нашу национальную свободу и независимость, если хотим достичь постоянно возрастающего народного благосостояния» [1].

Синтез судьбы, истории, настоящего и будущего нашего народа! Мысль Димитрова развернула свои огромные крылья! Программа, захватывающая величием и размахом, сокращающая время на столетие!

На что же мы можем рассчитывать, чтобы добиться успеха в этом великом деле?

«Если у нас будет такая экономическая база, если у нас будет братство и сотрудничество со славянскими народами во главе с великим Советским Союзом и другими демократическими государствами, тогда, говоря простым языком, и сам черт нам не страшен».

В другой раз он дополнил:

«Своим собственным трудом, недоедать будем, но без иностранных капиталов сделаем то, что нам необходимо. Мы будем независимы, за тарелку чечевичной похлебки не продадим наши национальные интересы и будущее».

И не побоялся сказать открыто: «Необходимо всем вместе затянуть пояса, всем вместе — рабочим, крестьянам, ремесленникам, интеллигенции, всем людям физического и умственного творческого труда, всем честным гражданам страны засучить рукава для работы».

Свою основную мысль-программу Димитров будет развивать в течение 1947—1948 гг. неоднократно и в различных вариантах. В докладе на V съезде партии в конце 1948 г. она предстает в

---

[1] *Димитров Г.* Съчинения, т. 13, с. 30.

законченном виде: «Как я говорил и раньше, *необходимо посредством индустриализации и электрификации страны и механизации земледелия добиться в течение 15—20 лет того, на что другим странам в других условиях потребовалось целое столетие»* [1]. (курсив мой.— *Н. Г.*).

Эти крылатые слова в скором времени станут такими популярными, что их будет знать весь народ и примет их в качестве его завета, который ценой любых усилий и жертв следовало осуществить.

И наш народ осуществил их!

Первым шагом на пути реализации этой великой перспективы был двухлетний хозяйственный план. Ему Димитров посвятил и знания, и время, и энергию. Встреча с Верховным хозяйственным советом для нового уточнения проекта плана, заседание Политбюро, новое рассмотрение в Совете Министров, обсуждение еще и еще раз. И план закончен...

Димитров определил смысл и задачи двухлетнего плана — упорядочить и укрепить экономическое положение страны, добиться окончательного восстановления народного хозяйства и его дальнейшего подъема с помощью индустриализации и электрификации страны. Сказано было ясно: план вполне реален и осуществим, но для его выполнения необходимо большое напряжение сил, энергии, нервов; «необходимо очень много новых ресурсов, которые мы должны открыть и использовать своими собственными национальными силами».

Наряду с этим димитровское правительство обсуждало и осуществляло широкую программу, которая должна была создать необходимые условия для выполнения плана.

В соответствии с принятым законом была введена государственная монополия на табак. Она направила огромную часть доходов, создававших болгарским капиталистам до вчерашнего дня крупные состояния, в государственную казну. Создалась возможность для значительно более рациональной организации всего процесса обработки и экспорта табака — этого незаменимого богатства Болгарии. Был произведен обмен денег: в банки стекались свободные финансовые средства и были пущены в оборот. Высокие доходы и крупное имущество обложены прогрессивным разовым налогом. Утверждены новые штатные расписания для более целесообразной и более эффективной организации труда государственных служащих; их зарплата повышалась на 18—20%. Увеличены пенсии, снижены цены на товары и услуги, учрежден народный фонд индустриализации и электрификации.

---

[1] *Димитров Г.* Избранные произведения, т. 2 (1941—1949 годы), с. 644.

Правительство Георгия Димитрова начало действовать широким фронтом. В финансовых мероприятиях оно придерживалось классового подхода — в строительство новой Болгарии должны вносить вклад не только рабочие и крестьяне; пусть поглубже залезут в свою мошну и те, кто в течение длительного времени наживал богатства за их счет.

Движение молодых строителей, начатое в прошлом году, разворачивалось сейчас во всю силу. Начался настоящий трудовой поход нашей молодежи, нашего рабочего класса. Наши первые большие стройки собрали силы, любовь и надежду всего народа.

В Великом народном собрании выступал по текущим вопросам Пеко Таков. В середине речи произошел курьезный диалог его с Николой Петковым, в который затем включился и Димитров. Во время этого диалога раскрылась политическая концепция Николы Петкова, его взгляды на положение в Болгарии и пути ее прогресса. Пеко Таков критиковал оппозиционных депутатов за то, что они отнимают время и создают затруднения в работе Великого народного собрания, ставя своей целью «помешать принятию конституции, сорвать голосование хозяйственного плана...». Оратор подчеркнул, что, пока оппозиция мешает ВНС работать, Совет Министров уже почти подготовил хозяйственный план. Тогда Никола Петков бросил:

— Вы только сказки рассказываете! Думаете по этому плану построить за год семь водохранилищ. Детство! Детство заявлять об этом. Двенадцать лет строится водохранилище на Искыре, а вы за один год хотите семь построить.

Из этой реплики очевидны косность и консерватизм Петкова. Его мерка — одно водохранилище за двенадцать лет! Каждому свое! Как пошутила история с этим амбициозным политическим мужем! Пеко Таков ответил на его вызов:

— Я хочу сказать, что вы записываетесь выступать и выходите на эту трибуну не для того, чтобы оказывать ваше содействие, а для того, чтобы саботировать и мешать творческой работе Великого народного собрания, но, несмотря на это, Собрание работает, чтобы выполнить свою историческую миссию...

Георгий Димитров добавил:

— И впредь будет работать!

Две концепции, два политических полюса, два пути для страны: неверие в возможности народа и страны, застой и рутина, с одной стороны, вера в возможности народа и родины, энергия, готовность трудиться и работать — с другой.

Спустя семь дней, 12 февраля, Верховный хозяйственный совет внес в Великое народное собрание одобренный Советом Министров законопроект о государственном хозяйственном плане на 1947—1948 гг.

В начале февраля, после подписания мирного договора, подготовки и внесения на рассмотрение проекта двухлетнего хозяйственного плана, среди группы оппозиционных депутатов начали проявляться известные расхождения и противоречия. Многозначительно высказывание одного оппозиционного депутата, который в своем кругу так выразил мучавшую его тревогу: «Мы кричим, однако у коммунистов с планом дело в шляпе. Закончат они свой план, а где мы будем в это время?»

Димитров не упустил возможности использовать разброд в рядах оппозиции.

5 февраля он обратился с призывом к взаимопониманию непосредственно к Георгию Йорданову, оппозиционеру, старому земледельческому деятелю, известному в стране. Этот крестьянин из одного пазарджикского села, обладавший большим даром оратора, стал депутатом от БЗНС еще в 30-е годы. В Народное собрание испокон веков он являлся в крестьянских домотканых шароварах, подпоясанных широким поясом, в абе и гугле [1].

...Шло обсуждение доклада комиссии по проверке правильности выборов. Слово было предоставлено Георгию Йорданову. Между ним и председателем правительства начался интересный диалог, закончившийся таким образом.

— Давайте строить вместе новую Болгарию! — сказал Г. Димитров.— Послушайте, старый земледелец, я подаю вам братскую руку для строительства новой Болгарии, но освободитесь вы от этих карьеристов.— Он указал на Николу Петкова и его группу.— Среди вас есть честные люди, и они скоро придут в Отечественный фронт.

Зал кипел от острых пререканий между депутатами большинства и оппозиции. Атмосфера была накалена до крайнего предела. До старика Йорданова как будто только сейчас дошел смысл этих слов, и он ответил:

— Давайте строить! И я буду бесконечно доволен, если мы придем к такому решению.

В силу указанных выше факторов в феврале совсем определенно заговорили о возможном примирении. Со стороны оппозиции последовали отдельные голословные заявления, она проголосовала за один-два второстепенных законопроекта.

---

[1] Гугла — островерхая меховая шапка.— *Прим. перев.*

Димитров обратился с призывом к депутатам, занимающим места в парламенте справа, о лояльности и деловом сотрудничестве. 11 февраля Димитров в своей краткой речи в Великом народном собрании заявил, что известное сотрудничество *возможно и необходимо* (курсив мой.— *Н. Г.*), и перечислил те, я бы сказал, минимальные условия, которые действительно необходимы для лояльного сотрудничества: оппозиция не будет «посылать на эту трибуну Великого народного собрания хулиганов, клеветников и опозорившихся субъектов... не надо натравливать недовольные элементы в нашей стране (такие есть, и их не может не быть...)... не вносить смуту в народ и в страну.., *необходимо включиться в работу...*

Если оппозиционеры хотят лояльного сотрудничества, то они должны это показать прежде всего делами» [1].

Справа сыпались реплики. По некоторым из них можно было судить о том, что оппозиционеры прислушиваются к призывам Димитрова. Но и на этот раз, как и всегда, преобладали острые, злые реплики Николы Петкова. Потом стало понятно, что у Николы Петкова не было никаких намерений идти на примирение, напротив — он все более утопал в болоте своей контрреволюционности.

Как видим, и сейчас предложение о сотрудничестве было отвергнуто.

Трудно переоценить то, что могло бы произойти, если бы призыв Георгия Димитрова был принят.

Его небольшая речь оказалась блестящим политическим ходом, шагом с огромными политическими последствиями. Факт, что Председатель Совета Министров, вождь коммунистической партии и Отечественного фронта так энергично и открыто протянул руку, которую оттолкнули, давал важное политическое преимущество. К этому факту возвращались многие ораторы в течение следующих месяцев, и он был в числе сильных аргументов в политической борьбе с оппозицией. Прежде чем отстранить оппозицию от политической жизни административным путем, ее нужно было идейно и политически развенчать в сознании народных масс. Большую роль в этом отношении сыграло предложение Димитрова.

---

[1] *Димитров Г.* Избранные произведения, т. 2 (1941—1949 годы), с. 356—357.

12 февраля 1947 г., среда

Размышления после последних заседаний Народного собрания.

Некоторые из оппозиционных депутатов владеют ораторским искусством. Они — старые парламентские львы и демагоги — могут на основании нескольких фактов произнести большую, эффектную речь. А это создает дополнительные трудности. Ведь всегда любая оппозиция может выискать и использовать что-то для себя, то, в чем мы ошибались, недоглядели, не сумели сделать своевременно. Это имеет особое значение для революционной партии, не располагающей опытом управления, но полной решимости в корне перестроить общество. Здесь оппозиция всегда может найти щель, с тем чтобы развить свой тезис отрицания. Вокруг отдельных фактов оппозиционные ораторы произносят патетичные речи с эффектными выражениями, умелыми сравнениями и ораторскими приемами, сгущают до неимоверности краски и делают из белого черное, вещают и предрекают все беды и несчастья.

Их излюбленная тема — свобода и демократия, которые они оплакивают, стенают по ним, ахают, встают в позу страдальцев, подлинных мучеников. А когда поймешь, кто они, разбирает смех. Все они — мелкие политиканы, стоящие на уровне парламентариев 1900 г. Ничего хорошего я не жду от них для Болгарии, они способны лишь продать и разграбить ее. Их миссия — уйти со сцены, исчезнуть как явление нашей политической жизни раз и навсегда, чтоб могла наконец многострадальная Болгария иметь политиков, любящих родину, принципиальных, чистых и честных. В противном случае печальна ее судьба. Ведь одни продавались за фунты стерлингов, другие, придя к власти, ухватились за полы немецко-фашистских заправил и поднесли им страну на блюде. И сделали это тогда, когда чутье всего народа подсказывало, что наступило наконец время для Болгарии поступить умно — соблюсти нейтралитет, держаться вместе с братом-освободителем... Но тогда, в марте 1941 г., болгарские фашисты отдали страну в руки Гитлера и навлекли на нее все несчастья.

14 февраля 1947 г., пятница

В понедельник семья Димитровых переселяется в новую квартиру; заканчиваются сборы.

[Дом-дача в Княжеве все меньше отвечал требованиям гарантии спокойствия и безопасности Председателя Совета Минист-

ров. Он был почти неохраняем. А в такой обострившейся политической атмосфере в стране нельзя было исключить никакие отчаянные акты враждебных сил, тем более что усиливалась напряженность международной обстановки. Охрана, постоянно чувствовавшая себя как на иголках, еще настойчивее ставила вопрос о выборе более подходящего жилья. После того как перебрали и передумали различные варианты — была даже идея построить специальный дом (некоторые и название ему дали — дворец наших государственных руководителей),— пришли к выводу, что нужно использовать один из бывших царских дворцов в Софии. Димитров возражал против этого категорически. Несмотря на его протесты, в ЦК так было и решено: ориентировку взяли на дворец Врана. Димитров подчинился принятому решению, но расставаться с Княжевом ему не хотелось, и он довольно часто работал там.

Врана расположена в 8—9 *км* от Софии по шоссе на Пловдив. Главный корпус здания дворца был разрушен во время бомбардировки, и пригодным для проживания было только боковое крыло.]

В одном из разговоров, состоявшемся с товарищами в эти дни, зашла речь о боях, которые вела наша 1-я армия в Венгрии, о том, какие трудности преодолевали наши части из-за плохого офицерского состава. Партия, однако, приложила большие усилия, командование было укреплено. Товарищ Димитров рассказал, какой разговор состоялся у него по этому поводу с И. В. Сталиным.

— Встретил меня товарищ Сталин улыбающийся и говорит: «Воюют ваши ребята, хорошо воюют!» И тогда он им дал высокую оценку — упомянул в своих приказах!

1 марта 1947 г., суббота

Три-четыре дня назад товарищ Димитров принял участие в работе Софийской областной партийной конференции и произнес там большую речь, которая является откровенным и открытым словом по главнейшим вопросам нашей жизни. Он снова остро критиковал, но на этот раз критика его была направлена не на классовых и политических противников, речь шла о нас самих, о партии, ее членах и деятелях. Бичевались недостатки в нашей собственной среде.

Пребывание у власти может сопровождаться возникновением отрицательных явлений, и сейчас товарищ Димитров направил острие своей критики именно против них. Можно заметить,

пояснил оратор, что власть развращает некоторых наших работников, и они перерождаются; некоторые ответственные товарищи просто забыли, что вышли из народа, что до вчерашнего дня были рабочими и крестьянами, а сейчас стали кметами, начальниками, депутатами, задрали нос. «...Наши ответственные люди превратились в губернаторов и вельмож по отношению к населению, по отношению к окружающим» [1].

Товарищ Димитров напомнил, что все работники партии, независимо от занимаемого поста, являются «слугами партии и народа, а не вельможами, не господами, перед которыми каждый должен козырять» [2]. Таких «вельмож и губернаторов» необходимо отстранять от работы, а некоторых даже исключать из партии. В ряде мест наблюдаются случаи семейственности и мелкой коррупции. Он предупредил, что сейчас опасность для народной власти и Отечественного фронта состоит уже не во фронтальной атаке противника, реакционной оппозиции, а идет изнутри, от бациллы разложения внутри самого Отечественного фронта, входящих в него партий, в том числе и в нашей партии. Именно поэтому нужно непримиримо бороться против любого проявления бытового разложения и карьеризма. Необходимы решительные действия по укреплению партии, освобождению ее от случайных людей, развертыванию критики и самокритики как эффективного лечебного средства.

«Нужно знать, что без критики и самокритики никто из нас, будь он хоть семи пядей во лбу, каким огромным умом ни обладай, не может идти вперед. И народ как народ, как нация не будет развиваться, если не будет постоянной критики и самокритики, если правильное, здоровое не будет поощряться, а неправильное, нездоровое, гнилое не будет бичеваться» [3].

Эта речь произвела большое впечатление на конференцию, прозвучала как откровение. Не бояться увидеть свои собственные ошибки и свои собственные недостатки, самим накладывать повязку там, где кровоточит,— такая позиция всегда вызывает глубокое внутреннее удовлетворение.

Опубликует ли товарищ Димитров свою речь? Она может дать пищу для критики против нас со стороны оппозиции. Димитров срочно потребовал дешифрованный текст своего выступления и занялся работой над ним. В пятницу он передал его в печать. Отзвук среди наших людей хороший. Чувство удовлетворения. Уверенность.

---

[1] *Димитров Г.* Избранные произведения, т. 2 (1941—1949 годы), с. 362.
[2] Там же.
[3] Там же, с. 363.

На беду после конференции товарищ Димитров разболелся. Он простудился, и у него сразу же после обеда поднялась высокая температура — грипп в тяжелой форме. Болеет уже четыре дня, появились и некоторые неприятные осложнения. По предписанию врачей он соблюдает постельный режим, никого не принимает, но велит посылать ему самую важную почту, связывается с нами по телефону, дает поручения.

Между тем из Румынии приходят все более тревожные вести о том, что на севере ее территории население буквально голодает. Летом в этих районах была сильная засуха. В селах кончились запасы зерна. Страна не имела резервов, чтобы прокормить голодающий край. Товарищ Димитров с большим вниманием и озабоченностью следит за этими вестями. У нас по всей стране развертывается движение за оказание помощи румынским братьям. На днях мы получили письмо от румынской колонии в Софии — сообщают, что готовят благотворительный концерт к 9 марта в Народном театре в помощь бедствующим детям в Молдове, просят провести концерт под патронажем Председателя Совета Министров. «Можете сообщить мое согласие»,— написал товарищ Димитров на письме.

Фильм «Болгария», созданный по сценарию Ильи Эренбурга, советско-болгарское произведение — первый фильм о Болгарии,— уже демонстрируется в Москве. «Правда» выступила с исключительно высокой оценкой, назвав его одним из лучших документальных фильмов, созданных после войны советским кино. Появилось сообщение, что фильм уже прибыл в Софию. С волнением ожидаем его просмотра.

[В марте почти часовой документальный фильм «Болгария» вышел на экраны столицы. Публика смотрела его поистине с жадностью. И это не случайно. Фильм был и волнующим произведением киноискусства и существенным фактом в нашем национальном бытии. Впервые Болгария, у которой ощущение бедности и провинциальности было все еще сильным, гордо смотрела на полноценное произведение большого кино. Вместе с тем благодаря большим возможностям советского кино и широким культурным связям Советской страны Болгария впервые предстала перед миром в таком многообразии, которое не могло не вызвать чувство уважения. Наш поэт и деятель киноискусства Пантелей Матеев так и написал: «Болгарская правда перед миром».

Фильм был сделан не только с симпатией, но и с любовью к Болгарии, искренне, прочувствованно, убедительно! Была верно передана неповторимая атмосфера революционного пафоса и экзальтации первых послереволюционных месяцев и лет и есте-

ственная, бьющая ключом любовь к русским братьям, к Советскому Союзу! Безусловная защита дела болгарского народа перед миром!

Автор текста к фильму Илья Эренбург. Все написано с присущей автору лаконичностью, находчивостью и остроумием, со свойственными ему внезапными поворотами мысли, которые сопоставляют и противопоставляют факты, убеждают и волнуют.

Как и можно было предполагать, к созданию такого ответственного произведения кино имел отношение и Димитров, внимательно следивший за работой над фильмом.

> «Фильм,— писал Георгий Димитров министру кинематографии СССР И. Г. Большакову,— сделан с большой любовью к новой Болгарии и глубоким пониманием ее прошлого и настоящего. Он дает верное представление о болгарском народе, о его борьбе за свободу и независимость, о прогрессивном характере нового, народно-демократического режима в стране».

Решением Совета Министров от 26.III 1947 г. создатели фильма «Болгария» были награждены.]

Под патронажем Георгия Димитрова и Васила Коларова отмечали юбилей Ивана Димова. Великий артист. Никогда нельзя забыть Гамлета в его исполнении. Каждую свою роль он исполняет с такой душевностью и глубиной, что его любят все. Димов болен туберкулезом и все реже выходит на сцену.

Несколько дней тому назад товарищ Димитров посетил в галерее «Призма» выставку художника-лилипута Георгия Павлова. Около часа он находился там, купил одну картину. Между тем в галерее собралось много художников, среди них Павлов и наш известный карикатурист Александр Жендов, с которым Димитров поздоровался очень сердечно, выразил сожаление, что не смог увидеть его недавнюю выставку. Завязался непринужденный разговор о выставке Г. Павлова, о судьбе и будущем нашего изобразительного искусства.

— Художник мал ростом, как наш народ, но благодаря своему искусству он стал большим и сильным, как велик и силен дух болгарского народа,— сказал Димитров и вновь обратился к Павлову: — Вы — большой художник! Работайте с таким же упорством.

Во время своего разговора с группой художников Председатель Совета Министров отметил:

— Государство должно быть щедрее по отношению к изобразительному искусству.

Из Польши прибывают все более радостные вести. Выборы в Законодательный сейм, состоявшиеся в январе, принесли полную победу народному блоку. Фронт народно-демократических стран непрестанно расширяется и крепнет.

10 марта 1947 г., понедельник

Несколько отрывочных записей.

Перед тем как Г. Димитров заболел, я оставил в его кабинете на столе папку с материалами, которые он хотел просмотреть. Но заседание, в котором он принимал участие, закончилось поздно ночью. Однако на следующий день я увидел, что он познакомился со всей почтой!

Когда успел?

Три совета, которые Димитров дал корреспондентке Х. У.

Первый — быть скромной, очень скромной; не поднимать вокруг себя шума. Второй — учиться, постоянно духовно расти, никогда не думать, что знаешь достаточно. Третий — меньше говорить, больше делать.

Писательница Веселина Геновская, которую некоторое время тому назад принял товарищ Димитров, уходя, сказала мне: «Насколько разговор с ним действует воодушевляюще».

Снова вспоминаются слова Димитрова: «Вечером, прежде чем ляжешь спать, подведи итог сделанному днем: плюсы, минусы. Если плюс — хорошо, если минус — надо принять меры!»

Другая его заповедь: «Каждый день необходимо узнавать что-то новое. Вечером, перед сном, человек должен задать себе вопрос: что нового я узнал сегодня?» Руководящее правило, дающее блестящий результат! Для того чтобы им руководствоваться, надо быть уравновешенным, стремиться к цели, обладать упорством.

«В ЦК (Рабочего молодежного союза.— *Н. Г.*) вы привыкли много говорить. Нужно говорить меньше — вот то, что вам необходимо»,— говорил нам не раз товарищ Димитров. Он не любит длинных разговоров по телефону, требует, чтобы ему говорили все в нескольких словах, и сам немедленно кладет трубку.

3 апреля 1947 г., четверг

Болезнь затянулась, осложнения после гриппа вызвали острое воспаление среднего уха. Почти целый месяц Димитров был вынужден соблюдать постельный режим.

Живя во Вране, он, несмотря на то что был болен, не давал себе отдыха, не считал себя в отпуске по болезни, а работал с

полным напряжением сил. У него состоялись два заседания Совета Министров, он устроил пресс-конференцию и сделал заявление для печати, заслушивал доклады, рассылал телеграммы...

Доктор Светослав Бойкикев сказал мне:

— Человек показывает свой истинный характер, когда болен. Именно тогда он предстает таким, какой он есть. Товарищ Димитров, когда болеет, остается таким же, как и в самом здоровом состоянии,— спокойным, уравновешенным, слегка иронизирующим над своей болезнью, дружелюбно настроенным к докторам. Он ничем не выдает свое страдание, всегда сохраняет самообладание. У него воспаление среднего уха. Каждый, кому довелось перенести такое заболевание, знает, какие это ужасные боли. «Не могу понять, откуда мне говорят, слева или справа»,— только и услышал я его жалобу, высказанную после продолжительного заседания, рассматривавшего вопросы подготовки обмена денег.

7 марта, в первой половине дня, Совет Министров срочно собрался во Вране на заседание. Было принято постановление — с 10 марта провести обмен старых денежных знаков на новые; старый лев обменивается равнозначно на новый, но только до суммы в 2 тыс. левов; остальное сверх этой суммы будет задерживаться в виде вклада в банке. Лишь зарубежные представительства могут обменять незамедлительно все свои наличные деньги и чеки.

«Есть люди,— сделал заявление министр финансов,— которые нажили огромные богатства, но таким способом, что не смеют об этом богатстве сказать». Есть лица, обменявшие по 500 тыс., 1 млн. левов наличных денег, скрывавшие их до сих пор в кубышках и под подушками. Это капиталы, нажитые во время войны нечестным путем.

Широкие слои населения с пониманием встретили денежную реформу. Но, как известно, на воре шапка горит. Спекулянты начали искать лазейки, чтобы обойти закон. Отдельные темные субъекты увидели в привилегиях посольствам лазейку и для себя. Какой-то негодяй попытался пронести во французское посольство купюры в... чемодане. Где и каким образом он мог заработать чемодан денег?

Нашумел и случай с пресловутой «мадам Бьёф», который помог развязать многие узлы. Ее милость, корреспондентка агентства Франс Пресс в Софии, французская подданная (девичья фамилия... Милка Генадиева), тоже устремилась во французское посольство с тюком банкнот. Когда же милиционеры попытались ее остановить, из здания посольства выскочили дипломатические чиновники (очевидно, заранее предупрежденные по те-

лефону), среди них был и сам посланник, и пытались отбить ее и втащить на территорию посольства. Мелкое происшествие, на которое можно было бы не обратить внимания. Но посланник — соучастник этого случая — старался превратить его в крупный дипломатический вопрос. Это потребовало личного вмешательства Председателя Совета Министров, который все еще был болен. И что же выяснилось? Названная «мадам Бьёф», время от времени угощавшая абонентов Франс Пресс мерзкими выдумками о Болгарии, оказалась тесно связанной с оппозиционной верхушкой в стране. Более того, стало известно, что она личный друг самого Николы Петкова. Чьи деньги несла мадам? Из справки, которую огласил в своем заявлении представителям печати Председатель Совета Министров, следует, что итальянское посольство представило для обмена 20 млн. левов, английское — 25 млн. левов, а французское — 106 млн. левов. «Мадам Бьёф» была выслана из страны.

Пресс-конференция председателя правительства состоялась 12 марта во Вране. В своем заявлении Димитров не только разъяснил сущность реформы, ее законность и настоятельную необходимость, но сам отверг низменные стремления некоторых представителей дипломатического корпуса скомпрометировать страну и очень подробно объяснил истинное положение дел вокруг «неприятного инцидента» с французским посланником.

А 27 марта Совет Министров принял законопроект о единовременном налоге на имущество и доходы. Акт, являющийся прямым продолжением решения об обмене денежных знаков. В хозяйственное строительство страны были направлены ресурсы, еще до вчерашнего дня спрятанные в тайниках. Почти 85% граждан, обменявших свои деньги в банке, не затрагиваются разовым налогом; низкие доходы и небольшое имущество тоже не подвергаются обложению. Все остальные доходы и собственность облагаются налогом в размере от 2 до 10% их стоимости. «Налогом облагается,— пояснил Димитров,— незначительная группа богачей Болгарии. Их всего 200 семей».

Одновременно с этим правительство внесло в Народное собрание и законопроект о государственном бюджете народной республики, в котором предусматривалось финансовое покрытие больших мероприятий двухлетнего плана.

Оппозиционная печать (особенно газета «Зелено знаме») в связи с обменом денег и разовым налогом впала в ярость, набросилась на эти проводимые в интересах народа начинания, не подбирая слов, выражений и тона. Распоряжением министра информации выход газеты Николы Петкова с 13 марта был приостановлен на 10 дней.

21 Заказ 3715

В связи с этим Н. Петков сделал в Народном собрании запрос и, вместо того чтобы выждать законный срок для получения ответа, устроил наглую обструкцию; его единомышленники, следуя примеру своего патрона, кричали, будто пьяные, изо всех сил стучали по скамейкам — вели себя как отъявленные хулиганы. Подобная картина повторилась 21 марта, когда Н. Петков и вся оппозиционная группа покинули зал заседаний, изливая поток ругани и угроз.

Все их так называемые заботы о народе, о рабочих и крестьянах, о демократии и т. д. и т. д. были отброшены к дьяволу, раз затронуты интересы горстки богачей, среди которых были и те, кто наживался на спекуляции хлебом во время войны.

Однако моськи лают, а караван идет своей большой дорогой.

Началось строительство водохранилища «Копринка». 23 марта состоялось торжественное открытие начала строительных работ. Водохранилище расположено на реке Тунджа, у Казанлыка, и является одним из самых больших объектов двухлетнего хозяйственного плана. Стройка будет вестись молодежными трудовыми бригадами. Водохранилище позволит оросить 32 тыс. *га* земли и производить 65 млн. *квт-ч* электроэнергии — столько, сколько мы получаем в настоящее время от всех существующих в стране электростанций. С большой речью на торжественном митинге выступил Трайчо Костов. По его предложению водохранилищу «Копринка» было присвоено имя Георгия Димитрова.

2 апреля 3 тыс. юношей из Софии — участников строительных отрядов выехали на строительство железнодорожной линии Перник — Волуяк, которая должна связать столицу с ее угольным центром новым, более коротким путем.

Началось строительство водохранилища «Студена»; ускорились работы на водохранилище «Росица» (позже переименованном в водохранилище имени Александра Стамболийского), начатые уже давно, но незаконченные; ТЭЦ «Надежда» (в Софии) скоро войдет в строй. Усиленно идет подготовка к началу строительства нашего первого нового города — Димитровграда и самого крупного объекта республики — азотно-тукового завода (ныне Димитровградский химкомбинат).

«Насколько помнится, в соответствии с мирным договором болгарам запретили использовать атомную энергию, а они открывают другую, не менее мощную...» — написал Александр Жендов под своим рисунком. На нем изображено: парень со знаменем в руках, на котором написано: «Каждый юноша — участник строительства, каждый участник — ударник», а два западных господина смотрят на него с удивлением и говорят цитируемые выше слова.

Духовным апогеем нашего стремительного движения вперед было сообщение, что наш выдающийся художник-живописец Владимир Димитров-Мастер вступил в ряды БРП(к). Его порой можно увидеть прогуливающимся по Русскому бульвару — величественного, аскетического телосложения, с длинной патриаршей бородой, сократовским лбом. Он был похож на давно ушедших в прошлое древнегреческих мастеров резца и эпической поэмы.

«Товарищи,— сказал Мастер после принятия его в партию,— я нахожусь в ваших рядах, потому что глубоко убедился, что место мое с рабочими, крестьянами и трудовой интеллигенцией под боевым знаменем димитровской РП(к). Это та партия, которая приведет всех нас, всю Болгарию к счастью... Я всегда верил, что именно она установит порядок, внесет организацию в нашу жизнь и сделает нас настоящими людьми — гражданами нашей страны. И вот это полностью сбылось».

Обстановка в Народном собрании обострилась. В конце марта — начале апреля произошли два-три острых столкновения. Одно из них случилось 3 апреля. Димитров вошел в зал заседаний вместе с Трайчо Костовым как раз в момент драки и остудил горячие головы.

4 апреля заседание Народного собрания продолжалось целый день. Рассматривался проект государственного бюджета. На послеобеденном заседании обсуждался проект бюджета Министерства социальной политики, т. е. тот же вопрос, из-за которого произошел крупный инцидент в декабре. Начались действия хорошо составленного сценария провокации.

Место на трибуне заняла дама по прозвищу Зеленая попадья (муж ее был попом). Эта персона, участница оппозиции Н. Петкова, принялась кощунствовать над памятью павших в борьбе с фашизмом. «Здесь всегда,— промямлила попадья,— особенно спекулируют нуждами борцов против фашизма...» Она от имени своей парламентской группы выступила против целого параграфа об оказании помощи пострадавшим от фашизма. И для того чтобы разбередить рану наших товарищей, что являлось, очевидно, ее целью, продолжила: «...у нас создалось впечатление, что здесь мы щедрее всего и особенно расточительны».

Гнев депутатов-коммунистов трудно описать. Перебивая друг друга, они предлагали Зеленой попадье отказаться от такого тона, серьезно ее предупреждали. Особенно болезненно реагировали женщины-коммунистки Рада Тодорова, Вера Начева (ее супруг, Начо Иванов, погиб в борьбе), Цола Драгойчева. «А сколько тысяч болгарских сыновей загублены и сколько дочерей и матерей сейчас плачут»,— спросила выступавшую, все еще сдержи-

ваясь, Цола Драгойчева. «Не кощунствуй над памятью павших наших мужей и братьев»,— предупредила ее Рада Тодорова-Ноева, супруг которой тоже погиб. «Не кощунствуйте над памятью убитых!», «А сколько домов сожжено, сколько семей осталось без крова»,— все более распаляясь, бросала реплики Цола Драгойчева. Но ораторша продолжала нахально болтать: «Сотни миллионов выделяют...», превращая по своему произволу тысячи в миллионы. Рада Тодорова не выдержала: «Господин председатель, как вы можете позволять этой госпоже кощунствовать над светлой памятью павших... Я предлагаю лишить ее слова». Поднялся гвалт, зал забурлил. К трибуне направилась молодая 25—26-летняя депутатка, партизанка Пырва Димитрова из Лома. (Пырва Димитрова, студентка, активистка РМС, преследовалась полицией, ушла в партизанский отряд, где прославилась как бесстрашный смелый боец; ее назвали Бойкой, и она оправдала свое имя; фашистская полиция арестовала ее отца и подвергла пыткам, не выдержав которых он умер.) Вслед за нею вскочил Стою Неделчев — Чочоолу, легендарный партизанский командир. Вскочил и Крум Миланов, командир Царибродского партизанского отряда им. Момчила-Воеводы. Подошли к трибуне и несколько депутатов. «Выбросить эту фифу!» — крикнул Чочоолу.

Попадью удалили с трибуны, и в этот момент она выкрикнула истерично самые гадкие свои слова: «Партизанки уходили в горы не для того, чтобы бороться против фашизма, а рожать незаконных детей». Хула и издевка! Чаша переполнилась. Стою Неделчев, не помня себя от гнева, бросился на загородивших свою ораторшу оппозиционеров. Началась драка. Райко Дамянов пытался усмирить дерущихся. В кулуарах вспыхнула еще более острая схватка. Наши разъяренные депутаты напали на нескольких наиболее ненавистных им оппозиционеров и нанесли им побои. Напрасно руководство парламентской группы делало попытки остановить своих депутатов. Провокация была совершена. Руководство нашей парламентской группы собралось немедля. Созвана была на заседание и вся группа.

«Товарищ Коларов долго говорил с нами,— сказала мне наша молодая депутатка Э. Живкова.— «Не мы ли у власти? — сказал он.— Их горстка, а мы поддаемся на провокации... Ведь мы коммунисты!» Никогда мне не было так стыдно и неловко. Эти слова Коларова очень сильно подействовали на нас, были для нас холодным душем. «Сколько бы они ни выступали, они лишь будут разоблачать себя. Почему мы должны поддаваться на их провокации. Таким образом, мы лишь даем материал в руки международной реакции, а это им только и надо»».

Г. Димитров, не присутствовавший на этом заседании, дал строгое указание парламентской группе принять меры, чтобы предупредить невольное участие наших товарищей в провокациях. Он был крайне возмущен глумлением над жертвами фашизма. На следующий день по поручению партийного руководства Васил Коларов сделал следующее заявление сразу при открытии утреннего заседания Великого народного собрания: «Господа народные представители! Председательство ВНС выражает свое глубокое сожаление в связи со случившимся инцидентом во время вчерашнего заседания». Затем он осудил систематические попытки провокаций со стороны некоторых депутатов оппозиции, направленные на то, чтобы внести беспорядок и помешать работе Собрания. Он призвал всех народных депутатов, и особенно депутатов партий Отечественного фронта, соблюдать полное спокойствие и беречь авторитет Великого народного собрания, за успешную деятельность которого несут ответственность в первую очередь депутаты.

Выяснились и некоторые дополнительные подробности, связанные с инцидентом. Оказалось, что он совсем не случаен. Речь попадьи была заранее подготовлена и написана руководством группы Н. Петкова с явным провокационным намерением осложнить обстановку в Собрании. Для получения соответствующего эффекта ораторша была проинструктирована, как себя вести. Ей было сказано: что бы ни случилось, не покидать трибуны.

Отношения между оппозицией и Отечественным фронтом стали еще более натянутыми. В оппозиционной печати призывы к иностранному вмешательству замелькали все чаще. Владимир Поптомов точно сформулировал скрытый смысл действий оппозиционеров: «Вмешательство извне в дела Болгарии — вот что лежит в основе всей философии оппозиции». Коста Лулчев прямо заявил перед своими друзьями, что «лучше пусть в Болгарию войдут иностранные войска, только бы был свергнут ненавистный Отечественный фронт». Через Косту Лулчева вновь была направлена петиция — на этот раз в Лондон — руководству лейбористской партии. «Мы рассчитываем на вашу помощь,— говорилось в ней,— потому что наши силы малы». Неприкрытое, циничное предательство. В то время как раньше петиции все-таки направляли тайно, как нечто не для широкого показа, сейчас Коста Лулчев сделал это совсем открыто. «Иностранное вмешательство,— бесстыдно черным по белому писала и газета «Зелено знаме» 3 апреля,— не представляет серьезной опасности для нашего суверенитета и независимости».

Итак, можно говорить о двух периодах в жизни оппозиции.

Первый период продолжался до конца февраля — начала марта 1947 г. В это время, как пояснил Г. Димитров, политико-тактические действия оппозиции были направлены на штурм народной власти и ее свержение, на создание в стране с этой целью беспорядков, на попытку вызвать вмешательство империалистических государств — ее покровителей и опекунов. Ее идейно-политическая платформа все еще представляла собой платформу оппозиции в рамках Отечественного фронта, хотя это и следовало бы взять в кавычки, но так они себя называли и претендовали на это. Они еще не раскрыли своего лица до конца, не рискуя, очевидно, изолировать себя от народных масс при огромном авторитете Отечественного фронта, который служил им прикрытием. Не случайно, что на этом первом этапе они проявляли активность в работе комиссии по подготовке проекта конституции, в основе которого, как пояснил Васил Коларов, лежали наши предложения.

Второй этап начался с первой половины или середины марта 1947 г. Тактика оппозиции «в рамках Отечественного фронта» была заменена открытым и явным переходом на платформу буржуазно-реакционной оппозиции. Циничный антикоммунизм стал их знаменем. Они превратились в открытых проводников политики крайней реакции в стране, прямо отражали интересы крупного капитала.

Марин Личев, депутат группы Н. Петкова, разоблаченный как один из руководителей Легиона — фашистской организации муссолини-гитлеровского толка, стал рупором нового курса оппозиции! Во время обсуждения проекта конституции в июне он выступил с самой яростной антикоммунистической речью, в которой была выражена новая платформа оппозиционной верхушки. Спустя день-два Васил Коларов проанализировал речь Личева и дал убедительную характеристику новому курсу оппозиции.

«Мы разделились на два лагеря,— сказал Коларов.— Рука, протянутая господином Председателем Совета Министров для сотрудничества при определенных, понятных и приемлемых для каждого честного оппозиционера условиях, была отвергнута...

Проект господина Николы Петкова — это платформа для борьбы не на жизнь, а на смерть против Отечественного фронта.

Экономическая и социальная доктрина личевых — это доктрина всемогущих трестов и концернов, не признающих никаких ограничений на собственность и свободу своих действий. Такой неприкосновенности частной собственности и неограниченной сво-

боды частного предпринимательства, за которые ратует господин Личев, не существует нигде. Даже англичане проводят национализацию...»

Участившиеся провокации со стороны оппозиции решили ее судьбу. Положение стало безвыходным. Нарыв необходимо было ликвидировать. Через несколько дней Димитров сказал свое решающее слово: «Вы, оппозиция, добиваетесь гражданской войны. Вы представляете собой клику, камарилью предателей и родоотступников». Заниматься оппозицией более не имело смысла.

Димитров, партия, правительство все свое внимание сосредоточили на проблемах прогресса Болгарии.

Часть седьмая

«От Бабёфа до Димитрова»; Марсель Вилар; Титко Черноколев; Бирюзов уезжает от нас, но остается в наших сердцах; насколько можно больше быть среди народа; коммунист от начала до конца; развязка; правительство неустанно работает; три зла; 65-летие Георгия Димитрова; Илия Бешков

---

31 марта 1947 г. Димитров принял французского общественного деятеля и публициста, депутата парламента Марселя Вилара.

Я видел его впервые. Лет шестидесяти, с присущей французам одухотворенностью и подвижностью. Он вместе со своей супругой был в составе делегации — гостей Союза борцов против фашизма. Сопровождал его Петр Георгиев, недавно назначенный начальником кабинета Председателя Совета Министров. Первая моя встреча с ним состоялась во Вране, где семья Димитровых приняла Вилара с супругой очень тепло и сердечно. Волнующее для меня событие. Я знал уже многое о Виларе. Его имя — видного французского юриста, общественного деятеля и публициста, многолетнего члена Французской коммунистической партии — давно уже было тесно связано с судьбой борющейся Болгарии и БКП, с жизнью Георгия Димитрова.

Марсель Вилар — из числа тех честных общественных деятелей, которые выступили против белого террора в Болгарии в 1923—1925 гг. и подняли голос протеста в защиту жертв фашизма. В то время он побывал в Болгарии и лично увидел трагическую обстановку в стране. По дороге, проезжая через Вену, он встретился с Георгием Димитровым, который вместе с Василом Коларовым занимался организацией международной защиты жертв фашизма в Болгарии. Это была их первая встреча. По возвращении в Париж Вилар издал брошюру «Что я увидел в Болгарии» о потрясающей картине фашистских зверств. Вслед за ним нашу страну посетили и другие видные прогрессивные деятели, в числе которых был и Анри Барбюс, автор замечательной книги «Палачи» — самого сильного разоблачения разнузданного

террора в Болгарии. Вилар, Барбюс и другие общественные деятели организуют известный Комитет защиты жертв фашизма и белого террора на Балканах, который развил тогда активную деятельность.

Марсель Вилар — один из зарубежных адвокатов, для которых Георгий Димитров добивался разрешения участвовать в Лейпцигском процессе в качестве его защитников. Именно тогда, когда Имперский суд отклонил все требования дать возможность указанным им адвокатам принять его защиту, 28 сентября 1933 г. Димитров направил председателю суда доктору Бюнгеру письмо:

> «В интересах моей защиты на суде и, как я считаю, в интересах нормального хода процесса еще раз — и в последний — я обращаюсь к верховному суду с просьбой разрешить адвокату Марселю Вилару, который в настоящее время получил полномочия от моей сестры, участвовать в моей защите». Именно здесь Димитров заявляет: если и это предложение будет отклонено, «мне ничего не остается другого, кроме как защищать себя самому, как я это могу и понимаю».

Хотя кандидатура Вилара как защитника и была отклонена, он приезжает в Лейпциг и следит за процессом непосредственно на месте, участвует во многих судебных заседаниях, предпринимает шаги с целью оказать влияние на его ход. Фашистские главари не стерпели такого вызова: Вилар был арестован и после двухмесячного заключения выслан за пределы Германии. Вернувшись на родину, он развил энергичную деятельность в защиту подсудимых. Он был в числе ораторов на митинге в Париже, на котором выступала и бабушка Парашкева.

«...Там уже никого не интересует,— говорил Вилар,— безвинны обвиняемые или виновны! Там стоят друг против друга два мира, две силы! Димитров и Геринг, коммунизм и фашизм!»

Спустя 22 года Вилар прибыл в Болгарию во второй раз! Сейчас он гость свободной Болгарии. С Димитровым, однако, они виделись уже не второй раз. Были у них встречи и до этого.

Прошло всего полгода после освобождения Димитрова, как Вилар побывал у него в Москве и взял «продолжительное», как он выразился, интервью. Сразу же после этого издательство «Editions sociales internationales» поручило ему перевести на французский язык книгу с письмами из тюрьмы, записками и речами Димитрова во время процесса. Читая все письма, речи, реплики, записки, собранные вместе в один том, Вилар понял во всей полноте огромную силу димитровского слова и пришел к выводу, что сборник писем и речей — «величайшее произведение нашего

времени», дело «великого поэта», у которого «диалектический гений», поразительная «ясность мысли»; автор этих материалов — «исторический победитель в Лейпциге», являющийся «совершенством человека». Более того: «Я получил,— пишет Вилар Димитрову,— возможность раскрыть новые стороны (деятельности Димитрова.— *Н. Г.*), которые я еще не знал». Какие это новые черты и каким будет результат этого открытия?

«Во Франции,— говорится в этом же письме,— Ваше великое имя ассоциируется с легендарной фигурой; Димитров — герой, большевистский вождь, такой, *каким он должен быть* (курсив мой.— *Н. Г.*), когда попадает в руки врага...»

Именно эта мысль пленила француза, ей он посвящает свой публицистический талант в последующие один-два года, трудится для того, чтобы родилось одно из оригинальных творений литературы.

В 1936 г. он снова в Москве, встречается с Димитровым, ведет с ним продолжительные беседы по интересующим его вопросам. Вилар старательно записывает все, что говорит Димитров. Так для поколения был сохранен ряд чрезвычайно ценных мыслей о поведении подсудимых революционеров перед вражеским судом.

В конце 1937 г. рукопись книги передана автором Димитрову на отзыв.

> «Мне хотелось самому просмотреть хотя бы самые важные места книги,— пишет Димитров автору,— но, чрезвычайно перегруженный крайне неотложной работой, я не успел полностью справиться с этой задачей».

В 1938 г. произведение Вилара, озаглавленное «Защита обвиняет... От Бабёфа[1] до Димитрова», выходит из печати в Париже. Книга встречена с большим интересом. Антифашистская пресса дает ей высокую оценку. Экземпляр книги с дарственной надписью автор высылает Димитрову.

Интерес к книге большой не только во Франции. Принимаются меры по ее переводу на многие языки. Некоторые братские компартии обращаются к автору с просьбой проиллюстрировать выводы и примерами из их борьбы.

Но разгорается вторая мировая война, политическая обстановка в мире обостряется, перевод книги «Защита обвиняет...» срывается. Она не могла проникнуть через границу к нам, в Болгарию, как многие другие книги. Ей бы мы радовались как дети,

---

[1] Гракх Бабёф — французский революционер, социалист-утопист, руководитель движения «во имя равенства», гильотинирован в 1797 г.

читали и перечитывали бы с подлинным вдохновением и воодушевлением. Книга Вилара осталась неизвестной для Болгарии (только отдельные экземпляры на французском языке дошли до некоторых товарищей, например до нашего видного писателя Людмила Стоянова).

После 9 сентября Альфред Керемидаров приступил к переводу виларовской книги. Краткое предисловие к болгарскому изданию, датированное сентябрем 1946 г., написал сам автор.

«От Бабёфа до Димитрова» (так было озаглавлено болгарское издание) вышла весной 1948 г. Живая, страстная публицистика, воскрешающая героический подвиг Димитрова на лейпцигском суде; сопоставление революционеров многих стран. Книга, закаляющая борцов. Революционеры — борцы против диктатуры и тирании, против рабства и нищеты, за права и свободу порабощенных народов, за права рабочего класса от Бабёфа в дни Великой французской революции до наших дней стояли перед вражеским, классовым судом. Как держаться? Еще Маркс, будучи сам подсудимым, высказал бессмертные мысли по этому поводу. Памятными остаются слова Ленина, сказанные в его письме (известном как письмо Стасовой) группе арестованных царской полицией большевиков в 1905 г. Ленин дает гениально ясную разработку, каким должно быть поведение борцов перед судом противника:

> «...Это мои предварительные соображения, которые всего менее следует рассматривать как попытку решать вопрос. Надо дождаться некоторых указаний опыта. А при выработке этого опыта товарищам придется в массе случаев руководиться взвешиванием конкретных обстоятельств и *инстинктом революционера*» [1].

А Марсель Вилар заключает:

«Как в области социалистического строительства наследство Ленина было воспринято и обогащено, точно так пришел Димитров, который обогатил опыт положений, указанных Лениным, и проиллюстрировал собственным примером начала стратегии, сформулированные двадцать восемь лет назад продолжателем дела Маркса».

И наконец:

«В этом отношении нет лучшего примера, чем защита Маркса перед Кёльнским судом с участием судебных заседателей и речи Димитрова перед Имперским судом. Первый из этих документов опубликован в 1849 г. Что касается речей Г. Димитрова и пла-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 9, с. 172.

нов их подготовки, так счастливо им сохраненных, то они были опубликованы в последнее время».

Значимость и действенность книги усилились с добавлением специальной главы о героическом поведении революционеров многих стран, «которые своим героизмом и дальновидностью показали себя достойными соратниками и последователями Димитрова». Перечисляются имена, биографии и подвиги известных и безымянных борцов из многих стран и уголков планеты — от Германии до Японии, от Бразилии до Финляндии. И везде чувствуется воздействие примера, урока Лейпцигского процесса. Один из очерков посвящен нашему соотечественнику Йордану Лютибродскому; рассказано о его памятном предсмертном письме, названном Виларом «шедевром революционного достоинства и благородства».

Марсель Вилар вместе со своей супругой совершил поездку по стране. Везде дорогих гостей встречали восторженно. 16 апреля, прежде чем уехать, Вилар оставил для Георгия Димитрова благодарственное письмо, заканчивавшееся такими словами:

«Поскольку никакая форма благодарности не может выразить силу моих чувств, позвольте мне в свою очередь обнять Вас так же сердечно, как обняли Вы меня при встрече, меня, человека, удостоившегося чести быть Вашим учеником. Так настоящая Франция, которую Вы любите, Франция Сен-Жюста и Бабёфа, Франция Мориса Тореза, обнимает Болгарию Георгия Димитрова».

Супруга Вилара написала короткое письмецо Розе Юльевне.

4 апреля 1947 г., пятница

Несколько дней тому назад мы получили странное письмо, из самого Буэнос-Айреса (Аргентина), написанное по-болгарски в соответствии со старыми правилами правописания и подписанное Адрианой Будевской-Ганчевой, имя которой мне ни о чем не говорило. Она писала:

> «Многоуважаемый господин Георгий Димитров! Честь имею поздравить Вас, несмотря на то что прошло столько лет, в связи с Вашими гениальными выступлениями — уникумом в правосудии; с речами, которыми Вы удивили мир. Вы славно боролись за бесправного рабочего, творца человеческих благ, права пользоваться которыми сам он лишен. Вы победили так, как побеждают герои сказок.
>
> Примите мое уважение».

Я осмотрел письмо — написано зелеными чернилами на обычном белом листе, вырванном из блокнота.

Во время доклада сообщил, что получено письмо из Буэнос-Айреса. Как только я назвал имя автора, Димитров встрепенулся.

— Дайте мне его! — сказал он, и в голосе его чувствовалось и глубокое волнение, и нахлынувшие воспоминания, и какая-то решимость. Оставил письмо у себя. А сегодня сказал, чтобы мы послали в Буэнос-Айрес такую телеграмму:

> «Уважаемая госпожа Адриана Будевская-Ганчева! Большое спасибо за Ваше поздравительное письмо. С восхищением вспоминаю встречи с Вашим сценическим дарованием, ценю Ваши большие заслуги перед болгарским театральным искусством.
>
> Новая Болгария гордится Вами и сожалеет, что Вас нет среди родного народа, который охвачен всеобщим культурным подъемом и строит молодую народную республику.
>
> Крепко жму Вашу руку и желаю Вам всего наилучшего!
>
> *Г. Димитров,*
> Председатель Совета Министров
> Народной Республики Болгарии».

Этих слов мне было достаточно, для того чтобы понять, что речь идет о необыкновенном артистическом даровании и его трагической судьбе.

[А. Будевская. Это была самая выдающаяся болгарская драматическая актриса, пленявшая сердца со сцены Народного театра, создавшая самые совершенные образы. Одно упоминание ее имени вызывало трепет и волнение!

Мракобесие фашистского режима, установленного после 9 июня 1923 г., наносит ей свой последний удар — первую актрису болгарского национального театра увольняют. Одинокая и отвергнутая, она направляется в Аргентину, где живет в изгнании со своим единственным сыном. Более десяти лет разлуки с отечеством, где она создавала красоту и отдавала свой талант людям. Кто может представить себе ностальгию людей с большим сердцем?

...Вскоре после того дня, когда произошел описанный нами случай, Георгий Димитров сказал:

— Адриана Будевская должна возвратиться на родину!

И все настойчивее повторял:

— Нужно исправить ту вопиющую несправедливость, которая была допущена в отношении ее!]

9 апреля 1947 г., среда

У Димитрова есть близкие, которые ведут себя так, будто именно потому, что он глава государства, они не имеют права ни на что претендовать. Например, Елена, его младшая сестра, очень строга, даже сурова к себе, считая, что было бы самым большим преступлением воспользоваться положением своего любимого брата. Так же ведет себя и Магдалина, его старшая сестра, супруга Стефана Барымова. Магдалина если и позвонит когда-нибудь и выскажет просьбу, то обязательно за другого, не за себя, а чтобы помочь нуждающимся (особенно во время угольного кризиса).

Но, как и все люди, поднявшиеся на вершину управления, он подвергается атакам со стороны тех, кто использует старые знакомства, какие-то родственные или бог знает еще какие связи для... удовлетворения своих просьб. Ему бывает страшно досадно, что его донимают такими делами. Он хочет, чтобы люди поняли, что нельзя пользоваться любым предлогом для создания выгодных «связей». Но это трудная задача.

Вот некоторые черты Димитрова.

Для него характерны мягкость и доброта, человечность и человеколюбие, сочувствие человеческому горю, умение понимать людей; он чувствителен. Глаза его ласковы, приветливы и теплы. Каждый добропорядочный человек может найти в его глазах тепло и сочувствие. Сердце его велико, кажется, оно не имеет границ. Там есть место для всех. Поэтому все, кто работает с ним, любят его, преданы ему, стремятся — не только потому, что он руководитель,— приблизиться к нему, произвести на него хорошее впечатление, быть у него на виду. Сам же он заботлив и внимателен. Мнение об отдельных людях составляет не вдруг и не по случайным впечатлениям, а после долгих и довольно серьезных размышлений и наблюдений.

Когда я смотрю на него, хотя и сдавшего за последние три-четыре года, мне кажется, что он физически очень сильный человек, богатырь, полный решимости, непреклонности, боевого духа. Понимаешь, что вся его мощь может обрушиться на противника со страшной силой.

Он умеет ждать, терпеть, делать вид, что не замечает чего-либо. Некоторые суетятся, стремятся принять как можно скорее срочные меры, поднимают крик, что, если не сделать то или другое, может случиться невесть что, впадают в панику. А Димитров спокойно и хладнокровно выжидает, иногда машет рукой — знаю, мол, обо всем этом, не нужно напоминать — и ждет. Но, когда наступает время, он с головой уходит в работу и заканчивает ее на одном дыхании.

Есть у него и такая ленинская черта: не распылять свои силы на решение многих задач и по многим направлениям, а сосредоточивать удар в одном месте. Всмотритесь в мероприятия народной власти — о милиции, об армии, о референдуме, выборах,— все движется вперед по порядку, по строгой системе.

Он предпочитает иметь в окружении помощников, которые делали бы любую работу — мелкую, техническую, домашнюю, секретарскую или более значительную — так, как это полагается, как это нужно. Каждый должен выполнять свои обязанности по-деловому, компетентно, с высокой инициативностью и сознательностью, с чувством ответственности, чтобы он почти не занимался неизбежными бытовыми заботами, чтобы ничто не мешало, было на своих местах, чтобы он находился среди людей, знающих свои задачи, уважающих и любящих его и которых он сам, со своей стороны, любит и уважает. Тогда творец, государственный деятель Димитров отдается всеми своими силами своим подлинным заботам, мысль его работает глубоко, ударно, остро, он видит явления ясно и в развитии, ничто не может ускользнуть от его взгляда.

[Когда я анализирую отношение Димитрова к руководящим кадрам, прихожу к выводу, что он не скупился на доброту к тем, кто этого заслуживал. Он умел и ценить, и прислушиваться, и любить. Но нужно было обладать многими ценными личными качествами, коммунистической идейностью и преданностью, для того чтобы завоевать высокую оценку Димитрова. Он искал талантливых, ярких, способных людей и обязательно, чтобы они были высоко принципиальными, идейными, воспитанными в партийном духе. Необходимо подчеркнуть: к руководящим кадрам Димитров всегда относится с абсолютной партийной принципиальностью. Во всей своей кадровой политике он всегда исходил из интересов партии и никогда — из личных.

У Георгия Димитрова было великое доброе сердце. В начале 1947 г. Титко Черноколев тяжело заболел. Димитров проявил исключительное внимание к нему — интересовался его состоянием, следил за ходом болезни, заботился о его устройстве в больницу, принимал меры по доставке нужных лекарств — вообще делал все, что можно сделать, чтобы облегчить участь любимого человека. (Такую заботу он проявлял не только к нему, и я рассказываю так подробно об этом случае для того, чтобы проиллюстрировать заботливое, отцовское отношение Димитрова к своим товарищам — и молодым, и старым.)

Титко — человек невероятной энергии, с размахом в работе, трибун. Молодежь знала и уважала его. Димитров ценил и любил Титко Черноколева. Однажды, когда я был с очередным

докладом и в связи с каким-то поводом зашла речь о ЦК РМС, Димитрову захотелось услышать мое мнение об отдельных руководящих деятелях ЦК. И поскольку все они были действительно очень хорошими товарищами, я о каждом высказался с уважением, но не мог скрыть своего особенного восхищения Черноколевым. Тогда Димитров сказал:

— А, Титко! Титко — это...— И интонация, и жест Димитрова выражали его высокое мнение о Т. Черноколеве.]

В конце апреля 1947 года генерал-полковник Бирюзов покинул Софию. Его проводы и в этот раз были сердечными и братскими.

В последующие годы талант Бирюзова раскроется в полную силу, он станет одним из видных военачальников Советских Вооруженных Сил.

Уже в 1955 г. Бирюзову было присвоено звание Маршала Советского Союза. Советское правительство доверило ему важный участок — ракетные войска стратегического назначения — войска номер один в современных условиях. Потом он возглавил Генеральный штаб Советской Армии, стал первым заместителем министра обороны и членом ЦК КПСС. Вот какой человек жил среди нас, вот какой выдающийся наш современник был влюблен в Болгарию и стал нашим самым искренним другом! Спасибо ему!

И как бы он ни стоял высоко, где бы ни работал, Бирюзов не забывал Болгарии. Большое доказательство тому — его книга воспоминаний «Суровые годы», написанная в 1963 г. и изданная в 1966 г. после трагической гибели маршала. В ней столько чистой, неподдельной, настоящей любви к нашей стране, к ее народу, к ее руководителям, что чувствуется эта любовь на каждой ее странице, в каждой строке. Только советский, русский человек может так относиться к Болгарии. Как самая сердечная исповедь звучит заглавие заключительной, 17-й главы: «Болгария — любовь моя».

В ней есть такие строки:

«Если читатель почерпнет из моего рассказа что-нибудь полезное для себя, если у него хоть чуточку прибавится любви к прекрасной братской стране Болгарии и ее замечательному свободолюбивому народу, буду считать свою задачу выполненной» [1].

«Но крепкая любовь к ней, к ее чудесному народу сохранилась в моем сердце навсегда. Меня и ныне глубоко волнуют лю-

---

[1] *Бирюзов С. С.* Суровые годы, с. 545.

бой успех, любое достижение Болгарии, каждый ее новый шаг вперед» [1].

В 1964 г. маршалу Бирюзову исполнилось 60 лет. В связи с этим событием болгарское правительство отметило его самым высоким болгарским отличием — орденом Димитрова.

Димитров уже жил во дворце, огражденный ограничениями протокола. Его служебные обязанности росли. Можно было предположить, что его связи с широкими слоями населения уменьшатся, контакты будут в основном с высокими должностными лицами. Однако, напротив, его прямые, личные связи с населением стали более тесными. Он использовал любую возможность как можно более широкого общения с представителями народа.

Иногда он сам отправлялся пешком по улицам, заходил в различные учреждения, магазины вдруг вот так, неожиданно, днем. Он наблюдал за людьми — как они выглядят, каково их настроение, в каком состоянии магазины, а если кто-нибудь заметит его, посмотрит, ахнет изумленно.

5 июля, по окончании заседания Народного собрания, под вечер, Димитров отправился пешком по бульвару Царя Освободителя. Зашел в один из наших первых общественных ресторанов, так называемый Оремаг [2] № 2, сел за столик, сделал заказ. Пораженный официант вдруг закричал: «Товарищ Димитров, вы ли это?» За ним все — и официанты, и посетители — встали, зааплодировали, а он, по своему обычаю, заговорил с официантами, с управляющим, с посетителями о меню, о ценах, о распорядке работы.

А 14 апреля Димитров с Розой Юльевной обходил дальние кварталы Ючбунара и Конёвицы. Оставив машину, они отправились пешком, сопровождаемые стайкой ребятишек. Собрались молодежь и старики, окружили их и долгое время не отпускали.

Один из членов охраны (Тодор Кайджийский) рассказывал: «После совещания, состоявшегося в кинотеатре им Д. Благоева, Димитров вышел прогуляться в Городской парк. Увидев 8—9-летнего цыганенка, чистильщика обуви, весело постукивавшего по своему сундучку и кричавшего время от времени: «Из ботинок зеркала делаем, подходи!», Димитров остановился, засмотрелся на него и сказал:

— Можешь ли и мои почистить?

И пока мальчонка чистил ботинки, он заговорил с ним:

— Как тебя зовут? Сколько тебе лет? А в школу ты ходишь?

---

[1] *Бирюзов С. С.* Суровые годы, с. 550.

[2] Оремаг — отели, рестораны, магазины.

Потом, помолчав, сказал:

— Ты должен ходить в школу! Скажи своему отцу, что ты встретил Георгия Димитрова и что он велел послать тебя в школу. Там ты можешь и профессором стать. Знаешь, кто такой Георгий Димитров?

Мальчишка раскрыл от удивления рот, ответил отрывисто: «Знаю, знаю» — и в свою очередь задал очень серьезный вопрос:

— Ну, а нам, цыганам, будет ли лучше?

— Вы — равноправные граждане, как и все другие.

Оказалось, что у Георгия Димитрова не было с собой денег... Пришлось мне дать ему взаймы,— продолжал мой собеседник,— чтобы расплатиться. Позже, совсем случайно, встретил того цыганенка. Он начал учиться».

Димитров посетил и санаторий на горе Люлин для больных туберкулезом студентов. Вот что мне рассказал майор Варадинов. «Давай-ка где-нибудь прогуляемся»,— сказал ему Димитров. Поехали на машинах куда-то к Владае, а оттуда отправились пешком по люлинским тропинкам. Встретили студентку со студентом. Они узнали его: «Зайдемте к нам, товарищ Димитров». «Я,— говорит Варадинов,— стал категорически протестовать: там много людей, и незнакомых, и больных туберкулезом — опасной, заразной болезнью».— «Ничего, я в молодости переболел туберкулезом. У меня иммунитет»,— отклонил возражения Димитров. Пока мы дошли до санатория, студенты уже собрались в холле и встретили гостя громогласным «ура». Димитров долго расспрашивал об их состоянии, об условиях жизни. Когда хотел попрощаться, его не пустили.

— Вам надо соблюдать режим, идите отдыхать.

— Нет! — дружно настаивали студенты, и он задержался еще. Рассказывал им о прошлом, о борьбе, вселял в них уверенность в выздоровлении, говорил о больших целях и необходимости каждый день закаляться. Воля побеждает эту болезнь. Соблюдайте режим.

— Ваше посещение — самый лучший наш режим, товарищ Димитров,— сказала одна студентка.— Вы вселили в нас уверенность и силу.

И так всегда. Его появление в любом месте незамедлительно вызывало в сердцах людей бурный отклик. Собирались люди, смеялись, приветствовали его от всего сердца. Не был безучастным и он, не был артистом, играющим роль. Из него ключом били чистосердечная и искренняя человечность и доброта. Он щедро раздаривал доброту, а люди, почувствовав любовь, которая струилась от его глаз, его улыбки, движений, сами открывали ему сердца.

Всегда, если только имелась возможность, Георгий Димитров посещал съезды, конференции, собрания, выслушивал часть выступлений, получал подробную информацию о ходе их работы, выступал сам.

За месяц он принял участие в заседаниях двух профсоюзных съездов — рабочих-полиграфистов и целлюлозно-бумажного производства и моряков и железнодорожных рабочих (на этом съезде он произнес важную речь).

Димитров придавал большое значение своим встречам и разговорам — будь то в Совете Министров, Народном собрании или в его доме. Создавалась обстановка непринужденности, люди чувствовали себя свободно, делились тем, что их волновало и что они пережили. Недоступные когда-то для простых смертных дворцы, в которых принимали только разных особ во фраках и цилиндрах с самым строгим соблюдением церемоний, сейчас открыли свои двери для простых людей — рабочих, крестьян, пионеров, молодежи. Димитров принимал удивительно много людей — профессоров и композиторов, общественных деятелей и министров, крестьян из самых далеких уголков страны. У парадного входа дворца Врана стояли милиционеры, требовались различные документы, звонки по телефону и предварительное уточнение, кто и откуда, однако люди шли непрерывно — то по отдельности, то маленькими группами, то отрядами человек по сто. И здесь проявлялось то же противоречие, о котором мы раньше вспоминали. Соответствующие органы старались всячески оградить Димитрова от возможной опасности с помощью постов, охраны, ограничений, а он снова привлекал к себе и собирал вокруг себя такой широкий круг людей, что нередко охрана превращалась в фикцию.

Кто-нибудь другой — и помоложе — устал бы и от одного такого мероприятия в день, так как эти встречи требовали энергии и напряжения мысли, обдуманных высказываний. Он был человеком необыкновенной физической выносливости, но к этому необходимо прибавить еще волю и сознание, закаленные десятилетиями борьбы, которые могли подчинять организм и мысль, мобилизовывать их на сверхнапряжение.

6 мая, в день Георгия, его буквально атаковали 140 женщин из Карловской околии, молодые и старые, розовощекие девушки и одряхлевшие от прожитых лет и тяжелой доли старушки — матери убитых партизан. Поздравили Димитрова с днем именин и подарили ему специально сотканный ковер. Он обратился к ним с краткой речью, являющейся по политической проблемности, глубине и образности выражений одной из самых ярких:

«Мы поднимаемся по крутому пути. Дошли мы до половины. Вторая половина, разумеется, трудная. Мы немного устали, силы наши поистощились. Надо снова собраться с силами, чтобы подняться на вершину. Чем больше наши усилия, тем скорее мы достигнем вершины. Пока существует такой народ, как наш, и — могу вам сказать без комплиментов — *пока у нас есть такие женщины, как вы, ничего страшного нет,* хотя и находятся кое-где маловеры, которые дрожат, когда на небосклоне появится черная грозовая туча, например, когда откуда-нибудь извне прозвучит угрожающая речь. Мы не принадлежим к такой категории людей — маловеров и мягкотелых существ. Большинство нашего народа сделано из другого теста. *Болгарский народ не мягкотел, у него крепкие нервы. Трудности есть, но собственными усилиями и с помощью друзей из дружественных стран мы их преодолеем»* [1].

16 мая влетела стайка пионеров из героического и мученического села Каблешково из-под Бургаса, потерявшего в антифашистской борьбе 21 человека. Димитров уделил им порядочно времени.

На съезде рабочих-текстильщиков он не смог присутствовать, но за его работой следил внимательно, а по окончании принял большую группу работниц и рабочих — делегатов съезда — и имел с ними продолжительную беседу.

17 апреля Димитров принял членов правления Союза болгаро-советских обществ во главе с Тодором Павловым, 20 апреля — Союза художников во главе с его председателем Александром Миленковым. Это небольшие беседы — запись заняла по две-три странички,— но обе в некотором отношении могут служить своего рода программными документами, образцом редкого умения излагать коротко и насыщенно, почти афоризмами, важные темы. Вот слова Димитрова о болгаро-советской дружбе:

«Она не должна основываться лишь на чувстве, а на глубоком понимании и твердом убеждении. Она должна стать плотью от плоти и кровью от крови каждого честного болгарина и каждой честной болгарки, глубоко запасть в их души. Никакие возможные бури не должны быть в состоянии поколебать глубокое убеждение в том, что наш исторический путь — в любых условиях идти рука об руку, в постоянной нерушимой дружбе с великим русским братом, с Советским Союзом» [2].

Великолепный синтез его понимания роли искусства — следующие слова из его беседы с художниками:

---

[1] *Димитров Г.* Избранные произведения, т. 2 (1939—1949 гг.), с. 423.
[2] *Димитров Г.* Избранные произведения, т. 2 (1941—1949 годы), с. 370.

«Мы смотрим на искусство не только как на средство, служащее высшему наслаждению человека,— разумеется, это необходимо, и мы должным образом оцениваем этот факт. Мы смотрим на искусство во всех его видах прежде всего как на средство мобилизации моральных, духовных и физических сил нашего народа и его молодежи на творчество, на неутомимый труд, как на средство закаливания его воли и веры в его собственные силы, воспитания в духе негасимой любви к родине, готовности к преодолению трудностей. Наша нация, несмотря на то что она мала, имеет такие потенциальные силы, которые, если их как следует развернуть — а мы убеждены, что они развернутся,— могут соревноваться в области культуры и искусства с самыми большими нациями» [1].

Он, как древние мудрецы и деятели нашего возрождения, проповедовал неутомимо и всегда страстно и вдохновенно близкие ему марксистско-ленинские идеи, политику народной власти, разъяснял, каким должен быть настоящий человек нового, социалистического общества.

Ему уже было почти 65 лет. Нет ничего удивительного, если люди в этом возрасте теряют веру и энтузиазм, огонь в них гаснет, они начинают жить тихо, смиренно, непрестанно брюзжать, что «все — суета», утверждать старчески-беспомощно: «Что было, то было», «Уже нет смысла...» Однако вера, боевитость и устремленность Димитрова ни капли не увяли — осень жизни все еще была весною духа. Глубокая вера в человека и человечество, в возможности мира благодаря активной роли пролетариата, партии, вооруженной марксистско-ленинской теорией, идти разумным путем — вот непересыхающий источник духовной бодрости Димитрова. А это говорит о том, что он был коммунистом от начала до конца.

В начале июня наступил конец безвыходного положения с оппозицией.

В Великое народное собрание было внесено предложение прокурорского надзора при Софийском областном суде лишить Николу Петкова депутатской неприкосновенности и арестовать его. Впрочем, вот как протекало само заседание 5 июня. Председательствовал Васил Коларов, который предоставил слово секретарю парламента для зачтения письма прокурора. В письме сообщалось о том, что в ходе судебного следствия по делу военно-фашистской организации «Нейтральный офицер» и предварительного следствия по делу аналогичной организации «Военный

[1] *Димитров Г.* Съчинения, т. 13, с. 117—118.

союз», а также и в ряде других случаев собрано чрезвычайно много данных, которые, бесспорно, доказывают, что «Петков продолжает вести усиленную подготовку государственного переворота, рассчитывая на осложнение международной обстановки». Парламентской комиссии по делам Министерства правосудия было поручено собраться незамедлительно и дать заключение об обоснованности обвинения. Само же заседание перешло к рассмотрению вопросов, объявленных в повестке дня.

Слово было предоставлено Владимиру Поптомову. В своем выступлении он разоблачил действия Николы Петкова и руководимой им оппозиции: «Вы оттолкнули протянутую Председателем Совета Министров руку... У всякого беспристрастного наблюдателя возникает вопрос: куда идет сегодня оппозиция в нашей стране? Не скользите ли вы все больше и больше по наклонной плоскости реакции, которая приведет вас рано или поздно не куда-нибудь, а в гнилое болото фашизма? Да, по всему видно, и по тому, как идет дело, вы действительно можете возродить фашизм. Вы двигаетесь шаг за шагом, но неизбежно к фашизму».

После пятнадцатиминутного перерыва слово было предоставлено докладчику комиссии по делам Министерства правосудия Владимиру Димчеву, который поддержал предложение прокурора. После этого незамедлительно начались прения, в которых приняли участие около десятка представителей различных парламентских групп. Затем слово было предоставлено Николе Петкову. Он говорил около 10 минут. Его речь была речью элегантного позера.

Ему нельзя было отказать в самоуверенности, дерзости, самообладании. «У него дрожали руки»,— сказал один депутат, видевший его во время выступления вблизи, но в речи его дрожи не чувствовалось. Он был опьянен предчувствием будущей славы, хвалебных од, которые будут рассыпаться вокруг него — борца за свободу и демократию, защищающего себя на суде. Когда он закончил и Собрание проголосовало за лишение его депутатской неприкосновенности, оппозиционная группа в полном составе демонстративно покинула заседание, распевая песню: «Жив еще, жив он там на Балканах...» Они, видите ли, представляли себя героями-мучениками... Однако они не понимали, что играть политикам в героев в парламенте, как детям на улице, еще не значит быть героями. История сохраняет представление о людях не такое, как они о себе думают. У нее свои законы, она не любит, чтобы ей навязывали чужое мнение; она часто шутит над человеческим самомнением. Никола Петков не стал героем, торжественное песнопение не состоялось. Жизнь пошла не по той дороге, которую он ей указывал, а продолжала двигаться впе-

ред своим собственным путем. В последующие годы жизнь преобразилась, и его забыли. Спустя 20 лет лишь одна западногерманская телевизионная компания попыталась сделать о нем телевизионный фильм с дифирамбами «герою свободы». В ФРГ в то время усиленно возрождался нацизм и фашизм. Там, где была запрещена коммунистическая партия, а неофашистам был предоставлен полнейший простор для действий, любовь Петкова к славе попала точно в цель. Она послужила пищей для антикоммунизма и антидемократизма милитаристских кругов ФРГ. Иначе никто бы его и не вспомнил. Он сделал неверный ход. Выбрал не тот путь. Перепутал. А тот, кто хочет войти в историю, должен смотреть, какой путь ему выбирать. И Ненко Балдёвенец был в Оборище[1]. Перед тем как пойти в резиденцию правителя и предать османским властям участников заговора, он обвинил Бенковского в недемократичности и тирании. Так же действовал Никола Петков. Бенковский со своей увлеченностью и со своими ошибками остался бессмертным в памяти народа. Ненко из Балдёво стал синонимом позора. Если, пытаясь остановить телегу, попадешь ей под колеса, не говори, что ты заслуживаешь лавров мученика. Попытки остановить прогрессивный ход истории, хотя и организуется это под красивыми лозунгами, выдаваемыми иногда за знамя прогресса, приносят не славу, а бесчестье. Внешняя схожесть явлений истории иногда обманывает наивных, и они принимают белое за белое, хотя оно внутри насквозь черное. Не каждый повешенный — Левский. И Ван дер Люббе был на скамье подсудимых, и Торглер был обвиняемым, но ни тот, ни другой не был Димитровым.

Никола Петков любил предрекать черные дни, которые ему все время грезились. Если только вы посягнете на оппозицию, на вас обрушатся и такие и эдакие беды; он смешивал критику в обществе со своими действиями и действиями реакционной оппозиции, которые совсем не походили на критику. Но и здесь он просчитался.

В этот же вечер органы народной милиции произвели обыск в доме и кабинете Петкова, а также в редакции газеты «Зелено знаме». В личном архиве Николы Петкова, хранившемся в его сейфе, были найдены заявления депутатов его группы в Народное собрание, в которых содержалось требование их отставки. Была окончательно раскрыта тайна, одна из причин деспотической власти Петкова над своими единомышленниками. Заявления

[1] Оборище — историческая местность в Болгарии, где 13 апреля 1876 г. состоялось собрание руководителей и делегатов Панагюрского революционного округа, принявшее решение об организации 1 мая 1876 г. всеобщего восстания за освобождение страны от османского ига.— *Прим. перев.*

однотипны, явно написанные по одному шаблону, с подписями, но без даты; Н. Петкову предоставлялась возможность поставить дату и вручить их Бюро Народного собрания по своему усмотрению. Вот образец: «Председателю VI Великого народного собрания, София. Заявление от депутата... Господин Председатель! Настоящим прошу принять мою отставку как депутата от соответствующей избирательной коллегии». Заявления теперь действительно были внесены в Бюро ВНС и распространены комиссией по проверке выборов. Комиссия сделала заключение, что эти депутаты потеряли свое достоинство и облик народных представителей. ВНС лишило их мандатов.

Многозначительна реплика, брошенная Василом Павурджиевым: «Интересно, куда (т. е. в какой зарубежный центр.— *Н. Г.*) они заложили эти подписи? А если заложили куда-нибудь, то не просто так».

В августе ВНС приняло закон о роспуске союза Петкова. Димитров был категоричен по этому вопросу: «Мое мнение,— писал он Политбюро (22 августа),— распустить союз Николы Петкова полностью — и центральное руководство, и местные отделения... Полумеры здесь неуместны. Необходимо действовать радикально, чтобы закрыть... очередную страницу внутриполитического развития нашей страны и расчистить путь для дальнейшего благотворного развития...»

Между тем суд рассмотрел дело Николы Петкова и вынес ему смертный приговор.

Вопрос, следует ли приводить приговор в исполнение, долго обсуждался партийным руководством. Высказывались противоречивые точки зрения. Димитров в это время был в отпуске и длительное время не принимал окончательного решения. Перед отъездом на отдых и лечение он встретился с дипломатическими представителями США, Англии, которые поспешили вмешаться в судьбу Петкова. Реакционная печать этих стран подняла остервенелую, широкую и шумную кампанию вокруг этого случая. Вмешались и правительственные службы.

Встречи состоялись 7 июля в Совете Министров. Первым был принят Хорнер, политический представитель США, а затем Беннетт, политический представитель Англии. На встречах присутствовал и Кимон Георгиев в качестве министра иностранных дел. Обе беседы были застенографированы.

Хорнеру Димитров сказал откровенно: «Любая попытка нажима извне может только осложнить положение Петкова, так как в этом случае небезосновательным будет подозрение, что Петков готовил переворот не один, а вместе с теми, кто берет его сейчас под защиту за рубежом». Председатель Совета Минист-

ров сказал, что не следует портить отношения из-за данного конкретного случая: «Незачем гореть одеялу из-за блохи...»

Бенетту Димитров заявил то же самое: «Арест Николы Петкова — абсолютно независимый акт внутренней политики Болгарии. Это мое заявление категорично. Арест Николы Петкова — наше внутреннее, болгарское дело».

Судя по стенограммам и по рассказу Григорова, я бы не сказал, что поведение Димитрова во время этих двух встреч было выдержано в строгом духе и соответствовало канонам дипломатии. Вместо спокойного, вежливого, говорящего с улыбкой, отмеренными, самым тщательным образом подобранными словами Димитров был прямой, откровенный и страстный. Вновь проявился его буйный темперамент борца-революционера, который не мирится с неправдой или полуистиной, не терпит вмешательства в наши внутренние дела, говорит свое мнение прямо в глаза, резко и твердо отвергает посягательство на честь нашего народа и нашего отечества. Вместе с тем он убеждает откровенностью, защищая перед своим собеседником правое дело Болгарии и Отечественного фронта.

Но обе встречи все же неодинаковы, как неодинаково его отношение к двум политическим представителям. В первой встрече (с Хорнером) Димитров прям и резок, во второй — более осторожен. Хорнеру он говорит открыто: «Он что, ваш агент? Если ваш агент, защищайте его». С Бенеттом ведет обширный политический разговор по ряду вопросов, старательно убеждая собеседника, что Англия не выигрывает, поддерживая такую деструктивную оппозицию, что настоящие пути установления дружественных отношений между обеими странами надо искать не здесь.

Димитров переслал Бенетту дешифрованную стенограмму их беседы, а последний в свою очередь направил копию своей памятной записки о состоявшейся беседе, которую подготовил для своего министерства. С каждой стороны была соблюдена корректность.

Внешний нажим усиливался, что склонило чашу весов не в пользу Петкова.

Вот некоторые данные, с помощью которых можно проследить, как возрастало давление извне:

19.VIII 1947 г. мы передали Председателю Совмина в Евксиноград, где он был в это время на отдыхе:

«1. Английские и американские представители в Софии, ссылаясь на пункт второй мирного договора, направили ноты Союзной контрольной комиссии (СКК), в которых требуют отложить исполнение приговора до тех пор, пока он не будет рассмотрен в

СКК. Подобный шаг предпринят уже и перед министром иностранных дел Кимоном Георгиевым. Американцы и англичане готовятся обратиться с аналогичным заявлением и к Трайчо Костову, и к Василу Коларову. Обо всем этом переданы сообщения по английскому и американскому радио.

2. Позиция СКК и Трайчо Костова состоит в том, что это наше внутреннее дело...

3. Низовые организации требуют приведения приговора в исполнение».

Можно долго рассуждать вокруг того, нужно или не нужно было идти на крайние меры. Но в конце концов нельзя было не видеть, что, хотя в Болгарии еще не раздавалось выстрелов, готовилось, однако, все, чтобы при первом удобном случае начать стрельбу и совершить массовое, кровавое злодеяние. Контрреволюция неоднократно доказывала, на что она способна. Летом 1947 г. были разгромлены силы, являющиеся носителями духа 9 июня 1923 г. и мечтавшие устроить новое 9 июня. С роспуском организации петковского БЗНС, по словам Димитрова, закрылась печальная страница. Существовавшее политическое недоразумение было ликвидировано.

В стране воцарилось полное спокойствие. Не было никаких особых признаков неодобрения. Более того, атмосфера стала яснее и чище [1]. Глубокая убежденность народа, что избранный путь верен, хотя труден и зачастую тернист, помогла народной власти

---

[1] Вот какую информацию мы переслали Димитрову 4 сентября 1947 г. о поступившей в адрес кабинета корреспонденции:

«В связи с арестом и судом над Николой Петковым, а также роспуском его союза получено много телеграмм, резолюций и писем от собраний и митингов трудящихся сел и городов, в которых выражается поддержка болгарского правительства Димитрова, их мужественного руководства внутренней и внешней политикой страны. Трудящиеся требуют беспощадного приговора предателю народа Николе Петкову и его соучастникам и роспуска их преступной организации. В телеграммах, письмах и резолюциях, полученных после вынесения приговора, выражается удовлетворение справедливой карой врагу народа, «который превратился в объединительный центр всех остатков реакционных сил» (Златоград); выражается настоятельное требование ликвидации его предательского союза, содержится обязательство — выполнить двухлетний хозяйственный план. Были получены телеграммы и от организаций Народного союза «Звено» (из Преслава, например), БРСДП (например, из Добрича) и БЗНС, в которых наряду с выражением одобрения приговора содержатся заявления, что коллективы еще активнее будут работать во имя укрепления Отечественного фронта и выполнят двухлетний хозяйственный план. Состоялось много общих собраний местных организаций БРП(к) и БЗНС. Письма с одобрением поступили от молодежных строительных бригад. Враждебных писем получено совсем мало, не более десятка. В нескольких письмах и телеграммах содержится требование отменить смертные приговоры вообще».

принять ту меру, с помощью которой были устранены досадные помехи нашему движению вперед [1].

8 сентября Председатель Совета Министров, очевидно, под впечатлением поднятой западными империалистическими державами шумной кампании в своем приветствии по случаю Девятого сентября предупредил:

«Лозунг «Хранить как зеницу ока свою независимость, не допустить никакого иностранного вмешательства в наш собственный дом, обеспечить полную свободу и безопасность для мирного творческого труда нашего народа и для успешного строительства нашей народной республики» должен *стать на ближайший период всенародным боевым лозунгом, которому следует подчинить все остальное»* [2] (курсив мой.— *Н. Г.*).

И продолжал:

«Никакая защита, никакие угрозы извне не могут спасти саботажников, диверсантов, шпионов и предателей, роющих могилу нашей родине, от суровой, но справедливой кары суверенного болгарского правосудия, которое служит только народу и исполняет его верховную волю» [3].

Правительство Георгия Димитрова продолжало напряженно работать. Были подготовлены и в июне 1947 г. утверждены ВНС четыре закона: об уменьшении числа питейных заведений; о введении монополий на спиртные напитки; об общественной заботе о слепых, глухонемых и морально деградировавших лицах, о слаборазвитых и подвергающихся угрозе морального разложения детях и подростках; закон о высшем образовании.

Каждый из этих законов был равноценен крупной реформе. Самое существенное экономическое значение имел, бесспорно, закон о монополии на спиртные напитки, который (цитирую профессора Ивана Стефанова) «явился серьезным ударом по достаточно многочисленной прослойке болгарской буржуазии, лишившей ее возможности эксплуатировать виноградарей», торговать спиртными напитками по спекулятивным ценам. Курьезно, что идея этого закона не чисто коммунистическая. Ее пытались осуществить два раза до нас — в 1925 и в 1935 гг. Обе попытки потерпели крах под натиском крупных капиталистических акций внутри страны и заинтересованного иностранного капитала. Создать столь необходимую стране монополию на спиртные напит-

---

[1] Освободившись от опеки тиранической личности, спустя некоторое время часть оппозиционных депутатов пошла по верному пути. Некоторые из них стали уважаемыми деятелями прогрессивного развития. Ожидания Г. Димитрова сбылись.

[2] *Димитров Г.* Съчинения, т. 13, с. 242.

[3] Там же.

ки удалось только народной власти. Была создана еще одна большая возможность для сосредоточения в государственной казне значительных средств, стекавшихся до сих пор в мошну всевозможных торгашей.

«Собранных таким образом в государственный бюджет средств,— писал в 1964 г. Иван Стефанов,— было достаточно, чтобы обеспечить восстановление народного хозяйства от военной разрухи в 2 раза быстрее, чем после первой мировой войны, и в 4,5 раза быстрее его развивать. Восстановительный период продолжался только четыре года — с 1945 до 1948 г. против восьми лет — с 1919 до 1926 г. В послевосстановительный период 1949—1963 гг. развитие экономики шло в 4,5 раза быстрее, чем между двумя мировыми войнами; капитальные вложения составляли соответственно около 21% и 4,7% от национального дохода».

Закон об оказании социальной помощи слепым, глухонемым и другим инвалидам показывает великий гуманизм народной демократии, правительства, Георгия Димитрова. С полным правом депутат Тодор Тихолов назвал закон «высоко гуманным и абсолютно своевременным». Факты, приведенные министром Здравко Митовским в обоснование законопроекта, действительно тягостны: 12 тыс. слепых и глухонемых, около 3 тыс. умственно отсталых и подвергающихся опасности морального разложения детей. Внимание, оказываемое до сих пор, было настолько незначительным, что большая часть этих людей оставалась без общественного призрения. Законом предусматривалось создание общежитий, пансионов, мастерских и хозяйств, в которые можно было бы определять в случае необходимости детей с малого возраста; строительство приютов для престарелых, домов отдыха, учебных заведений для профессионального обучения.

Закон об уменьшении числа питейных заведений и ограничении пьянства был типично болгарским! В основе закона, бесспорно, лежали мировоззренческие побуждения, он родился в результате глубоко укоренившихся традиций, как проявление организованного в нашей стране движения за трезвенность, получившего достаточно широкий размах в своеобразном союзе с рабочим движением.

Обоснование к законопроекту, внесенному министром внутренних дел, раскрывало, что в стране насчитывается ни много ни мало, а... 24 тыс. питейных заведений — по одной корчме на каждые 290 жителей, включая женщин и детей! Представьте себе: корчма на каждом шагу, для каждой сотни мужчин — корчма. Число их в соответствии с законом было резко уменьшено — до 8500—9000 (максимум одна корчма на 800 человек). Впредь

новую корчму можно было открыть только с ведома общины. По желанию населения в некоторых местах можно было вообще закрыть питейные заведения. Предусматривался ряд мер борьбы против пьянства. Старая корчма была заведением, предназначенным для мужчин, и меры народной власти были встречены с настоящим воодушевлением женской частью общества. Право посредством референдума закрывать корчму было отдано в руки женщин, и они воспользовались им не в одном месте! При обсуждении законопроекта в ВНС выступали только женщины.

Вопрос о том, до какой степени пойти на сухой режим, длительное время обсуждался в партийном руководстве и в правительстве. Были сторонники и полного запрещения продажи спиртного, но верх взяло мнение, которого придерживался и Димитров, что абсолютный запрет (как показал, например, опыт США) может привести к противоположному результату. Закон был применен в полном объеме во всех районах страны. Его благотворное влияние было бесспорным. Были созданы условия для оздоровления атмосферы, для избавления наших сел и окраин городов от ядовитых испарений.

Димитров в это время неустанно направлял внимание партии и общественности и на другие проблемы нашей жизни и развития. Во второй половине июня он призвал начать беспощадную борьбу против «трех зол» — безделия, расточительства и бюрократизма. И это были не случайно пришедшие в голову мысли, они имели свою глубокую обоснованность.

На съезде профсоюза железнодорожников и моряков Димитров говорил о том, что у нас есть три препятствия и зла, которые страшно мешают и должны быть разбиты, подавлены, уничтожены: «...во всех областях нашей общественной, экономической и культурной жизни нужно окончательно ликвидировать указанные пороки, нужно уничтожить их общими усилиями нашего народа» [1].

С особой страстью обрушился оратор на третье зло — бюрократизм в работе, проволочки, неисполнение решений, чиновнически грубое, бездушное отношение к работникам низших рангов и гражданам. «Бюрократизм,— сказал Димитров,— как стоглавая гидра, проявляется в самых различных формах и в разных областях» [2]. Для борьбы с упомянутыми тремя недугами, и особенно с бюрократизмом, есть испытанное целебное средство — Димитров указал его — критика и самокритика: «...мы должны раз и навсегда понять, что в государственной, общест-

[1] *Димитров Г.* Избранные произведения, т. 2 (1941—1949 годы), с. 395.
[2] Там же.

венной, экономической, культурной и даже в личной жизни без критики и без самокритики не может быть успеха, не может быть достигнуто благополучие»[1].

Эти мысли занимали его и зрели у него и раньше. Еще 18 июня (в день его юбилея) перед членами ЦК партии, собравшимися его поздравить, в своем кратком ответном слове Димитров откровенно высказался о том, что сейчас нашему движению мешают три зла, против которых необходимо вести борьбу,— безделие, расточительство и бюрократизм.

Таким образом, он еще раз вернулся к вопросам, которые поднял в феврале на областной партийной конференции, и с новой силой привлек к ним внимание нашего общества. Георгий Димитров настойчиво искал и указывал противоядие против любого застоя, любой рутины и загнивания. «Критика,— сказал он,— нужна во всех областях нашей жизни».

Его политический опыт, мудрость зрелого общественного деятеля и революционера-марксиста были начеку, предохраняли, предупреждали, призывали. Руководитель партии разъяснял, что, хотя реакционная оппозиция и сходит со сцены, необходимо действовать так, чтобы не было головокружения, бахвальства, чтобы не оказаться затянутым в болото бюрократии, чтобы массы чувствовали себя свободными хозяевами жизни — вообще, чтобы демократия была действительно народной. Иными словами, вести борьбу на два фронта одновременно: не давать развертываться действиям враждебных сил против народной власти и народной демократии и срывать деяния тех властвующих, которые могут сковать народно-демократический дух управления; разгромить реакционную оппозицию, занимающуюся подрывной деятельностью, и проявлять терпимость к критике, укрепляющей народную демократию.

Такую именно атмосферу активной критики и ее поддержки создавал Димитров. До сих пор мы критиковали оппозицию, мы оборонялись; теперь нас уже оппозиция не критикует; возникает реальная опасность политического монополизма — опасность, о которой предупреждал В. И. Ленин. Противоядие против нее — прежде всего критика и самокритика. Такой подход в то время был необычен. Вот один из бесспорных вкладов Димитрова! Мысль о роли критики занимала его долго, она была выражением его демократизма, народности, терпимости, его коммунистической сути. Общество, которое мы строим, он видел как общество товарищества и народного демократизма; оно не могло иметь ничего общего с единоличным или коллективным абсо-

---

[1] *Димитров Г.* Избранные произведения, т. 2 (1941—1949 годы), с. 390.

лютизмом; в нем народные массы должны были жить свободно и полнокровно.

Мысли Димитрова не остались только в его речи. Центральный Комитет принял их на вооружение, и они стали руководством к действию. В течение июля партийный орган «Работническо дело» поместил три большие передовые статьи о необходимости борьбы против трех недугов. Затем была открыта ежедневная рубрика на третьей странице под заголовком «На борьбу против недостатков», занявшая как раз то место, где до этого печатались разоблачительные материалы против оппозиции. Остальная печать Отечественного фронта также более определенно обратила свое внимание на недостатки. Партийным организациям были даны указания об усилении внутрипартийной критики. Считалось, что отчетно-выборные собрания прошли плохо, если на них не было развернутой критики снизу доверху. Зажим критики расценивался как тяжкий партийный и служебный проступок. По всей стране развернулось движение за пересмотр стиля работы. Создались условия для развития критики. А она никогда не может существовать, если ее не защищать, если критику не терпит само руководство. Если систематически не защищать критику, она захиреет; если сами руководители не будут выступать с критикой и самокритикой, то и внизу будут царить тишина и спокойствие.

Димитров показал личный пример в этом отношении. Лозунги в пользу критики и самокритики выдвигались не в первый раз. Но Димитров отличался тем, что у него не было расхождения между словами и делами и в этом вопросе, а, напротив, существовали единство, гармония между высокими требованиями к другим и личным поведением. Как мы увидим дальше, он показал исключительно яркий пример того, как сам терпит и воспринимает критику, продемонстрировал образец самокритичности. Эти высокие качества коммуниста — терпимость к критике и самокритичность — были сильно развиты у Димитрова.

Случилось так, что у Г. Димитрова, В. Коларова и Тр. Костова исполнились круглые даты в один и тот же год, в один месяц.

Чествование 50-летия Трайчо Костова 17 июня ознаменовалось исключительно высокой оценкой, данной ему партией и правительством. За день до юбилея Г. Димитрова партия, правительство и сам Димитров отдали дань высокого признания заслугам и способностям Трайчо Костова.

Приветствие ЦК БРП(к) самым бесспорным образом свидетельствует о том, что в руководстве партии царит дух доверия, искренности и уважения.

18 июня Георгию Димитрову исполнилось 65 лет. Одновременно должно было отмечаться и 50-летие его общественной деятельности.

Юбилей уже давно начал волновать нашу общественность. Страна, народ, партия с трепетным волнением ожидали возможности выразить уважение своему великому сыну. В конце концов, в жизни любого народа такое случается не каждый день, чтобы юбиляр достиг мировой славы, столько лет провел в изгнании и, наконец, возглавил правительство. Чествуя своих героев и выдающихся деятелей, народы утверждают собственное самосознание. Партия понимала, что юбилей ее первого руководителя является первостепенной политической акцией.

Отовсюду задолго до этого задавали вопросы: как будет, что будет? Люди хотели подготовиться, но ничего еще не было уточнено. Не в стиле времени было торопиться с такими делами. Начало было положено решением Политбюро, подготовленным в Секретариате ЦК и разосланным для обсуждения членам Политбюро без ведома Димитрова.

К предусматривавшимся проектом мероприятиям самое существенное дополнение внес Трайчо Костов: учредить ежегодные Димитровские премии за высокие достижения в области искусства и науки. Это предложение также было одобрено.

В подготовке юбилея участвовала вся страна. 7 июня Софийский областной комитет Отечественного фронта, например, рекомендовал организовать беседы, собрания, конференции по месту жительства — в кварталах, поселках, районах, селах, учреждениях, предприятиях, в лагерях молодежных бригад, проводить беседы о борьбе и деятельности Г. Димитрова; повсеместно устраивать воскресники по благоустройству населенных пунктов; торжественные вечера; развернуть соревнование за выполнение двухлетнего плана.

С 14 июня все внимание печати и радио было направлено на 18 июня — день юбилея. 13 июня состоялось заседание нашей парламентской группы. Васил Коларов провел великолепную «беседу о жизни и деятельности учителя и вождя болгарского народа товарища Георгия Димитрова по случаю 65-летия», которая вызвала у депутатов настоящее воодушевление.

В воскресенье, 15 июня, народ вышел на воскресник.

Поэты посвящали Г. Димитрову стихи. Иван Бурин написал стихотворение «Беседа с товарищем Димитровым», в котором поведал читателям о встрече с этим заботливым, щедрой души человеком, мудрым учителем и добрым старшим товарищем.

Опубликованы стихотворения Пантелея Матеева «Вождь», Николы Ланкова — «Товарищ Димитров, веди нас!». Композитор Светослав Обретенов и поэт Божидар Божилов сложили песню «Все вперед с Димитровым».

20 июня 1947 г., пятница

Невозможно не сказать, что среда, 18 июня, день рождения товарища Димитрова и его 65-летия, превратилась в подлинный праздник. Воистину, никогда и никого в болгарской истории не чествовали так всенародно.

Я бы сказал, что 18 июня было днем великого национального признания Г. Димитрова и вместе с тем днем его нового международного признания.

Еще с самого раннего утра начали поступать телеграммы и письма со всех концов страны и из-за рубежа. Поток телеграмм был безостановочным: доктор Петру Гроза и Клемент Готвальд, академик Н. С. Державин, Джон Мак, И. Б. Тито... «В лице Георгия Димитрова,— писал Пальмиро Тольятти,— коммунисты и итальянский народ чествуют достойного для подражания антифашистского бойца, храброго борца за свободу и прогресс, надежного кормчего болгарского народа в его возрождении. Да здравствует товарищ Георгий Димитров, символ новой народной демократии...» Приветственное письмо Центрального Комитета Компартии Испании, подписанное Долорес Ибаррури — Пасионарией вместе с семью другими товарищами.

Была получена телеграмма от товарища Сталина, в которой он просил принять его самые сердечные поздравления по случаю дня рождения товарища Димитрова и желал ему доброго здоровья и дальнейших успехов в его деятельности на благо братского болгарского народа.

Очень сердечна телеграмма Румынской компартии: «...мы видим в Вашем лице, дорогой Георгий Михайлович, залог дружбы между болгарским и румынским народами и символ в борьбе балканских народов за мир, благосостояние и национальную независимость. Поздравляем Вас, товарищ Димитров».

Много телеграмм прибывает из СССР. Среди них — от Антифашистского комитета советской молодежи, от Славянского комитета во главе с председателем генералом Гундоровым и др. Телеграмма-письмо от ЦК Коммунистической партии Чехословакии: «...твой призыв на VII всемирном конгрессе Коминтерна к образованию антифашистского народного фронта во всех странах принес свои плоды в последние тяжелые годы войны с фашизмом и помог движению трудового народа во всех странах

найти свой правильный путь...» Очень много телеграмм из Югославии, Чехословакии, Франции. «Братские пожелания достойному для примера вождю народной демократии. Жермен и Марсель Вилар».

Почта доставляла бесчисленные телеграммы, письма, резолюции собраний трудящихся страны.

До обеда товарищ Димитров никуда не выходил; после обеда отправился в Народное собрание, где проходило очередное заседание. Там началось и само чествование. Уже при открытии председательствующий приветствовал юбиляра краткой речью, которая была встречена депутатами бурной овацией. А с 16 часов перед Советом Министров проходили трудовые коллективы многих предприятий и учреждений, рабочие и служащие, крестьяне, молодежь, пионеры, ученики и студенты. Каждая группа выделяла делегацию, отправляющуюся в Совет Министров для приветствия. И пока делегация поднималась по лестнице, группа сопровождала ее скандированием наказов. В одном из залов Совета Министров группа ответственных товарищей во главе с Цолой Драгойчевой, при участии Розы Юльевны Димитровой по поручению Председателя Совета Министров принимали поздравления. В 17 часов 30 минут Председательство народной республики вручило юбиляру грамоту о награждении его Золотой Звездой и орденом Народной Республики Болгарии; по этому поводу оба побратима — Васил Коларов и Георгий Димитров произнесли краткие речи.

Я еще не сказал, что накануне в кинотеатре им. Д. Благоева состоялось торжественное собрание, на котором выступил Васил Коларов. «Товарищ Димитров имеет все качества народного вождя,— сказал Коларов.— Он соединяет воедино исключительное трудолюбие и упорство болгарина с энтузиазмом и бесстрашием пролетарского революционера, мудрость государственного деятеля крупного масштаба с дальновидностью талантливого ленинца».

К 18 часам в Совет Министров пришел и сам Георгий Димитров. Именно здесь я увидел его в этот день и имел возможность лично вместе с некоторыми нашими товарищами — помощниками поздравить его. Черный официальный костюм, все тот же крупный узел галстука, орденские планки и неизменный значок Отечественного фронта. Вид его излучал скорее сдержанность и углубленность, чем торжественность.

По программе, подготовленной Национальным комитетом Отечественного фронта, предстояли торжественное вручение Г. Димитрову приветствия от имени государственных и общественных организаций и народный прием. В одном из залов Совета Мини-

стров собрались государственные и общественные деятели. Первыми поздравили юбиляра члены НК ОФ; Добри Бодуров зачитал от их имени адрес. После этого с искусно выполненной папкой в руках вперед вышел Кимон Георгиев, сопровождаемый членами Совета Министров, и зачитал приветствие, которое звучало так искренне и чистосердечно: «Как никого другого, народ Вас любит и считает своим».

Затем товарища Димитрова поздравили члены и кандидаты в члены ЦК. Адрес от их имени зачитал Титко Черноколев; под адресом стояли их подписи; первыми в списке были Васил Коларов и Трайчо Костов. Титко читал отчетливо и громко, он был мужественным и сердечным человеком: «В день твоего 65-летия, товарищ Георгий Димитров, Центральный Комитет и вся партия испытывают чувство гордости, что из ее рядов вышел, выдвинулся такой испытанный народный вождь — символ и знамя болгарского национального единства, в крепких руках которого находится сейчас кормило болгарского государственного корабля».

В продолжение всего времени я наблюдал за Димитровым. Держась правой рукой за пуговицу пиджака, он, слегка наклонив голову, как-то немного сурово смотрел вперед, на приветствующих его, и вместе с тем куда-то далеко за них; в глазах его можно было прочесть примерно такое: да, все это хорошо, но все же не настолько важно...

Потом он произнес ответную речь. Говорил приглушенно, без аффектации, просто по-товарищески. Он по-братски делился своими мыслями, которые имели очень мало общего с его юбилеем; речь шла о задачах Центрального Комитета, о работе нашей партии и народной власти, о предстоящих больших делах. Верный себе, Димитров и сейчас не поддался опьянению от курившегося фимиама, сладким чарам восхвалителей, а предъявил новые высокие требования и указал новые большие цели.

— Выполнение всех этих исторических задач, которые стоят перед нашим народом и перед нашей партией, зависит прежде всего от РП(к), от Центрального Комитета, от руководства нашей партии, зависит прежде всего от способностей — идейных, моральных, политических — руководства нашей партии, от этого коллектива, который собрался здесь и который создан в многолетней борьбе, потребовавшей много дорогих жертв и пролитой крови...

Далее Димитров сказал следующее:

— Наши враги, которые ищут утешения за свои неудачи и поражения, пускают, как вы знаете, слухи: в Центральном Комитете, в партии существуют лагери; одни — крайние, вторые — умеренные, третьи — невесть какие отщепенцы. Наши недруги

ищут разные поводы! Это, разумеется, слабое утешение для них...

Однако то, чего нет сейчас, может произойти при сложной обстановке нашего будущего развития, если мы, Центральный Комитет и наша партия, не будем держать эти проблемы в поле зрения, работать рука об руку во время возникновения таких трудностей.

Затем товарищ Димитров указал нашу цель — создать «такое государство, с суверенитетом и достоинством которого считались бы все и которое своей деятельностью во имя укрепления мира и демократии во всем мире пользовалось бы заслуженными симпатиями и уважением среди всех свободолюбивых и демократических народов». «Путь к решению этой задачи лежит через Отечественный фронт, а мотором в нашем движении... является наша партия». «Препятствия на этом пути — три зла... которые должны быть преодолены, должны быть ликвидированы». Оратор снова задержал внимание присутствующих на своем понимании необходимости решительной борьбы для искоренения лени, расточительства и бюрократизма: «Отечественному фронту и правительству необходимо вести решительную борьбу против этих зол, при наличии которых невозможно выполнить двухлетний план».

Я остановился так подробно на встрече с членами ЦК ввиду ее важности. Сама же она продолжалась не дольше нескольких минут; больше времени не было — делегации все подходили и подходили. Прибыли народные делегации из нескольких областей страны. Пловдивцы заботливо готовились к этой встрече. В адресе по случаю 65-летия Георгия Димитрова подписались жители всей области! Юбиляру было вручено нечто необычное — около 250 тыс. подписей крестьян и рабочих, молодежи и детей, интеллигенции и воинов! Над адресом с любовью трудились художники и мастера художественного ремесла. Объемистые тетради с подписями красиво переплетены в староболгарском стиле в тяжелые переплеты из орехового дерева. Сундук старинной работы, в котором все это было сложено, также был из орехового дерева, с коваными железными ручками — подлинное произведение искусства. За пловдивцами последовали делегации Плевенской, Старозагорской, Горноджумайской областей; Народной армии и милиции; даже его блаженство пришел с архиереями поздравить от имени церкви высокого юбиляра...

А после этого в залах Совета Министров состоялся устроенный Национальным комитетом Отечественного фронта народный прием с участием многих делегаций со всей страны, официальных лиц из столицы и дипломатического корпуса. Следует отме-

тить, что впервые после Девятого сентября на нашем приеме появились все дипломатические представители! Среди гостей были и генерал Окслей, и генерал Робертсон, и, разумеется, генерал А. И. Черепанов, генерал-майор А. И. Сучков и другие.

Георгий Димитров не только уважаемый и ценимый государственный деятель и политик, но и обаятельный человек. Скоро официальный тон приема исчез, и создалась обстановка дружеской добросердечности.

На следующий день были опубликованы снимки различных событий, связанных с юбилеем. Две фотографии поистине бесценны (в сущности, это два момента одного и того же ритуала — Председательство республики вручает юбиляру грамоту о награждении его Золотой Звездой). На первом снимке стоят члены Председательства: Васил Коларов, Райко Дамянов и Г. Атанасов (они же и члены Бюро Великого народного собрания) и Георгий Димитров. Коларов, наклонив голову, зачитывает грамоту. Димитров в этот миг — олицетворение человеческой красоты; поток света заливает его лицо, излучающее благородство, достоинство и человечность. Димитров весь внимание, слушает. Слушают и задумчивые глаза, и сосредоточенное лицо, и слегка наклоненная голова. Это так характерно для Димитрова — он разговорчив, мастер слова, он умеет и мастерски слушать!

На второй фотографии роли изменены. Васил Коларов высоко поднял голову, у него высокий лоб, ясно видна присущая ему осанка, в которой есть и благородная гордость, и достоинство. Димитров держит в одной руке папку с грамотой и говорит, но он все еще задумчив.

Луч света заливает его лицо и волосы.

Красивые снимки! Произведение фотоискусства!

И в четверг, 19 июня, поток народных делегаций не иссякал. Многие из них Димитров принимал сам.

Председатель Совета Министров поручил сообщить нашему большому художнику-карикатуристу Илие Бешкову, что хочет встретиться с ним. Бешков своими карикатурами завоевал авторитет смелого борца против царя и фашизма, он самобытный народный философ с исключительной прозорливостью. Последние два-три года в силу каких-то непонятных причин художник все больше замыкался в себе, впал в религиозный мистицизм, перестал работать, затих. В сущности, Бешков остался единственным крупным деятелем искусства, который стоял в стороне от всенародного подъема. Попытки приобщить его к активному творчеству оставались бесплодными.

Встреча состоялась в кабинете в Совете Министров 23 июня около 11 часов. Бешков выглядел подавленным и робким. Вышел он из кабинета Димитрова часов в двенадцать с озаренным лицом.

Оба собеседника по-своему отметили этот час. С неподражаемым мастерством и волнением Илия Бешков расскажет нам о ней спустя два года (после кончины Димитрова):

«Дверь отворилась и закрылась за мной. В глубине кабинета из-за массивного стола поднялся человек в белом костюме и с трубкой в руке. Мне показалось, что поднялось несколько человек сразу. Я поздоровался за руку и сразу же сел. Сел с отчаянием — теперь мне уже было все равно — и закурил.

...Разговор начался, углубился и распространился по разным направлениям. Я наблюдал эту бесконечно сложную человеческую натуру, прежде всего эмоциональную — как разбушевавшееся море... Это удивительно. Я впервые понял силу и значение мировоззрения...

...Возраст и усталость наложили на него свой отпечаток, но он этого не чувствовал. Твердой рукой, красным карандашом он несколько раз писал слова «леность, труд, бюрократия, талант...».

Леность, труд, талант... А говорили о другом! Георгий Димитров записал для себя:

«23.6 1947 г. Принял старого художника-карикатуриста Бешкова, который после 9.IX 1944 г. устранился от общественной работы. Разъяснил, что ему именно сейчас необходимо использовать свой талант во имя подъема нашей страны. Его карикатуры, бичующие лень, расточительство и бюрократизм — три крупных зла, абсолютно необходимы. Расплакался, обещал перестроиться и выполнить свой долг».

Спустя пять-шесть дней в газете «Земеделско знаме» появилась карикатура Илии Бешкова, названная «Два поколения — два мнения». Рисунок высмеивал лень. На нем изображены два человека — молодой паренек с лопатой на плече и пожилой, хорошо одетый господинчик, который оправдывается: «Я не стыжусь работы — просто труд для меня вреден».

За первой карикатурой последовала другая, третья... Илия Бешков возвратился к новой творческой жизни.

Часть восьмая

Архив раскрывает свои тайны; VII конгресс Коминтерна и современность; Василу Коларову 70 лет; начало большого дипломатического наступления; румыны у нас; доктор Петру Гроза; мы в Югославии; в рассказе появляется медицина; новая встреча с И. В. Сталиным

Московский архив Г. Димитрова постепенно, большими и малыми посылками, прибывал в Софию. Он оставался святая святых, доступ в которую имел только Димитров лично. Каждая приоткрытая страница распахивала двери к какому-либо крупному событию. Иногда случалось, Димитров поручал нам привести в порядок некоторые из документов, прочесть и продиктовать машинистке отдельные письма или часть переписки. Таким образом, мне удавалось порой заглянуть в эту безбрежную сокровищницу, проникнуть в некоторые из ее тайн.

Так я познакомился и с материалами VII конгресса Коминтерна. Отдельные письма, те, что прошли через мои руки, вводили меня в то своеобразное время и неповторимую атмосферу международного, исторического значения события. Я знал уже о нем немало, хорошо был знаком с докладом Димитрова еще с времен нелегальности, но все остальное было окутано тайной. Однажды, например, мне попало в руки письмо. Я бы назвал его бесценным документом о жизни и борьбе. Датировано оно 18 марта 1936 г. Написано чернилами на простой почтовой бумаге, мелким почерком на трех страницах по-русски, а на четвертой — что-то добавлено по-польски. Письмо говорит о мужественной силе и несокрушимом духе борцов. Читал я его с волнением. «Дорогой вождь и товарищ...— обращаются политзаключенные к Георгию Димитрову,— мы получили твой доклад на VII конгрессе Коминтерна мирового пролетариата, который сделан в том числе и для нас. Ты нам близкий, родной и, хотя и далеко от нас, легко можешь себе представить, сколько радости и света внесла в нашу жизнь твоя, казалось бы, простая, но такая глубокая речь. Очень

часто в трудных условиях нашей жизни мы повторяем твои слова, произнесенные не только на VII конгрессе, но и сказанные тогда, когда ты еще находился в руках немецкого фашизма... Спрятавшись в дальний угол камеры, мы шепотом читали микроскопические буквы, написанные на маленьких сантиметровых папиросных бумажках миллиметровыми стерженьками графита, привязанными к ладоням. Самого малого подозрения следящих за нами в глазок... достаточно для обыска, для того, чтобы устроить нам кровавую баню».

Письмо добралось до своего адресата. На его первой странице вверху стоит штемпель: «Секретариат тов. Димитрова. Вх. № 337/26.III 1936 г.» Значит, за восемь-девять дней тайная почта вынесла письмо из камеры, из-за стен тюрьмы, пронесла его через границу и доставила точно по назначению. Такой быстрой и аккуратной почте могут позавидовать сегодня даже некоторые официальные службы.

С не меньшей жадностью мои глаза пробегали по другому письму, все того же времени, адресованному «Исполкому Коминтерна и его кормчему товарищу Димитрову», написанному иероглифами слушателями китайской школы при ИККИ в связи с 15-летием основания Компартии Китая. На русском его переводе стоит дата и автограф Димитрова («19.12.1936 г.— *Г. Д.*»). Если посмотреть на это письмо с точки зрения будущего развития событий в Китае, оно вдвойне многозначительно. Анализ письма позволяет сделать важные выводы. Наряду с другим там говорится следующее:

На VII конгрессе Коммунистического Интернационала Вы, товарищ Димитров, в Вашем докладе дали правильную установку КПК о создании широкого антияпонского единого фронта, который сыграл огромную историческую роль в деле дальнейшего развития китайской революции. 15-летний путь нашей партии показал, что только безусловная преданность принципиальной линии Коммунистического Интернационала обеспечивает успехи нашей партии; самое незначительное отклонение от этой линии всегда вело к потерям для революции.

«Мы твердо уверены, что КПК под вашим испытанным руководством осуществит создание единого национального фронта против японского империализма и приведет китайский народ к национальному и социальному освобождению.

...Ваше героическое поведение на фашистском суде, изумившее весь мир, всегда будет для нас примером и образцом для нашей будущей борьбы».

Внизу следуют подписи членов президиума собрания — также иероглифами, так что я не мог прочесть имен, ставших мне изве-

стными позже. Однако ясно, что в этой школе учились испытанные и закаленные в борьбе китайские товарищи.

Если эти два письма дополняли то, что я уже знал,— огромное воздействие и всемирно-историческое значение доклада Димитрова на VII конгрессе, то третье письмо, попавшее в мои руки, вернуло меня к тому времени, когда готовился конгресс. Речь идет о письме Димитрова в комиссию по второму пункту порядка дня конгресса. Написанное за год до созыва конгресса, оно является чрезвычайно важным: с ним направлялась для согласования «черновая схема», из которой видно, пишет Димитров, «как я представляю себе характер доклада...». В письме поднимаются и подвергаются переоценке некоторые основные вопросы политики и тактики Коминтерна.

Раздел II письма раскрывает взгляды Димитрова на единый фронт.

> 1. Необходимость в связи с изменившейся обстановкой изменить и нашу тактику единого фронта. Вместо применения ее исключительно как маневра для разоблачения социал-демократии без серьезных попыток создать действительное единство рабочих в борьбе мы должны превратить ее в действенный фактор развертывания массовой борьбы против наступления фашизма.
>
> 2. . . . .
>
> 3. Необходимость развертывания боевой инициативы масс, без мелочного опекунства компартий по отношению к органам единого фронта: не *декламировать* о гегемонии компартии, а осуществлять *на деле* руководство компартии.
>
> 4. Необходимо в корне изменить наш подход к с[оциал]-д[емократическим] и беспартийным рабочим во всей нашей массовой работе, агитации и пропаганде. Необходимо не ограничиваться общими утверждениями насчет предательства социал-демократии, а конкретно, терпеливо, с аргументами в руках разъяснять рабочим, к чему приводит и к чему уже привела социал-демократическая политика сотрудничества с буржуазией. Не сваливать все на с[оциал]-д[емократических] вождей, а указывать также на ответственность самих с[оциал]-д[емократических] рабочих, заставить их подумать о их собственной ответственности и искать правильный путь борьбы и т. д.

Раздел III посвящен проблемам руководства Коминтерном — «необходимо изменение методов работы и руководства», «концентрировать внимание на общем политическом руководстве коммунистическим движением».

Это письмо впервые дало мне объяснение, как был достигнут коренной поворот в политике Коминтерна, ознаменованный докладом, с которым выступил Димитров на VII конгрессе, и в чем состоит личная роль Димитрова. Позже другие источники дополнили для меня эту картину. «В своем письме Генеральному секретарю Коммунистической партии Советского Союза Сталину,— писал В. Ульбрихт,— Г. Димитров дал не только реальную оценку положения, но и обосновал необходимость новой ориентации Коминтерна».

А Долорес Ибаррури — Пасионария пояснила: «Димитров обладал опытом многолетней революционной работы не только в своей родной Болгарии, но и в фашистской Германии. Он использовал этот опыт в деятельности Интернационала. При поддержке руководства Компартии Советского Союза Димитров выступил перед Исполкомом Коминтерна, а затем и на VII конгрессе в 1935 г. с вопросом о необходимости изменения политики, тактики и стратегии международного коммунистического движения, поставив задачу освободиться от сдерживающих их развитие сектантства и догматических наслоений».

Нет сомнения, разумеется, в том, что этот новый курс является делом не одной личности, а коллектива самых ярких имен ИККИ, что бесспорная заслуга в его разработке принадлежит И. В. Сталину. Но наряду с этим ясно, что Димитров не просто выразитель мнения других, а подлинный инициатор поворота: он дал и разработал основные идеи, которые и придали докладу историческое значение.

Новый курс решительно отвергал укоренившиеся в последние годы в коммунистическом движении схематизм, шаблон, преклонение перед сухими и безжизненными догмами, сектантство, открывал одновременно путь политическому реализму и гибкости, творчеству и новаторству, трезвости и широкому размаху. Речь шла не о смене линии, а о кровно связанной с массами политике, приближавшей компартии к жизни и народу и подготавливавшей их к встрече в будущем с крупными политическими событиями как опытных и мудрых руководителей, как движущую силу беззаветной борьбы и побед.

Весь доклад Димитрова проникнут живым духом ленинизма. Величие Димитрова состоит в том, что он плодотворно соединил принципы ленинизма с велением времени и с требованиями революции в новый период истории.

Не случайно на международной конференции на тему «Георгий Димитров и объединение революционных и демократических сил в борьбе за мир, демократию и социализм», состоявшейся в Софии в июне 1972 г. (т. е. спустя почти 40 лет после VII кон-

гресса), Тодор Живков сказал: «Георгий Димитров стал олицетворением идеи союза и единства действий революционных, демократических и прогрессивных сил в условиях наступления фашизма и опасности войны».

Вслед за «доктриной Трумэна» был пущен в ход другой маневр империалистического мира — появился «план Маршалла» (по имени тогдашнего государственного секретаря США Джорджа Маршалла). Дядя Сэм обещал экономическую помощь голодающей и с анемичным народным хозяйством Европе.

СССР, Болгария и другие народно-демократические страны отнеслись к «плану Маршалла» очень осторожно.

В. М. Молотов отбыл в Париж в конце июня на совещание четырех министров иностранных дел, которое должно было выработать положение об использовании американской помощи. В нашей стране также еще не приняли отрицательного решения, но сдержанность была явной. Между болгарским и советским правительствами поддерживались тесные контакты для выработки единой линии и общих действий. Георгий Димитров относился к этой акции Вашингтона в достаточной степени критически. Для него не представляло труда разгадать коварство; он предупреждал от излишних иллюзий, которые могли превратиться затем в разочарование, вместе с тем он не закрывал двери для возможного благоприятного соглашения. Совещание в Париже с полной определенностью показало, что «еще до открытия совещания англичане и французы договорились, очевидно, с США за спиной Советского Союза», «в декларации Маршалла не изложены ни условия и размер, ни реальность самого кредита»; «никакие данные не были приведены в подтверждение реальности кредита...».

Достичь соглашения оказалось невозможным. Англичане и французы решили созвать новое широкое совещание 12 июля. 7 июля была внесена определенная ясность по вопросу о характере и направлениях совещания. Стали известны два новых обстоятельства:

а) англичане и французы не намерены вносить какие бы то ни было изменения в свой план хозяйственного восстановления Европы и учитывать интересы суверенных и экономически самостоятельных малых стран;

б) под формой плана «восстановления» Европы инициаторы совещания хотят создать западный блок и включить в него Западную Германию.

Советское правительство внесло предложение не участвовать в совещании.

Правительствам предстояло принять трудные и ответственные решения. Советское правительство отказалось от участия в совещании.

8 июля Совет Министров Болгарии собрался под председательством Георгия Димитрова, который высказал мысль о том, что сепаратные инициативы западных стран, если их осуществить, «могут довести до разделения Европы на два враждующих лагеря и нанести серьезный удар политическому и хозяйственному сотрудничеству между всеми великими и малыми демократическими державами в пользу мира и хозяйственного восстановления». Пророческие слова! Они были включены в текст декларации, над которой Димитров работал лично.

«Всесторонне и зрело обсудив приглашение британского и французского правительств принять участие в созванной на 12 июля в Париже конференции, правительство приняло единодушное решение о неучастии Болгарии в этой конференции»,— говорилось в опубликованной на следующий день декларации.

С решением не участвовать в парижском совещании по «плану Маршалла» выступили и Югославия, Польша, Румыния, Албания, Венгрия, а через два-три дня и Чехословакия.

Болгария начала медленно, постепенно, но все более уверенно разворачиваться на международной арене. Все это происходило постепенно и бесшумно до тех пор, пока не был ратифицирован странами-победительницами мирный договор. Но первые шаги делались — начался более регулярный обмен делегациями с народно-демократическими странами, подписаны некоторые соглашения о культурном сотрудничестве, подготовлены торговые договоры.

Правительство предприняло действия для решения вопроса о принятии Болгарии в члены ООН. Как и предполагалось, просьба была отклонена. Только что созданная ООН уже успела стать в силу большинства, которым располагал американо-английский блок, инструментом в руках государственного департамента, «американской машиной для голосования», как говорили тогда. Был подвергнут атаке и принцип «вето», который требовал единства мнений великих сил.

В июле началось большое дипломатическое, я бы сказал, триумфальное наступление новой Болгарии, развернулась дипломатическая деятельность, по размерам и интенсивности не имевшая себе равной в нашей истории. Из социалистических и идущих к социализму стран, идейно объединенных общей целью и внутренней дисциплиной, сплачивался могучий лагерь, какого не знала мировая история. Георгию Димитрову выпало быть од-

ним из связующих звеньев в деле укрепления социалистического лагеря. Он стал одним из синонимов объединения, его страстным сторонником.

Первым шагом в этом направлении был визит румынской правительственной делегации во главе с председателем Совета Министров Румынии доктором Петру Грозой.

Четырехдневный визит на высшем уровне начался 13 июля. Эта первая высокая делегация раскрыла нам, насколько мы близки с нашими румынскими соседями и... как мы еще неопытны в организации подобного рода мероприятий. Два-три раза собиралась комиссия по подготовке встречи, судили, рядили, ломали голову. Очень хотелось проявить гостеприимство, но зашли в тупик, когда необходимо было уточнить в программе, что показать гостям. Мы вдруг столкнулись с тем, о чем и не подумали сразу,— нам нечего им показать! Музеев нет (те, что есть, еще закрыты из-за эвакуации), старинных достопримечательностей нет, галереи искусств нет, созданного чего-нибудь нового тоже нет. А задача стояла, и нам нужно было ее решать. Записали храм-памятник Александра Невского, братскую могилу в Парке свободы, строительство линии Перник — Волуяк. Нашу милую гостью Миу Гроза, дочь доктора Грозы, мы планировали отвезти в Бояну. Этим исчерпывались чуть ли не все достопримечательности тогдашней Софии.

После встречи на центральном вокзале и коротких бесед в Совете Министров Александр Оббов, Димо Казасов и профессор Иван Стефанов повели гостей во главе с Петру Грозой к храму-памятнику Александра Невского, а оттуда к братской могиле в Парке свободы (памятника тогда еще не было). Гости возложили венок, осмотрели под палящими лучами июльского солнца аллеи парка, прошлись мимо теннисных кортов, пустых и пыльных... Нам нечего было им больше показывать. А в запасе еще столько времени! Тогда кто-то предложил:

— Давайте покажем им летнюю купальню!

Нам показалось это счастливой мыслью! Гордые тем, что наконец все же можем чем-нибудь похвалиться, мы повели гостей к плавательному бассейну. Он, хотя и был построен до войны, был новинкой для Софии. Но только тогда, когда мы оказались среди растянувшихся по земле полуобнаженных людей, которые не обращали на нас никакого внимания — не узнали гостей, поняли, что и здесь мы ничего не достигли. Мне вспомнились слова, сказанные 20 лет назад видным французским политическим деятелем Эдуардом Эррио. Когда после пребывания в Болгарии его спросили, что больше всего произвело

на него впечатление, он ответил: «Боянская церковь». Какими бы ни были лестными эти слова о нашей средневековой живописи, они не звучали похвалой для современной Болгарии. Не знаю, как выразил бы кратко свое самое сильное впечатление о Болгарии доктор Гроза. Все же я думаю, что, вернувшись на родину, он мог сказать: «Будущее». Пройдет только несколько лет, и каждая пядь нашей страны станет полна достопримечательностями: куда хочешь, туда и иди и веди зарубежных посетителей, не ошибешься!

У нового аппарата (был ли у старого, сомнительно) еще не было опыта организации таких визитов. Сейчас мы учились, как проводить эти сложные и тонкие церемонии. Прислушивались главным образом к советам людей из Министерства иностранных дел, а они, как станет нам ясно позже, знали лишь сухие правила официального протокола. Да и (в скобках будь сказано) едва ли было у нас другое министерство, которое осталось бы и по духу, и по составу своему таким неперестроенным, как Министерство иностранных дел; там от всего веет формализмом, этикетом и бездельем. Именно поэтому нам не удалось избежать и некоторых неудач во время встречи. Первым их почувствовал Георгий Димитров и энергично вмешался, с тем чтобы внести более стройный порядок: если во время встречи не были предусмотрены многолюдные митинги (таким образом, встреча приобретала более строгий, официальный характер, который она не должна была иметь), то проводы уже были другими — на улицах собралось столько народа, что гости были изумлены.

Когда мы вернулись из Парка свободы, было уже за полдень. По многочисленным машинам на бульваре люди поняли, что гости в Совете Министров, и стали собираться на площадь. Доктор Гроза вместе с другими членами делегации и сопровождавшими их болгарскими руководителями вышли на балкон. Увидя их, тысячная масса народа устроила им продолжительную овацию. Спустя немного времени народ начал настаивать представить ему гостей. Делать было нечего — нужно было представлять. Эту миссию взял на себя профессор Иван Стефанов, блестящий финансист, великолепный министр финансов, но оказавшийся, как и другие, беспомощным в вопросах протокола...

— Это,— он положил руку на плечо нашего первого гостя,— доктор Петру Гроза.

— Это,— положил он руку на плечо другого гостя,— Георге Георгиу-Деж.

Долго потом, встречаясь с товарищем Стефановым где-нибудь на лестницах или в залах Совета Министров, мы шутили:

— Это Неделчо Ганчовский,— клал он руку на мое плечо.

В следующий раз я опережал его и объявлял:

— Это Иван Стефанов.

Поскольку мы начали, хотя и немного неловко, представлять наших гостей, давайте продолжим. По своему составу румынская делегация отражала весь спектр правительственной коалиции. В ней были и представители национал-либеральной партии, и социал-демократической, и коммунистической, и «Фронта земледельцев». Разумеется, наше внимание было направлено прежде всего на руководителя делегации — премьер-министра доктора Петру Грозу. Он был шефом аграрной партии. Одет со вкусом, элегантно. Хотя ему и 62 года, у него стройная фигура наездника и теннисиста (оказалось, что он действительно регулярно играет в теннис). Говорит свободно по-французски и по-немецки, может объясняться по-венгерски. Он, по нашим критериям, был больше похож на интеллигента из буржуазной среды, чем на политика — руководителя крестьянской партии. Однако в отношениях его к людям чувствуется нечто глубоко народное — широта, доступность, искренний юмор.

В составе делегации в качестве министра национальной экономики был и Георге Георгиу-Деж — Генеральный секретарь ЦК компартии. Сорокашестилетний Деж прошел уже свою голгофу — за руководство стачечной борьбой в 1933 г. был осужден и просидел 12 лет в Дофтане, страшной темнице королевско-буржуазно-чокойской Румынии. В 1944 г. он бежал из тюрьмы, позже встал во главе ЦК. В Румынской коммунистической партии функционирует Секретариат из четырех человек, стоящий во главе партии. Скромные, нешумливые, работящие и деловые люди. Георге Георгиу-Деж один из этих четырех. Среднего роста, плечистый, с черными волосами и живыми, умными глазами. Димитров и Георгиу-Деж смогли увидеться близко лишь во дворце Бистрица в Чамкории (Боровец), куда были перенесены переговоры между двумя правительственными делегациями.

Наши руководящие деятели произвели очень сильное впечатление на румынских товарищей: «Вместе с моими коллегами мы прибыли, чтобы встретиться с великим Георгием Димитровым, и признаемся вам, что он не только ваш, а принадлежит и нам, и всем народам» — такие слова сказал доктор Петру Гроза во время митинга на площади 9 Сентября. Руководители нашей страны — подлинные выходцы из своего класса. Это было немало! Если для того, чтобы человеческая жизнь шла нормально, нужно заниматься политикой, необходимо, чтобы политики были и способными, и умными, и высоконравственными и, разумеется, общественная система должна быть разумно устроена.

Гости посетили и строительство линии Перник — Волуяк. И хотя этот объект не очень был приспособлен для показа, энтузиазм был и там, в чем можно было не сомневаться. В процессе общения румынских друзей с нашим населением на них очень сильное впечатление произвели высокое политическое настроение, энтузиазм и порыв. По возвращении в Бухарест они говорили, что воспользуются опытом болгарских друзей и организуют движение молодежных строительных бригад.

Во время состоявшихся бесед и переговоров гости консультировались с Георгием Димитровым по ряду вопросов общественного переустройства и нового государственного строительства.

Теплота и сердечность, полное взаимопонимание, дружба — вот какова была атмосфера переговоров. И обе стороны понимали, что нас ничто не разделяет и столь многое связывает. Наиболее точно это было выражено в речах обоих председателей правительств. Еще в Русе доктор Гроза говорил о Дунае, который когда-то разделял нас и который связывает нас сегодня. Георгий Димитров сказал, что великая река между двумя странами «свяжет их раз и навсегда и никто и ничто больше не будет в состоянии их разделить». «Наступило время,— говорил Георгий Димитров,— когда балканские народы, наученные последней мировой войной, должны будут превратить эту часть мира из гнезда империалистических интриг и авантюр в крепкую опору мира и фактор подлинной народной демократии».

В опубликованном коммюнике о визите румынской партийно-правительственной делегации подчеркивалось общее стремление подготовить и заключить договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, построить в ближайшее время мост на Дунае, расширять и развивать экономическое сотрудничество.

Среди гостей Васила Коларова в день его 70-летия 16 июля был и Георгий Димитров с супругой. Димитров порывисто обнял своего побратима, от всего сердца поздравил его и пожелал долголетия и здоровья. После этого присутствующие сели за стол, говорили, конечно, и о юбиляре, и о милой жене юбиляра, о сыновьях Петре и Николе, о политике. Димитров именно здесь сказал те ценные слова, которые семья Коларовых запомнит и будет потом часто повторять:

— В одном только завидую тебе, Васил, что у тебя такие прекрасные дети.— Потом повернулся к Цвете Коларовой: — Ты должна гордиться, что вырастила таких сыновей!

Присутствующие заметили, как лицо Димитрова стало печальным.

А через некоторое время он вновь шутливо обратился к хозяину:

— Васил, тебе уже семьдесят, а Никола все еще холостяк! Как же так можно?

Потом и в шутку и всерьез задал вопрос Николе Коларову:

— Когда женишься, Коля?

Никола ответил:

— Скоро женюсь, но ты мне должен помочь!

— Этого только не хватало! Если зависит от меня, сразу женим!

— Георгий,— вмешался уже Коларов в разговор,— действительно, положение таково, что нужна и твоя помощь.

И он рассказал ему, в чем состоит проблема. Никола полюбил советскую девушку, но вот уже проходит год, а она никак не может получить разрешение на вступление в брак: Указом Президиума Верховного Совета СССР, опубликованным после войны, советским гражданам в то время были запрещены браки с иностранцами. Димитров выслушал своего побратима с теплым вниманием, а затем сказал:

— Помогу, конечно, помогу! — и решительно махнул рукой. — Женим! — И засмеялся многозначительно и лукаво.

Еще в 1946 г. Никола Коларов — инженер, ответственный работник нашего железнодорожного транспорта, уже 37—38-летний мужчина, включенный в состав нашей правительственной делегации во время поездки в Москву, встретился случайно с одной советской девушкой, учительницей, и неожиданно влюбился в нее. Влюбилась и Роза, типичная русская красавица — стройная, розовощекая, с умными глазами. А спустя некоторое время попала в Москву Цвета Коларова. Посмотрела строгая, взыскательная мать и... одобрила выбор сына. Возврата не было. А вот не получалось...

После описанного здесь разговора были еще одни смотрины. Как-то осенью в Москве оказались вместе Коларов и Димитров. А раз великое сватовство затеяли, решили: «Давай-ка и мы посмотрим, чтобы не тратить столько пороха вхолостую». Пригласили девушку к себе, поговорили и... в свою очередь одобрили выбор Николы.

...Семидесятилетний юбилей Васила Коларова прошел как большое и радостное общественное событие. «Поколения будут воспитываться в демократическом и прогрессивном духе, изучая его исключительно ценную биографию» [1],— написал Георгий Ди-

[1] *Димитров Г.* Избранные произведения, т. 2 (1939—1949 гг.), с. 458.

митров. Строящееся водохранилище «Каменный перевал», один из самых крупных объектов нашей двухлетки, был назван именем Васила Коларова. Швейцарская газета «Вуа уврнер» поместила статью, в которой подчеркивала: «Васил Коларов принадлежит не только одной стране, тем более не только одному классу. Его значение и его заслуги выходят далеко за пределы маленькой Болгарии».

18 июля 1947 г., пятница

Трагическая гибель 2 июля 14 девушек и юношей-строителей потрясла всю страну. На участке линии Перник — Волуяк внезапно хлынул проливной дождь. Тридцать девушек и молодых парней со стана Делян укрылись под мостом какой-то маленькой речушки, не подозревая, какую коварную опасность она таит. Вдруг обезумевшая вода стала прибывать и со всей силой обрушилась на не ожидавшую беды молодежь. Находившиеся поблизости молодые строители из Поморья, опытные пловцы, бросились, рискуя жизнью, в бушующую стихию и вытащили из реки 10 человек. Но 14 девушек и парней погибло.

Эта весть ошеломила нас. Выступили с некрологами ЦК Рабочего молодежного союза и Главный штаб молодежной строительной бригады:

«Смерть 14 строителей нашей молодежной железнодорожной линии — тяжелая утрата для всей болгарской демократической молодежи и всего болгарского народа...» «Демократическая молодежь с большой болью встретила весть о постигшем ее несчастье и выражает горячие соболезнования семьям погибших».

Тела погибших были доставлены в их родные края (юноши и девушки были главным образом из-под Бургаса и Сливена), где были организованы похороны.

13 июня мы получили на имя товарища Димитрова посылку с письмом от отца погибшей Кунки Ивановой из села Рудник (под Бургасом), написанным на двух листках для заявлений неровным почерком трудового человека и датированным 10 июля 1947 г. Отец писал от себя и от имени матери, брата и сестры Кунки в духе древних спартанцев: «Мы доживем, однако, до таких дней, когда все будут радоваться, когда весь болгарский народ, благодаря понесенным нами жертвам, обеспечит себе счастливую и радостную жизнь». «Зная, что Вы,— обращался отец к товарищу Димитрову,— живете нашей скорбью и радостями, по случаю 9 дней посылаем Вам для скромных поминок этот сельский хлеб».

Мы переслали письмо вместе с посылкой во Врану, и оно возвратилось со следующей резолюцией:

«1. Подготовьте проект ответа.

2. *Письмо необходимо передать в печать, по радио, в том числе в передачах на заграницу.*

13.VII 1947 г. *Г. Дим*».

Я видел это письмо и раньше, но только сейчас вчитывался в него с подлинным волнением. Резолюция как будто открыла нам глаза и заставила по-новому взглянуть на эту действительно необыкновенную исповедь отца и матери. Как глубоко взволновала она товарища Димитрова! Он сразу понял, чего стоят муки отца и матери, поднявшихся до сознания самопожертвования. Такое сознание рождают у простых людей только великие эпохи и великие идеи. Кроме того, имя Димитрова так вошло в душу народа, что люди вместе с ним даже поминают своих детей.

Димитров обычно сам работал над проектами писем-ответов. В очень редких случаях он просил подготовить ему проект. Такую просьбу он высказал и сейчас. Может быть, в эти дни он чрезвычайно занят, да и здоровье в последнее время шалит. А может быть, ему просто нужно было немного времени, чтобы успокоиться от охватившего его волнения?

«До тех пор пока у болгарского народа будут такие любящие труд доблестные дочери и сыновья и такие патриоты отцы и матери, братья и сестры, великое дело Народной Республики Болгарии будет в исключительно надежных руках.

Ваше такое ценное для меня письмо, выражающее благородное решение всей Вашей семьи отдать все силы и способности на службу родине, как самый лучший способ проявить дань уважения памяти покойной Кунки, является новым свидетельством того, что Отечественный фронт пустил глубокие корни в народную душу. Именно поэтому он и победит».

Было принято решение издать трехтомник наиболее важных произведений Димитрова. В сущности, многие из его важнейших трудов распространялись в прошлом нелегальным путем, но, хотя некоторые из них были изданы после 9 сентября отдельными брошюрами, читатель не имел полного представления о колоссальном литературном наследии Димитрова. Подбор и редакция были возложены на комиссию ЦК по печати, а конкретно на ее секретаря Илию Кюлёвского. Состоялось несколько встреч комиссии с Димитровым для проведения необходимых редакционных уточнений. Но похоже было, что политическая лихорадка

наложила свой отпечаток, и вместо выпуска одного за другим трех томов приступили к незамедлительному изданию сразу третьего тома. Он включал речи, доклады и статьи с 1942 г. до настоящего времени, которые, как говорилось в кратком введении, «сейчас имеют актуальное значение для нашей партии и общественности Отечественного фронта». Так вышел в свет в июле 1947 г. этот знаменитый третий том, который в силу обстоятельств остался фактически и единственным; первый и второй тома так и не были составлены и изданы. Том содержал более 600 страниц и выпущен Партиздатом тиражом в 20 тыс. экземпляров. Он открывался Программой Отечественного фронта, обнародованной 17 июля 1942 г., и большой, получившей историческое значение статьей «Куда идет Болгария?» от 16 сентября 1943 г. и заканчивался речью Димитрова «Беспощадная борьба против безделья, расточительства и бюрократизма».

Внушительный том был издан в красном переплете, на котором был вытеснен барельеф Димитрова.

В секретариат поступили первые экземпляры.

Димитров поручил нам составить ему список общественных деятелей и деятелей культуры, которым он решил подарить по экземпляру книги со своим автографом, наметив в общих чертах круг лиц, подлежащих внесению в список: члены Политбюро и Центрального Комитета партии, выдающиеся деятели Отечественного фронта и входящих в него партий, писатели, ученые, ветераны движения. В наш проект он внес ряд дополнений. Думаю, что этот список охватывал около сотни человек. На каждом экземпляре книги Димитров сделал надпись с автографом. Наши курьеры быстро доставляли их по служебным или домашним адресам. Теплое внимание было понято и оценено. Эти экземпляры хранятся у большинства людей как бесценные реликвии.

Фактически третий том остался единственной книгой сочинений Димитрова, изданной при его жизни, с его личным участием.

21 июля 1947 г., понедельник

Несколько дней тому назад прибыли в качестве гостей Общего рабочего профессионального союза (ОРПС) председатель Федерации свободных китайских профсоюзов Лю Нини и председатель Всеиндийского конгресса профсоюзов Шрипад Данге. Оба они выдающиеся деятели своих коммунистических партий и Всемирной федерации профессиональных союзов. Они совершили поездку по стране, присутствовали на правительственном приеме по случаю пребывания румынской делегации, в субботу, 19 июля, были у Георгия Димитрова.

Беседа Димитрова с гостями из далекой Азии была продолжительной.

После обычных начальных фраз о погоде и поездке Данге спросил:

— Могу ли я задать несколько вопросов?

— Можно, конечно,— ответил Димитров.

Данге. Может ли, несмотря на то что народы хотят мира, разразиться война? До каких пор будут продолжаться войны в Греции и Китае?

Димитров. Отдельные войны могут иметь место. В Греции ведется гражданская война, в Китае продолжается многолетняя война, военные действия ведутся в Индонезии, Индокитае, Палестине. Возможно возникновение войн и в других районах, но это будут локальные войны. Новая большая война в ближайшее время не может разгореться, потому что поджигатели войны встречают сопротивление народов, которые решительно выступают против новой мировой войны.

Лю Нини. Какие советы вы могли бы дать в отношении Китая?

Димитров. Я не компетентен давать вам советы. Какие советы Председатель Совета Министров Болгарии может давать Китаю? — улыбаясь, развел он руками.— Я могу только высказать свое мнение.

Обращаясь к Лю Нини, он спросил: как обстоят в Китае дела с продовольствием? не голодает ли армия? достаточно ли риса? [1]

Лю Нини уклонился от прямого ответа. Он начал рассказывать о мерах, принимаемых для обеспечения продовольствием:

— В освобожденных зонах мы не только боремся, но и максимально производим. Крестьяне принимают активное участие в борьбе — обрабатывают землю, а когда надо, берутся за оружие. Сейчас выдвинут лозунг: каждый должен обработать участок земли. Рабочие, студенты, профессора — все работают в поле. Главный лозунг всего народа сейчас: производить для того, чтобы прокормиться. Есть три главных пункта, по которым нам необходимо бороться: первый — вооруженная борьба, второй — создание всеобщего национально-освободительного фронта и третий — утверждение позиций партии. Важнейшей задачей партии сейчас считается создание и укрепление единого фронта.

---

[1] Вопрос о голоде в Китае, в том числе и в Народно-освободительной армии, нисколько не удивителен. Голод в Китае был хроническим явлением. Из-за недостатка продовольствия умирали миллионы людей. Одной из самых больших проблем китайской армии с момента ее возникновения была проблема питания.

Димитров. Правильно, совершенно правильно! (Обращаясь к Данге.) Каково ваше отношение к Неру?

Данге. Он выступает против нашей партии, но... мы поддерживаем его.

Димитров. А почему бы вам не заключить союз с Неру против английского империализма? Не объединиться коммунистам, социалистам и всем другим вместе с Неру?

Данге. Другие не хотят. Они хотят прежде всего бороться против рабочих и крестьян, они настроены очень реакционно.

Димитров. Вы больше должны апеллировать к народу, обращаться к нему. Коммунистическая партия должна проводить единую общенациональную политику, не допускать сектантства и беспартийности, в противном случае она не сможет добиться успеха, самоизолируется.

Димитров показал завидное знание проблем и положения в обеих странах и партиях. Он был знаком со многими из их руководителей, интересовался их деятельностью. Отдельные имена он позабыл, но, как только заговаривали о ком-нибудь, он быстро вспоминал их. Димитров остановился на некоторых тактических вопросах международного коммунистического движения и деятельности отдельных партий, на проблемах борьбы против поджигателей войны, за прочный мир, за национальное освобождение и демократию. Он рассказал гостям об усилиях нашего народа в борьбе за экономический расцвет страны и социалистическое строительство.

Разговор шел преимущественно между Димитровым и Данге; Данге — более открытый человек и говорит откровенно о положении в своей стране и партии, просит совета, рекомендаций, высказывает свои соображения. Китайский гость задал мало вопросов, а во время ответов был крайне осторожен. Уважение же обоих к Димитрову как крупному деятелю мирового коммунистического движения велико, но все-таки можно заметить нюансы: у Данге оно выражено ярче и непосредственнее.

Свою беседу с гостями товарищ Димитров закончил так:

— У Китая и Индии блестящее будущее. Со временем они будут играть большую роль в мировой политике, совершат очень полезную работу в борьбе против империализма и любой новой агрессии.

В эту же субботу товарищ Димитров принял у себя дома пребывающих в стране видных французских гостей-коммунистов — супружескую пару Луи Арагона и Эльзу Триоле.

Наша делегация на высшем уровне во главе с Георгием Димитровым отбыла с визитом в Федеративную Народную Респуб-

лику Югославию в субботу, 27 июля. Возвратилась делегация в субботу, 3 августа.

Официальная встреча состоялась на вокзале в Белграде. Тито был в маршальском мундире. Двое руководителей встретились очень сердечно. После обычных процедур официального протокола Димитров произнес краткую приветственную речь. Даже в такой чрезвычайно ответственный момент он вышел выступать без предварительно написанного текста. Краткое слово наполнено добросердечностью и теплотой. После этого Димитров и Тито направились к выходу. При появлении их масса людей замерла от восхищения, а потом взорвалась приветствиями. Димитров и Тито сели в одну машину и двинулись по бесконечному коридору, образованному массой восторженных людей. Делегация была размещена во дворце в Дединье. В течение всего времени пребывания ее там вокруг патрулировала многочисленная, строжайшая охрана.

Как и предусматривалось программой, еще в воскресенье, в день прибытия, наша делегация посетила село Парцани, расположенное неподалеку от Белграда, в Шумадии. Тридцать пять жителей этого села погибли в борьбе против гитлеровских оккупантов. Затем последовал официальный обед, данный в честь гостей главой югославского государства доктором Рибаром — отцом национального героя Иво Лола Рибара, руководителя молодежи, павшего в борьбе. Потом делегация специальным поездом отправилась в поездку по Югославии через три республики — Сербию, Хорватию и Словению, с конечным пунктом — курортным городком Блед. Там состоялись переговоры и подписание документов.

Редко когда между народами наступало такое взаимное доверие, любовь и дружба, какие установились в то время между нашим и югославским народами.

На каждом вокзале, на каждой станции — от Цариброда и Ниша до Белграда, от Загреба до Любляны — повсюду народ, народ, цветы, знамена, портреты, лозунги; везде энтузиазм, восторг, любовь. Каждому хотелось увидеть Георгия Димитрова, каждый хотел высказать ему приветственные слова. Председатель словенского правительства поднял тост: «Позвольте мне выпить за здоровье великого вождя болгарского народа и великого борца против фашизма, творца новой Болгарии, Болгарии Отечественного фронта, первого борца за славянское единение — товарища Димитрова!»

Югославский народ был преисполнен искренних чувств к болгарскому народу. С раннего утра многочисленные массы народа собирались на улицах. Везде были видны портреты Георгия Ди-

митрова и болгарские флаги, бесчисленные лозунги «Братство — единство».

На обратном пути от Бледа в Болгарию поезд шел без остановки.

Встреча на вокзале в Софии, на софийских улицах, на площади перед зданием Совета Министров была неописуема.

Наступило, увы, время в нашем рассказе уделить довольно большое место медицине.

Летом 1947 г. состояние здоровья Георгия Димитрова начало ухудшаться. У доктора Симеонова, который навещал нас чаще других докторов, начала появляться тревожная озабоченность. Однажды мы возвращались с ним вместе в машине из Враны после его очередного врачебного осмотра.

— Поправляется ли товарищ Димитров? — спросил я с беспокойством.— Что с ним?

— Состояние его ухудшается,— ответил мне сдержанно доктор Симеонов.— Шалят почки. Сердце тоже. Начали отекать ноги, в них появились боли, наполняется водой живот...

Наши врачи пришли к выводу о необходимости консультаций с советскими медиками и возможном лечении в Москве. В то время условий для такого лечения у нас не было.

Так и было решено: Георгий Димитров ушел в отпуск и уехал на лечение в СССР. Перед отъездом он принял нас поочередно с докладом о накопившихся делах. Я был у него за день до его отлета. Мне он показался печальным, похудевшим, чувствовалась скрытая нервозность; видно было, что внутренне он страдает, но держит себя в руках. Как и всегда, никаких внешних признаков скрытого страдания у Димитрова не было заметно, кроме мучительно скрываемой нервозности. Он попросил меня доложить ему только самые важные и спешные дела — торопится, нужно успеть сделать все, потому что завтра, в пятницу, улетает.

8 августа, ранним утром, Димитров вылетел в Москву. Поскольку поездка была неофициальной, каких-либо церемоний не было.

В Москве он поселился вначале на своей даче в Мещерино. (Одна очень важная подробность: и дача, и квартира, и кабинет Димитрова советские люди оставили после его отъезда в 1945 г. незанятыми, и они стояли в неприкосновенности! Выражение редкого уважения! Советские люди любили Георгия Димитрова!) Спустя несколько дней (14.VIII) гость из Болгарии поступил на лечение в правительственный санаторий «Барвиха», но до этого успел проделать важную политическую работу.

Уже в тот же день Димитров — на даче у И. В. Сталина в 11 часов вечера. Встречаются вдвоем. Через четыре дня, 12 августа, следует новая встреча (думаю, что в Кремле, в кабинете И. В. Сталина, но не уверен в этом). 13 августа вечером, опять на даче, новая продолжительная встреча. Только за пять дней три встречи между Георгием Димитровым и И. В. Сталиным — факт, который сам по себе говорит о чрезвычайно большом уважении и внимании к Димитрову. Обсуждаются крупные вопросы политической и идейной жизни, международного положения, проблемы развития и хозяйственного состояния нашей страны, взаимоотношений и дружбы между двумя странами, вооружения болгарской армии и т. д.

Теплое гостеприимство Сталина, его подчеркнутое внимание к Димитрову, готовность вникать в болгарские проблемы и оказать содействие в их решении (особенно что касается наших экономических затруднений) сопровождаются и некоторыми резкими критическими замечаниями в духе характера Сталина.

Поступив на лечение в «Барвиху», Димитров продолжал интенсивно работать. Почти ежедневно по телефону правительственной связи я передавал краткую сводку событий в стране, обзор печати, сообщения о прибывающей корреспонденции, о том, как идет акция по сбору продовольствия, сведения по процессу против Николы Петкова, информацию по поручению Трайчо Костова. Сообщения принимал майор Радев из охраны и передавал их Димитрову; со своей стороны, он передавал мне некоторые поручения. Было похоже, что информация по телефону уже не удовлетворяла Димитрова, и 26 августа он направил мне письмо, написанное собственноручно на большом бланке Совета Министров. Из письма можно понять, какой широкий круг вопросов занимал Димитрова во время его лечения в санатории.

Вот и само оно:

«Сов. секретно
Лично
26.8.47.
Тов. Ганчовскому

Вышлите мне с курьером кроме газет за время после моего отъезда дополнительно:

1) сведения о ходе обмолота и поступления зерна в хранилища Дирекции продовольственного снабжения;

2) сведения о состоянии винограда, кукурузы, фасоли, подсолнечника и картофеля;

3) сведения о выполнении плана;

4) справку о наиболее важных происшествиях и доверительную информацию;

5) протоколы Великого народного собрания (проведенных заседаний);

6) наиболее важные частные телеграммы и письма.

Проверьте сами, как идет ремонт жилых помещений во Вране. Там, наверху, из комнаты врачей и соседней с нею нужно сделать кабинет, сломав перегородку между ними и поставив телефоны. Хорошо было бы найти подходящий книжный шкаф и этажерки.

Надеюсь, что библиотека в Совете Министров приводится в порядок. Прошу Вас позаботиться о том, чтобы и эта работа была закончена.

Сообщите мне, как проходит лечение Банчева и Григорова. Большой привет всем.

26.8.47 г. *Г. Димитров*».

Незадолго до этого, 22 и 23 августа, Г. Димитров направил несколько шифрограмм с важными указаниями по ряду крупных политических, идеологических и хозяйственных вопросов.

В одной из них (от 22.VIII) он предлагал:

«Обсудите, не будет ли целесообразным в решении о ратификации (мирного договора.— *Н. Г.*), кроме всего остального, резко подчеркнуть глубокое огорчение болгарского народа поведением англо-американцев в отношении непризнания новой Болгарии совоюющей страной, тяжестью репараций и другими экономическими ограничениями. Одновременно выразить искреннюю благодарность болгарского народа Советскому Союзу и другим делегациям, которые выступали за более справедливые условия мирного договора с Болгарией. Подчеркнуть также полное основание Народной Республики Болгарии рассчитывать на смягчение тяжелых условий мирного договора».

В двух других шифрограммах (от 23.VIII) он давал указания усилить подготовку будущего государственного бюджета, основательно улучшив его структуру «в духе народной государственности»; максимально укрепить администрацию в центре и на местах, усилить боеспособность органов государственной безопасности, народной милиции и пограничных войск, учитывая «крайнюю озлобленность внутренней реакции и внешних наших врагов»; рекомендовалось созвать «конференцию важнейших руководителей государственного аппарата... чтобы разъяснить их обязанности в настоящий момент и наладить необходимую увяз-

ку между ними», подобные мероприятия рекомендовалось провести и на местах.

И последняя шифрограмма. Она имеет особенно важное значение:

«Необходимо своевременно подготовить к 9 сентября два хороших документа. Один о результатах выполнения двухгодичного хозяйственного плана и другой о результатах выполнения декларации нашего правительства. В обоих документах указать положительное и отрицательное, достижения и недостатки, а также, что главное предстоит на ближайший период. В связи с этими документами развернуть широкую и конкретную критику и самокритику в печати, на совещаниях и собраниях, а также через устную агитацию. Наша партия должна принять самое активное и руководящее участие в этом деле.
23.8.47».

В информациях, которые я ему направлял, уже содержались ответы на поставленные им вопросы.

30 августа я передал подробную информацию о состоявшемся в предыдущий день заседании Совета Министров по поставленным Димитровым вопросам и о том, что «в стране в целом спокойно, но в массовом порядке, особенно среди крестьян, распространяются слухи о том, что мы экспортируем продовольствие в СССР. Упорность этих слухов удивительна, несмотря на то что для любого разумного человека это является абсурдом».

1 сентября Трайчо Костов написал:

«Дорогой бай Георгий!

Совет Министров определил свою позицию по поднятым тобою вопросам. Принято решение, согласно твоему указанию, выступить в связи с праздником Девятого сентября с двумя документами: по выполнению двухлетнего плана и по выполнению декларации.

По вопросам норм выдачи хлеба: Совет Министров ориентируется к значительному их увеличению, которое должно быть наиболее ощутимо для рабочих. Это будет возможным при условии ввоза ста тысяч тонн хлеба из СССР заимообразно, с обязательством вернуть его за 2—3 года из будущего урожая. Необходимость такого шага диктуется нынешней внутренней и международной обстановкой...

Мы сделали анализ снабжения. Похоже, что мы можем рассчитывать на получение 200 тысяч тонн пшеницы и ржи, 300 тысяч тонн кукурузы (сбор которых требует много усилий). Это позволит решить вопрос нашего обеспечения хлебом при усло-

вии сохранения нынешних норм. Если же мы хотим их увеличить, то нужно ввозить хлеб. По другим продуктам (мясо, рис, подсолнечное масло, брынза, сыр, картофель) существует возможность некоторого увеличения норм...»

2 сентября я передал:

«Вечером состоится заседание пленума Софийского областного комитета БРП(к), на котором будут рассматриваться поставленные Вами вопросы.

На своем сегодняшнем заседании Совет Министров рассматривает вопросы продовольствия. В настоящий момент заседание еще не закончилось».

3 сентября:

«Относительно вчерашнего заседания Совета Министров.

Совет Министров рассмотрел положение с продовольствием в стране и принял решение об увеличении с первого сентября нынешнего года норм выдачи мяса до 400 *г* в неделю; яиц роздано единовременно по 60 штук на человека, а в текущем месяце и последующих — еще по 15 штук, что равняется довоенному положению. Как видим, снабжение улучшается, сохраняются затруднения с хлебом».

4 сентября я начал регулярную отправку информации и материалов с курьером. Вот опись первого пакета:

1. Сводка о выполнении двухлетнего хозяйственного плана.
2. Дневник последнего заседания ВНС.
3. Справка службы государственной безопасности о наиболее важных происшествиях.
4. Сведения о сборе зерна, состоянии кукурузы и подсолнечника.
5. Сведения о состоянии винограда и картофеля.
6. Газеты и наиболее важные сообщения БТА.
7. Наиболее важные письма и телеграммы, сопровождаемые краткой характеристикой и анализом.

О работе кабинета в Совете Министров наряду с прочим сообщил ему следующее:

«Поскольку не все читают газеты и не знают, что Председатель Совета Министров в отпуске, или же думают, как выразился один из просителей, что именно во время своего отдыха он найдет время заниматься их проблемами и требованиями, попрежнему продолжают поступать письма и телеграммы, пожелания о встрече, жалобы и т. д.».

«Библиотека в Совете Министров почти готова. В ней оказалось довольно много работы, и поэтому непрерывно трудятся 4—6 библиотекарей из Народной и общинной библиотек. В помощь библиотекарям выделены наши работницы. После того как

мы собрали книги с улицы Велико-Тырново, из Враны, Совета Министров и неразобранные из Княжева, все стеллажи оказались заполненными. Для книг, которые предстоит закупить, потребуются новые стеллажи».

Уведомил я его также о том, как идет ремонт, который он поручил провести:

«В кабинете работа идет сравнительно хорошо. Большинство людей, находившихся в отпуске, возвратились.

В городе тихо и спокойно. Овощей достаточно. Серьезные затруднения люди испытывают только с хлебом. Большинство населения, ожидая, видимо, увеличения норм, использовали свои карточки значительно раньше августа и сейчас находятся в затруднительном положении. А это может создать известную нестабильность в предстоящие дни».

«Слухи ходят вереницей, одни нелепее других: например, что предстоит война и бомбардировки Софии, что зерно вывозится в Советский Союз и др.».

Далее я уведомлял об открытии Пловдивской ярмарки; перед ее главным входом поставлена скульптура Димитрова, выполненная группой пловдивских зодчих.

По указанию Димитрова 8 сентября мы опубликовали сообщение в печати о том, что отпуск Председателя Совета Министров продолжится до конца сентября. В действительности лечение закончилось позже.

8 сентября Георгий Димитров направил праздничное приветствие болгарскому народу, которое мы передали в печать. Речь об этом поздравлении будет идти по другому поводу, поэтому я только отмечу, что и оно носит тот же дух отчета, в котором вообще прошло празднование. В нем наряду с другим говорилось:

«Празднуя наш великий национальный праздник, отмечая с радостью большие достижения нашего народа под руководством непобедимого Отечественного фронта, *раскрывая и критикуя существующие еще недостатки и слабости* (курсив мой.— *Н. Г.*), определяя наши постоянные задачи... мы не закрываем глаза на трудности, которые предстоит еще преодолеть на пути великого народного созидания, начатого 9 сентября 1944 года. Но сегодня мы без всякого преувеличения смело можем сказать, что *самый трудный период для народа и страны от 9 сентября до настоящего времени уже позади* (курсив мой.— *Н. Г.*). Болгарский народ... найдет в себе достаточно сил и не менее успешно справится и с предстоящими трудностями...»

Торжественное собрание, посвященное третьей годовщине Девятого сентября, состоялось 8-го вечером. Отчет правительства о выполнении двухлетнего хозяйственного плана и правительст-

венной декларации, с которым выступил Трайчо Костов,— ценный политический документ. Правительство действительно представило свою деятельность как на ладони взорам народных масс, раскрыло успехи, имеющиеся слабости, трудности, сопутствующие нам. Это был образец честного отношения правительства к народу. В докладе производит впечатление исключительно хорошее отношение Трайчо Костова к Георгию Димитрову:

«Считаю своим приятным долгом на этом торжественном собрании передать болгарскому народу прежде всего сердечный привет Председателя Совета Министров, товарища Георгия Димитрова... Председатель Совета Министров в настоящее время находится в двухмесячном отпуске, который он, бесспорно, заслужил своей неутомимой круглосуточной деятельностью в течение двух лет с момента его возвращения в Болгарию... до нынешнего дня. Отдых ему тем более необходим, что нам предстоит большая работа по строительству нашей народной республики».

1.IX 1947 г. Димитров направил письмо И. В. Сталину, А. А. Жданову и Н. А. Вознесенскому о необходимости помочь нам 100 тыс. *т* зерна.

1 и 13 октября от Димитрова в шифрограммах получена добрая весть. А. И. Микоян уведомил его, что Советское правительство готово помочь Болгарии зерном; что нам отпускается не заимообразно, а за плату 50 тыс. *т* пшеницы, которая будет поставлена после 1 мая будущего года. Советское правительство учло, что возвращение зерна в те годы могло создать политические трудности, и предпочло пойти на менее выгодные для него условия — продажу вместо займа. Разумеется, наши просьбы не могли быть удовлетворены в полном объеме, но и эти 50 тыс. *т* были неоценимой помощью, подлинно братским жестом и великодушной поддержкой. Мы можем представить себе, насколько мучительным было для Советского правительства оторвать от своих собственных резервов эти 50 тыс. *т* (большая часть европейской территории страны, и особенно ее житницы — Украина и Кубань, были опустошены гитлеровскими завоевателями; советские люди сами испытывали острый недостаток продовольствия, а Советский Союз должен был оказывать помощь и другим братским странам).

Содержание

Неделчо Ганчовский

ГЕОРГИЙ ДИМИТРОВ,

каким
я его видел
и запомнил

Книга 1

Заведующий редакцией *А. В. Никольский*
Редактор *Л. С. Орлова*
Младший редактор *Е. Б. Бурковская*
Художник *А. Е. Цветков*
Художественный редактор *Е. А. Андрусенко*
Технический редактор *Н. П. Межерицкая*

ИБ № 752
Сдано в набор 05.02.79. Подписано в печать 07.06.79. Формат 60×84¹/₁₆ Бумага типографская № 1. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Условн. печ. л. 23,48. Учетно-изд. л 24,59. Тираж 100 тыс. экз. Заказ № 3715. Цена 1 р. 30 к.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий». 103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

Неделчо Ганчовский

Георгий Димитров, каким я его видел и запомнил

1 р. 30 к.

ИПЛ

Неделчо Ганчовский

ГЕОРГИЙ ДИМИТРОВ, каким я его видел и запомнил

1